

НАЦИОНАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ЕВРОПЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И КОНТАКТЫ

· НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

НАЦИОНАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
ЕВРОПЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И КОНТАКТЫ

(30-70-е годы XIX в.)

Москва "Наука" 1991

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С.М. ФАЛЬКОВИЧ

Авторы:

К.П. Гогина, Г.И. Еремесва, Т.М. Исламов, Г.В. Макарова, О.П. Морозова,
Л.А. Обушенкова, Б.С. Попков, Т.И. Студеникина, С.М. Фалькович,
Т.Ф. Федосова, В.И. Фрейдзон, Е.В. Хромова

Редакционная коллегия:

Т.М. Исламов, О.П. Морозова, Л.А. Обушенкова,
С.М. Фалькович, В.И. Фрейдзон

Рецензенты:

кандидат исторических наук Т.Ю. Григорьянц
доктор исторических наук М.И. Михайлов

Н35 **Национальное движение в Центральной Европе: сотрудниче-**
ство и контакты (30–70-е годы XIX в.) — М.: “Наука”,
1991 г. — 256 с.
ISBN 5–02–010027–7

В сборнике освещаются контакты между освободительными движениями народов восточной части Центральной Европы, большинство которых испытывало национальный гнет в составе Австрии (затем Австро-Венгрии), России и Пруссии (затем Германской империи).

Для специалистов-историков.

И **0503030000—216 86—91 (I полуг.)**
042(02)—91

ББК 63.3(4)

ISBN 5–02–010027–7

© Издательство “Наука”, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

С конца XVIII в. по 70-е годы XIX в. в странах Центральной Европы шел интенсивный процесс формирования наций и национального самосознания. Большинство народов этого региона не имело собственной государственности, предоставляющей наиболее благоприятные условия для свободного национального развития. Поэтому перед каждым из них вставала задача создания национального государства (независимого или автономного) путем освобождения национальных территорий из-под гнета иноземной власти и их объединения. Эта задача, выдвигавшаяся на повестку дня самим ходом истории, во многом определяла взаимоотношения поработанных народов: нередко их национальные интересы тесно переплетались, обуславливая единство действий в противоборстве с иноземными угнетателями, но порой имело место и столкновение интересов, что вело к разобщению народов, уменьшало их силы в борьбе против национального гнета.

Подъем национально-освободительных движений происходил в тесной связи с ростом антифеодальной борьбы. И здесь у различных народов Центральной Европы возникала общность интересов, которая диктовала им необходимость объединить усилия против общего врага — феодальной системы и держав-охранителей ее устоев. Как правило, эти державы одновременно проводили и политику национального угнетения народов. Главную роль среди них играли государства Священного союза — Австрия, Россия, Пруссия.

Революционное сотрудничество европейских народов преследовало, таким образом, как национальные, так и социальные цели. На разных этапах освободительного движения в Европе на первый план более ярко выступали то одни, то другие. Менялись и организационные формы союза народов, многообразными были проявления международной солидарности. В различные периоды складывались те или иные международные революционные блоки, формировались совместные политические планы революционеров разных национальностей.

В данной книге освещается период с 30-х по 70-е годы XIX в., и выделение этих десятилетий не случайно. Именно в это время в европейском освободительном движении появилось нечто новое — стали создаваться международные революционные организации. Важно было и то, что революции во Франции и Бельгии, восстание в Польше, вспыхнувшие в 1830 г., дали огромный импульс усилению контактов между освободительными движениями народов Западной, Центральной и Восточной Европы, росту революционной интернациональной солидарности. В сборнике показано развитие межнациональных связей в 30—40-е годы XIX в., высшей точкой которого стало сотрудничество народов региона в европейских ре-

волюциях 1848 г. Этой теме уделено внимание в ряде статей. Ее раскрытие позволяет понять перемены в межнациональных отношениях, происшедшие после поражения освободительной борьбы 1848—1849 гг., названной “Весной народов”. Значительная часть сборника посвящена изучению последствий этих перемен, выявлению новых моментов, появившихся в теории и практике международного революционного сотрудничества в 50—60-е годы. Изменения качественного характера представлены в заключительной части книги, где проблема межнациональных связей проецируется на формировавшееся в странах Центральной Европы рабочее движение.

Развитие идеологических, политических, организационных и прочих аспектов революционного союза народов рассматривается в сборнике на разных уровнях и под различным углом зрения: анализируются межнациональные отношения, связи между освободительными движениями народов, национальные и межнациональные программы этих движений и отдельных прогрессивных организаций, взгляды тех или иных революционеров по национальному вопросу, по проблемам международного революционного союза и форм будущего общежития народов, конкретные интернациональные контакты и планы революционного сотрудничества, факты проявления интернациональной солидарности. Исследуется и такой идеологический феномен, как интернациональное сознание, присущее революционерам той эпохи. Прослеживаются специфические черты этого своеобразного интернационализма и те моменты, которые определяют его связь с интернационализмом пролетарским.

Большой и многообразный круг проблем представлен в сборнике с различной степенью полноты. Авторы не ставили перед собой задачи объять необъятное и исчерпать заявленную в заголовке тему. Известная мозаичность представленной в книге картины является следствием сложной и противоречивой исторической реальности того времени.

Сборник подготовлен силами специалистов в области истории стран Центральной и Восточной Европы преимущественно из Института славяноведения и балканистики АН СССР (единственный внеинститутский автор — историк из Петрозаводска Б.С. Понков). В книге продолжена линия на разработку проблематики перехода стран Центральной Европы от феодализма к капитализму. Начало этой разработке положило издание ряда коллективных и индивидуальных трудов института в серии “Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры”.

В подготовке сборника участвовали члены редколлегии Т.М. Исламов, О.П. Морозова, Л.А. Обушенкова, С.М. Фалькович (ею написано настоящее предисловие), В.И. Фрейдзон. Техническая подготовка рукописи осуществлена Г.И. Еремеевой и Е.В. Хромовой.

Б.С. Потков

КАРБОНАРСКОЕ ПОДПОЛЬЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ XIX в.: новый этап революционного сотрудничества народов

В конце июля 1830 г. во Франции победила буржуазная революция. "... Три дня в Париже дали сигнал для общего взрыва и недовольства буржуазии, аристократии и народа во всей Европе"¹. В то время, когда социальные противоречия буржуазного общества стали более четко проявляться, идеи национальной свободы и социальной справедливости все чаще соединялись в сознании европейских революционеров. Лозунг союза и братства народов в борьбе против деспотизма и феодального гнета, родившийся в период Великой французской революции XVIII в., приобретал в этой обстановке новое содержание. Венский конгресс 1815 г., перекроивший карту Европы по воле монархов, грубо нарушил национальные чаяния народов. Для противодействия реакционной политике Священного союза было необходимо единство революционеров разных стран. Как и ранее, в 30-е годы они использовали организационные формы карбонаризма.

Карбонарское движение, неоднородное по социальному составу и не отличавшееся единством программы, возникло в Италии на рубеже XVIII—XIX вв. и ставило своей главной задачей ее освобождение от французского господства. Затем оно распространилось в других странах, прежде всего во Франции. Карбонарии 20-х годов XIX в. сыграли заметную роль в подготовке Июльской революции 1830 г., которая привела к новой расстановке классовых сил во Франции: власть сосредоточилась в руках финансовой аристократии, оппозицию режиму составляли средняя и мелкая буржуазия, мелкобуржуазная интеллигенция и рабочие.

В 30-е годы в карбонаризме выделилось более радикальное, плебейское течение. Оно было представлено группой Ф. Буонарроти, участника "заговора равных", сподвижника Бабёфа, возвратившегося во Францию после долголетнего изгнания. В основе карбонаризма Буонарроти лежали эгалитарно-коммунистические принципы бабуизма: уничтожение существующего строя путем насильственной революции, обобществление имущества, отмена права наследования, развитие просвещения и социального обеспечения как общественной функции государства. Социальную базу карбонаризма теперь составляли демократическая интеллигенция, учащаяся и военная молодежь. В движение вовлекались наиболее сознательные мелкобуржуазные городские слои и рабочие². С Буонарроти сотрудничали французские оппозиционные деятели и революционеры

разных стран, находившиеся в эмиграции во Франции. Буонарроти и его окружение реформировали в 1831 г. карбонарское движение, провозгласив создание Всеобщего демократического карбонаризма. Руководил движением Верховный шатер мира; ему подчинялись национальные карбонарские шатры — французский, итальянский, немецкий, швейцарский, испанский, польский³. В начале 1833 г. в рядах карбонариев во Франции было не менее 18 643 человек⁴. Конспиративным прикрытием для Верховного шатра мира стали масонская Ложа Неделимой троицы, великим магистром которой был Буонарроти⁵.

Для маскировки революционной пропаганды карбонарии использовали также ряд нелегальных и полуполигальных организаций — общество “Помоги себе сам, и небо тебе поможет”, созданное в 1827 г., Общество друзей народа (1830—1832 гг.), сразу же после Июльской революции объединившее наиболее видных республиканцев. В нем насчитывалось не более 300 членов. В недрах этого общества возникло Общество прав человека и гражданина (1833—1834 гг.). В феврале 1833 г. оно объединяло 4000 членов⁶. В основе программы общества лежала якобинская Декларация прав человека и гражданина. Оно имело филиалы в провинции и стремилось привлечь в свои ряды рабочих. Далеко не все республиканские деятели были тогда сторонниками эгалитарных идей бабуизма. Но полностью игнорировать социальные проблемы они уже не могли.

Среди революционных кругов во Франции все большее распространение получала идея общеевропейской революции. Первоначально карбонарское руководство считало лето 1832 г. наиболее подходящим для ее начала. Неудача восстания в Париже 5—6 июня 1832 г. показала беспочвенность этих расчетов, но не дискредитировала самой идеи. Поэтому прибывшие в Западную Европу участники польского восстания 1830—1831 гг. оказались в обстановке непрерывавшегося революционного брожения и оживленной конспиративной деятельности. Присутствие поляков превратилось в реальный фактор общественно-политической жизни страны их пребывания, и вызванный этим присутствием подъем общественных настроений обычно использовался левыми политиками и публицистами⁷. “Буржуа... повсюду, где они господствуют, приняли поляков весьма любезно и даже с энтузиазмом”, — писал Ф. Энгельс⁸.

В польском национально-освободительном движении к этому времени уже сложились традиции дружбы и братства народов в борьбе против угнетения. Это было связано с участием польских революционеров Т. Костюшко и К. Пулаского в буржуазной революции в Северной Америке, с планами польско-итальянского сотрудничества в конце XVIII в., с русско-польскими революционными связями 20-х годов XIX в. Переход на сторону польского восстания 1830—1831 гг. сотен русских солдат и офицеров, участие в нем представителей других национальностей, прежде всего немцев, французов, венгров, чехов, итальянцев, укрепили эти традиции. Неудивительно, что в основе концепции национально-освободительной борьбы левых сил польской эмиграции начала 30-х годов XIX в.

лежала мысль о скором всеобщем восстании народов Европы против феодального угнетения и деспотизма, которое будет способствовать возрождению независимой Польши⁹. Понимание того факта, что не правительства, а народы помогут полякам в борьбе за свободу родины, убеждало польских эмигрантов в необходимости бороться за новую Польшу, порвавшую с феодализмом. Большинство из них верило во всеобщую революцию в Европе и восстановление независимости Польши при ее помощи.

Первый период истории польской эмиграции 30-х годов (1831—1834 гг.) был связан с карбонарским движением, которое особенно привлекало демократические круги. Еще в 20-е годы польские патриотические организации находились под идейным влиянием левого европейского масонства и карбонаризма, использовали организационные формы их деятельности¹⁰. Польские эмигранты во Франции сразу же оказались в гуще общественно-политической жизни этой страны, устанавливали контакты с различными кругами оппозиции, сотрудничали с левыми республиканскими организациями, становились их участниками. Они вступали и во французские карбонарские шатры. В то же время создавались польские карбонарские организации в Париже, Безансоне, Авиньоне, Дижоне, Страсбурге, Меце и других польских эмигрантских лагерях. В Париже во главе польских карбонариев стояли С. Ворцель, Ю. Заливский, М. Ходзько, А. Завиша, М. Воллович, братья А. и Л. Залеский, в Безансоне — К. Стольцман, Ш. Конарский, Л. Оборский, Я. Антонины, в Дижоне — ксендз Ф. Корвецкий. В 1833 г. возник центральный Польский национальный шатер в Париже, которым руководил Т. Кремповецкий, затем в руководство вошли Ю. Выслух и Э. Корабевич. В конце мая 1833 г. в рядах карбонариев было около 400 поляков, т.е. примерно 10% польских эмигрантов, живших тогда во Франции¹¹.

Польских эмигрантов охотно принимали в свои ряды и французские ложи. В начале 1833 г. к масонам во Франции принадлежали 400 поляков¹². В 1832—1833 гг. более 20 поляков (С. Ворцель, Я. Чиньский, Т. Кремповецкий, Я.Н. Яновский и др.) вступили в парижскую Ложу Неделимой троицы, которая сыграла серьезную роль в установлении связей революционеров разных стран (французов, итальянцев, поляков, немцев, бельгийцев), ставивших своей целью подготовку европейской революции. Французские масонские ложи в Нанси, Меце и других провинциальных городах многое сделали для польских эмигрантов. Они помогали им в контактах с французским революционным подпольем, прежде всего с карбонариями¹³.

В крупных городах Франции возникли и польские масонские ложи. В созданной в августе 1832 г. в Безансоне по инициативе Оборского и Антонины польской масонской ложе под названием "Стойкость — надежда" первоначально было около двух десятков членов, а осенью того же года уже 150¹⁴. После вступления значительного числа поляков в масонскую ложу наиболее надежные из них стали приниматься в местный карбонарский шатер, организа-

дионно связанный с Лионом. В середине 1832 г. большинство членов совета польского эмигрантского лагеря (Л. Оборский, К. Стольцман, Ф. Гордашевский, Я. Антониини, Ю. Мейзнер) стали членами одного из самых больших и сильных во Франции француско-польского шатра карбонариев в Безансоне.

Левые круги польской эмиграции быстро установили тесные связи не только с карбонарско-масонским подпольем, но и с французской республиканско-демократической оппозицией. Она стала оказывать им эффективную помощь. Франко-польский комитет и республиканские организации, сотрудничавшие с масонами и карбонариями, способствовали созданию в Париже 15 декабря 1831 г. Польского национального комитета (ПНК) под председательством И. Лелевеля. Тогда же к ПНК с предложением о помощи обратились Ф. Бюше, Л.А. Гарнье-Пажес, О. Барро, Г. Кавеньяк, стоявший во главе карбонарских организаций и их легальных надстроек. Лелевель, формально не вступавший в ряды карбонариев, установил контакт с центральными карбонарскими властями, в том числе с Ложей Неделимой троицы¹⁵. Первоначально ПНК был связан с буржуазно-республиканским правым крылом карбонарского движения, которое действовало в рамках общества "Помоги себе сам, и небо тебе поможет" во главе с Гарнье-Пажесом, позже — с сильнейшей карбонарской организацией Общество друзей народа Ф. Распайля и Г. Кавеньяка. При помощи М.Ж. Лафайета Лелевель познакомился с выдающимися деятелями парламентской оппозиции и политического подполья.

ПНК связывал борьбу за независимость Польши с делом свободы всей Европы. "Народы, стремящиеся к свободе, — подчеркивал Лелевель в "Воззвании к русским" в августе 1832 г., — находятся между собой в союзе"¹⁶. В конце 1831 г. и в 1832 г. ПНК обратился с воззваниями к ряду народов, в которых выражалась благодарность за помощь польским эмигрантам и звучал призыв к совместной революционной борьбе¹⁷.

Но левые деятели польской эмиграции требовали от ПНК более активно укреплять связи с революционным подпольем разных народов. Левая оппозиция в ПНК образовала 17 марта 1832 г. Польское демократического общество (ПДО). В документе, провозгласившем его создание, подчеркивалось: "Свобода одной части (человечества. — Б.П.) или какого-либо народа превратится в дело всей цивилизации, всего человечества"¹⁸. Основателями ПДО являлись поляки-члены левого французского масонства и карбонаризма. Они рассчитывали на помощь польскому освободительному движению со стороны других народов, прежде всего французского, выступали за расширение связей демократических кругов польской эмиграции с европейским революционным движением. Лидеры карбонаризма хотели приобрести влияние в ПДО, а затем захватить руководство им. Но власть в ПДО оказалась в руках умеренных элементов¹⁹.

Непосредственной целью Верховного шатра мира и подчиненных ему французских республиканских организаций являлась подготовка общеевропейской революции, которая должна была при-

нести народам национальное и социальное освобождение. Карбонарское руководство согласовало план будущей революции с польскими, итальянскими, испанскими, немецкими эмигрантами, которые находились тогда во Франции. В начале 30-х годов между польскими и итальянскими эмигрантами, находившимися во Франции, были установлены постоянные контакты. В январе 1831 г. существовавшие в то время в Париже итальянские группы и комитеты объединились в итальянскую освободительную хунту. В составе ее тайной Исполнительной директории был и Буонарроти, который имел среди итальянских эмигрантов своих последователей. Под влиянием Буонарроти парижская хунта стала разделять демократическо-эгалитарные принципы²⁰.

Неудача революционного движения во Франции в 1832 г. привела карбонариев к созданию нового плана революции на 1833 г.: выступление в Германии должно было стать сигналом к европейской революции, а польская повстанческая акция была призвана помешать интервенции царской России в Европу. Лелевель, очевидно, при участии С. Ворцеля, Т. Янушкевича и М. Ходзько вел при посредничестве Кавеньяка переговоры с Обществом друзей народа о координации подготовки будущей революции, и в ноябре 1832 г. стороны достигли соглашения. Возможно, именно от Лелевеля исходило предложение о сотрудничестве поляков и французов с немцами для совместной борьбы за демократию и свободу²¹.

Руководители немецкой антифеодальной оппозиции, действовавшие в рамках Общества защиты свободы печати и родины, созданного в начале 1832 г. чиновником Я.Ф. Зибенпфайфером и адвокатом И.Г. Виртом, имели тесные связи как с левыми кругами во Франции, так и с ПНК. Осенью 1832 г., вероятно, при посредничестве Кавеньяка было заключено соглашение Лелевеля с немецкими карбонариями во главе с Вольфруном. Возможно, что в нем речь шла о вступлении польских эмигрантов в Германию после начала там революции. Это соглашение предусматривало создание в немецких землях опорных пунктов для помощи эмисарам, направлявшимся в Польшу²². Трудно представить, в какой степени подготовка революции в Германии была согласована с польскими повстанческими планами. Но симптоматично, что Лелевель адресовал направлявшихся через Германию эмисаров к членам комитетов, которые поддерживали поляков, а немецкое общество оказывало им всемерную помощь²³.

Все это объясняет, почему ПНК, организуя вооруженную экспедицию в Королевство Польское под руководством Ю. Заливского, назначенную на весну 1833 г., рассматривал ее как часть европейской революции и рассчитывал на координацию действий революционеров разных стран. В конце декабря 1832 г. во Франции по инициативе Заливского создается тайная польская эмигрантская организация, связанная с карбонаризмом — “Месть народа”. Эта организация, руководимая Лелевелем, должна была подготавливать вооруженную экспедицию в Польшу и прежде всего вербовать для этой цели добровольцев²⁴.

Однако высшее руководство карбонариев видело в экспедиции Заливского только отвлекающий маневр. Вскоре Верховный шатер мира и Польский национальный шатер убедились, что выступление в немецких землях оказалось неподготовленным, и решили отложить начало революции в Европе. К тому же Заливский хотел придать польскому карбонаризму характер чисто национального движения и этим восстановил против себя руководство карбонариев. Таким образом, экспедиция Заливского, предпринятая в марте 1833 г., лишилась поддержки карбонарских верхов и даже встречала их противодействие. Однако на деле низшее и среднее звено карбонарского движения принимало активное участие в организации экспедиции и оказывало ей всемерную помощь. Многие эмиссары Заливского были приняты в ряды карбонариев накануне отъезда в Польшу. Они пропагандировали карбонарский лозунг совместной борьбы народов за свободу²⁵. Экспедиция Заливского окончилась неудачей, но она стала символом решимости польских демократов бороться за свободу родины и их верности идеалам революционно-госотрудничества народов.

В 30-е годы начался новый этап польско-немецкого революционного сотрудничества. Он совпал с подъемом либерально-демократического и национально-освободительного движения в Германии. Население немецких государств, за исключением Пруссии, оказывало польским эмигрантам восторженный прием²⁶. В 1831—1832 гг. немецкие конспираторы установили первые контакты с польскими эмигрантами. Воспоминания об энтузиазме, с каким принимало поляков немецкое общество в начале их эмигрантских странствий, оказали несомненное влияние на их веру в близкую революцию в Германии, на концепции и конкретные политические действия в первые годы эмиграции. Созданные в Германии в период восстания 1830—1831 гг. многочисленные общества друзей Польши, формально не имевшие политического характера, превращались в центры немецкой либеральной и демократической оппозиции, устанавливали связи не только в рамках разных немецких государств²⁷. Поэтому симпатии к Польше были элементом немецкой политической жизни. Слова “друг Польши” в начале 30-х годов означали в Германии то же самое, что и “друг свободы”²⁸. Общества друзей Польши становились удобным прикрытием для деятельности немецких левых.

История немецкого карбонаризма начала 30-х годов недостаточно изучена в исторической литературе. В Париже, как уже отмечалось, существовал немецкий национальный шатер карбонариев, но не ясно, в какой степени левые элементы в Германии были связаны с международным карбонаризмом или являлись членами его организаций. Тем не менее такие контакты представляются достаточно тесными. Немецкие карбонарии действовали в рамках Общества защиты свободы печати и родины. С этим обществом были связаны первые повстанческие попытки и планы революционного объединения Германии.

Польский национальный комитет и Польское демократическое

общество придавали большое значение развитию польско-немецких революционных связей и подготовке к совместной борьбе за свободу. Деятели левого крыла польской эмиграции настаивали на установлении контактов с более радикальными кругами в оппозиционном движении, требовали от Лелевеля и его комитета ориентации не на либеральные, а на радикально-демократические круги Европы, в том числе Германии. Очевидно, они стремились укрепить связи прежде всего с карбонарским подпольем.

Идею польско-немецкого революционного сотрудничества активно поддерживали руководители левой оппозиции и тайных обществ во Франции. Можно предположить наличие в начале 30-х годов соглашения между французскими республиканцами и представителями польской, немецкой и итальянской эмиграции для организации совместных действий в случае начала революции в Германии.

Контакты между польской демократической эмиграцией во Франции и немецкими оппозиционными кругами осуществлялись по двум каналам: налаживалось сотрудничество между польскими и немецкими эмигрантами во Франции; одновременно завязалась переписка и проводился интенсивный обмен эмиссарами между польскими демократами во Франции и немецкими либеральными и демократическими кругами. Активная роль карбонарского подполья в этих контактах не подлежит сомнению.

Существование во Франции в начале 30-х годов политически активной немецкой демократической эмиграции способствовало развитию польско-немецких революционных связей. В конце февраля 1832 г. из парижского филиала Общества защиты свободы печати и родины возник либеральный Народный союз, который развивался в радикальном направлении. Эту организацию в 1834 г. ослабили репрессии французских властей после подавления восстания лионских ткачей и карбонарских выступлений в Париже. Союз был распущен на общем собрании в мае 1834 г., но его наиболее активные члены решили продолжить конспиративную деятельность. По инициативе демократа Т. Шустера из Ганновера и писателя Я. Венедеев из Кёльна весной 1834 г. была создана радикальная, тайная, по структуре карбонарская организация — Союз отверженных. В ней было около 200 членов. Организация охватила своей деятельностью разные немецкие государства²⁹.

Агентурные данные царского правительства показывают, что якобы весной 1833 г. в Париже среди немецких эмигрантов действовало так называемое Общество искупления во главе с депутатом из Нассау Д. Тулером. Если судить по присяге, которую принимали его члены, это была организация карбонарского типа. Общество установило связи со Страсбургом и Франкфуртом-на-Майне, подготавливало прокламацию. Но его конспиративные планы оказались нереализованными³⁰.

Польские эмигранты сотрудничали с немецкими эмигрантами и немецкой молодежью, которая училась в Париже. Я.Н. Яновский писал о своих контактах с немецкими эмигрантами, установленными в 1832 г.: «Эти отношения в целом были очень дружес-

твенными, основанными, как казалось, на искренней доброжелательности”³¹.

Проявлением стремления ПНК к союзу с демократическими силами Германии явилось несколько обращений к немецкому народу, написанных Лелевелем. Он рассматривал сотрудничество с демократическими силами Германии как часть общего союза народов в борьбе против угнетения. “...Я, как и мои соотечественники, с нетерпением ожидаем того момента, когда борьба за свободу не будет уже делом отдельных народов, но всеобщим делом всего человечества, что, надеюсь, не будет столь отдаленным”, — писал Лелевель председателю немецко-польского комитета в Нюрнберге в декабре 1831 г.³²

Декларируя сотрудничество с немецкой демократией, ПНК предлагал ей военную помощь польских эмигрантов в защите конституционных свобод, которые были тогда завоеваны оппозиционным движением в некоторых немецких государствах. Несомненно, что ПНК все более последовательно подчеркивал идеи братства народов в освободительной борьбе. 15 мая 1832 г. Польский национальный комитет обратился к немцам с новым воззванием. “Все европейские народы, которые еще подчинены власти деспотов, — говорилось в этом документе, — объединят свои горячие молитвы с вашими, чтобы судьба помогла вам в ваших намерениях, ваши надежды и желания успешно осуществились, потому что в результате освобождения такого великого народа будет положен краеугольный камень для освобождения других народов от ярма неволи”³³. Обращение ПНК звучало как завуалированное одобрение планов начала германской революции и обещание помощи со стороны поляков.

Польское демократическое общество искало и устанавливало в то время первые контакты с немецкими демократами. Деятели Общества придавали большое значение этим контактам. К.А. Пулавский, например, видел в Германии авангард европейской революции, направленной против всех монархов³⁴.

Оживленные контакты революционеров разных стран развивались в Безансоне. Члены совета польского эмигрантского лагеря в этом городе — видные карбонарии — уделяли большое внимание укреплению связей с немецкими и швейцарскими карбонариями путем обмена эмиссарами и переписки³⁵. На заседании совета 11 мая 1832 г. Антоини читал письмо из Германии, в котором давалась оценка положения в этой стране и выражалась надежда на приближающуюся там революцию³⁶. Эмиссары немецких демократов вели в Безансоне переговоры о помощи поляков революции в Германии. С польской стороны в них участвовали руководители карбонарского шатра в этом лагере Оборский, Стольцман, Антоини, Мейзнер, Гордашевский. Между немецкими и польскими карбонариями было достигнуто соглашение о вступлении в Великое княжество Баденское нескольких сот поляков из Безансона и других близлежащих польских лагерей после начала восстания во Франкфурте-на-Майне³⁷. Поляки рассчитывали получить из Германии де-

нежную помощь для проведения революционной пропаганды. Один из осведомителей русского посольства в Париже утверждал, что из Франкфурта-на-Майне было послано в Безансон 3000 франков для поляков, которые выступят в поддержку германской революции³⁸.

Особенно интенсивно развивалось сотрудничество польской демократической эмиграции с немецкими патриотами из прирейнских провинций. Они обменивались письмами, статьями, поддерживали личные контакты. Польские эмигранты во Франции, прежде всего члены карбонарских шатров и масонских лож, установили непосредственные связи с немецкими оппозиционными организациями³⁹.

Революционные настроения наиболее широко распространились в той части Пфальца, которая находилась в составе Баварии. Общество защиты свободы печати и родины решило провести здесь массовую манифестацию демократической оппозиции под лозунгом объединения Германии и провозглашения республики. Она состоялась 27 мая 1832 г. в Кастенбурге около замка Гамбах (поэтому ее обычно называют манифестацией в Гамбахе), собрала до 30 тыс. человек и превратилась в общегерманское выступление. В манифестации участвовали демократические элементы — ремесленники, подмастерья, интеллигенция, крестьяне из окрестных деревень. Немецкие демократы выступали за восстановление независимости Польши, Венгрии, Италии, перестройку общественной жизни Европы на принципах республиканизма.

Эмиссары ПНК и ПДО принимали непосредственное участие в подготовке и проведении манифестации в Гамбахе. Польская делегация состояла из 16, а по другим сведениям — из 15 человек. Чиньский, Кремповецкий, Корабевич представляли карбонарское подполье⁴⁰. Присутствовали представители и французских оппозиционных кругов. Поляки были приняты с особенным энтузиазмом. Во главе процессии несли немецкое и польское национальные знамена как символ дружбы двух народов. Ораторы единодушно поддерживали идею немецко-польского революционного сотрудничества и подчеркивали необходимость восстановления независимости Польши⁴¹. Делегат из Дурхейма Фитц сказал: «Без свободной Польши не может быть свободной Германии! Без свободной Польши не может быть прочного мира, не может быть счастья для всех других европейских народов!»⁴²

После манифестации в Гамбахе через карбонарские каналы оживилось польско-немецкое революционное сотрудничество. Поляки-участники манифестации в Гамбахе и других германских городах вербовали в польских лагерях добровольцев для отправки во Франкфурт-на-Майне, где должна была начаться общегерманская революция, которая затем, как предполагалось, распространится во Франции, Италии, Венгрии, Польше⁴³.

Большинство польских эмигрантов во Франции приветствовали грядущую германскую революцию. Но отчеты опытных конспираторов (С. Пониньского, Ю. Мейзнера, В. Зверковского), собиравших сведения о развитии революционного движения в Германии, пока-

звали его неподготовленность⁴⁴. Центральное карбонарское руководство, осведомленное об этом, воспротивилось планам безансонских карбонариев отправиться в Германию в случае начала там восстания. Оно планировало новое революционное выступление во Франции и хотело, чтобы поляки остались здесь и приняли в нем участие. Аналогичную позицию в этом вопросе занимал Лелевель. Однако вопреки запрещению главного руководства польские карбонарии из Безансона решили реализовать планы выступления, с тем чтобы помочь германской революции. Они верили в скорое начало общеевропейской революции и серьезную роль в ней польских эмигрантов⁴⁵.

В начале 1833 г. немецкие левые решили, что весной этого года можно начать германскую революцию одновременно с восстанием в Польше. Немецкие конспираторы придавали большое пропагандистское значение участию в восстании во Франкфурте-на-Майне нескольких польских офицеров, одетых в национальные мундиры. По их просьбе туда были посланы три опытных польских офицера — майор Ю. Михаловский, капитаны А. Шульц и Ф. Новосельский для участия в выработке плана восстания и руководства им. Несколько польских офицеров выехали из Безансона в Швейцарию. После получения первых известий о начале восстания во Франкфурте-на-Майне они должны были перейти швейцарско-баденскую границу и стать инструкторами повстанческих отрядов в Шварцвальде⁴⁶.

Планы общеевропейской революции, началом которой станет революция в Германии, в Безансоне энергично поддерживали Оборский, Стольцман, Мейзнер, Гордашевский. Там началась активная подготовка к выступлению в помощь германской революции. Поляки-карбонарии в Дижоне разделяли эту точку зрения⁴⁷. Однако революция в Германии оказалась совершенно неподготовленной. Восстание во Франкфурте-на-Майне, начавшееся 3 апреля 1833 г., было подавлено в течение двух часов. Среди повстанцев находились и поляки, а майор Михаловский руководил одним из отрядов инсургентов⁴⁸. Но об участии поляков в восстании почти не было известно, и поэтому оно не могло оказать революционизирующего влияния на население. Агент царского правительства А. Бахтеев в письме к А.Х. Бенкендорфу из Франкфурта-на-Майне 5 апреля 1833 г. писал только о вероятности участия поляков в восстании⁴⁹.

После получения известий о начале восстания во Франкфурте-на-Майне польские карбонарии в Безансоне решили выполнить свое обязательство помочь германской революции. 7 апреля из Безансона выступил отряд, состоявший из 422 эмигрантов⁵⁰. Оборский, избранный начальником этого отряда, призвал их поддержать дело свободы народов⁵¹. На помощь германской революции выступили эмигранты и из других польских лагерей: из Салэна — 27 человек, из Везуля и Люкселя — 22, из Дижона — 41 человек (хотя до швейцарской границы добрались 35), из Буржа — 50⁵². Только после перехода французско-швейцарской границы поляки узнали о неудаче революции в Германии. Некоторые из них или

были задержаны французскими властями, или тайно возвратились в свои лагеря. Большинство нашло убежище в Швейцарии.

Выступление польских эмигрантов в помощь германской революции, получившее название Франкфуртской экспедиции, стало реальным воплощением идеалов братства народов, а сотрудничество польских и немецких карбонариев явилось новой страницей польско-немецких революционных связей. Франкфуртская экспедиция вызвала в польской эмигрантской прессе дискуссию о задачах эмиграции. М. Мохнацкий утверждал, что завоевание независимости Польши является более важной задачей эмиграции, чем участие в европейской революции⁵³. А. Мицкевич одобрил выступление поляков на помощь германской революции. Он писал: "Каков бы ни был результат безансонской экспедиции, она доказала не словом, а смелым делом, что поляки чувствуют братство народов, что везде они готовы пролить кровь за свободу. Они воплотили в жизнь одну из статей будущего европейского законодательства: взаимная помощь в борьбе за свободу"⁵⁴.

Участники Франкфуртской экспедиции, оказавшиеся в Швейцарии, обосновались во французской части кантона Берн и создали полувойennyй Священный отряд, или Священный легион, насчитывавший около 500 членов. Через несколько месяцев легион превратился в политическую организацию, которую возглавлял Хозяйственный совет, но фактически руководство оставалось в руках безансонских карбонариев во главе с Оборским. Члены Священного легиона верили в свою особую миссию, считали себя авангардом польской эмиграции, призванным поддерживать европейскую революцию, и хотели продержаться в Швейцарии до ее начала⁵⁵.

За выступление в помощь германской революции без разрешения Всеобщий шатер мира распустил безансонский шатер карбонариев. Поэтому швейцарские карбонарии первоначально с недоверием отнеслись к прибывшим полякам. Позже Зверковский урегулировал конфликт между участниками Франкфуртской экспедиции и центральными, а также высшими польскими карбонарскими властями, и поляки вступили в ряды швейцарского карбонаризма. Они получали от швейцарских карбонариев политическую и материальную помощь⁵⁶.

Под давлением Священного союза швейцарские власти чинили препятствия пребыванию в стране польских эмигрантов. Осенью 1833 г. почти 200 поляков выехали из Швейцарии во Францию, некоторые отправились в Англию, Бельгию, Америку. В Швейцарии осталось около 200 эмигрантов во главе с Оборским, составлявшие организационное и идейное ядро Священного легиона⁵⁷. Под влиянием Кремповецкого, близкого к тем кругам карбонариев, которые выступали за решительную революционную деятельность, в декабре 1833 г. в Биле (Бьенне) была создана польская ячейка Общества прав человека и гражданина, названная "Молодая Польша". Подобные ячейки в других местах Швейцарии получили каждая свое название⁵⁸.

Появление в этой стране новой большой группы польских

эмигрантов произвело сильное впечатление на швейцарскую общественность, которая приняла их весьма сердечно⁵⁹. Поляки оказались в обстановке довольно активной политической борьбы. С оружием в руках они поддержали швейцарских демократов во внутреннем конфликте и предлагали Швейцарии помощь в случае иностранной интервенции⁶⁰.

На швейцарской земле развивались революционные контакты поляков с эмигрантами других национальностей, в первую очередь с итальянцами. Развитие итальянского освободительного движения начала 30-х годов связано с именем Д. Мадзини. Он прошел школу карбонаризма, но затем сделал вывод о несоответствии его новым условиям борьбы за свободу Италии. В мае—июне 1831 г. Мадзини приступил к созданию новой организации, которую назвал «Молодая Италия». В мадзинистском движении было несколько тысяч участников — представителей мелкой и средней буржуазии⁶¹. Новое течение в ряде моментов представляло шаг вперед в идеологии и практике революционного движения. В противоположность карбонариям Мадзини считал необходимым опираться не на узкую группу заговорщиков, объединенных в тайную организацию, а на народ, который должен был стать силой, способной объединить Италию и провозгласить в ней республику. Но в то же время Мадзини в противоположность Буонарроти отодвигал на второй план социальную проблематику; он боялся перерастания национального движения в классовую борьбу и уклонялся от обсуждения вопроса о перестройке социальных отношений.

В отличие от карбонариев Мадзини облекал свою программу в своеобразную религиозно-этическую форму и выдвигал лозунг: «Бог и народ». Если карбонаризму был свойствен определенный космополитизм и представление о руководстве всем революционным движением из единого центра в Париже, то Мадзини выдвигал идею о предназначении каждой нации и ее особой роли в освободительной борьбе⁶². Выступая за сотрудничество народов в борьбе за свободу, Мадзини стремился использовать карбонаризм, в то же время фактически вступив с ним в борьбу за руководство революционным движением.

Мадзинисты высоко ценили польское национально-освободительное движение и широко использовали его опыт в своих пропагандистских материалах. Мадзини придавал серьезное значение привлечению на свою сторону польских эмигрантов, связанных с карбонарским подпольем.

Сразу же после создания ПДО он предлагал ему сотрудничество, но не получил ответа⁶³. Итальянский революционер стремился установить тесный контакт с Лелевелем, в то время очень популярным в европейских революционных кругах. «Я пользуюсь случаем, — писал Мадзини Лелевелю в одном из писем в 1832 г., — чтобы выразить глубокое уважение и симпатию, которые вы вызываете у меня и моих друзей-итальянцев»⁶⁴. Мадзини посвятил Лелевеля в свои планы вооруженной борьбы за свободу Италии, просил его помочь в установлении контактов с революционным движением в

Германии, Галиции и Венгрии. Лелевель заинтересовался планами "Молодой Италии", но не начал активно сотрудничать с ней⁶⁵.

Польские карбонарии в Безансоне еще в начале 30-х годов имели тесные связи с итальянскими эмигрантами, находившимися в этом городе по распоряжению французского правительства. Посредником в этих контактах был участник Ноябрьского восстания 1830 г. Антониини, итальянец по национальности⁶⁶. Неудивительно, что когда в июле 1833 г. Мадзини, преследуемый французскими властями, переехал в Женеву, он сразу же установил контакты с карбонарским руководством Священного легиона, и члены легиона возлагали большие надежды на итальянское национально-освободительное движение. "...Воодушевленные надеждой, что знамя свободы, где бы оно ни было поднято, будет развеяться и так разнесет всеобщий революционный огонь в Европе и этим ускорит освобождение нашей родины, — передавал Я. Бартковский настроение поляков в Швейцарии в то время, — мы ожидали богатого урожая от задуманного в Италии восстания. Те из нас, кто принадлежал к карбонарскому союзу, знали более или менее подробно о планах Мадзини и его соотечественников, собиравшихся в Швейцарии; другие были информированы о них в общих чертах"⁶⁷.

Планы Мадзини, о которых писал Бартковский, были разработаны им летом 1833 г. По мысли Мадзини, интернациональный отряд, состоящий из итальянских, польских и немецких эмигрантов, проживавших в Швейцарии и Франции, должен был вторгнуться в Савойю и дать сигнал для восстания в итальянских государствах. В октябре 1833 г. началась непосредственная подготовка к так называемой Савойской экспедиции. Но отношение к ней вызвало серьезные разногласия среди поляков-карбонариев в Швейцарии. Против участия в экспедиции выступил Оборский. Сторонниками сотрудничества с Мадзини и "Молодой Италией" являлись Стольцман, Гордашевский, Антониини, Новосельский, К. Залеский. В конце ноября 1833 г. Стольцман, Гордашевский, Новосельский подписали договор с итальянским комитетом, подготавливавшим экспедицию в Савойю. Условия соглашения предусматривали два пункта: поляки в Швейцарии обещали создать польские легионы и под национальным знаменем бороться за свободу Италии; итальянцы обязывались содержать на собственные средства эти легионы, а после освобождения Италии способствовать восстановлению независимости Польши⁶⁸. Эти планы не были реализованы. Савойская экспедиция, предпринятая в феврале 1834 г., окончилась полной неудачей.

Согласие части польской эмиграции участвовать в Савойской экспедиции означало отход от карбонаризма. И это не было случайным жестом группы польских эмигрантов в Швейцарии. В обстановке падения авторитета карбонаризма, наметившегося в это время, центральное руководство польских карбонариев, прежде всего Кремновецкий, считало необходимым не отказываться от контактов с Мадзини. Но оно проявляло осторожность и прежде всего хотело узнать о его силах и планах⁶⁹.

Оставшиеся в Швейцарии поляки в середине 1834 г. образова-

ли новую организацию, которая, как и одна из ячеек Общества прав человека и гражданина, называлась "Молодая Польша". Ее создатели исходили из принципа защиты каждым народом свободы и равенства других народов, но подчеркивали особую миссию каждого народа. Они критиковали тайный характер карбонаризма, обвиняли Всеобщий шатер мира в том, что он видел центр революционного движения только во Франции, прежде всего в Париже, и мешал другим революционным выступлениям⁷⁰. Все это показывало, чем Мадзини мог привлечь на свою сторону поляков-демократов, действовавших в рядах карбонариев. Их сотрудничество с Мадзини было связано, несомненно, и с желанием немедленной активной деятельности в целях приближения всеобщей революции.

"Молодая Польша" вступила в созданную Мадзини организацию "Молодая Европа", подписав "Акт братства". В эту организацию входили также "Молодая Италия", "Молодая Германия", а затем и "Молодая Швейцария". В августе 1834 г. Мадзини предложил Польскому национальному шатру, чтобы все польские карбонарии вступили в ряды "Молодой Польши". Формально приняв это предложение, польская карбонарская организация, однако, не стала частью "Молодой Европы"⁷¹.

Интернациональные революционные связи в рамках карбонарского движения осуществлялись не только в эмиграции на Западе, но и в самих странах Центральной и Восточной Европы. Карбонаризм существовал на польских землях. Более активно карбонарское движение развивалось в Галиции, где оно утвердилось на рубеже 1833—1834 гг. Эмиссары-карбонарии — участники экспедиции Заливского — создавали в Галиции карбонарские организации, стремились идейно и организационно подчинить их французскому карбонаризму. Особенно энергично действовали в этом направлении К. Борковский и М. Ходзько. Борковский имел поручение высших карбонарских властей объединить местные заговоры с европейским карбонаризмом и стремился всю конспиративную работу в Галиции поставить под контроль Польского национального шатра в Париже. Как и ряд других эмиссаров, он не разделял точку зрения Заливского об организации борьбы только против России. Он выдвинул проект создания тайного союза, который действовал бы во всех частях Польши и организовал одновременное восстание против разделивших ее держав⁷².

В марте 1833 г. в галицийском имении графа М. Замоиского Древланы состоялось совещание эмиссаров-карбонариев, противников тактики Заливского. Его участники (К. Борковский, М. Ходзько и др.) обсуждали вопросы централизации карбонарского движения и его развития на всех польских землях. Можно предположить, что там рассматривались организационные принципы Союза польских карбонариев. Возможно, что этот союз, состоявший из ограниченного числа членов, был окончательно создан на собрании наиболее видных карбонариев 5 ноября 1833 г. в Жепшеве, имении графа К. Дзедушицкого. На этом собрании, где присутствовали представители конспирации из всех частей Польши, было решено отказаться

от планов начала восстания в ближайшее время и приступить к пропаганде демократических принципов. Этой цели должен был служить подчиненный тайному карбонарскому руководству Союз друзей народа, названный так же, как и аналогичная организация во Франции, и руководимый Т. Янушкевичем, Л. Лукашевичем и С. Гошинским⁷³.

В конце 1833 г. были созданы карбонарские шатры во Львове и Кракове. Но львовский шатер карбонариев перестал существовать в начале 1834 г. Проведенные весной 1834 г. аресты подорвали деятельность конспираторов в Галиции. Центральные карбонарские власти там оказались парализованы. Новую попытку централизации карбонарской конспирации предпринял краковский шатер, решив создать карбонарскую надстройку для руководства Союзом друзей народа. Однако социальные цели карбонаризма были чужды правому крылу конспиративного движения в Галиции. Связанные с ним деятели обвиняли карбонаризм в том, что он недооценивает национальные проблемы, выдвигая на первый план социальные вопросы. Фактически карбонаризм в Галиции оказался независимым от европейского карбонаризма⁷⁴.

Карбонаризм имел определенное влияние на Великую Польшу. В начале 1834 г. А. Залеский, М. Ходзько и некоторые другие эмигранты, а также представитель местных помещиков Т. Счапекский создали карбонарский шатер в Хелмне⁷⁵. Несомненно, деятельность карбонариев способствовала развитию на польских землях конспиративного национально-освободительного движения.

Что касается Чехии и Словакии, то карбонаризм там фактически не получил распространения. Тем не менее можно проследить связи чешских и словацких конспираторов с карбонариями, прибывавшими из Западной Европы и Галиции. Эти связи устанавливали прежде всего полонофильские чешские и словацкие круги. Друг чешского радикала К. Сабиньи писатель и журналист Я.С. Томичек являлся организатором тайного союза, созданного по карбонарскому образцу. Правда, об этом союзе не сохранилось конкретных сведений. С тайным революционным полонофильским движением был связан Ф.К. Кампелик, но и о его деятельности известно немного. Он переправлял польских эмигрантов через чешские земли, хотел с их помощью создать в Праге тайный кружок. Полонофильские симпатии разделял и К. Маха. Возможно, он стоял в Праге во главе какой-то тайной организации, созданной для поддержки польских эмигрантов⁷⁶.

После восстания 1830—1831 гг. в Польше связи с полонофильскими чешскими кругами с польской стороны осуществляли прежде всего участники карбонарского движения в Галиции. Они оказывали влияние и на поляков, живших тогда в Вене. Сторонники карбонаризма в Вене, прежде всего обучавшиеся там студенты, развернули агитацию среди своих славянских коллег, призывая их участвовать в демократическом и польском национально-освободительном движении. Такую пропаганду проводил, например, Чижевский. Он доказывал, что только объединенные усилия всех славян

помогут им добиться свободы. Эти аргументы влияли на чешских и словацких друзей польских студентов, в частности на словака А.Б. Врховского, полонофила и сторонника конспиративного сотрудничества с поляками⁷⁷.

Важную роль в развитии польско-чешских культурных и революционных связей в 30-е годы сыграл Л. Лукашевич. В августе 1834 г. он представлял польские тайные кружки в Галиции на состоявшейся в Брно встрече с молодыми чешскими, моравскими и словацкими полонофилами. Лукашевич познакомился там с Ф.К. Кампеликом, К. Амерлингом, В. Штульцем, со словацкими полонофилами А.Б. Врховским, С. Халупкой, Л. Матушкой. Он обсуждал вопросы польско-чешских связей и предлагал своим собеседникам не ограничиваться обменом книг, а перейти к политическому сотрудничеству и созданию тайного политического кружка. Чехи не приняли этот план и согласились лишь на обмен информацией о культурных новостях и новинках литературы. Только Кампелик начал конспиративное сотрудничество с поляками⁷⁸.

Польско-словацкие политические конспиративные связи возникли с 1837 г., уже после крушения карбонаризма, причем инициативу в их установлении проявляли поляки. Очевидно, польские карбонарские круги Галиции прислали в 1833 г. "молодым словакам" в Братиславе брошюрку, в которой экспедиция Заливского характеризовалась как еще одна попытка поляков сбросить свои оковы и бороться за свободу других народов. "Словаки, — говорилось в этой брошюрке, — надо иметь такой дух, который ничего не испугается, который скорее примет смерть, чем рабство и зависимость. С таким духом можно все перенести и счастливо завершить. Мы надеемся, что и вы дадите миру подобных людей, и поэтому история будет рассказывать, что пробудился дух словаков. Привет и братство!"⁷⁹. Можно считать, что польско-чешские и польско-словацкие связи начала 30-х годов, развивавшиеся в известной степени в русле карбонаризма, способствовали дальнейшему сотрудничеству братских славянских народов.

В то же время интенсивно развивались польско-венгерские революционные связи. Польское восстание 1830—1831 гг. вызвало в Венгрии, где началось широкое общественно-политическое движение, известное как "движение за реформы", особенно глубокое сочувствие⁸⁰. Стремление польской демократической эмиграции к сотрудничеству с передовыми кругами Венгрии проявилось в издании ПНК в 1831—1832 гг. воззваний к венграм. ПНК выслал в Венгрию Л. Савашкевича для изучения обстановки в этой стране⁸¹. Такому изучению демократические круги польской эмиграции придавали большое значение, так как отводили Венгрии важное место в едином фронте народов, борющихся за свободу⁸².

В укреплении польско-венгерских революционных связей большую роль сыграли эмиссары польской эмиграции, которые поддерживали контакты с венгерскими радикалами и одновременно с карбонарской организацией в Галиции⁸³. Львовская организация карбонариев приняла решение о сотрудничестве с Венгрией и Трансиль-

ваний, “чтобы насколько возможно расширить общество карбонариев и друзей народа”⁸⁴. Полковник корпуса жандармов Власов, оказавшийся в Венгрии осенью 1833 г. с разведывательной целью, отмечая развитие революционных настроений как в Галиции, так и в Венгрии, обратил внимание на сотрудничество венгерских оппозиционных кругов с польскими революционерами. “...Венгерцы сблизились с поляками, — подчеркивал он, — и имеют с ними тайные сношения и совещания, коих предметом есть, без сомнения, избрание средства и удобного времени к достижению цели (независимости. — *Б.П.*)”⁸⁵. Галицийское конспиративное движение оказывало влияние на Венгрию, однако в 30-е годы карбонаризм как таковой не нашел здесь благоприятной почвы.

В то же время в Трансильвании, Молдавии и Буковине находили отклик лозунги польских карбонариев, которые развернули в этом регионе и непосредственную революционную деятельность. Она облегчалась тем обстоятельством, что многие участники польского восстания 1830–1831 гг., оказавшиеся там, имели обширные и постоянные контакты с местным населением, особенно с интеллигенцией, мещанством и молодыми боярами. Демократические и свободолюбивые идеи проникали в Молдавию и из Трансильвании, с которой имели связь галицийские конспираторы. В декабре 1833 г. львовский комитет карбонариев решил послать в Черновицы эмиссара В. Мигурского, чтобы организовать карбонарский союз и пропагандировать демократическую программу, особенно среди поляков. Но Мигурский не смог добраться до Черновиц. Он обосновался под Каменец-Подольским и более года распространял карбонарскую идеологию на Буковине и в Молдавии⁸⁶.

В Трансильвании и Банате действовали два выдающихся польских карбонария — А. Давид и Г. Мюллер. Давид, один из руководителей Союза друзей народа во Львове, в марте 1834 г. был переведен по службе в Клуж, где вступил в контакт с видным деятелем венгерского оппозиционного движения Н. Весселици. Впрочем, цели Давида, радикального карбонария, стремившегося к освобождению крестьян из-под власти помещиков, противоречили планам венгерской оппозиции, готовой лишь к умеренным реформам.

Организованный Давидом заговор охватил горные центры в румынской части Баната. Его целью являлась борьба за независимость и объединение румынских земель, за демократические права и свободы, за радикальную аграрную реформу. План объединения Румынского государства и создания буржуазно-демократической республики, разработанный Давидом, пропагандировался в Валахии, Молдавии, на Буковине. Давид подчеркивал значение сотрудничества с европейским революционным и польским национально-освободительным движением. Он поддерживал связь с галицийскими карбонариями и подготавливал совместное с ними восстание для создания “польско-румынской республики”⁸⁷.

После первых контактов в Клуже Давид в обществе некоего Гофмана выехал в служебную поездку по Трансильвании и частично Венгрии. Возможно, он побывал и в Банате. Несомненно, его

главной целью была вербовка новых членов конспиративной организации. Предполагалось также создать общество карбонариев среди солдат румынского пограничного полка в Банате. Тайная организация Давида копировала Союз друзей народа. Во время поездки во Львов для встречи с руководителями этой организации Давид был арестован и покончил с собой в тюрьме.

После ареста Давида конспиративную организацию, в которой действовали главным образом молодые румынские интеллигенты, около семи месяцев возглавлял чиновник горного ведомства Г. Мюллер. Он перенес центр заговора из Клузы в местечко Караншебеш в Банате. Там находился румынский пограничный полк, и можно было установить контакты с румынами Валахии. Кроме того, в Банате сосредоточивалось много представителей пролетаризированного элемента, более восприимчивого к революционной пропаганде. Весной 1835 г. по решению комитета организации Мюллер отправился во Львов для координации действий румынских и польских конспираторов. В Клузе он встретился с руководителями местных карбонариев, проинструктировал их о дальнейшей работе. Вскоре Мюллер был арестован и деятельность организации заговорщиков оказалась прерванной. Заговор Давида—Мюллера был первой попыткой польских карбонариев поддержать совместные действия революционеров Трансильвании, Валахии и Молдавии в целях национального объединения румын⁵³.

Однако сам польский карбонаризм в эти годы переживал упадок. В январе 1835 г. Верховный шатер мира принял постановление о его роспуске. В постановлении говорилось: "Все организации, составляющие польский карбонаризм, распускаются. Запрещено всем польским добрым братьям (карбонариям. — *Б.П.*) проводить любую карбонарскую деятельность"⁵⁴. Принятие подобного решения объяснялось в постановлении разногласиями между разными польскими карбонарскими шатрами и их членами, несоблюдением тайны, непослушанием, распространением клеветы и интригами. Тем не менее деятельность польских карбонариев не прекращалась полностью: как подчеркивалось в постановлении Верховного шатра мира, секретные обязательства польских карбонариев оставались в силе⁵⁵.

В это время европейский демократический карбонаризм также клонился к упадку и сошел со сцены в 1837 г. после смерти его руководителя Буонаротти. Движение, тактика которого основывалась на заговоре узкого круга избранных для подготовки и проведения европейской революции, уже не соответствовало новой обстановке. В противоречие с развитием национальных движений и национального самосознания народов приходили установки карбонариев на руководство революцией из одного центра и монопольное положение французских революционеров как руководителей всех революционных выступлений. Для карбонаризма было характерно и отсутствие четких классовых критериев, игнорирование национальных проблем и определенный космополитизм.

Оценивая революционные связи в рамках карбонаризма, следует отметить особую роль польских карбонариев. Польские эмигранты в

начале 30-х годов активно участвовали в карбонарском движении, способствовали его распространению и развитию сотрудничества революционеров разных стран в борьбе за свободу и социальный прогресс. Демократические круги польской эмиграции ценили карбонаризм прежде всего за ясно выраженную поддержку освободительной борьбы народов, в том числе польского народа. Им была понятна и близка применявшаяся карбонариями тактика конспирации.

Демократический карбонаризм начала 30-х годов оказал положительное влияние на идеологию и практику польского национально-освободительного движения. Большое значение для польских эмигрантов имело соприкосновение с проблемами французского общества, где противоречия, присущие капитализму, зашли достаточно далеко. Идеиному развитию польских эмигрантов способствовало и знакомство с западноевропейским, в частности французским, утопическим социализмом. Он оказал определенное влияние на передовых представителей польской демократической мысли 30—40-х годов — Кремповецкого, Ворцеля, Конарского, Чиньского. Нельзя считать случайным, что Польский национальный шатер возглавлял Кремповецкий, один из наиболее радикальных деятелей эмиграции, осудивший эгоизм шляхты в речи 29 ноября 1832 г. на собрании по случаю годовщины Ноябрьского восстания.

Участие поляков в карбонарском подполье утвердило в польском национально-освободительном движении традиции сотрудничества революционеров разных стран. Карбонарский лозунг союза народов в борьбе против угнетения и тирании стал достоянием польской общественно-политической мысли; вошел в практическую деятельность польских революционеров. "...Трехлетняя эмиграция, — записал в своем дневнике 6 января 1834 г. Конарский, — научила меня ходить и указала путь, по которому я иду вперед"⁹¹. Этот путь привел новые поколения наиболее зрелых в идейном отношении польских революционеров на баррикады европейских революций и Парижской коммуны, в ряды социалистического рабочего движения, начертавшего на своем знамени лозунг пролетарского интернационализма.

Что касается других народов Центральной и Восточной Европы, то у них карбонаризм нашел гораздо меньший отклик. И тем не менее вполне закономерен вопрос о значении карбонаризма начала 30-х годов для упрочения в европейском революционном движении принципа сотрудничества и братства народов в борьбе за свободу и социальный прогресс. Для формирования пролетарского интернационализма несомненное значение имели идеи дружбы народов и их солидарность в борьбе против угнетения, которые формулировались и реализовывались в допролетарский период революционного движения. "Скудный республиканский интернационализм 1830—1848 гг.", о котором писал Ф. Энгельс в письме к К. Каутскому 7 февраля 1882 г.⁹², был связан прежде всего с карбонаризмом. Именно в демократическом карбонарском движении начала 30-х годов XIX в. интернационализм впервые проявился в общеевропейском масштабе.

- 1 *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 577.
- 2 *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki. Żołnierz rewolucjonista. W-wa, 1954. S. 43-45.
- 3 *Łukaszewicz W.* Polsko-francuskie braterstwo rewolucyjne w latach 1832-1848 // *Kuźnica*. Łódź, 1948. N 11. S. 4; *De la Hodde L.* Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848. Louis Philippe et la révolution de février. Bruxelles, 1850. P. 19, 21.
- 4 *Потемкин Ф.* Лиюнские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937. С. 290.
- 5 *Łukaszewicz W.* Wpływ karbonaryzmu, masonerii, Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów // *W stulecie Wiosny Ludów*. W-wa, 1951. T. 3. Cz. 2. S. 170-171; *Gygler B.* Pułkownik Ludwik Oborski — szermierz wolności (1789-1873). Gdańsk, 1976. S. 72.
- 6 *Kalemka S.* Wielka Emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831-1862. W-wa, 1971. S. 148-149; *Киссельгоф .С.* К истории возникновения "Общества прав человека и гражданина" // *Французский ежегодник*, 1961. М., 1962. С. 124.
- 7 *Kalemka S.* Wielka Emigracja a społeczeństwa i rządy europejskie // *Wielka Emigracja i sprawa polska a Europa (1832-1864)*. Toruń, 1980. S. 4.
- 8 *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 212.
- 9 *Owsińska A.* Emigracja polska wobec problemu rewolucji niemieckiej w latach 1832-1833 // *Przegląd Zachodni*. 1957. N 4. S. 308.
- 10 *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki. S. 34; *Idem.* Wpływ... S. 171, 191, 193, 196.
- 11 Polska XIX wieku. Państwo, społeczeństwo, kultura. W-wa, 1974. S. 215, 227.
- 12 *Chajn L.* Wolnomularstwo w II Rzeczypospolitej. W-wa, 1973. S. 326.
- 13 *Hass L.* Materiały do dziejów wolnomularstwa Wielkiej Emigracji // *Przegląd Historyczny*. 1973. N 3. S. 549; *Lewak A.* Od związków węglarskich do Młodej Polski. Dzieje emigracji i legionu polskiego w Szwajcarii w r. 1833-1834. W-wa, b. r. S. 22-23; *Kalemka S.* Wielka Emigracja. S. 150, 151; *Janowski J.N.* Notatki autobiograficzne. 1803-1853. W-wa, 1950. S. 402-403.
- 14 *Potrykowski J.A.* Tułactwo Polaków we Francji. Dziennik emigranta. Kraków, 1974. Cz. 1. S. 112; *Gygler B.* Pułkownik... S. 70; *Hass L.* Materiały // *Przegląd Historyczny*. 1973. N 2. S. 371-373; *Sawrymowicz E.* O "zakładzie" emigracji polistopadowej w Besancon // *Przegląd Humanistyczny*. 1979. N 9.
- 15 *Gygler B.* Działalność polityczno-społeczna Joachima Lelewela na emigracji w latach 1831-1861. Gdańsk, 1969. S. 31, 33; *Łukaszewicz W.* Wpływ..., S. 213.
- 16 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т. 2. С. 217.
- 17 *Lelewel J.* Wybór pism politycznych. W-wa, 1954. S. 199, 209, 216-217.
- 18 Towarzystwo Demokratyczne Polskie. Dokumenty i pisma. W-wa, 1954. S. 4.
- 19 *Gadon L.* Emigracja polska. Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. Kraków, 1902. T. 3. S. 331; *Kalemka S.* Wielka Emigracja. S. 124; *Sokotowska S.* Młoda Polska. Z dziejów ugrupowań demokratycznych Wielkiej Emigracji. Wrocław; W-wa, Kraków; Gdańsk, 1972. S. 89-91; *Eadem.* Geneza emigracyjna wyprawy Zaliwskiego // *Społeczeństwo polskie i próby znowienienia walki zbrojnej w 1833 roku*. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984. S. 25.
- 20 *Невлер (Вилин) В.Е.* Демократические силы в борьбе за объединение Италии. 1831-1860. М., 1982. С. 38; *Каигелоро Дж.* История современной Италии. От Реставрации до Национальной революции. М., 1981. Т. 2. С. 223.
- 21 *Lewak A.* Op. cit. S. 17-18; *Limanowski B.* Stanisław Worell. Życiorys. Kraków, 1910. S. 84; *Grabski A.F.* Joachim Lelewel i niemiecka demokracja. Rekonesans // *Przegląd Humanistyczny*. 1981. N 6. S. 93; *Gygler B.* Działalność... S. 81.
- 22 *Lewak A.* Op. cit. S. 18-19.
- 23 Społeczeństwo polskie... S. 400; *Borkowski K.* Pamiętnik historyczny o wyprawie partyzanckiej do Polski w roku 1833. Lipsk, 1863; *Gadon L.* Op. cit. S. 341.
- 24 *Borys Wł.* Wyprawa J. Zaliwskiego i polskie organizacje spiskowe w Galicji w latach 1832-1833 // *Społeczeństwo polskie*. S. 84; *Lewak A.* Op. cit. S. 125-126.
- 25 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 229-231; *Djakow Wł., Nagajew A.* Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy (1832-1835). W-wa, 1979. S. 15; *Społeczeństwo polskie*... S. 221, 246, 258, 320.
- 26 *Bartkowski J.* Wspomnienia z powstania 1831 r. i pierwszych lat emigracji. Kraków, 1966. S. 143-144; *Grabowiecki J.* Moje wspomnienia w emigracji od roku 1831 do 1854 spisane w

- Marsylii. W-wa, 1970. S. 51; *Janowski J.N.* Notatki autobiograficzne. S. 316-317; *Jełowicki A.* Moje wspomnienia. W-wa, 1970. S. 288, 304, 306; *Pol W.* Pamiętniki. Kraków, 1971. T. 2. S. 156; *Domejko I.* Moje podróże. Pamiętnik wygnańca. Wrocław; W-wa; Kraków, 1962. T. 1. S. 96; *Potrykowski J.A.* Op. cit. S. 55, 56, 59, 60, 64; *Bolszakow L., Djakow Wl.* Sprawa Migurskich. Kraków; Wrocław, 1984. S. 13.
- 27 *Strobel G.W.* Polenfreundschaft 1830-1834; początki zorganizowanego liberalizmu politycznego i barometr wydarzeń // *Stosunki polsko-niemieckie 1831-1848. Wiosna Ludów* i okres ją poprzedzający. Materiały konferencji. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1981. S. 139, 145, 153.
- 28 *Kalemka S.* Wielka emigracja a społeczeństwa... S. 9; *Gadon L.* Emigracja polska. Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. Kraków, 1901. T. 1. S. 91.
- 29 Polska XIX wieku. S. 236.
- 30 Центральный государственный архив Октябрьской революции. Ф. 109. Секретный Архив Оп. 2. Д. 111. Л. 1. (Далее: ЦГА ОР).
- 31 *Janowski J.N.* Notatki autobiograficzne. S. 407.
- 32 *Lelewel J.* Listy emigracyjne. Kraków, 1948. T. 1. S. 11-12.
- 33 *Lelewel J.* Wybór pism politycznych. S. 207.
- 34 *Grabski A.F.* Op. cit. S. 92; *Wawrykowa M.* Dzieje Niemiec. 1789-1871. W-wa, 1980. S. 242; *Owsińska A.* Op. cit. S. 310-312.
- 35 *Cygler B.* Pułkownik... S. 76.
- 36 *Potrykowski J.A.* Op. cit. S. 112.
- 37 Ze wspólnych walk demokratów polskich i niemieckich. Materiały i dokumenty. W-wa, 1957. S. 51.
- 38 ЦГА ОР. Ф. 109. Секретный Архив Оп. 2. Д. 112. Л. 3.
- 39 *Kalemka S.* Wielka Emigracja. S. 119; *Owsińska A.* Sprawa polska i liberalne Niemcy w latach 1832-1833 // *Przegląd Zachodni.* 1956. N 11-12. S. 260; *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 32.
- 40 *Grabski A.F.* Op. cit. S. 91-92; Ze wspólnych walk... S. 41; *Hahn H.H.* Stosunki między polskim narodowym ruchem wyzwolenczym a liberalizmem niemieckim w okresie przed Wiosną Ludów // *Roczniki Historyczne.* W-wa; Poznań, 1976. R. XLII S. 101.
- 41 Ze wspólnych walk... S. 36; *Obermann K.* Deutschland von 1815 bis 1849. Von der Gründung des Deutschen Bundes bis zur bürgerlich-demokratischen Revolution. B., 1983. S. 81-83.
- 42 *Dokumente zur Geschichte der deutsch-polnischen Freundschaft. 1830-1832.* B., 1982. S. 293.
- 43 *Sokołowska S.* Geneza... S. 26; *Domejko I.* Op. cit. S. 110-111.
- 44 *Wawrykowa M.* Op. cit. S. 243.
- 45 *Lewak A.* Op. cit. S. 27, 28, 43; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 254.
- 46 Ze wspólnych walk... S. 50-51; *Bartkowski J.* Op. cit. S. 167-168; *Cygler B.* Pułkownik... S. 78.
- 47 *Lewak A.* Op. cit. S. 27; *Bartkowski J.* Op. cit. S. 168.
- 48 *Wojtkowski J.* Początek i koniec współpracy liberalizmu polskiego i niemieckiego (1817-1849) // *Wiek XIX. Prace ofiarowane Stefanowi Kieniewiczowi w 60 rocznicę urodzin.* W-wa, 1967. S. 232; *Cygler B.* Pułkownik... S. 79; *Wawrykowa M.* Op. cit. S. 246.
- 49 ЦГА ОР. Ф. 109. Секретный Архив Оп. 4. Д. 24. Л. 31.
- 50 *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 44; *Kalemka S.* Wielka Emigracja. S. 464.
- 51 *Potrykowski J.A.* Op. cit. S. 206; *Grabowiecki J.* Op. cit. S. 62.
- 52 *Bartkowski J.* Op. cit. S. 177; *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 45-46.
- 53 *Lewak A.* Op. cit. S. 51-52.
- 54 Цит. по: *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 48-49.
- 55 *Cygler B.* Pułkownik... S. 80-81.
- 56 *Ibidem.* S. 85; *Lewak A.* Op. cit. S. 42; *Gadon L.* Op. cit. T. 3. S. 333.
- 57 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 258; *Cygler B.* Pułkownik... S. 86-87.
- 58 *Kalemka S.* Wielka Emigracja. S. 168.
- 59 *Wojtowicz J.* Historia Szwajcarii. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 163.
- 60 *Wawrykowa M.* Op. cit. S. 258; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 256.
- 61 *Певлер (Вилли) В.Е.* Указ. соч. С. 62; *История Италии.* М., 1970. Т. 2. С. 124; *Ковальская М.И.* Италия в борьбе за национальную независимость и единство. М., 1981. С. 57-58, 61, 94; *Hales E.E.Y.* Mazzini and the secret societies. The making of a myth. N.Y., 1956. P. 40.

- 62 История Италии. Т. 2. С. 129; Ковальская М.И. Указ. соч. С. 116; *Morawski K.* Polacy i sprawa polska w dziejach Italii w latach 1830-1866. W-wa, 1937. S. 34-36; *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 61-63.
- 63 *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 62-63.
- 64 Цит. по: *Kalemka S.* L'emigrazione democratica pollacca e Giuseppe Mazzini (1832-1847) // *Mazzini e la Polonia.* W-wa, 1973. P. 53.
- 65 *Morawski K.* Op. cit. S. 34-35.
- 66 *Lewak A.* Op. cit. S. 24.
- 67 *Bartkowski J.* Op. cit. S. 210.
- 68 *Cygler B.* Pułkownik... S. 87-88; *Bartkowski J.* Op. cit. S. 212; *Morawski K.* Op. cit. S. 36.
- 69 *Sokołowska S.* Materiały do historii węglarstwa polskiego z czasów Wielkiej Emigracji // *Przegląd Historyczny.* 1974. N 1. S. 168
- 70 *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 80, 83.
- 71 *Неалер (Вилли) В.Е.* Мадзини и "Молодая Европа" // *Вопр. истории.* 1972. № 7. С. 62-63; *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 79, 84, 91; *Kalemka S.* Wielka Emigracja. S. 172.
- 72 *Kieniewicz S.* Konspiracje galicyjskie (1831-1849). W-wa, 1950. S. 89; *Knapowska W.* Nawroty polskich ruchów zbrojnych, 1830-1834. Z dziejów dyplomatycznych i rewolucyjnych Wolnego Miasta Krakowa. Poznań, 1948. S. 103; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki. S. 73; *Idem.* Wpływ... S. 238, 246.
- 73 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 238, 247; *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 137.
- 74 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 247-248; *Idem.* Tadeusz Krępowiecki. S. 74; *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 137-138; *Pamiętniki spiskowców i więźniów galicyjskich.* 1832-1846. Wrocław, 1954. S. 118-120; *Borys Wł.* Op. cit. S. 88-89, 92-93.
- 75 *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 137.
- 76 *Lehr-Sptański T., Piwarski K., Wojciechowski Z.* Polska-Czechy. Dziesięć wieków sąsiedztwa. Katowice; Wrocław, 1947. S. 161, 168-169; *Krejčí K.* Poláci v Čechách v době povstání listopadového a "velké emigrace" // *Slovanský přehled.* R. XXII. Pr., 1930. S. 508; *Žáček V.* Češové a Poláci roku 1848. Studie k novodobým politickým stykům česko-polským. Pr., 1947. Č. 1. S. 98, 117, 131; *Češi a poláci v minulosti. Období kapitalismu a imperialismu.* Pr., 1967. T. 2. S. 133.
- 77 *Češi a poláci v minulosti.* S. 143.
- 78 *Idem.* S. 144-146; *Tyrowicz M.* Wizerunki sprzed stulecia. Kraków, 1955. S. 53; *Žáček V.* Češové a Poláci roku 1848. Č. 1. S. 162; *Idem.* František A. *Zach.* Pr., 1977. S. 25.
- 79 Цит. по: *Žáček V.* Z revolučných a politických polsko-slovenských stykov v době predmarcovej. Br., 1966. S. 54.
- 80 История Венгрии. М., 1972. Т. 2. С. 60. A History of Hungary. Bp., 1973. P. 226; *Felczak W.* Historia Węgiei. Wrocław; W-wa; Kraków, 1966. S. 207.
- 81 *Kalemka S.* Wielka Emigracja. S. 100; *Cygler B.* Działalność... S. 39; *Felczak W.* Op. cit. S. 207; *Lelewel J.* Wybór pism politycznych. S. 216-217.
- 82 *Felczak W., Fischinger A.* Polska — Węgry. Tysiąc lat przyjaźni. W-wa; Bp., 1979. S. 46.
- 83 *Knapowska W.* Op. cit. S. 98.
- 84 *Dach K.* Polski demokratyczny ośrodek emigracyjny w Mołdawii w latach trzydziestych—czterdziestych XIX wieku i jego stosunki z miejscowym społeczeństwem // *Wielka Emigracja i sprawa polska a Europa.* S. 107-108.
- 85 ЦГА ОР. Ф. 109. Секретный Архив Оп. 2. Д. 113. Л. 20, 21-21 об.
- 86 *Skowronek J.* Sprzymierzeńcy narodów bałkańskich. W-wa, 1983. S. 156-157; *Dach K.* Op. cit. S. 107-111.
- 87 *Dach K.* Polsko-rumuńska współpraca polityczna w latach 1833-1848 // *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej.* Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. XV. S. 6-7; *Idem.* Polski demokratyczny ośrodek... S. 108; *Skowronek J.* Op. cit. S. 157.
- 88 *Dach K.* Polsko-rumuńska współpraca... S. 8-10.
- 89 *Sokołowska S.* Materiały... S. 168.
- 90 *Sokołowska S.* Młoda Polska. S. 91; *Idem.* Materiały... S. 169.
- 91 *Koński Sz.* Dziennik z lat 1831-1834. Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 258.
- 92 *Маркс К.* *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 220.

К.П. Гогина

ОТКЛИКИ НА ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830—1831 гг. В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ И СЛОВАКИИ

Польское восстание 1830—1831 гг., являвшееся составной частью общеевропейской революционной волны (Июльская революция во Франции, Бельгии, революционные события в Саксонии), всколыхнуло всю прогрессивную Европу, увидевшую в нем прежде всего борьбу угнетенного народа против угнетателей, за свободу и независимость против реакции, олицетворением которой являлся русский царизм. Особенно большой отклик восстание вызвало у славянских народов, проживавших в Австрийской империи и связанных с польским народом узами дружбы и сотрудничества.

Восстание вызвало мощное движение солидарности, проявлением которого стали не только акции оказания помощи борющимся полякам деньгами, оружием, добровольцами, но и внутренние изменения в процессах прогрессивного развития народов Центральной Европы.

Помощь на повстанческую территорию шла, помимо других путей, через Австрию, а точнее, через чешские земли. Австрийское правительство, возглавляемое канцлером Меттернихом, заняло по отношению к польскому восстанию позицию, которая наиболее полно отвечала его государственной доктрине “не впустить через границы Австрии дух революции, дух либерализма”. Поэтому правительство отдало распоряжение ужесточить контроль на польско-австрийской границе и строго проверять всех иностранцев, едущих с запада в Польшу и обратно. Были изданы многочисленные циркуляры, запрещавшие провозить транзитом через Австрию в Королевство Польское не только огнестрельное оружие, но и все, что могло служить холодным оружием (косы, вилы, пики и т.д.), а также порох, селитру и лошадей. В июле 1831 г., когда восстание приобрело наибольший размах, австрийское правительство, опасаясь распространения повстанческого пожара на соседние государства, ввело запрет на вывоз оружия и военного снаряжения в Молдавию, Валахию, Подолию, Волынь и Бессарабию².

В результате развернувшегося в западноевропейских странах движения по оказанию помощи восставшим полякам, там формировались транспорты с оружием и боеприпасами, часть которых должна была переправляться через Чехию в Королевство Польское.

В чешских архивах имеются данные о том, что в июне—июле 1831 г. в Вену поступили сведения из Германии и от русского посольства в Австрии о двух таких транспортах. Один из них якобы

был сформирован в Гамбурге и по Эльбе (Лабе), через Прагу его предполагалось доставить в Краков, другой из Англии или Франции отправлялся по Рейну во Франкфурт, а оттуда через Нюрнберг, Вену, Моравию (или Венгрию) также в Краков. В разноречивых сведениях о франкфуртском транспорте говорилось о 15—30 тыс. ружей, искусно закамуфлированных среди ящиков с шампанским и прядильными машинами. 26 июля 1831 г. в Прагу сообщили о том, что из Гамбурга по Эльбе в Чехию идет судно с помеченными бочками, содержащими “военное снаряжение для польской революции”. Вскоре после этого на пограничных пунктах Чехии с Саксонией и в Иезерских горах задержали два транспорта с оружием, спрятанным в ящиках с частями прядильных машин. На границе с Баварией (в Гасельбахе) был задержан груз, состоявший из 32 ящиков с шампанским, в которых находилось 1599 ружей и другое оружие. В посредничестве подозревалась пражская торговая фирма Л. Ганке³.

Уже первые известия о восстании в Польше нашли широкий отклик у чехов и словаков, связанных с поляками узами племенного родства, многовековой дружбы и сотрудничества. В венгерской части монархии известия о польском восстании против царизма с энтузиазмом были встречены теми кругами оппозиционного дворянства и городской буржуазии, которые выступали за независимость Венгрии. Эти настроения выразились в полонофильских резолюциях комитатских собраний, которые происходили по всем областям Венгрии. Первое такое собрание состоялось 3 мая 1831 г. в Текове. В принятой на нем резолюции местное дворянство обратилось к императору с просьбой оказать поддержку полякам. Главными сторонниками оказания помощи восставшим полякам были члены мадьярской политической оппозиции. Л. Кошут в Земплене 23 июня 1831 г., В. Веселени и Я. Балог в Сатмаре и Зл. Моравце в августе 1831 г. на комитатских собраниях призывали оказывать всемерную поддержку восставшим полякам⁴.

Среди широких народных масс Венгрии — венгров, словаков, украинцев — отношение к польскому восстанию было сдержанным, ибо среди них распространилось мнение, что это прежде всего “дело польских панов”, к которым они не питали большого сочувствия. Есть сведения, что в Северо-Восточной Венгрии часть словацкого, украинского и румынского крестьянства выступала за поражение “польских панов”, поскольку свои надежды на освобождение от гнета венгерского дворянства она связывала с царем и с Россией⁵.

Чувства симпатии к восставшим были широко распространены в северной части Словакии, граничавшей с польскими областями. Солидарность с борьбой поляков принимала различные формы: от упоминавшихся выше резолюций комитатских собраний, благожелательных статей в венгерских периодических изданиях до сборов денег для отъезда добровольцев в Польшу с тем, чтобы с оружием в руках помочь восставшим полякам. После поражения восстания братская помощь словаков выразилась в нелегальной переправке польских беженцев за границу.

Полицейско-абсолютистский режим Меттерниха пытался изолировать Чехию от либеральных идей Европы. Тем не менее информация о польском восстании проникала сюда прежде всего из газет. Две официальные чешские газеты "Прагер цайтунг" и "Пражские новости" (на чешском языке) первое сообщение о восстании опубликовали 12 декабря. В целом сообщения не выходили за рамки официально допустимого. Однако следует отметить, что в ходе событий "Пражские новости", говоря о польском восстании, явно склонялись на сторону поляков и подробно писали об их победах и поражениях. Характерно, что, давая сообщения о приезде поляков из "прусского забора" (части Польши, захваченной Пруссией) на помощь восставшим, чешские газеты умалчивали о подобных, не менее многочисленных фактах, относившихся к Галиции, хотя об этом было известно всем. Иногда материалы газеты излагались в форме пересказа "польского мнения".

Например, 27 марта 1831 г. "Пражские новости" писали, что главной задачей восставших поляков является привлечение на свою сторону крестьян, освободив их от зависимости и передав им землю в полную собственность. При этом был дан собственный комментарий газеты: "Удивительно, что тем, кто начал восстание, это не пришло сразу в голову"⁶. Газета публиковала биографии известных деятелей восстания, прежде всего военных генерала Дверницкого, Г. Дембицкого и других, а также большие обзорные статьи о территории, населении, административном управлении Королевства Польского. 21 августа того же года "Пражские новости" опубликовали статью немецкого врача-добровольца Бизингера "Варшава", в которой была ярко выражена симпатия к полякам.

Важным источником сведений о восстании стала для чешской общественности издававшаяся в Штутгарте газета "Альгемайне цайтунг" с приложением. Здесь публиковались интересные материалы, связанные с событиями в Королевстве Польском, например, "Письма польского земледельца о революции", "Лагари о польской революции", "Сравнение польской революции с французской, сделанное одним поляком", "Сообщение лейтенанта Высоцкого о польском заговоре в Варшаве 9 декабря 1830 г." и др.

Единственным печатным органом в Чехии, открыто выражавшим симпатии к польскому восстанию, был журнал "Чехослав" — публицистическая трибуна молодых чешских литераторов. Они откликнулись на освободительную борьбу поляков своими поэтическими произведениями, заложив этим основы чешской политической поэзии.

Сразу же после первых известий о польском восстании в Чехии были предприняты попытки оказать непосредственную помощь полякам. Однако в условиях режима Меттерниха, в результате довольно слабой информированности эти акции не приобрели сколько-нибудь значительных размеров. Известно, например, об инициативе профессора медицинского факультета Пражского университета Ю.В. Кромхольца послать в Польшу бригаду врачей. Однако эта акция не удалась из-за запрета властей. В варшавской газете

“Курьер варшавски” 26 февраля 1831 г. было опубликовано сообщение о прибытии в Королевство Польское для участия в сражениях “более десятка молодых людей из Праги, столицы Чехии”⁷. Проведенное пражскими властями расследование не подтвердило факта отсутствия на занятиях, в первую очередь в университете, кого-либо из студентов. Правда, деканат медицинского факультета тем не менее не исключал возможности отъезда некоторых слушателей хирургического отделения в польскую армию для получения там “службы”. В июне 1831 г. пражское полицейское управление сообщило об “исчезновении” с философского факультета четырех студентов, один из которых, Ян Веселы, как выяснилось, действительно оказался в Польше⁸.

Среди чешских добровольцев, отправившихся в 1831 г. в Польшу, был студент Эмануил (Манек) Мюллер из г. Моравска-Тржебова. Он сражался в корпусе генерала Ружицкого и за проявленную храбрость его произвели в офицеры прямо на поле боя⁹. В письме к другу Ф. Браунеру Мюллер сообщал о своем участии в сражениях и о причинах, побудивших его сделать этот шаг. Письмо вызвало живой интерес и энтузиазм среди его товарищей по учебе. Э. Мюллер писал, что Польша в данный момент является средоточием самых благородных и великодушных людей, что именно здесь решается судьба мира. Именно поэтому каждый честный человек должен попытаться по мере сил помочь “победе света над тьмой”¹⁰. После поражения восстания студент Э. Мюллер благополучно вернулся домой и его имя мы встречаем среди имен тех, кто оказывал действительную помощь польским беженцам.

В польском восстании участвовали медик Богуслав Лонгшампс (погиб в одном из сражений), учащийся литомержецкой гимназии Я. Веселы, пражанин Иозеф Парч (он якобы попал в плен к русским), житель г. Либерец Фишер и др. Из словацких добровольцев наиболее известен поэт Само Халупка, который был тяжело ранен в одном из боев¹¹.

Среди тех, кто первым поспешил на помощь полякам, был Франтишек Зах (1807—1892), молодой юрист из г. Брно, работавший в магистрате г. Зноймо и на долгие годы связавший свою судьбу с Польшей. В конце лета 1831 г. он нелегально прибыл в Краков, однако принять непосредственное участие в сражениях ему уже не пришлось, восстание было подавлено. Возвратившись в Брно, Зах активно участвовал в организации помощи польским беженцам. Подвергшись за свою антигабсбургскую позицию репрессиям со стороны австрийских властей, он решил уехать вместе с поляками во Францию.

Во Франции Зах активно участвовал в деятельности демократического крыла польской эмиграции и был членом лиможской секции “Молодой Польши”. Возвратившись в 1837 г. на родину, он проживал то в Брно, то в Вене, состоял в различных нелегальных политических кружках и обществах, широко распространенных в то время среди студенческой молодежи. Зах продолжал поддерживать связь и с представителями польской эмиграции, в частности с

Л. Лукашевичем. В начале 40-х годов Франтишек Зах снова едет во Францию, где примыкает к консервативному крылу польской эмиграции и становится сначала секретарем князя А. Чарторьского, а в 1843—1848 гг. его полномочным представителем в Белграде. В Сербии — на второй родине — Зах был произведен в генералы и много сил отдал подготовке офицерских кадров для сербской армии¹².

Солидарность с восставшими поляками и попытки оказать восстанию помощь можно рассматривать как первое проявление политической активности чешского народа.

Об отношении народных масс Чехии к польскому восстанию известно очень мало. О вспыхнувшем восстании сначала знало только население пограничных районов, однако позднее, после поражения, когда в чешских землях оказались польские беженцы, чешское население получило более подробные сведения. Оказывая помощь беженцам, чехи выражали свое благожелательное отношение к борьбе поляков.

Австрийские власти были вынуждены принимать меры для того, чтобы воспрепятствовать проникновению в страну освободительных идей. Так, в 1831—1832 гг. на сельских ярмарках в городах Лоуны, Мост и других были задержаны лица, продававшие популярные среди крестьян фарфоровые трубки с изображением польских крестьян с косами и надписью “Vivat Pole” или двустижием: “Острая коса хорошо сечет, наших врагов она обращает в бегство”. На фарфоровых фабриках в г. Лоуны провели расследование. В 1832 г. в двух пражских писчебумажных магазинах были обнаружены фигурки польских повстанцев, сделанные на одной из северочешских фабрик по производству игрушек¹³. Трудным и безнадежным делом была для австрийских властей борьба с распространением песен, посвященных выступлению поляков и содержавших революционные идеи. В воспоминаниях некоторых деятелей говорится о сборнике чешских народных песен с революционным содержанием, которые сопровождали безобидные переводы на немецкий язык, чтобы ввести в заблуждение цензуру. Напечатанные в Праге, Литомышле, Хрудиме запрещенные песни без указания издателя и типографии распространялись в г. Градец-Кралове. Пражские книготорговые фирмы “Калве” и “Хаасе” обвинялись властями в доставке запрещенных печатных изданий из-за границы¹⁴.

Отношение ведущих деятелей чешского национального движения, так называемых “будителей”, к польскому восстанию было сложным и далеко не однозначным. Оно во многом определило характер развития чешского общества на рубеже 20—30-х годов XIX в. После разделов Польши, когда она утратила свою государственную самостоятельность, а ее территория была разделена между тремя державами — Австрией, Пруссией и Россией, судьба польского народа принималась близко к сердцу в Чехии.

Деятели чешского национального возрождения поддерживали тесные дружеские контакты с представителями польской науки и литературы и поэтому не могли не высказать своего отношения к

польскому восстанию 1830—1831 гг. как проявлению прежде всего польско-русского конфликта. В период формирования чешской нации, известном как эпоха национального возрождения, ведущей идейной концепцией национального движения в Чехии была идея славянской общности, славянского единства, сформулированная наиболее полно Я. Колларом в 1824 г. в поэме “Дочь Славы”.

В основе этой идеи лежал принцип языкового и культурного родства славянских народов, большинство из которых в то время не имело собственной государственности. Отсюда проистекало чувство восхищения Россией как единственным независимым государством самого большого славянского племени — русских, могущественной державой, призванной стать защитницей и опорой всех малых славянских народов в их борьбе за национальное существование.

Польское восстание 1830—1831 гг. нанесло тяжелый удар по концепции славянского единства, а братоубийственная война двух близких славянских народов явилась, по мнению чехословацких и советских историков, причиной кризиса идеи славянского единства, который привел в дальнейшем к важным изменениям в идеологическом обосновании целей и задач чешского национального движения, став одним из истоков австрославизма.

Чешское общество, и в частности “будители”, не осталось безразличным к польскому восстанию. С неослабевающим интересом все следили за развитием событий, давая им иногда противоположные оценки. Это объяснялось тем, что отношение к идее славянской общности, роли и значению для славян России было различным. И что не менее важно, разногласия касались отношения к общедемократическим принципам свободы, равенства и братства, которые получали все большее распространение среди молодого поколения чешских деятелей.

Характерно, что глубоко укоренившийся в чешском обществе интерес и любовь ко всем славянским народам, их языкам, литературе и культуре сделали невозможным проявление какой-либо ненависти и недоброжелательства ни к полякам, ни к русским. Отличия в позиции отдельных деятелей чешского национального движения во многом были обусловлены тем, что они по-разному оценивали последствия, к которым неизбежно должна была привести борьба поляков за свободу и независимость.

Об отношении чешского общества к польскому восстанию 1830—1831 гг., об оценке восстания и его воздействии на эволюцию идейных воззрений тех или иных его представителей нам известно большей частью из их переписки, дневниковых записей и воспоминаний, литературных и поэтических произведений. Хорошо известно, что в условиях тогдашнего режима чешские “будители” избегали публичных политических высказываний, боясь “нанести ущерб интересам чешского национального дела”¹⁵.

Выразителем мнения старшего поколения чешских “будителей” стал Йозеф Юнгман. Его взгляды на славянство и судьбы его народов сформировались еще в период наполеоновских войн под впечатлением победоносного шествия русских войск по Европе.

Поскольку польско-русский конфликт наносил удар по его идейным воззрениям, а также по его представлениям о нерушимости славянского единства, то в своей оценке польского восстания Юнгман продолжал исходить из того, что Россия была и остается защитницей угнетенных славянских народов и их единственной надеждой на освобождение в будущем. Именно поэтому Юнгман решительно высказался против польского восстания. Он мотивировал свою позицию как своими представлениями о будущем языковом единстве всех славян на основе общеславянского языка, каковым, по его мнению, должен стать русский, так и отчасти политическим моментом, актуальным в чешских условиях. Этим моментом являлась необходимость противостояния политике германизации, проводившейся австрийской абсолютистской монархией в отношении славянских народов. В письме к А. Мареку 5 ноября 1831 г. Юнгман писал: «С подавлением польского языка распространится русский язык. Это может стать шагом к общеславянскому литературному языку»¹⁶.

Взгляды Юнгмана на Россию и польское восстание в той или иной мере разделяли крупные чешские общественные деятели Я.Е. Пуркине, Я.С. Пресл и особенно В. Ганка, русофильство которого в это время приобретает ярко выраженный царистский характер. Как отмечал в 1831 г. П.И. Шафарик в письме к Я. Коллару, В. Ганка безоговорочно встал на сторону царя и назвал восставших поляков «взбесившимся ляшским племенем». «Как это неблагоприятно! — писал Шафарик. — Храни нас Бог от того, чтобы так унижать какой-либо славянский народ»¹⁷.

Большинство чешских «будителей» так называемого среднего поколения (Я. Коллар, П.И. Шафарик, Ф.Л. Челаковский, Ф. Палацкий и др.) не разделяли точку зрения Юнгмана и его сторонников на польское восстание. Тем не менее и среди них не было единства взглядов, хотя все они в той или иной мере горячо сочувствовали борьбе польского народа. В этом народе представители «среднего поколения» видели прежде всего борца за свободу и поэтому выражали свою солидарность с ним. Таким образом, в программе чешского национального возрождения, посягающей преимущественно культурно-просветительский характер, появился первый, еще весьма слабо выраженный политический аспект, а именно идея борьбы за национальную свободу.

Наиболее полно и последовательно этот аспект был выражен у П.И. Шафарика и Ф.Л. Челаковского, тогда как Я. Коллар, горячо сочувствуя полякам, так и не преодолел своего отрицательного отношения к восстанию, нанесшему сокрушительный удар по его идее единства славян. Вместе с тем Я. Коллар не встал и на сторону России. Позднее в своем знаменитом трактате «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянской нации» (1836—1837) он внес существенные коррективы в свою романтически окрашенную теорию «всеславянства», сведя ее к более конкретной идее славянской взаимности в области литературы и искусства. У П.И. Шафарика, учительствовавшего тогда в гимназии

в г. Нови-Сад и писавшего свою "Славянскую этнографию", интерес к полякам и их судьбе был более глубоким. В переписке с Я. Колларом Шафарик неоднократно признавался в своих симпатиях к полякам¹⁸.

Он более отчетливо, чем другие чешские "будители", уже тогда осознавал реакционный характер царского самодержавия. Он писал Коллару, что "то величие, которым все мы восхищаемся, есть ужаснейший, милитаристский деспотизм"¹⁹. При этом Шафарик подчеркивал различие между царизмом и русским народом. В письме к В. Ганке он давал отпор нападкам последнего на восставших поляков: "У меня вызывает отвращение лишь русское правительство, а не народ". В поражении польского восстания, по его словам, "мы справедливо можем оплакивать поражение всего славянства"²⁰. Эти взгляды Шафарика в дальнейшем стали основой для зарождения и развития прогрессивной критической линии чешского русофильства, суть которого заключалась в принципиальном проведении различия между реакционным самодержавием и угнетаемым им русским народом.

Ф.Л. Челаковскому, как и другим чешским "будителям", было свойственно восхищение могуществом России, в которой он видел освободительницу угнетенных балканских народов. Это отразилось и в его знаменитых "Отголосках русских песен", ставших широко известными всем славянским народам в 1829 г. Польское восстание оказало большое влияние на взгляды Челаковского. В марте 1831 г. в письмах к другу Я.В. Планку, Челаковский, высказывая горячие симпатии борющимся полякам, писал, что "с обеих сторон идет напрасное кровопролитие", в котором виноват русский царь, отказавшийся дать польскому народу то, "что ему по священному праву принадлежит". В сентябре и октябре того же года в письмах к Планку Челаковский, выражая сочувствие потерпевшим поражение полякам, называл царизм "душителем народов" и виновником "братоубийственной войны" между поляками и русскими²¹. Для Челаковского было характерно понимание международного значения польского восстания как символа борьбы против абсолютизма, как начала новой эпохи. В апреле 1831 г. он писал Камариту: "Мир приобретает совершенно другой вид, и народы расковали свой разум, который уже нельзя заковать ни в какие цепи"²².

Ф.Л. Челаковский явился выразителем взглядов той части чешского общества, которая, поддержав польское восстание, выступила против царского самодержавия (а тем самым и против австрийского абсолютизма) и фактически присоединилась к европейскому либерализму, требовавшему проведения буржуазных реформ.

Очень мало известно об отношении к польскому восстанию Ф. Палацкого — ведущей политической фигуры чешского общества середины XIX в., так как до сих пор не опубликована полностью его переписка. Мы знаем, что в конце 20-х годов он был занят организацией Чешского Национального музея и Чешской матицы и мало интересовался политикой. Однако можно с уверенностью сказать, что в 1830 г. его не было в лагере противников польского

восстания. Об этом свидетельствует его отрицательное отношение к "универсалистским стремлениям" русского царя и восторженное восприятие личности Т. Костюшко. Последний оказал огромное влияние на формирование мировоззрения Палацкого и на его решение участвовать в национальном возрождении чешского народа. При этом следует отметить, что в самый канун восстания в статье "О народах польских" Палацкий высказал свое негативное отношение к "анархическому демократизму" поляков²³.

Таким образом, ведущие деятели чешского национального возрождения, выражая более или менее благожелательное отношение к польскому восстанию 1830—1831 гг., в то же время не предпринимали практически никаких конкретных шагов для оказания ему помощи и всячески стремились избежать публичных высказываний на эту тему. Здесь проявился один из главных принципов деятельности чешских "будителей" в период меттерниховского режима, заключавшийся в том, чтобы так или иначе не нанести ущерб чешскому "национальному делу".

Иной взгляд на польское восстание имели представители так называемого "поколения 20-летних". Эти молодые люди, выросшие в гнетущей атмосфере полицейско-абсолютистского режима Меттерниха и воспитанные в духе идей славянского единства и взаимности, было гораздо больше увлечены освободительными идеями европейского революционного движения. Они с восторгом восприняли известие о восстании в Польше, решительно и безоговорочно встали на сторону поляков, увидев в них прежде всего борцов за свободу. Политическое кредо этого поколения нашло отражение в следующем широко распространенном в среде чешской молодежи куплете: "Русский хотя и славянин, по горька его кровь; не хочет быть битым кнутом чешский лев; мы на стороне поляков, на стороне наших сородичей"²⁴. Борьба за свободу народа стала для них самой главной и высшей целью.

Они не ограничились многообразными формами проявления симпатий полякам и выражения солидарности с их борьбой, а пытались помочь сражавшимся полякам конкретными действиями. Именно из их среды были те добровольцы, которые, как говорилось выше, отправились в Польшу, чтобы участвовать в боях.

Душой "поколения 20-летних" в Праге стал поклонник Байрона и Мицкевича поэт К.Г. Маха, который увидел в польском восстании "знамение времени" и призывал всех своих многочисленных друзей оказать поддержку полякам. Наиболее полно деятельность Махи развернулась после поражения восстания, когда он возглавил комитет по оказанию помощи польским эмигрантам, нелегально проезжавшим через Прагу и нуждавшимся в деньгах, одежде, продовольствии, почлеге. Членами комитета были близкие друзья Махи: К.Я. Ербен, Я. Калина, В. Штульц, Ант. Штробах, К. Сабина и др.

Публицистической трибуной молодого поколения стал журнал "Чехослав", издаваемый И.Я. Лангером. Именно в нем было опубликовано написанное Лангером под впечатлением польского восста-

ния стихотворение “Чешские леса”, в котором в аллегорической форме выражалась надежда на то, что только восстание может принести чехам освобождение от ига габсбургского абсолютизма.

Заметную роль в движении молодых играл Карел Сабина. Со своим другом Лешановским он основал тайный студенческий клуб, где наряду с литературной деятельностью занимались также политикой, который вскоре превратился в республиканский клуб²⁵.

Сабину подозревали также в том, что он является членом “Молодой Европы”. Молодой литератор горячо поддерживал польское восстание и оказывал помощь полякам-беженцам. Его полонофильство и революционный образ мыслей нашли отражение в стихах “Поляк”, “Ода к брату-врагу” и др. Основателем тайного союза по карбонарскому образцу был и друг Сабинны Я.С. Томичек, который после поражения восстания поддерживал контакты с польским эмигрантским центром в Париже и являлся как бы его представителем в Праге²⁶. Предполагают, что именно Томичеку принадлежит авторство заметки в “Пражских новинах”, направленной против русского царя, из-за которой пострадал редактор газеты Ф. Челаковский²⁷. Некоторые чехословацкие исследователи (Соучек, Жачек) высказывают мнение, что созданный Томичеком тайный союз являлся скорее всего секцией “Молодой Европы” — “Молодой Чехией” — и поддерживал связь с галицийским союзом “Стоважени люду польского” — филиалом “Молодой Польши”²⁸.

После поражения восстания “польский вопрос” горячо обсуждали друзья Махи Я.П. Кубек и В. Штульц. Сожалея о поражении восстания, Кубек считал, что в трагедии поляков повинны они сами, анархия, господствовавшая в Речи Посполитой, и своеволие магнатов, угнетавших народ. Для взглядов В. Штульца характерна эволюция от радикально-прогрессивного к консервативному полонофильству. Огромной заслугой Штульца был перевод произведений А. Мицкевича на чешский язык.

Наиболее критичную позицию по отношению к польскому восстанию занимал историк А.В. Шембера, о взглядах которого мы узнаем из его спора с Ф. Браунером. В самый разгар восстания он рекомендовал Браунеру не возлагать больших надежд на польские события (“отвлечь думы от хода истории на востоке”), предвещая “печальный, хотя быть может и героический конец варшавского восстания”²⁹. Говоря о победителях как о “полякоборцах”, он тем не менее в принципе не одобрял борьбы поляков против “закононого правительства” и не советовал чехам подражать им.

В развитие чешской политической поэзии, кроме Лангера, Сабинны и Махи, под влиянием польского восстания большой вклад внес и Ф.М. Клацел — поэт, один из чешских утопических социалистов XIX в. Его политическим кредо были свобода, ненависть к тирании и дворянским привилегиям. Он верил в торжество свободы, отсюда его стихи, полные восторга перед борьбой поляков. Клацел рассматривал ее как свидетельство еще не пробудившейся славянской силы, как надежду на обретение чехами свободы. Он полагал, что есть только одно решение польско-русского спора —

это возвращение свободы полякам и освобождение русских от ярма абсолютизма.

Из всего сказанного выше можно понять, какое сильное влияние польское восстание оказало на наиболее активные круги чешского общества, особенно на чешскую литературу, являющуюся в тогдашних условиях единственным дозволенным источником проявления национальных чаяний чехов.

Стихи чешских поэтов были мало известны широкому кругу читателей. Гораздо глубже проникали в народные массы распространенные в период польского восстания и позднее польские или полонофильские песни и куплеты. Польские песни приобрели широкую популярность в Чехии и стали таким образом выражением чешского свободомыслия. Наиболее известными из них были мазурка Хлопицкого "Наш Скрженецкий, боец храбрый, смелый" и "Еще Польша не погибла". Из немецких, весьма многочисленных "польских песен" в Чехии широкую известность получила песня Мозена "Последние десять из четвертого полка", переведенная на чешский язык К. Гавличеком. Из чешских песен, возникших под влиянием польского восстания, наиболее распространенной являлась песня "Гляди, храбро начала Варшава; спеша Прага, спеша за ней"³⁰.

С подавлением польского восстания воздействие его идей на чешское общество не только не прекратилось, но, наоборот, приобрело, несмотря на усиление полицейских мер, многообразные формы и более глубокий характер, поскольку в орбиту полонофильских настроений оказались вовлеченными широкие массы народа. Они вступали в непосредственные контакты с польскими беженцами и оказывали им помощь. Судьба польских революционеров и их образ мыслей оказали сильное воздействие на идеологию и программу чешского национального движения, которая приобретала все более отчетливо выраженный политический характер.

После поражения восстания на австрийскую территорию перешло приблизительно 20 тыс. интернированных солдат и офицеров из корпусов Дверницкого, Раморино, Каменьского, Ружицкого и других командующих. Часть из них после объявления царской амнистии возвратилась, но большинство направлялось на Запад. Австрийское правительство хотело как можно скорее избавиться от нежелательных "гостей" и не разрешало им задерживаться на своей территории.

Через чешские земли проходили три официально установленных пути транспортировки конвоируемых польских беженцев в Германию, а затем во Францию. Все они направлялись из Тешина, далее шли в Пруссию (через Моравска-Остраву и Опаву), в Саксонию (через Оломоуц, Градец-Кралове, Румбурк) и Баварию (через Южную Чехию). Этими путями проследовало большинство польских эмигрантов, среди которых были генералы Раморино, Лапгерманн, Ружицкий, Шембек, Шнейдер, политический деятель С. Ворцель, а также А. Островский, Ю. Заливский, Ф. Годельский, Г. Малаховский, граф В. Замойский и др.

Польских беженцев везде восторженно принимало чешское население, оказывая им ту или иную помощь. В память об этом в г. Зноймо на скале поляки оставили памятную доску с надписью "Польские офицеры жителям г. Знойно, 4 марта 1832 г." Благодаря встречам с польскими беженцами чешская общественность узнала о национально-освободительных идеях польского восстания.

Наряду с легальным путем чешскими патриотами была организована нелегальная переправа тех польских беженцев, которые в силу различных, чаще всего политических, причин не могли уехать на Запад открыто. В создании нелегальной сети временных пристанищ для польских беженцев, оказании им помощи денежными средствами, одеждой, продовольствием активную роль играли К.Г. Маха и его друзья. Маха возглавил тайный польский комитет, действовавший в Праге и пригородах — Карлине и Либне — и занимавшийся сбором средств и переправкой польских беженцев. Подобные пункты были организованы в других городах Чехии и Моравии: в г. Ческа-Тржебова Э. Мюллером, в г. Литомысль Ф. Браунером и др. В Кукленах (округ Градец-Кралове) поляки нашли приют у священника Т. Нарбута, а в г. Теплице — у врача Мейснера.

Часть беженцев нелегально переправлялась через словацкие области Венгрии. Там они находили часто не только временный, но и постоянный приют. Очень много для них значила материальная помощь местного населения, а также венгерского дворянства, открыто выражавшего свою солидарность с польским восстанием и укрывавшего польских беженцев от преследований австрийских властей.

В 1832 г. эта тайная сеть, занимавшаяся переправой поляков за границу, частично была раскрыта полицией. У одного из задержанных польских беженцев были обнаружены список лиц и пунктов, через которые ему следовало двигаться в Дрезден, пропуск-пароль, представлявший собой кусок картона с печатью и надписью "Christin". Австрийская полиция провела обыски у тех, чьи имена были в списке. У Ф. Браунера она обнаружила компрометирующие материалы, которые со всей очевидностью свидетельствовали о принадлежности его к нелегальной организации, созданной в целях оказания помощи польским революционерам при переправке их за границу. Кроме Браунера, в эту организацию входили Й. Швейгл, писарь в поместье Лихтенштейна в Румбурке, непосредственно переправлявший поляков через границу в Саксонию, и Ф. Лаутербах, юрист из г. Ческа-Липа. В ходе полицейского расследования Браунер ничего не отрицал, он с готовностью объяснил причины, побудившие его помогать полякам. С тех пор и вплоть до начала революции 1848 г. он находился под надзором полиции.

В Чехии организатором подобной деятельности являлся Ф.К. Кампелик, о котором также было известно, что он предпринимал тщетные попытки создать тайную организацию карбонарского типа. В нелегальной переправке польских беженцев ему помогли Ф. Зах и Я.С. Томичек. Известно также, что в 1835 г. Кампелик по рекомендации Л. Лукашевича становится членом краковской организации "Союза польского народа".

Польское восстание и акции солидарности с ним широких кругов чешского общества послужили настоящей политической школой для деятелей чешского национального движения, развитие которого в 30-е годы XIX в. было уже неразрывно связано с политическими тенденциями. Чешская патриотическая молодежь, созревшая в атмосфере европейского революционного движения начала 30-х годов, уже не могла пассивно смотреть на существовавшие условия общественной жизни. Она горела желанием вступить на революционный путь. И свою деятельность в области литературы и искусства она понимала как орудие национально-политической борьбы против изжившего себя феодального строя и абсолютизма. В условиях полицейского режима Меттерниха ее деятельность в этом направлении могла быть только нелегальной.

Выше упоминалось о тайном республиканском клубе К. Сабини (1831 г.). Многочисленные попытки создания в 30-е годы тайных революционных организаций по образцу польских связаны с именами Я.С. Томичека, К.С. Амерлинга, Ф.К. Кампелика и др. Многие из них поддерживали дружеские контакты с неоднократно проезжавшим (нелегально) через чешские земли польским эмиссаром Л. Лукашевицем.

Таким образом, мы видим, что воздействие польского восстания 1830—1831 гг. на Чехию было весьма многообразным. Оно не только способствовало превращению чешского национального движения из культурно-просветительского в национально-политическое, но и оказало большое влияние на трансформацию идеологических воззрений находившихся во главе этого движения чешских "будителей". Значительные перемены претерпела идея славянского единства Коллара, став идеей славянской литературной взаимности. Ее кризис привел, на наш взгляд, к созданию реальных условий для возникновения и последующего формирования идеи австрославизма. Изменилось и безоговорочное чешское русофильство, положив начало критическому отношению к царизму и проведению четких различий между царем и русским народом. Отношение к польскому восстанию ускорило процесс дифференциации чешского национально-политического лагеря, в котором накануне революции 1848—1849 гг. отчетливо проявились два течения — либерально-буржуазное и радикально-демократическое ("Рипил").

Польское восстание 1830—1831 гг. подняло идею солидарности славянских народов на более высокую ступень не только единства культуры, но и политической солидарности всех передовых, прогрессивно мыслящих сил тогдашнего общества, выступавших за ликвидацию феодализма и абсолютизма, за демократические права и свободу народов.

1 Novák J. Rakouská policie a politický vyvoj v Čechách před rokem 1848 // Sb. archivních prací. III. Č. 1-2. S. 49.

2 Krejčí K. Poláci v Čechách v době povstání listopadového a "velké emigrace" // Slovanský přehled. 1930. Č. 8. S. 587.

3 Ústřední státní archiv. Praes. 1831-1835. 6/6; PGT B 28/XXXXVI (Далее: ÚSA).

- 4 *Žaček V.* Z revolučních a politických polsko-slovenských styků v době predmarcovej. Br., 1966. S. 19.
- 5 Ibid.
- 6 *Pražské noviny.* 1831. 27. marce. C. 24.
- 7 *Krejčí K.* Op. cit. S. 592.
- 8 *USA.* Praes. PGT R 28/C XXXXVI.
- 9 *Čenský F.* Z dob našeho probuzení. Pr., 1875; *Kočí J.* České národní obrození, Pr., 1978. S. 360-361.
- 10 *USA.* PGT R 28/C. Č. 638 g; *Žaček V.* Čechové a Poláci před r. 1848. Pr., 1947. Část 1. S. 105.
- 11 *Žaček V.* Z revolučních... S. 25.
- 12 *Žaček V.* František Zach. Pr., 1977.
- 13 *Krejčí K.* Op. cit. S. 594-595.
- 14 Ibid.
- 15 *Kočí J.* Op. cit. S. 360.
- 16 *Žaček V.* Čechové a Poláci... S. 89.
- 17 *Dějiny česko-ruských vztahů.* Pr., 1976. S. 112-113
- 18 *Žaček V.* Čechové a Poláci... S. 91.
- 19 Ibid.
- 20 *Dějiny česko-ruských vztahů...* S. 113.
- 21 *Žaček V.* Čechové a Poláci... S. 91-92.
- 22 Ibid.
- 23 *Časopis českého muzea.* 1830,
- 24 *Frič J.V.* Paměti. Pr., 1891. Díl. 3. S. 11.
- 25 *Slavík V.O.* K.A. Vinařického korespondence a listy pomětní. Pr., 1909. Sv. 2. S. 265.
- 26 *Malý J.* Vzpomínky a úvahy starého vlastence. Pr., 1872. S. 78-79.
- 27 *Žaček V.* Čechové a Poláci... S. 97.
- 28 *Souček S.* Dvě pozdní mistifikace. S. 50.
- 29 *A.B. Шембера Ф.* Браунеру из Брюно 11 марта 1831 (USA. PGT B 28/c Polen).
- 30 *Frič J.V.* Op. cit. Díl. 1. S. 40.

Т.И. Студеникина

**РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ
ВО ВЗАИМНЫХ СВЯЗЯХ
ПОЛЬСКИХ И НЕМЕЦКИХ ДЕМОКРАТОВ
30–40-х ГОДОВ XIX в.**

Польско-немецкие связи под знаком антифеодальной солидарности в 30–40-е годы XIX в., т.е. в так называемый предмартовский период, не были явлением исключительным на фоне общего в то время для европейских демократов стремления к межнациональному сотрудничеству. И все же нельзя не заметить, что имело поляки и немцы проявляли при этом особенно большую активность и особенно устойчивую обоюдную заинтересованность. Это имело своим результатом как взаимное идейное влияние, так и установление в том или ином виде реальных, практических связей. Однако процесс сближения польских и немецких демократов, даже если рассматривать его развитие лишь в рамках указанных двух предреволюционных десятилетий, не шел по нарастающей; здесь были и подъемы, и спады, причем наиболее яркие примеры проявления солидарности не всегда приходились на периоды наивысшей социальной и политической напряженности в польском и немецком обществах*.

Изю всей совокупности проявлений оппозиционности в польском и немецком обществах в указанные годы выделим те течения, которые имели бы определенное типологическое сходство по своему социальному облику и политической направленности. Только применительно к ним корректно ставить вопрос о попытках воплотить идею действительно межнациональной политической солидарности, основанной на осознанной общности как близких целей, так и устремленных в более отдаленное будущее идеалов, а не о конъюнктурных, заключавшихся в благоприятной на определенный момент ситуации соглашениях.

Таковыми течениями, взаимное сближение которых обуславливалось логикой развития общественно-политической ситуации и могло иметь под собой достаточно прочное идейное основание, являлись левое крыло польского национально-освободительного движения (так называемая левица) и немецкая мелкобуржуазная демократия. Идейное развитие деятелей этих направлений шло в русле

---

* Как в польской, так и в немецкой историографии для обозначения этого временного отрезка приняты свои специальные названия: соответственно "Przedwiosna" и "Vormärz". Оба они призваны ассоциативно указывать на главную особенность периода как времени, предшествовавшего революционному взрыву 1848 г.

буржуазного демократизма. Применимость такой характеристики в отношении польской левицы, самой активной и многочисленной силой которой в 30—40-е годы XIX в. были выходцы из шляхетского сословия, вполне оправдана, ибо она отражала интересы социальных групп, стремившихся к уничтожению феодальных порядков¹. Ведя борьбу за восстановление независимого государства, шляхетские демократы всю свою революционную активность направляли на подрыв основ феодально-абсолютистского Священного союза, а сочувствующих “польскому делу” искали, естественно, в лагере его противников — в республиканской Франции, среди представителей демократических движений других стран, в частности Германии.

Своеобразие немецкого антифеодального движения заключалось в его ярко выраженном мелкобуржуазном характере. Идеи буржуазно-демократических преобразований вынашивались и формулировались в политическую программу представителями торгово-ремесленных слоев и мелкобуржуазной интеллигенции. Социально-экономическое положение мелкой буржуазии в Германии, ее роль в общественно-политической борьбе имели немало общего с положением и функцией в польском обществе деклассированной шляхты. Занимая промежуточное положение в сословно-классовой структуре, испытывая постоянную угрозу оказаться на низших ступенях социальной лестницы, немецкие мелкие буржуа, подобно безземельным шляхтичам в Польше, обладали значительным революционным потенциалом².

В оппозиционных движениях в переходный от феодализма к капитализму период наряду с социальной обусловленностью определяющим являлся национальный фактор, что было связано с развитием в обществе нациообразующих процессов. Национальная принадлежность деятелей и идеологов придавала своеобразную окраску и пропагандируемым идеям, и практическим действиям, в особенности когда дело касалось межнациональных отношений. Лидеры оппозиционных движений использовали зарождавшееся чувство национальной общности как мощный социально-психологический и идейный фактор, мобилирующий широкие слои общества.

Национально-государственная идея с большей или меньшей определенностью разрабатывалась в программу создания независимого централизованного национального государства, в котором воплотились бы социально-политические идеалы буржуазной демократии. В случае же, когда процессы модернизации охватывали общество, не преодолевшее на предыдущем историческом этапе государственно-политическую раздробленность или утерявшее государственную самостоятельность и независимость, национальный вопрос вставал особенно остро.

Так было в Германии и Польше, где для обеспечения жизнеспособности формировавшихся наций необходимо было привести в соответствие факторы социального прогресса с условиями, возникшими по мере развития нациообразующих процессов. Конечно, в силу объективных различий в положении двух народов путь к

решению проблемы был в каждом случае свой. Поляки стремились к освобождению из-под инонационального гнета и восстановлению своей государственности, чему препятствовала система Священного союза, одним из членов которого была Прусская монархия. Перед немцами стояла задача объединения и решения непременно возникшего при этом вопроса об отношении к угнетаемым Пруссией народам, в том числе к полякам.

Исторически сложилось так, что судьбы двух наций оказались в сложном переплетении. Немецкие оппозиционеры не могли не учитывать революционизирующего влияния национально-освободительной борьбы поляков, а польские демократы со своей стороны обоснованно рассчитывали на поддержку тех сил в Германии, которые выступали против феодально-абсолютистской системы и, в частности, стремились подорвать могущество ее оплота на немецкой земле — Прусской монархии. Неудивительно поэтому, что для польских и немецких демократов проблема взаимных отношений (в широком понимании как межнациональных и в более узком, так сказать, на “партийном” уровне) представляла первостепенное значение, и разработка ее была важной компонентой их идейно-теоретической деятельности в период, предшествовавший революции 1848—1849 гг.

Политическое партнерство представителей левых течений в данном случае имело вполне реальную почву, и осознание этого факта с необходимостью вело к диалогу и обмену мнениями. Возникшее общение при определенных обстоятельствах могло быть доведено до практического сотрудничества, до согласованных действий.

Вместе с тем идеологи буржуазно-демократических движений, осознавая взаимообусловленность социальных и национальных процессов и пытаясь зафиксировать эту объективную черту общественного развития в своих программах, не всегда умели находить верное сопряжение двух тенденций. Порой пересечение социальных и национальных интересов рождало сложные коллизии. В отношении между политическими единомышленниками разной национальности всегда была основа не только для сближения, но и для отчуждения, что обуславливалось как причинами объективного характера, так и национальными особенностями ментальности конкретных деятелей.

Демократическая мысль в Польше и в Германии развивалась в одном ритме, испытывая влияние одних и тех же философских и идейно-политических течений (концепций просветителей, эгалитарных идей Великой Французской революции, учений социалистов-утопистов и др.). Все же при сопоставлении наиболее существенных черт мировоззрений идеологов демократического движения в Польше и Германии в 30—40-е годы XIX в. выясняется, что в целом арсенал немецких непролетарских демократов был более умеренным, чем у левого крыла польского освободительного движения.

Среди немецких мелкобуржуазных деятелей не удастся выя-

вить “партию”, сопоставимую с радикальными группировками польских демократов (исключением является, пожалуй, только “партия красной республики”, очень немногочисленная, сформировавшаяся “на излете” революции 1848—1849 гг. в ходе ожесточенных, хотя уже арьергардных боев, которые вели наиболее последовательные оппозиционеры с силами феодальной реакции). “Якобинская” традиция, прослеживающаяся в движении буршеншафтов 20-х—начала 30-х годов, была прервана в период репрессий 30-х годов и не восстановлена на следующем этапе буржуазного оппозиционного движения в 40-е годы. Причиной относительной слабости революционных выступлений немецких непролетарских демократов наряду с государственно-политической раздробленностью Германии было также и то, что формирование буржуазной демократии как политической силы здесь шло параллельно с зарождением рабочего движения. В рабочем движении с самого начала довольно широкое распространение получили уравнилельные идеи разных вариантов социальных утопий, что несколько умеряло радикализм буржуазных демократов.

Еще одно обстоятельство, повлиявшее на характер немецкого демократического движения, — это отсутствие угрозы войны с внешней контрреволюцией. В качестве альтернативного примера обычно приводят Францию, где опасность контрреволюционной интервенции в период революции была вполне реальной. Но показательно и сопоставление с историей польского освободительного движения, которое также дает подтверждение тому, что внешний фактор может оказывать стимулирующее влияние на рост общественной активности. Именно национально-освободительная направленность деятельности шляхетских революционеров была причиной того, что их программы, тактические установки, организационные формы оказались более разработанными, чем у немецких демократов. Идеологи польского демократического лагеря признавали необходимость национального восстания как средства достижения независимости. Идея национального восстания была неременным звеном разрабатываемых концепций и, очевидно, придавала им особенную заостренность, поскольку отрицание политического статус-кво подталкивало к признанию неизбежности социальных преобразований. Кроме того, фактор повстанческой борьбы оказывал на шляхетских идеологов и опосредованное влияние. Ускоряя рост национального самосознания в польском обществе, он способствовал активизации масс, что требовало большего внимания к социальным вопросам.

Отношения, в которые вступали между собой польские и немецкие демократы, следует рассматривать как производное определенных умозрительных построений, связанных самым непосредственным образом со всем комплексом их идей по национальному вопросу. Принципиальное значение при этом имеют такие ключевые понятия, как “нация”, “народ”, “патриотизм”.

Польские слова “lud”, “naród” и соответственно немецкие “Volk”, “Nation” были в 30—40-е годы “на кончике пера” польских и немецких публицистов демократического направления. Причем и

те и другие не соотносили их с каким-либо реальным государственным образованием. Для поляков это было вполне естественно, поскольку польскую государственность ликвидировали разделы. Но и немецкие мелкобуржуазные идеологи не апеллировали к понятию государства, признавая тем самым ненормальность унаследованных от предыдущей эпохи условий княжеского партикуляризма. (В официальной политической номенклатуре немецких княжеств, напротив, слово "Nation" в те годы не было принято. Так, все жители Пруссии именовались "пруссаками", "пруским народом".)

Строгого определения нации не выработали ни польские, ни немецкие идеологи демократического движения 30—40-х годов. В их абстрактных теоретических рассуждениях по этому поводу очень ярко проявились эклектизм, бессистемность, столь свойственные их философским и социологическим взглядам в целом. Вместе с тем, когда вопрос ставился конкретно, т.е. когда речь шла об отношении к народу как решающей силе национальной и антифеодальной борьбы, и польские, и немецкие демократы обнаруживали довольно верное представление о сложном составе нации, о разделяющих ее социальных противоречиях, о несовпадении интересов и функций различных социальных групп, участвующих в нациообразующих процессах, о разной степени их политической активности.

В польской передовой общественной мысли в это время уже утвердилось романтическое представление о нации как исторически сложившейся общности, отличной от других во всех своих проявлениях, имеющей право на свободное и независимое существование.

В ходе осмысления шляхетскими демократами опыта Ноябрьского восстания 1830 г. понятие "нация" наполняется общественно-политическим содержанием и значительно демократизируется. Постепенно нацию начинают отождествлять с народом ("людом"). В программном документе "Молодой Польши" (1834 г.) "люд" определен как "общность людей, составляющих нацию". "Под нацией необходимо понимать только совокупность простого народа", — писал Э. Дембовский⁴.

Вместе с тем само понятие "люд" понималось неоднозначно. В документах Польского демократического общества (ПДО), у М. Мохнацкого, А. Мицкевича оно толковалось как масса непривилегированных, не стоящих у власти членов общества. В доктринах "громад" "Люда польского" понятие "люд" было более конкретным — под ним подразумевали главным образом крестьян. К такой точке зрения был близок И. Лелевель. О крестьянстве как основном сословии польской нации писал и Г. Каменьский. В крестьянских массах видел главную силу национального возрождения Польши Я.Н. Яновский.

В концепциях левицы народ рассматривался как хранитель "существенных черт польской национальности" и в этом смысле противопоставлялся "предавшей национальные интересы" шляхте. В соответствии с таким представлением, решались вопросы о руково-

дящей силе национально-освободительной борьбы, о модели будущего государства, об отношениях собственности и в конечном счете о земле.

Идеологи польской демократии в эмиграции, обсуждая роль различных сословий в национально-освободительной борьбе, в целом мало внимания уделяли городским слоям, не считая их значительной общественно-политической силой. (Правда, у Т. Кремповецкого встречается выражение “трудящийся люд городов и сел”.) Вместе с тем конспираторы, действовавшие в 40-е годы в Польше, вели агитационную работу не только среди крестьян, но и в городских низах, видя в них активных участников будущего восстания. Крестьянам, ремесленникам, официалистам адресует П. Сцегенный, один из организаторов и идеологов национально-освободительного движения, свою “Золотую книжечку”. Из ремесленников, мелких торговцев и солдат познанского гарнизона состоял возглавляемый В. Стефаньским “Союз плембеев”. Демократические организации были созданы среди краковских ремесленников и рабочих.

В немецкой публицистике тех лет также обсуждалась суть понятий “народ” и “нация” и их соотношение. И опять все тот же набор идей, характерных для концепции романтизма.

Либерально мыслящие политики первостепенное значение придавали таким элементам национальной общности, как язык, обычаи, культурные традиции; при этом подчеркивались внутренняя спаянность и внешняя взаимоотноужденность и даже враждебность отдельных народов. В воззрениях демократов вопрос о нации и национальном единстве был связан с задачей устранения монархических режимов в немецких княжествах, введения народного представительства. Для них понятие “нация” (“Nation”) имело конкретное социально-классовое наполнение, становилось синонимом народа (“Volk”), в определении которого немецкие мелкобуржуазные идеологи 40-х годов обнаруживают много общего с польской левицей.

В немецкой демократической мысли в 40-е годы словом “Volk” обозначались трудящиеся слои населения. Именно они, по представлениям мелкобуржуазных идеологов, и заключали в себе наиболее здоровые силы нации. “Народ, — писал демократ из Альтенбурга А. Дуэ, — это все те, кто живет не за чужой счет, а кормит себя сам честной и усердной работой”⁵.

Вместе с тем для немецких демократов в отличие от польских ядро народа, а следовательно, и нации составляло не крестьянство, а представители городского населения — “трудящиеся бюргеры” (название употребляемое Г. Струве, одним из наиболее популярных в Германии в 40-е годы мелкобуржуазных деятелей). Похожее выражение встречаем у И. Якоби⁶. Это выглядит вполне логичным, если учесть особенности социальной структуры немецкого общества, в силу которых мелкая торгово-ремесленная буржуазия была в Германии накануне революции 1848—1849 гг. массовой основой демократического движения. Характерно, что идеологи либерального направления при определении носителя “немецкого национально-го духа” пользовались другим выражением — “имущие бюргеры”.

В ходе революции 1848—1849 гг. часть мелкобуржуазных деятелей, разочаровавшись в политических позициях ремесленников, внесла коррективы в свои представления о народных массах как главной движущей силе в борьбе за демократию и национальное объединение. Правда, еще в начале 30-х годов наиболее решительные деятели антифеодальной оппозиции в Германии призывали “вернуться к низшим слоям”. Так, Г. Бюхнер, один из лидеров буржуазно-демократического движения в Гессене, считал необходимым вести агитационную и организационную работу среди “необразованных классов”. Л. Берне в своих “Парижских письмах”, пользовавшихся большой популярностью в кругах прогрессивной общественности (часть писем в виде листовок нелегально распространялась в Германии), писал о растущем возмущении плебейских слоев, неуправляемое бунтарство которых страшило немецких бюргеров.

Однако в те годы даже в самых смелых своих планах мелкобуржуазные идеологи не рассматривали плебейство как один из отрядов антифеодального и национального движения и не отводили этой социальной категории сколько-нибудь конструктивной роли в борьбе за “возрождение национального духа” немецкого народа.

В 1848 г., в условиях революционного кризиса, в ожесточенных спорах родилась новая, более радикальная концепция, ориентированная на низшие, плебейские слои, предпролетариат, мелкое крестьянство, социальная активность которых все возрастала. Тем не менее эта концепция не стала господствующей среди немецких демократов, подобно тому как не были господствующими в польской левнице взгляды революционных демократов.

Таким образом, в эволюции понятия нации в польской и немецкой демократической мысли выявляется сходная тенденция к отождествлению ее с массами трудящегося населения. Разница заключается в том, что в одном случае ведущей силой признавалось крестьянство, в другом — бюргеры, т.е. средние слои города. Соответственно дальнейшая радикализация понятия была связана с включением в него беднейших категорий сельского населения — безземельных крестьян, сельскохозяйственных рабочих и плебейских слоев. В этом направлении развивались взгляды членов “громад” “Люда польского”, деятелей революционно-демократической конспирации на польских землях, а в Германии — приверженцев “партии красной республики”.

Как уже говорилось, демократические концепции нации и народа в 30—40-е годы складывались при сильном влиянии романтизма, точнее, его прогрессивных “версий”. Одна из особенностей романтического подхода к оценке своеобразных качеств и перспектив развития народа — обращение к его более или менее отдаленному историческому прошлому и идеализация определенных черт его социально-политического быта предшествующей эпохи.

Прогрессивные мыслители-романтики считали феодальные институты и обычаи губительными для пробуждающегося национального чувства народа. Верно угадывая новизну явлений, связанных с

процессом становления нации и ростом национального самосознания, они, однако, видели суть их в возрождении старых, некогда утраченных черт народа. Апелляция к истории была своего рода формой отрицания феодальных порядков, одним из аргументов, доказывающих необходимость “обращения к истокам” и приведения в соответствие реального положения народа изначально присущим ему национальным свойствам. В польской общественной мысли эта особенность оставила очень яркий след. Наиболее известный и достаточно подробно описанный в специальной литературе пример — теория гминовладства И. Лелевеля, воспринятая идеологами демократического лагеря.

Склонность к подобного рода ретроспекциям, которые, правда, не нашли выражения в столь завершённой форме, проявляли и теоретики демократического движения в Германии. Они утверждали, что дух свободы, равенства и единства искони присущ немцам. Карл Науверк, известный в те годы публицист-демократ, младогегельянец, в статье “Слово о свободной государственной конституции” (Гамбург, 1841 г.) обосновывал “историческое право” немецкого народа на конституцию, доказывая, что народное представительство и народный суверенитет имеют исторические корни в старогерманских обычаях народовластия и не являются поэтому для немцев чем-то неестественным и чужеродным. Он рисует идеальные картины прошлого, когда князь избирался публичным голосованием, когда марка, т.е. община, объединяла равных и свободных землевладельцев и бюргеров.

“Иные противники народного представительства, — пишет К. Науверк, — не читают книг по истории, а то бы они знали, что немецкие сословия обладали необычайно большой властью и что князья, когда им не хватало домениальных доходов, обращались к сословиям с просьбой о субсидиях”. Для Науверка “политическое будущее немцев — это облагороженная, обогащённая всем содержанием новейшей цивилизации старогерманская свобода”⁷. Очевидно, эти, как и другие, пассажи его статьи перекликаются с соответствующими изречениями польских демократов, которые в поисках социальных идеалов также обращали свои взоры к минувшим временам — к эпохе “дохристианской славящины” (Э. Дембовский), “языческой древности” (В. Хельтман, Я.Н. Яновский).

Представления демократов о нации и народе были почвой, на которой рождалась и развивалась их концепция патриотизма.

В польском освободительном движении со времени разделов Речи Посполитой патриотическое звучание разрабатываемых идейно-политических доктрин определялось тем, что в основе каждой из них лежали идеи восстановления государственности и независимости. Но деятели разных направлений внутри польского освободительного лагеря по-разному представляли себе пути ее реализации. А потому и содержание, вкладываемое в понятие патриотизм, было неодинаковым.

Для левого крыла польского освободительного движения понятие служения отечеству неразрывно связано с отрицанием не толь-

ко той системы национального угнетения, что была установлена феодальными монархиями на польских землях, но и феодальных порядков вообще. Цель патриотической борьбы в представлении польских демократов, учитывавших опыт ноябрьского восстания, — не возрождение Речи Посполитой, являвшейся государством лишь “одной касты”, а создание новой государственно-политической системы на основах буржуазной демократии.

Примечательно, что во второй половине 30-х и в 40-е годы польские демократы меньше внимания уделяли вопросу о границах государства, за воссоздание которого боролись. Наиболее радикальные деятели вообще откладывали его решение на более отдаленное время. “Речь идет не о географии Польши, а о ее сути, — писал Т. Кремповецкий, — ... речь идет не о границах XVIII в., а о расширении границ гораздо более обширных, т.е. о возвращении народу права, отнятого в века бесправия... Речь идет не о политической независимости, а о независимости гражданской...”⁶

Ярко выраженная антифеодалная направленность — это то, что отличало патриотизм демократов от его трактовок идеологами консервативного и либерального направлений, которые видели исключительно национально-освободительный аспект патриотической деятельности, настаивали на ее надклассовом, независимом от конкретной расстановки социальных сил характере. Вместе с тем определенная часть шляхетских демократов, например умеренное крыло ПДО, верила в возможность достижения внутреннего мира между сословиями и объединения всего общества под лозунгом национальной борьбы с иноземными угнетателями. Нередко, особенно в моменты повышенной социальной напряженности, в частности в период восстания 1846 г., революции 1848–1849 гг., идеологи левизы стремились смягчить антишляхетские акценты в агитационных документах, исходивших от демократических группировок, избегали прямых обвинений в адрес шляхты за ее недемократизм в крестьянском вопросе.

Вследствие этого затушевывался социальный аспект, вновь терялась нащупанная с таким трудом в ходе болезненного осмысления уроков предыдущих освободительных восстаний связь задач национального и социального освобождения. В результате в программах, разрабатываемых в 40-е годы, национально-политические требования явно доминировали над социальными. Отчасти по этой причине лозунги конспираторов, связанных с ПДО, не получали должного отклика среди крестьян, хотя в теоретических построениях шляхетских демократических идеологов как раз им отводилась роль массовой движущей силы национально-освободительного восстания.

Вместе с тем суждение о степени “отзывчивости” польского крестьянина на национально-политические лозунги не должно быть однозначным. Ведь “галицийской резне” 1846 г. — факту национальной дезориентации галицийских крестьян — можно противопоставить и другой факт: высокую активность в антипрусских выступлениях познанских крестьян, косинеров армии Л. Мерославско-

го весной 1848 г. То обстоятельство, что шляхетское руководство восстанием, исходя из соображений "единства нации", сформулировало довольно умеренную социальную программу, не выдвинув требования ликвидации помещичьей собственности на землю, в данном случае не охладило национального энтузиазма крестьян.

Идейное развитие немецких радикалов шло через преодоление не менее сложных коллизий, возникавших при попытках совместить неудовлетворенность существующим общественно-политическим устроением с тем кругом представлений, которые естественным образом складывались по мере осознания собственной национальной идентичности. В стремлении достичь желанной гармонии идеи прогресса и идеи отечества немецкие демократические политики, всегда склонные рефлексировать, предались напряженным логическим упражнениям, что обратилось во многие страницы публицистических сочинений, посвященных "национальной идее". Причем конечная цель-идеал — свободное развитие личности как частицы всего человечества и в то же время члена определенного национального сообщества — понималась одинаково, но выводы делались разные.

Критический пафос патриотизма немецких демократических идеологов проявлялся, пожалуй, с еще большей силой, чем у поляков, антифеодалные настроения которых в значительной мере были направлены против феодализма и абсолютизма "чужеземного". У немцев почти всегда речь шла о внутренних врагах, о своих, "домашних" угнетателях. И если среди демократов некоторых княжеств, например Саксонии, Бадена, имели распространение антирусские настроения, то сила их была все же не столь значительной, чтобы влиять на общую направленность демократических программ.

В это время в Германии в буржуазно-либеральных кругах распространяются националистические идеи, и немецкие демократы, формулируя свою концепцию национального вопроса, не только оказывались в оппозиции к официальной консервативно-монархической идеологии, но вступали в острые идейные споры с националистически настроенными либералами. Это со всей очевидностью обнаружилось в середине 30-х годов в полемике между поэтом и публицистом демократической ориентации Л. Берне и либеральным историком В. Менцелем. Полемика эта имела широкий резонанс в общественном мнении Германии и дала многим политическим деятелям повод для декларации собственных взглядов.

У В. Менцеля "реакционный национализм" являлся прямым продолжением антидемократизма в общеполитических вопросах. Все проявления вольнодумства и свободомыслия Германии он считал следствием "пагубного" влияния идей Французской революции, а выступления немецких демократов рассматривал как акции, инспирированные иностранцами "подстрекателями". Такой взгляд был типичен для представителей либерального направления в буржуазном движении. Не случайно именно работы В. Менцеля избрал в качестве объекта критики Л. Берне, а его статья "Менцель — по-

жиратель французов” стала одним из первых изложений демократической концепции патриотизма как альтернативы не только “патриотизму князей”, но и националистическим взглядам либеральной буржуазии?

В 40-е годы тема патриотизма — в центре внимания немецких мелкобуржуазных демократов. Оживление общественной жизни в немецких княжествах в начале предреволюционного десятилетия было связано, помимо прочего, с ростом национального самосознания немцев. При это очень заметное стимулирующее влияние имел так называемый Рейнский кризис — немецко-французский конфликт, возникший осенью 1840 г. вследствие притязаний Франции на левобережье Рейна. Реакция на это событие, неодинаковая у представителей разных политических группировок в немецком общественном движении, выявила основные принципы, с которыми подходили они к решению национальной проблемы.

В консервативных и либеральных кругах Рейнский кризис вызвал всплеск враждебных по отношению к Франции настроений. Иные голоса звучали в прогрессивном лагере. С решительной критикой национальной агрессивности по отношению к французам выступили представители передовой интеллигенции, в частности Г. Гейне. Для мелкобуржуазных демократических политиков и публицистов, развернувших по этому поводу широкую политическую дискуссию, предметом обсуждения стали не права немцев или французов на спорные земли, не принципы установления государственной границы между двумя народами, а характер их внутривнутриполитической жизни и степень его соответствия потребностям прогрессивного и свободного развития обеих наций. Причем выводы делались разные — от оправдания территориальных притязаний французов как граждан, живущих в условиях более прогрессивной государственно-политической системы, до призывов к войне с Францией. Так, Г. Гервег и в своих стихах, и в публицистике однозначно утверждал, имея в виду немцев, что “народ, не стремящийся к свободе, не может претендовать ни на пядь земли, ни на каплю воды, а значит, и на левый берег Рейна”¹⁰.

И.Ф. Беккер, не менее горячий приверженец “свободы и равенства”, принципов, которые в те годы в сознании всех европейских демократов были неразрывно связаны с Францией, приходит к заключению, что Франция утратила в глазах прогрессивной общенности Европы свою “монополию” на свободу, а следовательно, авторитет и уважение народов, которыми она пользовалась в первые десятилетия века. Потребовав отторжения от Германского союза Эльзаса и Лотарингии, французы нарушили “незыблемый принцип равенства народов”. В этих условиях, пишет И.Ф. Беккер, “никоим образом нельзя согласиться с тем, что война с Францией может уничтожить свободу в Европе, наоборот, мы уверены, что в этой справедливой войне дух свободы воспрянет и окрепнет...”¹¹.

Совершенно очевидно, что негативное отношение Беккера к современной ему Франции не противоречило, а проистекало из его общеполитической ориентации и не имело ничего общего с фран-

кофобией и “оборончеством” либералов и консерваторов. Война с Францией рассматривалась им не как средство защиты границ прусской монархии, а как революционная борьба с антидемократическим внешнеполитическим курсом французского правительства. В последующие годы к проблеме соединения патриотической идеи с освободительными лозунгами буржуазного демократизма не раз обращается А. Руге — один из главных идеологов немецкого демократического движения. С присущей ему резкостью и безапелляционностью обосновывает он тезис: истинный немец не имеет права на любовь к отечеству до тех пор, пока не станет свободным гражданином в своей стране. “Патриотизм, — читаем в его работе “Два года в Париже” (1846 г.), — только тогда имеет смысл, когда он воодушевляет на защиту свободной и гуманной общественной системы...”¹²

Пространные рассуждения о любви к отечеству, о гражданском долге, многочисленные примеры которых дает прогрессивная публицистика 30—40-х годов, были важны не сами по себе, а как необходимая теоретическая основа для решения проблемы расширения социальной базы антифеодального и национального движения. Эта проблема стояла очень остро и перед польскими, и перед немецкими демократами. И те и другие придавали большое значение распространению патриотических идей в массах в соответствии с их пониманием “народа”. Идеологов ПДО в этой связи тревожил вопрос: почему крестьяне оставались равнодушными к патриотическим лозунгам, выдвигаемым повстанцами? Обсуждению этого вопроса, в частности, посвящен один из разделов известного документа Общества — “Разбор социально-политических вопросов”. Много на этот счет писали Я.Н. Яновский, В. Хельтман, В. Дараш, Г. Каменьский, Т. Кремповецкий. В результате развернувшейся во второй половине 30-х—начале 40-х годов дискуссии был сделан важный вывод о прямой зависимости между социально-правовым положением народа и уровнем его политического и национального самосознания.

В народных массах, писал В. Хельтман, имея в виду прежде всего крестьянство, сильны патриотические чувства, готовность к борьбе за национальную независимость, но поднять их на эту борьбу можно, лишь освободив от внутренних угнетателей, т.е. упразднив отношения феодальной зависимости, “вернув крестьянам отнятую собственность, предоставив им политические и гражданские права”. Возрождение Польши возможно только через достижение “интеллектуальной, моральной и материальной самостоятельности народа”, читаем у Т. Кремповецкого¹³.

О воспитании патриотических чувств в народе много писали немецкие демократические публицисты. Для них тоже было очевидным, что только свободные и полноправные в своем отечестве граждане способны решать задачи прогрессивного развития нации. Но обсуждая задачу активизации народных масс, вовлечения их в борьбу с феодальным абсолютизмом, теоретики мелкобуржуазной демократии в Германии больше внимания уделяли вопросу разви-

тия в массах политического самосознания, выработке у потенциальных участников революционного движения государственно-политического мышления. Задача дня, утверждал А. Руге, преодолеть “тупоумное обывательское сознание” и воспитать “полный жизни чуткий политический ум”. Та же мысль прослеживается у И. Якоби, лидера восточнопрусских демократов: “Без политического образования духовное и нравственное воспитание... народа остается неполным... Единственный путь к политическому образованию народа — его участие в государственной жизни”¹⁴.

Руководствуясь такими соображениями, немецкие демократы в своей агитационно-пропагандистской работе накануне и в ходе революции 1848—1849 гг. делали упор на политические аспекты антифеодальной борьбы, считая, что на первом этапе возглавляемое ими движение должно добиться введения всеобщего избирательного права, свободы печати и собраний, созыва парламента как органа народного представительства с участием депутатов от всех немецких княжеств. Лишь после этого можно и должно переходить к конкретному обсуждению и решению проблем социального развития и национального объединения. “Для свободы, — читаем в статье А. Руге, написанной в 1843 г., — единство Германии имеет гораздо меньшее значение, чем суверенитет (народа. — Т.С.)”¹⁵.

В целом взгляды немецких мелкобуржуазных демократов на весь комплекс национальных проблем в сравнении с интерпретациями их польской левицей несут на себе более заметную печать космополитизма. Так, сентенция А. Руге: “для цивилизованного человека отечество — всюду, где он пользуется свободой”, или же употребляемый им космополитический афоризм: “ubi bene ibi Patria” казались бы совершенно неестественными для польского демократа, тогда как в немецкой демократической публицистике можно найти множество подобных изречений.

Примечательна, и прежде всего своей прямолинейностью и категоричностью, выдержка из статьи, опубликованной в газете демократического направления “Мангеймер абендцайтунг” от 18 апреля 1848 г., т.е. уже в период революции: “Мы ставим национальность ниже понятия свободы, мы требуем отказа от национальности, там, где она находится в конфликте со свободой...” И далее — очень существенное замечание: “Истинный космополит... признает значение национальности, но лишь как необходимую ступень в развитии человечества...”

Это различие в определении приоритетности социальных и национальных факторов общественного развития польскими и немецкими демократами проступает достаточно явственно в характере их отношений к другим народам и государствам, а более всего — в их диалоге. Немецкие участники его большое внимание обращали на социальные аспекты польских национально-освободительных восстаний, всегда с настороженностью отмечая, что во главе движения (включая его левое крыло) стоят выходцы из привилегированного сословия. Для польских демократов, учитывавших, конечно, социально-политические взгляды своих немецких партнеров, все же

очень весомым аргументом в пользу сотрудничества была готовность их к активным действиям, направленным на разрушение сложившейся в Центральной Европе политической системы и в первую очередь на подрыв влияния России. Не случайно, их особыми симпатиями среди немецких демократов и в период подъема антифеодального движения в начале 30-х годов, и в 40-е годы пользовались те, кто призывал к немедленному политическому перевороту (пусть и без основательной социальной базы) и к "революционной войне с азиатчиной".

К началу 30-х годов, когда и в польском, и в немецком общественном движении отчетливо выделилось левое, буржуазно-демократическое по своей социально-политической направленности течение, обе стороны, очевидно, уже имели представление об особенностях и потенциальных возможностях друг друга. Был и некоторый опыт межнациональных конспиративных связей, вынесенный из участия в карбонарских организациях. Именно на подъеме карбонарского движения 20-х годов польские и немецкие левые деятели впервые вошли в непосредственные сношения. Возникавшие в тот период в среде студенчества радикальные союзы и корпорации, являлись, по сути, разновидностью карбонарских вент. Хотя они и строились чаще всего по национальному принципу, но стремились к связям с родственными по духу организациями.

Так, довольно тесные отношения связывали варшавских студентов из патриотических обществ "Панта Коина" и "Союз свободных поляков" с радикальным немецким студенчеством, в частности с таким видным организатором его и идеологом, как К. Фоллен. Поляки, обучавшиеся в университетах Германии, находили политических единомышленников в немецких студенческих союзах буршеншафта, становились их членами. Особенно оживленным было общение польской и немецкой академической молодежи в стенах Берлинского и Вроцлавского университетов. В основанный в 1819 г. в Берлинском университете филиал варшавской "Панта Коины" был введен представитель немецких студентов. На протяжении нескольких лет поддерживались связи между созданной А. Крашевским и Ц. Яроховским в Берлине "Полонией" и буршеншафтом "Арминия". Аналогичные корпорации во Вроцлавском университете, выступавшие под теми же названиями, пошли дальше — они заключили соглашение о выработке единых позиций как при решении вопросов внутриакадемической жизни, так и при обсуждении общеполитических проблем.

В среду немецкого радикального студенчества проникали сведения о польских тайных обществах "филоматов" и "филаретов", созданных в Виленском университете. Примечательно, что власти Королевства Польского, собирая информацию об их деятельности, пользовались, помимо прочего, услугами агента, "работавшего" на территории Германского союза.

Репрессивные меры против студенческих организаций на какое-то время прервали их деятельность, нарушив и установленные в их лоне польско-немецкие контакты. Но очень скоро идея совмес-

твой борьбы польских и немецких оппозиционеров зазвучала с новой силой. Ее влияние вышло за рамки студенческого движения и распространилось на широкие круги польской и немецкой прогрессивной общественности. Это было связано с ростом в начале 30-х годов польского национально-освободительного движения и активизацией демократических сил в немецких княжествах. Существенное значение имела при этом и общая ситуация в Европе. В условиях нового революционного подъема ярко проявилось стремление европейских демократов к объединению, к созданию общеевропейского идейно-политического союза прогрессивных сил. Одной из форм такого союза было движение солидарности с национально-освободительной борьбой угнетенных и зависимых народов. Событием европейского значения стало восстание в Королевстве Польском в 1830—1831 гг. Борьба польских повстанцев, воодушевленных успехом Июльской революции во Франции, национальных движений в Бельгии, Италии, Швейцарии, политическим брожением в Германии, в свою очередь оказывала революционизирующее влияние на рост оппозиционного движения в других странах. Солидарность с польскими повстанцами была признанием международного значения их борьбы, подрывающей основы системы Священного союза. Выступления в их поддержку по всей Европе оказывались гораздо более массовыми, имели более определенную политическую направленность, чем сходное в принципе явление филэллинизма 20-х годов.

Этот факт свидетельствовал о том, что в социально-политической обстановке в Европе в течение десятилетия произошли существенные изменения. Под влиянием быстро прогрессирующего процесса генезиса капитализма, с ростом классовой и национальной борьбы в отдельных странах усиливалась и тенденция к консолидации противостоящих друг другу сил реакции и демократии в международном масштабе. Это понимали современники. «Каково сейчас первейшее, наиглавнейшее и наивысшее стремление народов? — писал в 1833 г. А. Мицкевич. — Не колеблясь, скажем, что это стремление к согласию, к соединению, к отождествлению интересов, без чего невозможно будет понять всеобщей свободы». И дальше: «Теперь расширились неимоверно политическая сцена и перспективы народов»¹⁶.

Показателен и такой факт. В 1833 г. после попытки вооруженного выступления немецких республиканцев во Франкфурте-на-Майне Союзный сейм (объединяющий орган Германского союза) создал Центральную службу полиции и надзора, которая позже стала именоваться «Информационное бюро в Майнце». Задачей этой службы были сбор сведений и слежка за деятелями оппозиционного движения не только в пределах немецких государств, но и по всей Европе с целью «дать возможность правительствам... своевременно принимать необходимые меры»¹⁷.

Именно в это время, т.е. в первые годы так называемой Большой эмиграции польские демократы ощутили необходимость сформулировать и обосновать как пункт своей программы борьбы за

возрождение Польши идею союза с европейским прогрессивным лагерем. Во многих документах ПДО, начиная с Акта основания 1832 г., в “Книгах польского народа и польского пилигримства” А. Мицкевича, в произведении Я. Чиньского “Цесаревич Константин и Иоханна Грудзиньская, или Польские якобинцы”, в работах других демократических публицистов эта идея, получив определенную аргументацию в духе якобинства, была развита в политическую программу совместной борьбы народов против деспотизма. От общих положений типа “свобода, всеобщее благо — единая для всего человечества цель”, “стремящиеся к свободе народы имеют взаимное право рассчитывать на помощь и должны ее оказывать другим” к утверждению: “какой-либо один народ Европы не может защитить свою свободу, если он окружен грозными соседями, деспотизмом и темнотой” и, наконец, к конкретному: “восстановление независимой Польши — дело всей прогрессивной Европы” — таким был ход рассуждений польских демократов. Главное в этой схеме — тесная увязка задач общеевропейского социального и политического прогресса и национальных целей каждого отдельного народа, в том числе польского.

Распри между народами, писал Я.Н. Яновский в “Кратком политическом катехизисе”, “используют к своей выгоде те, кто сидит на троне и чья опора — всякого рода привилегированные”. Но “с развитием просвещения чувство гуманности соединит народы и удушит деспотизм”. Говоря о неизбежности столкновения абсолютизма со стремящимися к свободе народами, публицист определил это столкновение как “всеобщую”, “популярную” (в смысле — народную), “социальную” революцию, которая на благо всего общества установит новый порядок, “принесет суверенность каждому народу и гарантирует свободу гражданам”.

В Акте основания ПДО подчеркивалось, что поляки вправе ждать помощи от европейской демократии только при условии, если встанут на уровень “просвещенной Европы”, т.е. если их патриотическая деятельность будет основываться на демократических идеалах, если их целью станет “благо подавляющего большинства проживающих на территории Польши граждан”¹⁸. Та же идея, но в обратной формуле — в словах Я. Альциаты, утверждавшего, что ПДО было создано “под влиянием внешней революции как выражение желания и готовности поляков к гармоничному в ней участию...”¹⁹.

Идея революционного сотрудничества народов имела своих приверженцев и среди тех конспираторов-демократов, которые действовали непосредственно на польских землях. П. Сцегенный в “Золотой книжечке” выразил ее, сообразуясь в характером своей аудитории, в такой своеобразной форме: “Крестьянин из Жмуди, крестьянин из Литвы, украинец, поляк, русский, немецкий крестьянин и крестьянин из Франции — это все тот же крестьянин... Пускай крестьяне, мещане, солдаты одной страны держатся вместе с крестьянами, мещанами и солдатами другой страны; тогда паны, чиновники, офицеры не будут нам надоедать, не будут, как скотину, гонять нас на

работу; не будут обирать нас, предавать, убивать... Не будем слушаться царей, королей, господ, тогда наша беда кончится"²⁰.

Высказывания, совершенно определенно свидетельствующие о приверженности международному демократическому сотрудничеству, встречаем и у многих других деятелей левого крыла польского освободительного движения — в "Демократическом катехизисе" Г. Каменского, в различных статьях Э. Дембовского, в агитационных текстах конспираторов 1846 г.

В немецкой демократической мысли представление о естественности и возможности союза с прогрессивными силами Европы утверждается примерно в то же время. Само понятие "братства народов" как воплощение якобинской идеи объединения народов в борьбе против монархических режимов пришло в Германию из революционной Франции (в провозглашенной якобинцами известной триаде понятие "братство" имело и объединительно-патриотический, и универсалистский смысл, о чем свидетельствуют многие документы)²¹. В первые десятилетия XIX в. немецкие прогрессивные публицисты упорно ищут в немецком языке такой аналог французскому "fraternité", который определенно передавал бы демократическое содержание этого понятия. В 40-е годы термин "Brüderlichkeit" прочно вошел в словарь баденских демократов. "Лишь слово "республика", — писал Г. Струве, — которое вновь будит воспоминания о французской революции прошлого столетия, о формуле "свобода, равенство, братство", электризует все народы Европы". В эти годы разрабатывал свой план "интеллектуального альянса" немцев и французов А. Руге. В 1846 г. в письме к писателю, сочувствовавшему демократическому движению, он доказывал приоритет в развернувшейся на континенте общественно-политической борьбе "партийного принципа" над национальным: "...Повсюду реакции теснейшим образом связаны между собой и действуют против свободных народов. Разве не должны мы перед лицом этого космополитического союза деспотии и иезуитства выйти за границы наших деревень?.. Свободный француз мне милее, чем немецкий реакционер, поскольку он близок моей партии и исповедует те же принципы, что и я"²².

Идея революционной солидарности была одной из ведущих в политической лирике и публицистике Г. Гервега накануне и во время революции 1848—1849 гг. Народы "выступают едино на поле битвы, ведя последний непримиримый бой за неотъемлемые права каждого человека", — писал он, приветствуя новую волну антиабсолютистских выступлений в Европе²³. Поэт был одним из организаторов и руководителей авантюрного похода немецкого "революционного легиона" из Парижа в Баден весной 1848 г.

И.Ф. Беккер логично связывал идею межнациональной солидарности с идеей равенства народов: "Наше отношение к другим народам должно оставаться неизменным: свобода, равенство народов, союз народов — навечно наш девиз! Прогрессивная общественность Германии привержена "возвышенной идее союза народов, союза равных. С этой идеей встретила Германия Июльскую революцию; с

этой идеей обнимали немецкие бюргеры польских героев; с этой идеей приветствовала Германия Италию, Испанию и Англию, протянула руку венграм, шведам и швейцарцам²⁴.

Как видно, и польские, и немецкие демократы в предреволюционное десятилетие теоретически восприняли идею международного сотрудничества левых сил, более того, она стала одной из составляющих их пропагандистского арсенала. Одновременно предпринимались шаги и к практическому ее осуществлению — и тем решительнее, чем напряженнее становилась общественно-политическая ситуация на континенте, чем стремительнее нарастал революционный кризис.

Конкретный разговор о двусторонних связях между польскими и немецкими демократами завязался в начале 30-х годов. Ноябрьское восстание и последующая деятельность польских эмигрантов — “беспокойного элемента” европейской политической жизни 30—40-х годов прошлого века — вызывали сочувствующий отклик в кругах прогрессивной немецкой общественности.

Революционизирующее влияние национально-освободительной борьбы поляков на Европу отмечали в то время и в официальных сферах, но, естественно, с противоположным, негативным к нему отношением. В 1846 г. Меттерних, анализируя причины восстания в Галиции, писал: “Полонизм является только формой, под которой скрывается революция в наиболее ярком своем проявлении; он есть сама эта революция... об этом свидетельствуют ставшие известными притязания польской эмиграции. (Имелись в виду планы Польского демократического общества по подготовке общепольского восстания в 1846 г. — *Т.С.*) Полонизм объявляет войну не трем державам, которые владеют бывшими польскими землями; он объявляет войну всем существующим учреждениям, он проповедует ниспровержение всех основ, на которых строится общество; борьба с ним поэтому является делом не только трех держав, но всеобщим долгом”. В унисон с этим звучит выражение И.Ф. Паскевича о польской эмиграции как “язве, равно вредной для всех монархических держав”. Прусский посол в Париже Вертер еще в начале 30-х годов писал оберпрезиденту Рейнской провинции: “Их (т.е. поляков. — *Т.С.*) появление в Германии может принести только несчастье, поскольку нет сомнений в том, что немецкие революционеры считают их вспомогательным отрядом²⁵”.

Вместе с тем патриотическая деятельность поляков в зависимости от обстоятельств получала разную направленность. С одной стороны, само по себе польское национально-освободительное движение никогда не являлось политически и организационно единым. Среди участников его как в эмиграции, так и в самой Польше были представители, пожалуй, всех известных в то время общественно-политических движений — от консервативных до революционно-демократических. С другой стороны, в напряженной социально-политической атмосфере, сложившейся в Европе в 30—40-е годы прошлого века, польский вопрос нередко использовался как средство в борьбе за массы, за политическое влияние. При этом поль-

ские эмигранты, продолжавшие в изгнании борьбу за национальное возрождение Польши, оказывались союзниками не только демократических сил. Их энтузиазм и активность стремились использовать и политики из умеренно-либерального и консервативного лагеря.

В такой ситуации в начале 30-х годов и возникло в общественной жизни Германии сложное и противоречивое явление, традиционно именуемое “польским воодушевлением” (“Polenbegeisterung”)²⁶. Это было охватившее широкие слои немецкого общества движение солидарности с польскими повстанцами. Оценить его однозначно невозможно. Здесь политический расчет мешался с эмоциональным порывом, а рождавшееся на почве единства целей чувство революционной солидарности — с конъюнктурным стремлением извлечь определенные политические выгоды.

Движение имело ярко выраженный политический характер. Выступления немецкой общественности в защиту “польского дела” во время Ноябрьского восстания и позже, когда повстанцы по пути в эмиграцию проходили через немецкие княжества, стали одним из проявлений буржуазной оппозиционности. Это была своеобразная форма борьбы с опиравшейся на силу Священного союза внутренней реакцией в Германии. “Польское воодушевление” охватило, по сути, весь лагерь антифеодальной оппозиции — и умеренных, и более решительных противников существующих порядков. (Более точное определение разных оттенков оппозиции в данном случае невозможно, поскольку процесс ее идейного размежевания в это время только начинался.)

Естественно, что мотивация, как и конкретные формы выражения солидарности с польскими повстанцами, не могли быть одинаковыми. Общей была только изначальная посылка: национально-освободительная борьба поляков, ослабляя реакционную систему Венского конгресса, создает благоприятные условия для объединения на конституционных основах немецких княжеств, т.е. способствует решению национального вопроса в самой Германии. В немецкой публицистике того времени осуждаются разделы Польши как акты, противоречащие международному праву, широко обсуждаются планы восстановления Польши в границах 1772 г. в качестве буферного государства между будущей конституционной Германией и царской Россией. Ряд исследователей считают, что эти планы имели и экономическую подоплеку. Восстановление Польши в границах 1772 г. означало появление на востоке от Германии нового довольно емкого, примерно 20 млн человек, рынка, который в то время был закрыт для немецких предпринимателей русской охранительной таможенной системой. В сравнении с этой экономической выгодой незначительными казались территориальные потери, неизбежные при восстановлении польского государства. От них в первую очередь могли пострадать прусские юнкеры, а либеральные и демократические концепции объединения Германии обычно имели как раз антипрусскую направленность, хотя и не ярко выраженную.

В пропольской кампании в прессе участвовали и деятели уме-

ренной оппозиции (К. Ротек, К. Велкер), и более радикальные политики, испытывавшие влияние республиканских традиций (И. Вирт). Однако это единство в позициях немецких полонофилов было лишь внешним. В глубине обозначались, правда, пока не очень четко, различия, которые в принципе соотносимы с имевшимися в лагере оппозиции разногласиями по общеполитическим вопросам. Для одних была важна чисто функциональная роль польского восстания, наносившего удар по режиму реставрации в Европе. Это соответствовало планам постепенного (в обход острых социальных конфликтов) преобразования монархических режимов в Германии в буржуазно-конституционные. Сторонников такого умеренно либерального варианта мало интересовали обнаружившиеся в ходе Ноябрьского восстания острые социальные проблемы и в целом остались ими не поняты. Среди либеральных кругов немецкой общественности распространилось неверное представление о восстании как о всенародном выступлении, в котором и крестьяне, и шляхта были единодушны и в равной мере проявили национальный энтузиазм.

Вместе с тем в движении обнаружила себя и другая струя и соответственно другая концепция отношения к польским повстанцам. Часть немецких полонофилов совершенно определенно связывала свои пропольские симпатии с задачей осуществления в немецком обществе глубоких революционно-демократических преобразований. Это была численно небольшая, но активная группа, состоявшая главным образом из представителей прогрессивной мелкобуржуазной интеллигенции. Считая, как и умеренные, что освободительная борьба поляков увеличивает шансы на объединение Германии, более радикальные полонофилы само это объединение представляли иначе. Их политическим идеалом была демократическая республика, которая в условиях Германии могла быть создана только в результате буржуазно-демократической революции.

Именно с учетом такой перспективы оценивали они деятельность польских повстанцев. В этом случае польское национально-освободительное движение должно было служить не только инструментом в борьбе с реакционным Священным союзом (что в рамках этой концепции тоже учитывалось). Оно давало, кроме того, примеры организации конспиративной деятельности, направленной на подготовку народного восстания. В этой связи высказывались и критические замечания о некоторых чертах Ноябрьского восстания (тех, что позже дали Ф. Энгельсу повод охарактеризовать его как "консервативную революцию"). Такая позиция могла возникнуть только на основе признания социального аспекта польской национально-освободительной борьбы.

Среди "друзей Польши" в Германии в начале 30-х годов были и такие, кто уже в то время заметил внутреннюю дифференциацию в польском патриотическом лагере и, имея представление о положении феодально зависимого польского крестьянства, видел незначительную роль шляхты в восстании. Так, поэт К. Херлосзон, солидаризируясь с польскими повстанцами, считал, что их национальная борьба должна быть связана с борьбой против феодальной сис-

темы. В ранних “польских” стихах Р. Блюма акцентируется антифеодалный аспект национального движения. Одно из них Р. Блюм посвятил “низшему сословию”, выражая совершенно явно свою антипатию к дворянству, пытавшемуся использовать восстание для укрепления своих позиций класса-эксплуататора.

В ходе такого рода размышлений по поводу Ноябрьского восстания в среде немецкой прогрессивной общественности рождалось представление о совпадении целей, стоящих перед польским освободительным лагерем и буржуазно-демократическими силами Германии. Завершающим звеном в демократической концепции “польских симпатий” был вывод о необходимости объединения усилий польских и немецких демократов в борьбе с внутренней и внешней феодальной реакцией. Представители радикального направления в немецком оппозиционном движении уже в начале 30-х годов рассчитывали на непосредственное участие польских эмигрантов в планируемых ими революционных акциях в самой Германии.

Известно, что восстание во Франкфурте в 1833 г. и экспедиция Заливского были акциями одного плана намеченных польскими и немецкими демократами выступлений. В это время среди деятелей европейских прогрессивных движений широко распространилось мнение о неизбежности в самом недалеком будущем нового общеевропейского революционного подъема. При этом очагом “грядущей революции” должна была стать Германия, а восстания в Польше, Франции, Италии и Венгрии — ее непосредственным продолжением.

Исходя из убеждения, что восстановление свободной Польши возможно лишь вследствие большого, европейского масштаба революционного потрясения, вероятнее всего, серии революций, часть польских демократов со своей стороны тоже питала надежды на скорое общее восстание европейских народов против существующего социального и политического порядка. Причем в 1832 г. в их среде прочно утвердилось мнение, что на сей раз призыв к революции прозвучит в Германии. Этим объясняется повышенное внимание демократических публицистов, обнаруживавших при этом хорошую осведомленность, к политической ситуации в немецких княжествах, к усилению оппозиционных и национально-объединительных тенденций в немецком общественном движении.

На какое-то время “немецкая тема” стала центральной в польской эмигрантской публицистике демократического направления. В полемике вокруг проблемы о перспективах оппозиционного движения в Германии углублялось идейное размежевание эмиграции. Очевидно, что для польских демократов принципиальное значение имел вопрос, какая концепция объединения Германии — “сверху” или “снизу” — утвердится. Вера в возможность создания централизованного немецкого государства на демократических основах, а значит, ликвидации де-факто реакционного Священного союза, которую польские патриоты хранили на протяжении десятилетий вплоть до конца 50-х годов, придавала особую устойчивость их интереса к Германии.

В начале 1830-х годов лелевелевский Польский национальный комитет устанавливает непосредственные контакты с более чем 40 немецкими "польскими обществами" — организациями, созданными немецкими оппозиционерами для оказания помощи проходившим через земли Германского союза эмигрантам из Польши. (Такие общества, число которых по приблизительным подсчетам достигало 100, в 1831 и 1832 гг. существовали во всех немецких княжествах, за исключением Пруссии и Ганновера, где их деятельность была запрещена властями.) Делегаты от комитета И. Лелевеля во главе с Я. Чиньским участвовали в крупнейшей манифестации оппозиционных сил Южной и Западной Германии в Гамбахе в мае 1832 г. Там же присутствовал в качестве официального представителя ПДО Т. Кремповецкий. В это же время А. Пулавский, один из основателей ПДО, вел переговоры о сотрудничестве с издателями прогрессивных немецких журналов И. Виртом, Ф. Штромейером. Было достигнуто соглашение о публикации в Германии идейно-пропагандистских материалов ПДО, однако преследования властей (арест Вирта, ужесточение цензуры в отношении либеральных и демократических органов печати) прервали эти многообещающие связи.

Во многих мемуарах польских эмигрантов, задержавшихся по пути в Париж на немецкой земле, есть заметки о впечатлениях, оставшихся у них от общения с прогрессивными немецкими кругами. "Под влиянием прусской и австрийской политики, — писал, например, К. Брониковский, — мы привыкли видеть угнетателей во всех немцах, так что многие поляки не верили поступавшим из Германии во время революции (имеется в виду Ноябрьское восстание. — Т.С.) сообщениям о сочувствии... Наша столь многочисленная эмиграция открыла нам глаза, и с этих пор мы будем проклинать не немцев, а правительственные органы, ежели они впредь не переменят своего поведения в отношении польской национальности"²⁷.

Контакты, установленные в начале 30-х годов, хотя во многих случаях и были прерваны еще на стадии планов, имели очень большое значение. В последующие годы, когда заходила речь о возможности польско-немецкого сотрудничества, то обращались именно к опыту 30-х годов как к прецеденту, достойному внимания. Воспоминания о времени "польского воодушевления", в частности, во многом способствовали тому, что прогрессивная общественность в Германии с таким сочувствием к полякам восприняла известие о Краковской революции, заговоре в Познанском княжестве.

Не только в демократических, но и в либеральных кругах резко отрицательно отнеслись к решению держав о ликвидации Краковской республики. "Политической глупостью" назвал это решение Фарихаген фон Энзе. "Правительства слепы, они прилежно работают на свою погибель; последние остатки доверия уничтожены; бесстыдный произвол показал себя без всякого прикрытия", — написал он в своем дневнике 22 ноября 1846 г. А в личном письме, датированном маем 1845 г., он с сожалением замечал, что гер-

маниторская политика прусской администрации в Познанском княжестве "имела печальные последствия — славяне повсеместно потеряли доверие к немцам..."²³.

Известны многие факты проявления солидарности с поляками в 1846—1847 гг. В Силезии население приветствовало интернированных участников Краковского восстания, предоставляя им жилье, деньги, одежду. В Саксонии обе палаты провинциального собрания организовали манифестацию солидарности с находившимися там польскими эмигрантами; в этой обстановке правительство вынуждено было временно приостановить действие соглашения о выдаче политэмигрантов (в частности, речь шла конкретно о Я. Тыссовском). Открыто в поддержку освободительной борьбы поляков выступили и немецкие демократы в эмиграции.

Издававшаяся в Брюсселе демократическая "Дойче брюсселер цайтунг", протестуя против аннексии Кракова и утверждая право польского народа на борьбу за национальную независимость, провозглашала в качестве альтернативы союзу правящих классов Германии с царизмом сотрудничество немецкого и польского народов в борьбе против трех угнетающих Польшу держав.

Неудивительно, что в это время связи между представителями левого крыла в польском освободительном движении и немецкими демократами становятся более разнообразными. Через Германию по-прежнему проходили основные транзитные пути, по которым из эмиграции в Польшу и обратно проникали эмиссары, переправлялась конспиративная литература, оружие. Есть достоверные сведения о прямом участии в этом немецких демократов, например Р. Блюма, К. Мартина. Сообщениями о пересылке через немецкие города польской эмигрантской литературы и о нелегальном пребывании там поляков пестрят донесения тайных агентов Третьего отделения, например, донесения за 1839—1841 гг. из Берлина прусского чиновника Ведеке, завербованного Третьим отделением, Сен-Леже (Бакье) из Парижа за 1838—1839 гг., агента Гольдмана из Саксонии за 1846 г.

Сведениями о посредничестве немцев в хранении и нелегальной пересылке польской эмигрантской литературы располагала и берлинская полиция. Так, в 1846 г. ее агентами был выявлен лейпцигский книготорговец Бер, поддерживавший связи с польскими эмигрантами и помогавший им переправлять литературу из Парижа в Варшаву²⁹.

В 40-е годы наряду с саксонскими городами местом средоточия поляков становится прусская столица. Ядро польской колонии в Берлине образовывали студенты университета, главным образом выходцы из Познаньского княжества. Эта социально активная, легко возбудимая к оппозиционным выступлениям студенческая среда была очень отзывчива на всякого рода конспиративные мероприятия.

С 1846 г. в полицейских донесениях об "интригах поляков" все чаще упоминается Берлин. Пребывание здесь поляков вызывает явное беспокойство властей. "В Берлине — напряженная обстанов-

ка, вызванная действиями польской конфедерации, — читаем в одном из полицейских рапортов, датированном 17 февраля 1846 г. — ...Здесь обучается много молодых поляков и концентрируется духовная сила нового образованного поколения... Нет сомнений, что многие участники познанского заговора бежали через Берлин". Примерно в это же время полицей-президент Познани Минутоли сообщал в Берлин, что туда направился Леон Рымаркевич с целью "наладить контакты между эмиграцией и участниками недавно раскрытого заговора".

В январе 1847 г. прусский министр внутренних дел фон Бодельшвинг писал президенту берлинской полиции Путткаммеру по поводу деятельности польских эмигрантов: "В планах партии, которая стремится к восстановлению польского государства, — сделать Царство Польское главным театром нового восстания... Берлин для руководителей этого плана — сборный пункт".

В документах из фондов берлинской полиции нередко попадаются указания на факты, на основании которых можно предположить, что пребывавшие в Берлине поляки пользовались в то время расположением определенной части местных жителей. Так, в упомянутом рапорте назван некий Гирт фон Герхардт — "друг поляков". В донесении одного из полицейских комиссаров, помеченном 20 февраля 1846 г., дается сводка разговоров и отдельных высказываний берлинцев "в пользу польского дела", подслушанных агентами в общественных местах³⁰. К агентурным реляциям, конечно, следует относиться очень осторожно, но уже одно то, что перед агентами специально ставилась задача наблюдения за поляками, проживавшими или временно задерживавшимися в немецких городах, говорит о том, что интерес и подозрения полиции должны были иметь реальные основания.

В 1845 г., в период подготовки национально-освободительного восстания, ПДО обратилось к саксонским демократам с просьбой развернуть в Германии пропольскую кампанию с целью ориентировать общественное мнение на морально-политическую поддержку освободительной борьбы поляков. Возможность совместных антиправительственных акций обсуждалась в личной беседе Л. Мерославского с Р. Блюмом в Лейпциге в мае 1845 г. О конспиративных связях между польскими и немецкими демократами в это время есть некоторые косвенные свидетельства и в польских мемуарах. Так, А. Гуттри, рассказывая о ходе подготовки Познанского восстания летом 1845 г., заметил: "Самым печальным было известие, привезенное Неголевским из Германии о том, что тамошние комитеты сообщили через посредство Блюма в Лейпциге и Шеффеля во Вроцлаве, что не может быть и речи об ускорении революции, ибо немецкие общества находятся еще только в стадии образования, а власти немецких государств развернули активную деятельность и преследуют патриотов на каждом шагу"³¹.

К этому можно прибавить: Минутоли, сообщая в Берлин сведения, добытые полицией, напавшей на след познанских конспираторов, подчеркивал, что те "не придают значения национальности

участников заговора, поскольку идея коммунизма... должна объединить в совместной деятельности как немцев, так и поляков³².

В 40-е годы заметно расширяется география мест, где возможно было непосредственное общение польских патриотов с представителями прогрессивной немецкой общественности. Довольно устойчивые контакты возникли и поддерживались в эмиграции, где польские и немецкие демократы входили в одни и те же международные организации — в “Братские демократы” в Лондоне, “Демократическую ассоциацию” в Брюсселе.

Можно предположить, что связи между польскими и немецкими эмигрантами не ограничивались рамками этих организаций, хотя источники дают на сей счет крайне скудную информацию. В пользу такого предположения говорят, к примеру, сигналы, поступавшие в Третье отделение от заграничных агентов. Так, в сообщении агента из Парижа за 1838—1840 гг. неоднократно упоминается имя известного немецкого радикального публициста и общественного деятеля Я. Венедей и именно в связи с тем, что он поддерживал отношения с “итальянскими, польскими и немецкими комитетам”. При этом указывается на любопытное обстоятельство: этот “очень опасный человек” был консультантом поляков в их работе над проектом конституции. “Он состоит, — уточняет агент, — в более близких отношениях с демократами, но не отказался помочь и князю” (имеется в виду А. Чарторыйский). В другом донесении, помеченным январем 1848 г., речь идет о “возобновлении работы над проектом польской конституции”, временно отложенной в связи с отъездом Венедей из Парижа. Примечательно, что агент называет здесь еще одного участника этой работы — Н.И. Тургенева³³.

Приведенные сведения перекликаются с тем, что писал в Третье отделение приблизительно в то же время русский посланник в Берлине барон Мейндорф (не исключено, правда, что его осведомителем был все тот же агент): “В течение всего лета имели место собрания в загородном доме Тургенева... Здесь видели большое число эмигрантов всех стран... Сюда приходили Венедей, неизвестный поляк и два иностранца, вероятно, русские, и работали с Тургеньевым, занятым в это время составлением проекта конституции для России, а также законодательства для Польши”³⁴.

Более определенно можно говорить о прямых связях Г. Гервега с деятелями ПДО. Они установились в 1844 г., когда поэт обосновался в Париже. Возможно, что в круг польских знакомств Г. Гервега ввела его жена Э. Зигмунд. Она с детских лет была в дружбе с Эмилией Счанецкой, часто бывала в ее имении Пакослав близ Познани и имела знакомых среди проживавших в Берлине поляков. Ее интерес к польским делам, симпатии к освободительной борьбе польского народа совершенно определенно отразились в дневнике и письмах. В одно из посещений Познанского княжества в начале 40-х годов Э. Зигмунд записала: “Народ здесь так красив, из ста крестьян вряд ли найдется один, чье лицо не вызывало бы интереса. И этот народ — в оковах! Эта мысль не укладывается у меня в

голове". В письмах из Пакослава Гервегу она неоднократно сообщала о своих знакомых, передавал по их поручению приветствия и слова признания поэту, который приобрел популярность не только как автор свободолобивых стихов, но и как горячий приверженец демократических принципов³⁵.

Посредником между Г. Гервегом и польскими демократами в эмиграции мог быть и М.А. Бакунин, который в предреволюционные годы поддерживал очень близкие, дружеские отношения с поэтом. Что же касается связей с поляками самого М.А. Бакунина, то они уже в 40-е годы были довольно обширными.

Еще одна возможность для сближения и установления непосредственных контактов накануне революции возникла и была использована представителями прогрессивных кругов польской и немецкой общественности в связи с начавшимся в Берлине в августе 1847 г. так называемым "моабитским процессом" — следствием по делу 254 поляков, обвиняемых в подготовке восстания в Познани в 1846 г. К этому времени в прусской столице сложились благоприятные условия для того, чтобы передовая общественность оказалась тем или иным образом посвященной в проблемы польского патриотического движения и проявила заинтересованное сочувствие. Центром пропаганды "польского дела" стал Берлинский университет, где образовалось сравнительно многочисленное польское землячество, а пользовавшийся авторитетом в немецком научном мире В. Цибульский заведовал кафедрой. Это обстоятельство было замечено польской стороной. В это время левица, рассчитывая на поддержку немецких демократов, имела в виду не только Саксонию, считавшуюся уже традиционным центром немецкого полонофильства. Вполне определенные надежды связывались и с Пруссией, где все решительнее выступала антиабсолютистская оппозиция.

Накануне польского восстания 1846 г. в Германии был распространен любопытный документ — "Адрес поляков к Германии", составленный, как значится в подписи под ним, "в стране изгнания 29 ноября 1845 года"³⁶. Он интересен прежде всего тем, что обращен к пруссакам и поднимает вопрос о путях объединения Германии и о роли, которую надлежит сыграть при этом Пруссии. Главная идея, проводимая в этом документе, — взаимообусловленность решений двух крупных проблем общеевропейского значения — восстановления независимости Польши и централизации немецких княжеств.

По мнению авторов этого документа, создание единой Германии возможно лишь на основе демократической конституции и при условии выхода Пруссии из Священного союза, поскольку именно она как наиболее сильное немецкое государство способна возглавить движение за объединение. Задача дня для прогрессивных сил Пруссии "порвать с антифранцузской коалицией и, опираясь на Францию и Польшу, объявить войну России и Австрии". Как видно, такой подход к решению германского вопроса соответствовал тем представлениям, что были заложены в планы общепольского, направленного против царизма восстания, которые вынашивались в

эти годы в эмиграции и которые пытался осуществить, в частности, Л. Мерославский.

Процесс над познанскими конспираторами вызвал широкий отклик по всей Германии, показав, как писал современник, что "в немецкой общественности не остыли еще симпатии, с которыми она встречала польских эмигрантов 17 лет назад". Этому в немалой степени способствовали как публичный характер судебного разбирательства (что само по себе было явлением совершенно необычным для дела о "государственной измене"), так и поведение на суде участников заговора, и прежде всего его главного организатора Л. Мерославского. Учитывая все более явный рост оппозиционных настроений и обострение идейно-политической борьбы в немецком обществе, обвиняемые пытались использовать процесс в целях пропаганды "польского дела", стремясь расширить ряды сочувствующих в Германии. Попытки эти оказались безуспешными. По воспоминаниям современников, в течение полутора лет, пока собирался обвинительный материал и велось следствие, к процессу над поляками (из-за своей длительности он получил название "гигантского") было приковано внимание всех приверженных прогрессивным идеям того времени немцев.

Объявив, что судебное разбирательство будет вестись при открытых дверях, правительство допустило очевидный просчет. Процесс не стал назидательным уроком для "бунтарей" и "демагогов"; не предостерег он и немецких полонофилов от излишне теплых чувств по отношению к "изменникам-полякам". Более того, он произвел обратный эффект. В ходе следствия и во время суда (Л. Мерославский положил на это немало усилий) польский заговор предстал перед общественным мнением Германии в ином свете, нежели желал того Фридрих Вильгельм IV.

Во-первых, выяснилось, и обвиняемые на этом упорно настаивали, что заговор 1846 г. не имел антипрусской направленности. Прусской части Польши, т.е. Познанскому княжеству, по плану предопределена была роль плацдарма для собирания повстанческих сил, главный удар которых нецелен был на восток, с выходом к границе 1772 г. Во-вторых, весь план восстания строился, как заявляли на следствии и на суде поляки, с расчетом на одновременное начало революции в Германии, а следовательно, на возможность сотрудничества польских и немецких демократов. Эти признания были сделаны познанскими конспираторами с явной целью активизировать демократическую оппозицию в немецких княжествах и ориентировать ее на поддержку патриотической борьбы поляков.

Ход процесса широко освещался в немецкой печати. Газеты разных направлений публиковали отчеты о судебных заседаниях, сопровождая их соответствующими комментариями. Речь Л. Мерославского публиковалась чуть ли не всеми европейскими газетами. Судя по материалам прессы, воспоминаниям современников, сочувствующих "моабитским узникам" было достаточно не только среди демократов, но и среди тех, кто придерживался умеренных поли-

тических взглядов. Как известно, именно под воздействием общественного мнения прусские власти вынуждены были пойти на смягчение приговора. Фарнхаген фон Энзе отметил в дневнике, что приговор привел в ярость одного из лидеров "реакционной партии" — принца Пруссии, призывавшего Фридриха Вильгельма IV следовать примеру судебно-полицейских служб царизма.

Свидетельством того, как воспринимали процесс в демократических кругах, могут служить комментарии газеты "Мангеймер абендцайтунг", в которых выражалось не просто признание права польского народа на борьбу за национальное возрождение, но и более четкое, чем в период "польского воодушевления" начала 30-х годов, представление о ее социально-политическом аспекте. "Платные слуги... монархического принципа и господствующей политической системы, — писала газета 10 декабря 1847 г., — вершили суд над демократией, которая во имя свободы и равенства подняла знамя революции в Польше... Да, это был суд победителя над побежденным, но не торжествующего народа над народом; потерпевшим поражение; это был суд монархии над демократией".

Сочувствием и озабоченностью судьбой подсудимых, беспокойством по поводу того, что приговор будет суровым, проникнуты все сообщения о моабитском процессе, публиковавшиеся в другой газете прогрессивного направления — "Берлинер цайтунгсхалле". В декабре 1847 г., например, газета неоднократно писала о пребывании в Берлине сестры Л. Мерославского К. Мазуркевич и о том живом участии, которое вызвали у берлинцев ее попытки добиться от властей разрешения посетить брата в Моабитской тюрьме*.

Вместе с тем неверно было бы ограничивать реакцию немецкой общественности на "польское дело" 1846 г. лишь выражением сочувствия подсудимым. Как сами события в Кракове и Познани, так и процесс в Берлине побудили демократических публицистов более пристально взглянуть на проблемы польской национально-освободительной борьбы, определить свое отношение к повстанческим планам левицы. В 1846—1947 гг. в немецкой прессе появляются статьи, в которых предпринимаются попытки выявить характер и причины поражения Краковского восстания. При этом авторы, очевидно получавшие информацию из каких-то польских источников, особое внимание обратили на обнажившиеся в период восстания противоречия между землевладельцами и крестьянами, оценивая позицию имущей шляхты как антинародную, антинациональную. В этом смысле показательны статьи на "польскую тему" упомянутой "Берлинер цайтунгсхалле". Так, в одной из них автор, цитируя польского публициста Э. де Брезу, присоединяется к такой его оценке польского дворянства: "Со времени конституции 3 мая и до сегодняшнего дня польская знать (за исключением небольшого числа тех, которые столь достойны уважения, сколь немногочисленны) инстинктивно подчиняет идею национальной независимости и прогресса польского народа в целом своим потребностям господ-

* Примечательно, что в эти годы К. Мазуркевич выполняла функции эмиссара ПДО в Познанском княжестве.

ствовать над трудящимися классами". Заключается статья примечательным суждением: "В Германии не перестанут желать свободы и независимости полякам, поскольку нельзя не считать политику в отношении Польши преступной. Возможно, избавление поляков не так далеко... Несчастливые поляки могут освободиться и добиться самостоятельности под управлением собственного правительства, а в благоприятном же случае под сенью конституции, в которой не осталось бы и следа от вызывающего отвращение польского "ancien régime".

Следует также учитывать, что немецким демократическим публицистам польская тема давала благоприятный повод для дискуссии о собственных проблемах. В той мере, насколько это позволяли условия цензуры, они использовали обсуждение польского вопроса для декларации своего политического кредо, для популяризации своих принципов. В 1847 г. в лейпцигском журнале "Унзре гегенварт унд цукунфт" появились заметки Ф. Шрейбера под названием "Польские фрагменты". Цель одной из частей этого сочинения, по определению автора, познакомить немецкую публику с политической жизнью польской эмиграции. Однако автор не склонен к бесстрастной подаче информации: в работе прослеживается вполне определенная тенденция. Интерес представляет не только то, какие факты известны Ф. Шрейберу, но и то, что именно считал он необходимым сообщить читателю. Приводя краткие и в общем достоверные сведения об отдельных эмиграционных группах, он особое внимание уделяет "демократической партии", называя ее наиболее значительной. Важным вопросом программы демократического лагеря польской эмиграции, подчеркивает Ф. Шрейбер, является крестьянский; демократы учли опыт революции 1830—1831 гг., показавшей, что "консервативные позиции уже не в состоянии придать революции ту силу, которая необходима для образования польского государства". Шрейбер подробно описывает организационные принципы ПДО, ее внутреннюю структуру, стремление к строгому централизму в принятии и исполнении решений. Очевидно, что все это ему импонирует и представляется образцом, достойным подражания, ведь проблема преодоления организационной разобщенности остро стояла перед немецкими демократами. Симптоматично и то, как Шрейбер оценивает революционные планы, разрабатываемые польскими демократами, — они, по его мнению, свидетельствуют об осмотрительности и большом доверии к "мужественной отваге польской нации"; неудача этих планов объясняется "только предательством некоторых дворян".

Приведенные факты убедительно говорят о том, что накануне революции 1848—1849 гг. демократические круги Польши и Германии проявляли взаимный интерес и были достаточно информированы о насущных проблемах развития двух народов. На этой основе постепенно утвердилось представление о единстве целей в борьбе с феодальным абсолютизмом и, в частности, о том значении, которое имело для "дела демократии" национально-освободительное

движение поляков. В 1848—1849 гг. отношение к этому движению стало для немецкой буржуазной демократии важным критерием последовательности в решении общедемократических задач революции, а вопрос о поддержке польских патриотов — одним из пунктов ее политической программы.

- 1 Дьяков В.А. О социальном облике и классовой сущности польского освободительного движения в 30—40-х годах XIX в. // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, С. 62-72; Jedlicki J. Klejnot i bariery społeczny: Przeobrażenia szlachectwa polskiego w zwykłym okresie feudalizmu. W-wa, 1968; Łepkowski T. Polska — narodziny nowoczesnego narodu, 1764-1870. W-wa, 1967.
- 2 Deutsche Demokraten: Die nichtproletarischen demokratischen Kräfte in der deutschen Geschichte, 1830 bis 1945. B., 1981. S. 10-19; Schmidt W. Die Bourgeoisie in den bürgerlichen Revolutionen von 1789 und 1848 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1973. H. 3. S. 301-320; Idem. Zu einigen Problemen der bürgerlichen Umwälzung in der deutschen Geschichte // Bourgeoisie und bürgerlichen Umwälzung in Deutschland, 1789-1871. B., 1977. S. 1-32.
- 3 Jakóbczyk W. Prusy i Rzesza, prusycyzm i nacjonalizm // Węzłowe problemy dziejów Prus XVII—XX w. W-wa; Poznań, 1983. S. 101-102.
- 4 Labuda G. Polska granica zachodnia: Tysiąc lat dziejów politycznych. Poznań, 1971. S. 156-157; Grzybowski K. Ojczyzna — naród — państwo. W-wa, 1977. S. 115; Дэмбовский Э. Очерк польской словесности // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т. 2. С. 258.
- 5 Schmidt S. Zu den Bedingungen und Kriterien für den Kampf der demokratischen Kräfte im 19. Jahrhundert // Jenauer Beiträge zur Parteiengeschichte. 1970. N 26/27. S. 141.
- 6 Struve G. Grundzüge der Staatswissenschaft. Mannheim, 1847. Bd. 2. S. 171, 172.
- 7 Nauwerk K. Ein Wort über freie Staatsverfassung // Vormärz und Revolution 1840-1849. Darmstadt, 1976. S. 47-50.
- 8 Baczkó B. Poglądy społecznohistoryczne i filozoficzne Towarzystwa Demokratycznego Polskiego. W-wa, 1955. S. 231.
- 9 Prignitz C. Vaterlandsliebe und Freiheit: Deutsche Patriotismus von 1750 bis 1850. Wiesbaden, 1981. S. 164-168.
- 10 Herwegh G. Werke. B; Weimar, 1967. S. 174.
- 11 Becker J. Ein Wort über die Fragen der Zeit, seinen Mitbürgern zum Geschenk // Vormärz und Revolution... S. 40-44.
- 12 Ruge A. Zwei Jahre in Paris // Studien und Erinnerungen von Arnold Ruge. Mannheim, 1846. T. 2. S. 241.
- 13 Wiosna Ludów: Teksty i materiały źródłowe // W stulecie Wiosny Ludów, 1848-1949. W-wa, 1953. T. 5. S. 180, 183, 77.
- 14 Arnold Ruges sämtliche Werke. Mannheim, 1847. Bd. 4. S. 112; Einheit und Freiheit: Die deutsche Geschichte von 1815 bis 1849 in zeitgenössischen Dokumenten dargestellt und eingeleitet von K. Obermann. B., 1950. S. 171.
- 15 Arnold Ruges sämtliche Werke. Bd. 4. S. 115.
- 16 Postępowo publicystyka emigracyjna, 1831-1846: Wybór źródeł. W-wa; Kraków; Gdańsk, 1961. S. 112, 114.
- 17 Reinöhl F. Die österreichischen Informationsbüros des Vormärz: Ihre Akten und Protokolle // Archivalische Zeitschrift. München, 1929. Bd. 38. S. 263-264.
- 18 Towarzystwo Demokratyczne Polskie: Dokumenty i pisma. W-wa, 1954. S. 4-5, 47, 49.
- 19 Alcyato J. Wypadki w 1846 r. // Wizerunki polityczne dziejów państwa Polskiego. Lipsk, 1864. T. 2. S. 147.
- 20 Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801-1890 гг.). М., 1972. С. 97.
- 21 Обичкина Е.О. Лозунг братства во французской буржуазной революции конца XVIII в. // Вопр. истории. 1989. № 4. С. 60-61.
- 22 Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. O. Brüner et al. Stuttgart, 1972. Bd. 1. S. 573; Arnold Ruges Briefwechsel und Tagebuchblätter aus Jahren 1825-1880. B., 1886. Bd. 1. S. 409.

- 23 Büttner W. Georg Herwegh — ein Sanger des Proletariats. B., 1976. S. 65.
- 24 Becker J. Op. cit. S. 40.
- 25 Metternich K. Aphoristische Betrachtungen über die dermaligen Zustände in Galizien // Aus Metternichs nachgelassenen Papieren / Hrsg. R. Metternich-Winneburg. Wien, 1883, Bd. 5. T. 2. S. 206; Письмо князя И.Ф. Паскевича князю М.С. Воронцову. 30.IV 1846 // Русская старина. 1885, окт. Т. 48. С. 217; Schneider G. Der Press- und Vaterlandsverein. Heidelberg, 1897. S. 130.
- 26 Dokumente zur Geschichte der deutsch-polnischen Freundschaft, 1830-1832 / Hrsg. H. Bleiber, J. Kosim. B., 1982; Hahn H.-H. Stosunki między polskim ruchem wyzwoleniczym a liberalizmem niemieckim w okresie Wiosny Ludów // Roczniki Historyczne. 1976. S. 139-143; Kolb E. Polenbild und Polenfreundschaft der deutschen Frühliberalen // Saeculum. 1975. Bd. 26, H. 1. S. 11-127; Owsińska A. Sprawa polska i liberalne Niemcy w latach 1832-1833 // Przegląd Zachodni. 1956. N 11/12. S. 225-266.
- 27 Dokumente zur Geschichte der deutsch-polnischen Freundschaft... S. 321.
- 28 Varnhagen von Ense K. Kommentare zum Zeitgeschehen: Publizistik, Briefe, Dokumente, 1813-1858. Leipzig, 1984. S. 81; Idem. Betrachtungen und Bekenntnisse: Aus den Tagebüchern von 1835 bis 1855. B., 1980. S. 30.
- 29 Центральный государственный архив Октябрьской революции. Ф. 109. Оп. 4. Ед. хр. 170, 171. (Далее: ЦГА ОР); Zentralstaatsarchiv Potsdam. Pr. Br. Rep. 30 Berlin C. Tit 94. N 12123 (Далее: ZSta).
- 30 ZSta Potsdam. N 12121. F. 16, 111, 116-117. № 12123. F. 223.
- 31 Guttry A, W przededniu Wiosny Ludów. Wilno, 1913. S. 62.
- 32 Nurty lewicowe w dobie polskich powstań narodowych, 1794-1849: Wybór źródeł. Wrocław: W-wa; Kraków, 1961. S. 268.
- 33 ЦГА ОР. Ф. 109. Оп. 4. Д. 177. Л. 16; Д. 186. Л. 28.
- 34 Там же. Д. 185. Л. 6.
- 35 Georg Herwegh's Briefwechsel mit seiner Braut / Hrsg. M. Herwegh. Stuttgart, 1906. S. 117-118, 124, 129.
- 36 Briefe einer polnischen Dame (1840-1846). Leipzig, 1846. S. 254-268.

Л.А. Обушенкова

ПРОЯВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг.

Революция 1848—1849 гг. привела в движение широкие слои населения стран Центральной Европы. Борьба велась под политическими, экономическими, социальными и национальными лозунгами. Революция, совершавшаяся в эпоху формирования буржуазного общества в Центральной Европе, была направлена против феодализма и абсолютизма, против устаревшей антидемократической политической системы, тормозившей развитие производительных сил. В антифеодальную борьбу включились крестьянские массы, движение охватило мелкобуржуазные слои города, интеллигенцию, набравший силу либо зарождавшийся рабочий класс. Накал страстей противоборствующих сторон, революционной и охранительной, достигал наивысшей силы в периоды вооруженной борьбы.

Одной из наиболее злободневных стала национальная проблема, что было обусловлено как особенностями политического устройства государств Центральной Европы, так широким и глубоким распространением национального самосознания у народов региона. Прогрессивные круги в немецких землях стремились к ликвидации раздробленности и созданию единого германского государства на демократической основе. Воссоединение Италии было неразрывно связано с освобождением от австрийского гнета Ломбардии, возрождение польского государства — с освобождением польских земель из-под власти Пруссии, Австрии и России. Национальные интересы венгерского, румынского и славянских народов, подвластных австрийской монархии, также требовали решительного изменения существующего положения¹. Клубок национальных противоречий в Австрии с началом революции запутался еще сильнее.

Народы Центральной Европы в целом действительно пробудились к общественной жизни; общество, особенно во время развития революционных событий, пришло в движение в буквальном и переносном смысле. Текущие события обсуждались в прессе (число периодических изданий значительно увеличилось), в общественных местах, кафе и трактирах, на площадях. Активизировались существующие и образовывались новые политические партии и клубы, пропагандировавшие свои платформы. В несколько раз возросли миграционные потоки. Разъезжавшие по всей Европе политические эмигранты, революционные эмиссары, учащаяся молодежь и другие несли с собой информацию о событиях, происходивших в той или иной стране. Однако она была неполной, зачастую искажен-

ной, ибо сталкивались пропагандистские потоки противоположных лагерей.

Угнетенные народы Центральной Европы находились на разной ступени экономического, социального и политического развития, у каждого был свой опыт национального движения и уровень руководства им. Все это своеобразно отчетливо проявилось в моменты наивысшего революционного подъема.

Революционные события 1848 г. напоминали переключку европейских стран. Началось с восстания в Палермо 12 января. 10 февраля в Неаполитанском королевстве была провозглашена конституция. Французская революция 24 февраля, сбросившая монархию и установившая республику, дала толчок целому ряду революционных выступлений в Австрии, германских и итальянских государствах.

Происходившие в юго-западных землях Германии с конца февраля митинги привели к образованию там либеральных кабинетов. Началось с митинга в Мангейме (Баденское герцогство), который вынудил правительство пойти на уступки. К середине марта власть перешла в руки либералов. Новые министры были назначены в Гессен-Дармштадте и Вюртемберге; в Саксонии и Баварии образовались коалиционные правительства. С 6 марта в прусской столице Берлине происходили массовые собрания, а через несколько дней власти приступили к подавлению народного движения. 18 марта в Берлине вспыхнуло восстание, 31 марта во Франкфурте был создан парламент, в который вошли и представители Австрии. В марте—апреле развернулось национально-освободительное восстание в Познани. Оно было подавлено прусскими войсками, и Франкфуртский парламент одобрил эти действия.

27 марта парламент принял имперскую конституцию, но всего лишь через месяц после этого прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV, избраным "императором германцев", он был разогнан. Однако борьба за проведение в жизнь конституции в немецких землях продолжалась. Год спустя, 4 мая 1849 г., в Дрездене (Саксония) началось восстание, которое вскоре было подавлено. 13—14 мая восстание вспыхнуло в Бадене и Баварском Пфальце, к нему примкнули 20 тыс. солдат регулярной армии. К середине июня 1849 г. прусское войско вошло в Баден и в конце следующего месяца состоялось сражение при Раштатте, в результате которого восставшие потерпели поражение.

Революция в Вене началась 13—15 марта 1848 г., ее очаги распространились по всей империи Габсбургов. 15 марта в Пеште был образован Комитет общественной безопасности, а 23 марта — первое ответственное правительство во главе с умеренным либералом графом Баттяни. В Воеводине сформировались партизанские отряды, на помощь которым пришли жители Сербского княжества. В Белграде был создан комитет, ставивший целью борьбу за объединение всех южных славян. 25 марта в Загребе собрался сословный сейм Хорватии, высказавшийся за ее автономию в составе империи. Одновременно в Словакии развернулась борьба крестьянства

против остатков феодального строя; обострились противоречия между венгерскими помещиками и крестьянством Закарпатской Украины. Вспыхнувшее восстание в Кракове было подавлено австрийской армией 26 апреля, а уже в середине мая, спасаясь от новых революционных выступлений, императорский двор бежал в Инсбрук. Тем не менее австрийские войска сумели подавить Пражское восстание 12—18 июня.

В подавлении Праги участвовали и венгерские войска, но в самой Венгрии все сильнее разрывалась борьба за освобождение из-под гнета Австрии.

По мере развития венгерского революционного движения менялось соотношение противостоявших друг другу национальных сил на территории Габсбургской империи. В Хорватии возникло антивенгерское движение во главе с баном Елачичем, в Воеводине движением против венгров руководила сербская консервативная партия. Одновременно с австро-хорватской интервенцией против Венгрии в середине сентября 1848 г. вспыхнуло антивенгерское восстание в Трансильвании.

12 августа австрийский императорский двор возвратился в столицу. И хотя в начале октября Вена снова восстала, к 1 ноября революция была окончательно задушена. В ноябре же удалось подавить выступления поляков во Львове. Дольше всех сражалась Венгрия. 19 октября они подошли к Вене на расстояние двухчасового перехода, но были остановлены императорской армией. После падения революционной Вены австрийские войска перешли в наступление, и 5 января 1849 г. генерал Виндишгрец занял Пешт. Но в апреле вновь началось наступление венгров. 14 июля они заключили перемирие с румынскими повстанцами на условиях предоставления Трансильвании автономии. Сопrotивление венгерской армии прекратилось лишь в октябре 1849 г., когда ситуацию осложнила интервенция царских войск в Венгрию. Они вступили и на территорию Молдовы, где, как и в Валахии, в это время развернулись антифеодальная борьба и национальное движение за объединение Дунайских княжеств.

Итальянцы начали войну с Австрией сразу после мартовского восстания в Вене. Австрийская армия под командованием Радецкого отступала, Милан и Венеция были освобождены, но Ломбардия продолжала войну. Король Сардинии Карл Альберт, боясь народной войны, направил свои войска против Милана. Положение австрийцев на итальянском фронте укрепилось и благодаря тому, что глава Римского церковного государства папа Пий IX отказался объявить Австрии войну. Летом Радецкий перешел в наступление, и в начале августа Милан капитулировал. Однако в течение семи месяцев, с августа 1848 г. до марта 1849 г., в центральных районах Италии, т.е. в Тоскане и в Папском государстве, итальянские демократы вооруженными действиями стремились добиться объединения. С начала весны 1849 г. события в Италии вступили в завершающую стадию: в Риме была провозглашена республика, народ Тосканы сверг великого герцога, Пьемонт готовился возобновить

войну с австрийцами. Но против республиканского Рима выступила Франция. Итальянская освободительная армия 24 марта 1849 г. потерпела крупное поражение под Наваррой, 1 июля Рим капитулировал перед французами.

Революцию подавили Австрия, Россия, Франция, сыграв на национальных противоречиях. В то же время каждое локальное вооруженное выступление за демократию и свободу, происходившее в той или иной стране, находило широкий отклик у народов Центральной Европы.

Представляется возможным выделить наиболее определенные, хотя и неравнозначные по воздействию и масштабам формы проявления реальной помощи, поддержки и сотрудничества. Одной из них была помощь повстанцам в организации транспортов с оружием и боеприпасами, создание "коридоров" для нелегального прохода добровольцев через границу в районы восстания и их возвращения на нейтральную территорию после поражения революции. Так, усилия европейских демократов и сторонников борьбы против австрийской монархии, старавшихся поддержать венгерских революционеров, находили отклик у населения соседних с Венгрией районов. В Силезии, Моравии и Галиции действовали комитеты помощи венгерской революции, комитеты по вербовке и переправке в Венгрию добровольцев. Специально доставкой оружия, закупленного в Лондоне, а затем отправленного через Гамбург и Вроцлав в Галицию, занимался Краковский комитет. Второй канал доставки оружия и амуниции венгерским повстанцам проходил через Львов. Галиция стала перевалочным пунктом, на ее территории польские патриоты развернули целую сеть сборных пунктов. Они же осуществляли постоянную связь с венгерскими агентами, добывавшими оружие в европейских государствах.

Поляки, имевшие опыт подготовки массовых выступлений, хорошо знакомые с конспиративной деятельностью, развернули широкую кампанию помощи добровольцам, направлявшимся в венгерскую революционную армию. Во Вроцлаве были организованы сборные пункты волонтеров, местные вербовочные комитеты снабжали их деньгами и оружием. Польские добровольцы ехали через Галицию из эмиграции, из дальних концов Королевства Польского и даже из Великой Польши, где их обустройством и нелегальным переходом через границу, помимо комитетов, занимались специальные инструкторы. Летом 1848 г. в Галиции был образован комитет помощи венгерской революции, его члены запасали оружие и вели широкую филомадьярскую пропаганду. Во Львове возникло Общество друзей Венгрии, объединившее свои усилия с краковским комитетом².

В Моравии и Силезии комитет помощи венграм, созданный поляком Борковским, снабжал паспортами немецких, венгерских и польских добровольцев, направлявшихся в Венгрию. Население силезских городов Бельско и Бяла помогало офицерам и солдатам венгерской революционной армии после кратковременного отдыха и лечения возвращаться в Венгрию, а также облегчало побег

арестованным повстанцам. В прусской части Силезии агенты венгерского революционного правительства с помощью местного населения снаряжали транспорты с зерном для снабжения повстанческой армии. Еще летом 1849 г. жители чешской Силезии, а также Брно, Златых Гор и других городов продолжали помогать восставшим венграм людскими резервами и провиантом.

Таким образом, в акции по оказанию помощи венгерским повстанцам были втянуты деятели польского национально-освободительного движения и широкие слои местного населения Галиции, Моравии и Силезии. Часть польских добровольцев — эмигрантов из Франции, Англии и Бельгии — попадала в Венгрию кружным путем через Константинополь. Этот “коридор” обеспечивали агенты Отеля Лямбер, возглавлявшего польскую консервативную эмиграцию.

Формой выражения сочувствия и солидарности с революционной борьбой народов являлись митинги протеста против душителей революции: распространялись плакаты и листовки в поддержку восставших. Так, солдат австрийской армии призывали не участвовать в подавлении итальянского национально-освободительного движения. В марте 1848 г. в Праге получила хождение листовка, призывавшая чехов не воевать против Италии, потому, что она восстала, чтобы восстановить справедливость и освободиться от гнета австрийского правительства. В листовке, в частности, говорилось: “Братья! Наступил конец всем жертвам для трона, который считает нас рабами, притесняет нас, давит жестокими налогами. Итальянцы — наши братья, мы не будем сражаться против них, ибо они также несчастны, как и мы. Собирайте силы и не допускайте новых вербовок, восстаньте, соединитесь и освободитесь сами от господского и королевского угнетения и добейтесь для себя конституции, основанной на равенстве, согласии и свободе”³.

12 апреля 1848 г. на состоявшемся в Загребе митинге сербского населения Воеводины деятель сербского либерально-демократического движения С. Милетич призывал солдат Военной Границы отказываться от посылки их в Италию. Он также указывал на справедливый характер борьбы итальянцев, выражал уверенность в торжестве правого дела, указывал на тяжелое положение граничар, на то, что австрийское правительство совершенно не заботится хотя бы о мало-мальски сносных условиях их существования. Текст речи Милетича был опубликован в форме листовки. “Братья — солдаты Границы, — говорилось в ней, — ...пришла пора обратиться к вашему разуму... Немцы видят, венгры видят, что Ломбардия должна выйти из состава Австрии, потому что ей помогают вся Италия, и Франция, и Швейцария. А вас, несмотря на это, по-прежнему гонят в Ломбардию. Братья, вас гонят на тех же самых кораблях, на которых скот доставляют на бойню...”⁴ В августе этот призыв был повторен в брошюре, распространявшейся также в Воеводине и адресованной граничарам. И на этот раз акцентировался справедливый характер борьбы итальянского народа за свободу.

Автор брошюры защищал право каждого народа на независимость. Обращаясь к солдатам, он подчеркивал: “Вы сражаетесь

против благородного и полного достоинства итальянского народа, который вам никогда и ни в чем не причинил вреда, не обидел вас. Этот любящий свободу и великий народ уже в течение полувека прилагает большие усилия к тому, чтобы освободиться и стать свободным... А на это каждый народ имеет полное и святое право...»⁵ К граничарам и хорватам в армии Радецкого обращались и поляки — добровольцы, прибывшие на помощь итальянцам. Они призывали солдат не участвовать в сражениях, дезертировать из армии, переходить на сторону восставших.

Говоря о митингах как форме проявления революционной солидарности, необходимо отметить тот широкий отклик, который нашла среди чешского и словацкого населения революция в Вене. Когда 15 и 26 мая 1848 г. в Вене произошли массовые выступления в защиту революционных завоеваний, консервативные круги моравского города Оломоуц организовали демонстрацию протеста. В ответ на это значительная часть горожан Оломоуца, в том числе члены национальной гвардии и студенческого легиона, неоднократно созывали митинги и устраивали демонстрации (наиболее значительная состоялась 22 мая), выражая решительную поддержку венским повстанцам⁶.

Внушительные выступления солидарности с революцией в Вене произошли в Брно и его окрестностях 29—30 октября, когда стало известно о бомбардировке Вены войсками Виндишгреца. Рабочие, ремесленники, представители городской мелкой буржуазии, часть радикально настроенных национальных гвардейцев требовали от властей создания всеобщего ополчения для оказания помощи сражающейся Вене. Получив отказ, они предприняли несколько попыток вооружиться огнестрельным и холодным оружием и частично реализовали свои планы, но были рассеяны огнем, который открыли особые отряды национальной гвардии. В числе актов солидарности с венской революцией можно назвать также устроенную пражскими студентами 13 марта 1849 г., в годовщину венского восстания, панихиду, в которой приняло участие большинство пражан. Выступавшие, отдавая дань героизму революционной Вены, вспоминая мартовские и октябрьские дни в столице империи, отмечали также значение июньского Пражского восстания⁷.

Широкое распространение в чешских землях получили митинги и другие акции протеста в поддержку венгерской революции. В канун Пражского восстания в Смиховском районе состоялась демонстрация под лозунгом всеобщего братства и сотрудничества населения Праги без различия национальностей, в которой приняли участие чехи и немцы⁸. Большой отклик эта форма солидарности нашла на территории Силезии и Моравии. В конце 1848 г. в редакцию «Моравских новостей» поступили два письма, в которых прославлялся вождь венгров Л. Кошут и резко осуждалось действия армии Виндишгреца, участвовавшей в подавлении революции. Письма были опубликованы⁹. С начала 1849 г. резко увеличилось число плакатов, листовок, печатных изданий, выражавших симпатии к венграм. Рекрутов призывали к отказу от явки на сборные пункты.

В ночь с 22 на 23 февраля дошло до ссоры пражских студентов с военным патрулем, причем студенты кричали: "Кошута бы на вас!" Население силезских, моравских и чешских земель выражало симпатии к непокоренным венграм тем активнее, чем большее недовольство зрело в его среде против правящего австрийского режима. И если консервативно настроенные круги удовлетворились небольшими уступками правительства, то широкие городские и сельские круги продолжали выражать недовольство.

Движение солидарности с венгерской революцией в Чехии усилилось после того, как началось наступление правительства на льготы, вырванные у него революционным народом. Поводом послужил разгон Кромержижского сейма и введение в действие отрезированной конституции 1849 г. Студенческие сходки, революционные митинги и демонстрации в городах сопровождались здравницей в честь Кошута и венгерской революции. Показательно в этом отношении мнение полицейского комиссара: "В марте ни в Праге, ни в окрестностях не было, вероятно, ни одной стены, где не было бы крупными буквами написано: "Да здравствует Кошут!" Этот лозунг звучал в трактирах, его провозглашали как тост; ночью он раздавался на улицах"¹⁰.

Протест против роспуска Кромержижского сейма объединялся с симпатией к Кошуту и итальянскому движению, также и в моравско-силезской деревне, где имя венгерского революционера стало символом социального освобождения. С перспективой победы венгров, а то и прихода Кошута на чешско-моравские земли малоземельные крестьяне связывали свои мечты об улучшении материального положения и социального статуса. В конце июня 1849 г., в документах силезско-моравского земского президиума отмечалось, что симпатии к Кошуту проявляют главным образом халушники, которые таким способом "начали демонстрировать свое беспокойство и свое сопротивление богатым седлакам"¹¹. Эти документы не только отражали факт социального расслоения деревни, выделения из крестьянских рядов слоя зажиточных многоземельных седлаков и возникновения антагонизма между ними и малоземельным крестьянством, но и подтверждали, что последнее ожидало помощи не от правительства, а от вождя революции Венгрии. До и после венгерской революции вплоть до падения в Австрийской империи баховского режима в 1860 г. Кошут и другие представители венгерской революции оставались знаменем борьбы за политическую и социальную свободу, о чем также свидетельствовали доклады моравско-силезского президиума¹². С именем Кошута связывало надежды на освобождение от феодальных поборов сельское население в Словакии¹³. Несмотря на то, что венгерское революционное правительство подавило антифеодалное движение словацкого крестьянства против венгерских помещиков, крестьяне не пошли в антивенгерское ополчение, которое попытались создать австрийские власти¹⁴.

Наиболее действенной формой проявления революционной солидарности и помощи восстанию представителей той или иной на-

циональности было непосредственное участие их в вооруженных выступлениях других народов. В первых революционных событиях марта 1848 г. в Вене и Пеште принимали участие обучавшиеся там немецкие, чешские, венгерские, словацкие студенты. В мае из Оломоуца два отряда из состава студенческого легиона отправились на помощь сражавшимся с войсками Виндишгреца венцам.

По мере развития революционных событий 1848—1849 гг. в странах Центральной и Западной Европы появилось все больше горячих точек, привлекавших внимание добровольцев из разных стран. Часто бывало так, что, потерпев поражение у себя на родине, повстанцы отправлялись на помощь другим народам. Так, в Пражском восстании наряду с чехами боролись словаки и венские студенты. Участие последних в борьбе было особенно показательным, поскольку в Германии считалось, что Пражское восстание носит чисто антинемецкий характер, и Франкфуртский парламент принял решение “призвать прусское, саксонское и баварское правительства оказать поддержку австрийскому правительству или его властям в Чехии в случае просьбы о помощи и выслать в Чехию вспомогательные отряды для защиты немцев и их собственности”¹⁵.

К. Маркс в статье “Внешняя политика Германии и последние события в Праге” летом 1848 г. приводит сообщение одного очевидца из Праги: “В Германии, по-видимому, повсюду господствует мнение, что борьба на улицах Праги велась во имя подавления немецкой части населения и во имя основания славянской республики. О последнем мы не будем говорить, потому что такой взгляд слишком наивен. Что же касается первого, то во время боев на баррикадах не замечалось ни малейшей тени соперничества между национальностями. Немцы и чехи стояли рядом, одинаково готовые защищаться”¹⁶.

Характерно, что поддержать Прагу поспешили представители немецкого населения из ряда районов Чехии. Из Гостинного, например, на помощь восставшим направилась хорошо вооруженная гвардия: “Несколько сот немцев отправились в поход в черных шляпах с загнутыми полями, в плотно сидящих куртках с красными повязками на руках”¹⁷.

В революционных событиях октября 1848 г. в Вене приняли участие отряды национальной гвардии из Брно (600 человек) и Оломоуца (250 человек)¹⁸. Туда устремились также и добровольцы из других чешских городов. В середине октября в Вену прибыла студенческая депутация из Праги. Она обратилась ко всем славянским студентам с призывом примкнуть к восставшим. “Депутаты, посланные пражским студенческим комитетом, — говорилось в обращении, — призывают всех славянских братьев бороться вместе с венцами. Прага будет стоять с Веной, совместно с ней победит либо совместно с ней потерпит поражение”¹⁹.

В то время как немцы поддерживали вооруженную борьбу славянских народов, представители славян готовы были с оружием в руках защищать принятую Франкфуртским парламентом конституцию. Когда в начале мая в Дрездене вспыхнуло восстание, члены

Централизации Польского демократического общества В. Хельтман, А. Кшижановский и Голембёвский состояли при повстанческом штабе в качестве “экспертов по уличным боям”. Правда, в сражениях участвовать им не пришлось, так как восстание оказалось быстро подавлено²⁰. Зато активное участие поляки приняли в восстании, охватившем Баден и Баварский Пфальц. В Бадене был сформирован немецко-польский легион, куда вступали французы и итальянцы, поляки и венгры, дезертировавшие из армии Радецкого и прибывшие через Швейцарию. На красном знамени легиона были слова: “Свобода, равенство, благоденствие для всех”²¹. Повстанцами в Бадене командовал генерал Л. Мерославский, которого в числе других участников польских повстанческих организаций 20 марта 1848 г. освободил из Моабитской тюрьмы революционный народ. Вооруженные силы прирейнских государств возглавил другой польский генерал — Шнайде. В этих войсках было много поляков-эмигрантов. Свое обращение к армии Шнайде закончил словами: “За свободу, закон и родину!”²² Предполагается, что в вооруженной борьбе в южнонемецких государствах приняли участие около 500 поляков, в том числе несколько десятков польских офицеров, находившихся при штабах Шнайде и Мерославского, а также во главе польских и немецких отрядов²³.

О настроении части польских добровольцев можно судить по письму молодого офицера М.Х. Романьского родным в мае 1849 г. Он с энтузиазмом писал о том, что приближается общеевропейская революция, что свои революционные усилия объединят немцы, чехи, венгры и французы. В письме говорилось: “Кажется, что здешняя революция распространится на всю Европу, так как всюду бурно проявляются элементы демократизма, а дух времени уже вдохнул в сердца народов самостоятельные мысли и чувства. Видимо, это план Кошута, чтобы немцы при посредстве Австрии и Чехии объединились с венграми и действовали совместно против общих врагов. Энтузиазм народа огромен и следует ожидать, что немцы будут отчаянно биться. Теперь нам не хватает только захвата венграми Вены, восстания в Чехии и Галиции и революции в Берлине... Не позднее, чем через несколько дней будет разыграна карта судеб Европы... Теперь должно осуществиться предвидение Наполеона: либо республика во всей Европе, либо русский кнут. Дай бог первое”²⁴. Наверняка так думал не один доброволец, естественно при всеобщем революционном подъеме преувеличивая и шансы революционеров, и республиканизм Наполеона.

Среди освободительных движений 1848—1849 гг. борьба венгерского народа выделялась своим упорством. На помощь к венграм поспешили революционеры из тех стран Европы, где национальное или социальное движение было уже подавлено. В рядах венгерской революционной армии сражались представители многих национальностей: немцы, поляки, чехи, словаки, украинцы, румыны, французы, болгары. Сформировались отдельные национальные части: итальянский, польский, немецкий легионы, а также венский Академический студенческий легион, польские, итальянские, ту-

рецкие, румынские, французские отряды. На сторону революции переходили солдаты австрийской армии, главным образом чехи, словаки, галицийские поляки. Добровольцы из числа местных жителей многих европейских стран и проживавшие там эмигранты выступили на помощь венграм не только в периоды наивысшего подъема революции, но и во время спада движения. Так, 105 польских легионеров попытались попасть в Венгрию из Рима летом 1849 г., но успели добраться только до Греции²⁵.

Польские добровольцы особенно активно пополняли венгерское революционное войско. Среди них было много бывших солдат и офицеров армии Королевства Польского, вынужденных после подавления восстания 1830—1831 гг. эмигрировать, преимущественно во Францию.

По соглашению с представителем венгерских инсургентов Л. Телеки Отель Лямбер обязывался начать вербовку молодых поляков во Франции, Англии и Бельгии. Массовый наплыв польских добровольцев, подавляющее большинство которых составляла молодежь, начался в конце августа 1848 г. Они сами формировали военные подразделения. С конца октября венгерские революционные власти стали направлять польских добровольцев в Пешт, где они обеспечивались всем необходимым. Многие поляки служили в пограничных венгерских революционных отрядах. Ряд поляков возглавляли не только польские отряды, но и венгерские революционные силы. Так, генерал Ю. Бем, прибывший в Вену на защиту города от армии Виндишгреца, в октябре 1848 г. создал из находившейся там польской молодежи польско-славянский легион и после падения города отправился с ним в Венгрию. Он возглавил венгерскую революционную армию в Трансильвании, там же стал во главе румынского легиона А. Илиньский²⁶. Генерал Г. Дембицкий командовал вооруженными силами на севере Венгрии, генерал Ю. Высоцкий — польским легионом, который имел национальное знамя и мундиры времен восстания 1830 г. Многие офицеры возглавляли польские, польско-венгерские, венгерские отряды: Дверницкий, Идзиковский, Точиский, Булгарин, Блешинский, Петровский. Не всегда это были эмигранты. Князь М. Воронецкий являлся бывшим офицером австрийских войск, В. Тхужницкий происходил из разбогатевших мещан Санока. Военачальниками были представители и других народов. Немецким батальоном командовал Петер Гирон; одним из командиров являлся болгарин Стефан Дунев. Однако именно поляки наиболее массово и активно приняли участие в венгерской революции.

Столь же активную роль играли они и в революционных событиях, разгоревшихся на итальянских землях. Борьбе итальянцев против австрийских войск активно помогали поляки из местной эмиграции, а также прибывшие из Франции. В августе 1848 г. из Марселя в Италию отплыли 100 польских легионеров под командованием М. Ходзько²⁷. В основном это была молодежь из Плоцкого и Августовского воеводств, бежавшая из Королевства Польского, чтобы принять участие в познанском восстании, и после его поражения вынужденная уехать на Запад. Таким образом, жители поль-

ских земель также пополняли ряды сражавшихся в Италии итальянских добровольцев. Как и в Венгрии, поляки занимали должности командиров итальянской армии, польских формирований, служили рядовыми в итальянских или польских частях. Военачальниками были: Рыбицкий в Венеции, Сёдлкович в Пьемонте, Мерославский на Сицилии. Хшановский стал начальником штаба вооруженных сил Пьемонта, А. Фиялковский возглавлял польский легион в Римской республике, вместе с Мадзини участвовал в кровопролитных сражениях, оборонял Рим.

Польским легионом, сформированным А. Мицкевичем, командовал полковник Каминьский. Легион Мицкевича представлял собой своеобразную демократическую формацию, где неукоснительно придерживались принципа выборности офицеров всех рангов солдатами и коллективного решения наиболее важных вопросов; спорные дела и вопросы чести решали "братские суды". Легион находился в Италии в течение 15 месяцев, и всего через его ряды прошло около 500 человек²². Легион оказывал свою помощь Ломбардии, Пьемонту, Тоскане, республиканскому Риму.

В сражениях на стороне итальянцев участвовали также добровольцы из других стран, прибывшие в Италию специально либо дезертировавшие из австрийской армии и перешедшие на сторону революции. В Ломбардии в боях против австрийских войск сражались чешские патриоты. Под знаменами легиона Мицкевича наряду с поляками воевали чехи, венгры, французы, евреи. Когда в Милане в августе 1848 г. Сёдлкович сформировал легион из 45 человек, в их числе были 28 бывших плешных чехов, словаков и венгров, добровольно согласившихся примкнуть к итальянцам²³. Граничары, бежавшие из войск Елачича либо попавшие в плен, также часто откликались на революционную пропаганду, так что Елачич вынужден был издать против дезертирства специальное воззвание к солдатам граничарских полков. Агитацию среди славянских солдат австрийской армии, как правило, вели поляки.

Наиболее активно они включились в национально-освободительную борьбу, развернувшуюся в Дунайских княжествах. Первые контакты состоялись уже с начала революционного брожения в Европе. 29 марта в Ганновере произошла встреча группы деятелей Отеля Лямбер во главе с Чарторыским, с румынскими демократами Белческу и Голеску, направлявшимися на родину для подготовки восстания. Был согласован план одновременного начала восстания в Молдавии и Валахии, Познанском княжестве и Королевстве Польском. Выступление назначили на 15 апреля. Чарторыский предложил свои услуги в посредничестве между французами и румынами по продаже последним оружия. Весной 1848 г. восстание не удалось поднять ни в княжествах, ни в Королевстве Польском. Тем не менее поляки продолжали активно участвовать в национальных выступлениях румынского народа.

В Молдавии находился представитель польской демократической Центральной рады народной во Львове Ф. Филянович. Весной 1848 г. он сформировал там Южный легион Польской Речи Поспо-

литой под командованием А. Логи, надеясь использовать его впоследствии на польских землях. Одновременно Филянович развернул широкую кампанию помощи румынам в организации революционных сил. Польские офицеры и унтер-офицеры обучали военному делу румынских крестьян. В августе 1848 г. эти отряды насчитывали несколько тысяч человек³⁰. После оккупации Молдавии царскими войсками Филянович пытался атаковать их в тылу и на флангах силами польского легиона, но осязаемого эффекта не добился. Не удалась и попытка пробиться с легионом в Галицию.

Поляки из Королевства Польского, мобилизованные в царскую армию, дезертировали из армии, и, как правило, их укрывало местное молдавское население. Таким образом, поляки продолжали борьбу в условиях царской оккупации Молдавии. Австрийский агент в Яссах Айзенбах сообщал о том, что польские демократы пользуются симпатией даже солдат молдавской милиции³¹. Революционизирующего влияния поляков на молдавское население опасался Николай I, который писал, что не вынесет, если Молдавия станет польским центром³².

Опасения царя были обоснованными. Поляки приняли активное участие в революции, начавшейся в июне 1848 г. в Валахии. В манифестациях и уличных боях в Бухаресте приняли участие несколько десятков поляков. 21 июня повстанцы взяли Бухарест, было сформировано Временное правительство. Львовская рада народа направила в правительство своего представителя Х. Гурского. Предполагалось сформировать на территории Валахии польский легион и назначить Гурского посредником между легионом и временным правительством. Гурский договорился о том, что отряды Филяновича примут участие в борьбе за победу революции в Валахии. Временное правительство выделило средства на перевод в Бухарест Южного легиона Польской Речи Посполитой. Предприимались и другие акции с целью объединить усилия в борьбе за общие цели. Отель Лямбер, рассчитывавший, что восстание в княжествах поможет борьбе повстанцев в Королевстве Польском, также сразу же послал в Бухарест своего делегата П. Буткевича. Сторонники Чарторьского разработали детальный план реорганизации румынской повстанческой армии и производства оружия в Валахии. Для помощи румынам в штабной работе в Бухарест приехал майор Т. Заблочкий. Он перевел на французский язык учебник по тактике для пехоты и кавалерии польского генерала Хшановского, оформил карты Валахии. Он же командовал и революционными отрядами румын³³.

Массовый подъем революционного энтузиазма и международной солидарности в Центральной Европе 1848—1849 гг. не был случайным. К этому времени стала остро ощущаться необходимость ликвидации феодальных отношений, расчистки пути для капиталистического развития. Одновременно на повестке дня стоял национальный вопрос, удовлетворение насущных национальных требований, что неразрывно связывалось с задачей общей демократизации политической и социальной жизни. Европейская демократия готовила совместное выступление против реакционных правительств,

являвшихся оплотом старых порядков. Одним из рьяных поборников идеи объединения революционных сил народов являлся Бакунин. После поражения революции в Вене большая часть ее участников сосредоточилась в Лейпциге. В апреле 1849 г. ожидалось, что венгры подойдут к границе Австрии, и тогда навстречу им двинутся австрийские революционеры, к которым намеревались присоединиться несколько сот саксонцев. В чешских землях подготавливался так называемый майский заговор 1849 г., предполагалось объединить усилия чехов, немцев и поляков для поддержки венгерской революции. В апреле в Дрездене состоялись переговоры И.В. Фрича с М.А. Бакуниным и польскими представителями, обсуждались планы совместного с немцами наступления³⁴. Одновременно с восстанием в Бадене и Чехии планировался поход генерала Дембинского в Галицию. Подготовка к нему проводилась на территории Венгрии. Наряду с поляками в ряды добровольцев для похода в Галицию привлекалась словацкая молодежь³⁵.

Этим планам осуществиться не удалось, но идея совместного выступления осталась. В мае австрийский эмигрант Г. Петер предлагал создать в Карлсруэ немецко-венгерский батальон и пригласить командовать им Ю. Бема³⁶, началась даже запись в этот батальон. 1 мая уполномоченные Централизации Польского демократического общества и представители левого крыла франкфуртских демократов обсудили условия сотрудничества в предстоящей революции³⁷. Свое участие в дрезденском восстании делегаты Централизации обусловили требованием: в случае победы революции и провозглашения в Саксонии республики немецкие войска должны помочь восстаниям в чешских и польских землях, в случае поражения — дать полякам паспорта и деньги для выезда за границу³⁸.

Во время Дрезденского восстания, когда поляки помогали немецким демократам, Централизация Польского демократического общества составила мемориал Всеобщего союза демократии. В нем, в частности, говорилось: "Все народности, стремящиеся конституироваться на принципах демократии... солидарны. Каждая имеет право требовать от других всевозможной помощи, какую только ей могут предоставить и со своей стороны обязана оказывать таковую другим. Эта солидарность должна существовать до тех пор, пока каждая народность не избавится от внешних либо внутренних врагов и не конституируется в независимую нацию на демократических основах"³⁹.

В своем втором воззвании к славянам весной 1849 г. Бакунин убеждал чехов, словаков, сербов, хорватов, что "венгерский народ является последним оплотом свободы в Австрии"⁴⁰. Во имя спасения венгерской революции польские, чешские и другие демократические круги призывали к примирению южных славян с венграми. Агенты Черторьского в Трансильвании и Дунайских княжествах прилагали усилия и для примирения румын и венгров. Много сделал для этого Ю. Бем.

Атмосфера освободительной борьбы действовала на значительные массы людей, способствовала вовлечению их в движение. Многие проделывали далекий путь по суше и по морю, чтобы оказать

поддержку представителям другого народа. Прибывая поодиночке или небольшими группами на чужую территорию, никем конкретно не организованные, они тем не менее жертвовали жизнью, отказывались от возможности вернуться на родину, мирились с перспективой лишиться имущества. Причины такой самоотдачи были неоднородны и требуют глубокого анализа, так же как и мотивы, побуждавшие отдельных людей и целые группы проявлять действенное сочувствие восставшим, демонстрировать им свои симпатии.

И это происходило вопреки тому, что порой значительная часть национального социума оставалась равнодушной или была неприязненно настроена по отношению к революционерам. Известны симпатии к восставшим венграм со стороны жителей Штирии и Каринтии⁴¹, хотя сами по себе словенские земли не являлись центрами революции. Многие поляки участвовали в революционной борьбе на землях Германии, несмотря на то что Франкфуртский парламент не поддержал Познанского восстания. Венгерская общественность выступила против Пражского восстания, но на стороне повстанцев сражались венские студенты-венгры. Поражение Пражского восстания, обострение национальных проблем после принятия в Австрийской империи реакционной конституции в значительной степени способствовало усилению симпатий к венгерской революции, которая продолжала развиваться и в случае победы могла привести к демократическим переменам в государстве Габсбургов как в социальном, так и в национальном плане.

Массы городского населения стихийно приходили к выводу о необходимости революционной солидарности народов Австрийской империи во имя достижения своих национальных целей. К такому выводу осознанно подошли и чешские радикальные демократы. Так, Арнольд, непосредственно готовивший "майский заговор", понимал общность демократических интересов и необходимость совместной борьбы. В ноябре 1848 г. в "Гражданской газете" он писал: "Чешская революционная борьба как своим возникновением, так и своим будущим связана с остальным революционным движением в Европе"⁴².

Вынашивая планы одновременного выступления, проводя соответствующую агитацию, демократические деятели в различных странах Центральной Европы увлекли за собой прежде всего радикально настроенную и наиболее активную часть населения, направляя в определенное русло недовольство масс. Представители разных национальностей Австрийской империи, особенно крестьяне и рабочие, зачастую не слишком ориентировались в ситуации, информация о событиях нередко поступала поздно и в искаженном виде. Поэтому поведение отдельных групп населения зависело от многих факторов.

Политическая активность словацких крестьян и рабочих была разбужена мартовской революцией. Они выступили за улучшение своего материального положения, за национальное равноправие. Горняки активно помогли венграм, многие крестьяне вступали в революционные гонимые. Крестьяне в Моравии (в частности, халупники, боровшиеся против расширения земельных владений и пере-

хода на путь эксплуатации беднейшей части населения со стороны зажиточных седлаков) надежды на достижение национального равноправия и социальной справедливости также связывали с победой венгров, и отсюда происходили их симпатии к Кошуту. Крестьяне могли не знать ничего конкретного о программе венгерского национального движения, особенно о социальной программе по крестьянскому вопросу, и наверняка подавляющее большинство не знало ее и не стремилось выяснить. Но достаточно было известия, что венгры поднялись против власти и проявляют упорство в своей борьбе, как появился слух о том, что именно вожди венгерской революции установят социальную справедливость и на чешских, силезских, моравских землях, что с помощью венгров местным крестьянам удастся решить свои самые насущные вопросы. В то же время неудовлетворенность значительных масс крестьянства аграрной реформой, проведенной венграми на территории Словакии, привела его в лагерь противников революции, сражавшихся в рядах габсбургской правительственной армии. Так, осенью 1848 г. в Загребе был создан словацкий добровольческий корпус для борьбы против "венгерского гнета"⁴³.

Чешские, словацкие, сербские, румынские студенты участвовали в революционных событиях в Вене именно потому, что это было выступление против режима Габсбургов. Общие цели борьбы против деспотического правления приводили в ряды сторонников революции немцев, чехов, поляков. Выражал солидарность с борьбой венгерского народа, они защищали одновременно и свои национальные и социальные интересы. Немецкие рабочие Вены не допустили отправки австрийских войск в Венгрию, разобрав железнодорожные пути и разрушив железнодорожный мост⁴⁴.

Под лозунгом "за вашу и нашу свободу" сражались демократически настроенные поляки в Италии. Воины из легиона Мицкевича были убеждены, что "их обязанностью как союзников народов является участие в национальной борьбе итальянцев против общего врага"⁴⁵, т.е. австрийского правительства, участника разделов Польши. Они давали обещание идти с итальянским народом до конца, тогда как руководители других польских формирований в Италии оговаривали свое право отказаться от поддержки итальянского национально-освободительного движения, если на польских землях вспыхнет восстание, в котором поляки непременно должны принять участие. Мицкевич писал в инструкции легионерам в конце июня 1848 г.: "Пока военные действия не выйдут за границы Италии, наша совесть обязывает нас думать только о независимости Италии и этим прежде всего заниматься..."⁴⁶ Позже, заключая договор с Мадзили об участии легиона в вооруженной борьбе, Мицкевич оговорил для поляков возможность уйти из Италии в случае войны за независимость Польши⁴⁷. "Только польскими полками мы завоеваем независимость Польши" — такими словами Мицкевич напутствовал Фиалковского⁴⁸.

Таким образом, можно утверждать, что мотивом солидарной поддержки революционного движения народами Центральной Евро-

ны была не только общедемократическая идея борьбы за свободу, но и чувство патриотизма, побуждавшего немцев, венгров, поляков и других оказывать друг другу поддержку в борьбе против общего врага. Безусловно, поляки, помогавшие итальянцам, венграм и немцам, были патриотами. Они надеялись на то, что восстание в других странах увеличит их собственные шансы на победу в борьбе за независимость. В марте 1848 г., когда революционная волна в Европе достигла пика, Милан и Венеция были свободны, армия Радецкого отступала, вся Габсбургская империя, казалось, была в полном развале, национальное движение охватило Познанское княжество и Галицию, польские демократы рассчитывали на победу революции. Мицкевич писал 3 апреля, что надеется через Флоренцию, Милан и Чехию дойти до Кракова, т.е. поддержать польское национально-освободительное восстание, оказав предварительно помощь итальянцам и чехам⁴⁹.

Патриотические чувства не являлись исключительной особенностью мировоззрения леворадикальных участников движения. Горячими патриотами были представители и других направлений в национальных движениях. В той же среде поляков солидарность с революционной борьбой европейских народов проявляли деятели не только демократического, но и консервативного направления. «Неудивительно, — писал польский исследователь С. Кеневич, — что в венгерском восстании сражались консервативные генералы Дембинский и Бем, а также полковник Замоийский, правая рука князя Чарторьского»⁵⁰.

Еще до начала революции А. Чарторьский планировал создание легиона в Италии, рассчитывая обеспечить его польскими офицерскими кадрами, в качестве же солдат привлечь славян из австрийской армии. Эту же цель он преследовал, направив офицером в сардинскую армию своего старшего сына В. Чарторьского. Консерваторы не скрывали, что стремятся подготовить собственную армию для переброски в польские земли в случае начала там революции⁵¹. В январе 1849 г. в Тоскане польский легион Чарторьского насчитывал 259 человек⁵², но в сражениях не участвовал.

В Милане вторая рота польского легиона возглавлялась Сёдлковичем, также не принадлежавшим к демократическому лагерю. В то же время агенты Отеля Лямбер активно готовили синхронное выступление Дунайских княжеств и польских земель.

Перечень подобных фактов можно было бы продолжить. Однако существенной представляется и иная сторона проблемы. Деятели национально-освободительного движения, не являвшиеся последовательными демократами либо находившиеся на его правом крыле, зачастую ограничивались борьбой только за национальные интересы своего народа. Это видно также на примере лагеря Чарторьского, не поддержавшего выступлений в Молдавии и Валахии. По мнению Кеневича, Отель Лямбер свой легион в Италии «рассматривал как формацию, в которой нужно было обучить наемников, и как будущее орудие борьбы за власть в освобожденной Польше»⁵³. Подтверждает это и позиция Сёдлковича в Милане, отказавшегося поддер-

жать народную революцию, вспыхнувшую в ночь с 4 на 5 августа 1848 г., и направившего легионеров охранять королевскую резиденцию. Когда Милан капитулировал, руководимые Сёдлковичем поляки не пошли с Дж. Гарибальди, который попытался продолжить борьбу; в рядах гарибальдийцев сражалась лишь горстка поляков-добровольцев. В то же время легион Мицкевича не только сражался за объединение Италии против австрийских войск, но и защищал республиканский Рим. Отказавшись после падения Рима вступить во французский иностранный легион, 160 солдат из польского легиона Мицкевича направились в Венгрию на помощь Бему и Дембиньскому, но опоздали⁵⁴. Отряд посланца А. Мицкевича А. Фийлковского в начале апреля 1849 г. в течение двух суток сражался на баррикадах в Генуе на стороне восставшего народа, в то время как офицеры-сторонники А. Чарторьского отказались участвовать в сражениях, а некоторые из них боролись против повстанцев.

Такой же прагматичной была позиция польских консервативных национальных деятелей в Молдавии и Валахии. В частности, А. Чарторьский писал агенту Отеля Лямбер в Валахии В. Будзыньскому осенью 1848 г.: "Если речь идет об интересах Польши, то не остается ничего другого, как поддерживать всеми средствами нормальное развитие румынской народности, защищать ее от русского или австрийского вторжения, от всего, что могло бы повлечь за собой или облегчить такое вторжение"⁵⁵. Таким образом, поддерживая национальное движение румын, польские деятели стремились подготовить базу и союзников для ожидаемого восстания на польских землях.

Столкновение различных концепций общественного и национального движений сказались и в острые моменты борьбы на чешских землях. Идеи общедемократической борьбы за свободу народов вошли в противоречие с интерпретацией национальных интересов разными группами населения. В пражском восстании по обе стороны баррикады сражались представители одной и той же национальности. Считая, что восстание задевает интересы австро-немецкого и венгерского народа, против него высказались австро-немецкие либералы, венское радикально-демократическое студенчество и часть венгерской общественности⁵⁶. Австрийские и венгерские отряды участвовали в подавлении восстания, тогда как на его стороне выступили австро-немецкие жители и венгры⁵⁷.

В чешских землях консервативные национальные деятели (чешские либералы) удовлетворились конституцией и отошли от движения, демократы же проявили солидарность с венграми, опять-таки вследствие того, что их собственные интересы требовали продолжения борьбы. Примеры противопоставления национальных интересов интересам общедемократической борьбы можно найти и в период Дрезденского восстания. Деятели Централизации Польского демократического общества участвовали в руководстве вооруженной борьбой, а другие польские эмигранты, находившиеся в Дрездене, выжидали его исхода, и когда восстание стало терпеть поражение, уехали, так и не приняв в нем участия⁵⁸.

Однако все обстояло не так просто, и нельзя механически делить участников, и прежде всего руководителей национальных движений различных направлений, по такому принципу: консерватор-прагматик проявлял солидарность с другим народом; только если видел в этом выгоду для своей родины, и напротив, радикал — значит, революционер, готовый поддерживать национальные устремления другого народа даже в том случае, когда они не приносили ощутимой пользы при решении национальных проблем его страны.

Даже левые представители польского демократического общества были против формирования польских легионов в Италии, предпринимали шаги к тому, чтобы воспрепятствовать этому. Такая позиция мотивировалась ими необходимостью не распылять силы, сосредоточить усилия на подготовке к возможному национальному восстанию. Немногие разделяли позицию А. Мицкевича, создавшего легион во имя служения благородной цели борьбы за торжество демократических принципов. Сама структура и принцип организации легиона являлись образцом демократического формирования, всех его бойцов вдохновляли общедемократические и патриотические идеи, идеалы свободы итальянского и польского народа. Но в то же время в Италии, в польских и итальянских формированиях, служили поляки-добровольцы, которых мало интересовали цели борьбы итальянского народа. Некоторые эмигранты, по отзыву того же А. Чарторыского, искали возможность материально облегчить свое бедственное существование.

Так переплетались стратегические концепции руководителей движения, национально-патриотические идеи участников вооруженной борьбы, материальные интересы рядовых повстанцев. Национальные трения отступали на второй план, когда общие усилия представителей разных народов направлялись на достижение социальных целей.

- 1 Подробнее см.: Этнополитическая структура и механизм господства Габсбургов // Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие, конец XVIII — 1849 г. М., 1980. С. 30-50.
- 2 *Russian L.* Polacy i sprawa polska na Węgrzech w roku 1848-1849. Rozprawy Historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. W-wa, 1934. Т. XIII, z. 2. S. 82.
- 3 Цит. по: *Удальцов И.И.* Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951. С. 69.
- 4 *Bogdanov V.* Hrvatska ljevicica u godinama revolucije 1848-1849. Zagreb, 1949. S. 118.
- 5 *Ibid.* S. 120.
- 6 *Удальцов И.И.* Историография революции 1848-1849 гг. в чешских землях. М., 1989. С. 21.
- 7 *Клима А.* 1848 год в Чехии: Начало чешского рабочего движения. М., 1949. С. 133.
- 8 *Удальцов И.И.* Историография... С. 70.
- 9 *Sindelář B.* Ohlas maďarské revoluce 1848—1849 na Moravě a ve Slezsku // Rada společenských ved. Pr., 1957. Roč. 67. S. 18-19.
- 10 *Ibid.* S. 32.
- 11 Цит. по: *Клима А.* Указ. соч. С. 134.
- 12 *Macůrek I.* Z dějin česko-maďarské spolupráce v letech 1849-1867 // Slovanský přehled. 1969. № 5. S. 330.
- 13 *Sindelář B.* Op. cit. S. 54.

- 14 Ibid. S. 37.
- 15 *Клима А.* Указ. соч. С. 114.
- 16 *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 213.
- 17 *Удальцов И.И.* Очерки... С. 179.
- 18 *Удальцов И.И.* Историография... С. 20.
- 19 *Клима А.* Указ. соч. С. 128.
- 20 *Willaume J.* Polacy w powstaniu drezdeńskim 1849 roku // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Nauki filozoficzne i humanistyczne.* Lublin, 1963. Vol. XV (1960). S. 67.
- 21 *Owsińska A.* Powstanie palatynacko-badeńskie 1849 roku oraz udział w nim polaków. Wrocław; W-wa; Kraków, 1965. S. 39.
- 22 Ibid. S. 41.
- 23 Ibid. S. 115.
- 24 Ibid. S. 116-117.
- 25 *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza 1848-1849. W-wa, 1955. S. 83.
- 26 *Willaume J.* Drogi do niepodległości: Polskie i rumuńskie koncepcje polityczne i ich realizacja w latach 1837-1849. W-wa, 1984. S. 129.
- 27 *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza... S. 131.
- 28 Ibid. S. 163.
- 29 Ibid. S. 115.
- 30 *Dach K.* Polski demokratyczny ośrodek emigracyjny w Moldawii w latach trzydziestych—czterdziestych XIX wieku i jego stosunki z miejscowym społeczeństwem // *Wielka Emigracja i sprawa polska a Europa (1832-1864).* Toruń, 1980. S. 118.
- 31 Ibid. S. 119.
- 32 *Гросул В.Я.* Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-х — начале 50-х годов XIX в. // *Балканский исторический сб.* Кишинев, 1970. С. 55.
- 33 *Willaume M.* Op. cit. S. 144.
- 34 *Еремеева Г.И.* Чешский радикальный демократ Йозеф Вацлав Фрич. М., 1984. С. 25.
- 35 *Russjan L.* Op. cit. S. 207.
- 36 Ibid. S. 82.
- 37 *Willaume J.* Op. cit. S. 64-65.
- 38 Ibid. S. 67.
- 39 *Owsińska A.* Op. cit. S. 16.
- 40 *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. 3. С. 378.
- 41 Освободительные движения... С. 372.
- 42 *Удальцов И.И.* Историография... С. 62.
- 43 *Еремеева Г.И.* Указ. соч. С. 23.
- 44 *Клима А.* Указ. соч. С. 126.
- 45 Legion Mickiewicza. Wybór źródeł. Opracowali H. Batowski i A. Szklarska-Lochmannowa. Wrocław, 1958. S. 59.
- 46 Ibid. S. 134.
- 47 *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza... S. 159.
- 48 Ibid. S. 145.
- 49 Ibid. S. 74.
- 50 *Kieniewicz S.* Polska Wiosna Ludów na tle europejskim // *Stosunki polsko-niemieckie, 1831-1848; Wiosna Ludów i okres ją poprzedzający.* Wrocław; W-wa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1981. S. 18.
- 51 *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza... S. 46.
- 52 Ibid. S. 141.
- 53 Ibid.
- 54 *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza... S. 162.
- 55 *Dach K.* Op. cit. S. 127.
- 56 Освободительные движения... С. 372.
- 57 *Клима А.* Указ. соч. С. 103.
- 58 *Willaume J.* Op. cit. S. 73.

В.И. Фрейдзон

ЧЕШСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В 1848—1849 гг.

В эпоху подъема буржуазно-демократических движений в Европе задачи межнационального сотрудничества прогрессивных кругов неоднократно выдвигались на первый план общественно-политической жизни.

Революция 1848—1849 гг., охватившая многонациональный регион Центральной Европы, дала примеры солидарности революционных движений, ставших частью прогрессивных традиций народов, предметом национальной гордости. Это солидарность между венгерскими, польскими и итальянскими деятелями буржуазно-национального революционного движения. Аналогичный характер имели связи между многонациональной революционной (буржуазной) эмиграцией в 50—60-е годы XIX в. Представителей революционного крыла буржуазного движения мы характеризовали как национальных или буржуазно-национальных революционеров¹.

Господствующей в национально-революционной среде была так называемая национальная идеология, “национальный принцип”, подчинение задаче борьбы за национальные цели всех других задач. Сотрудничество между революционными буржуазными и тем более дворянскими группировками не свидетельствовало об их интернационализме, оно определялось непосредственными интересами данного движения — борьбой за создание суверенных национальных государств.

В ходе революции 1848—1849 гг. в Австрийской империи сформировались два крупных буржуазных течения: одно было направлено на достижение национальной независимости революционным путем (Венгрия, Италия, немецкая буржуазная демократия, часть польского движения), другое — на сохранение австрийского государства, преобразование его на федеративной конституционной основе путем давления на императорский двор и соглашения между либеральными кругами разных наций. Это течение было представлено в основном либеральной буржуазией славянских наций.

Либералы предполагали решать национальную проблему по-реформистски, в то время как демократическая по своему содержанию идея национального равноправия объективно требовала самых радикальных социально-экономических преобразований, ликвидации монархии. Постепенно, преодолевая огромные трудности, связан-

ные с националистической атмосферой 1848—1849 гг., среди славянских народов пробивалась именно эта революционно-демократическая тенденция.

Задачи объединения Германии и достижения независимости Венгрии решались немецкой буржуазией и венгерским дворянством на основе идеологии национализма. При этом исторически созревшие национальные стремления славянских и румынского народов во внимание не принимались. Немецкая мелкобуржуазная демократия в Германии и Австрии не смогла решительно порвать с этой политикой. Ввиду половинчатости революции в Германии в Национальном собрании во Франкфурте преобладала либерально-националистическая буржуазия, а в австрийском рейхстаге — либеральное и консервативное крыло. В начале июля 1848 г. Ф. Энгельс писал: “Теперь, когда немцы сбрасывают с себя свое собственное ярмо, должна быть изменена и вся их политика по отношению к другим народам... Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам... Для того чтобы немецкая кровь и немецкие деньги не расточались, вопреки собственным интересам Германии, для угнетения других национальностей, для этого мы должны добиться настоящего народного правительства... Лишь тогда кровавая и в то же время трусливая политика... уступит место интернациональной политике демократии”². В.И. Ленин отмечал, что для победы буржуазно-демократической революции 1848 г. было необходимо провозгласить и осуществить свободу всех угнетенных народов³. Революция в Германии, Австрии и Венгрии никогда не достигла этой стадии.

Революционно-демократическая тенденция, отражавшая интересы и настроения трудящейся массы народа уже в эпоху перехода от феодализма к капитализму, проявлялась в революционной борьбе против феодализма и его остатков, в ряде случаев и против крупного (обычно торгово-ростовщического) капитала, за демократию (республику), в стремлении обеспечить материальное благополучие массы народа, т.е. в разного рода социалистических устремлениях, подчас весьма неопределенных. Проповеди революционных демократов были присущи социально-утопические черты.

Что касается социалистических мечтаний, то к ним можно отнести не только разные идеи обобществления средств производства, но и мечты об обществе мелких производителей, свободном от процессов оскудения, науперизации масс, от классовой борьбы (уравнительные программы), а в некоторых случаях вообще не конкретизированные мечты о “рае” на земле после устранения иноземного феодального гнета⁴. Таким образом, “социализм” революционной демократии — понятие весьма неопределенное. Но существовал подход революционной демократии к национальной проблеме, которому были присущи черты интернационализма. В целом идеологию революционного демократизма составляет обширная система взглядов как в социально-экономической, так и политической, в том числе национальной и культурной областях.

Что касается Западной Европы, то ввиду большой роли городов

в социальной жизни Запада, значительного прогресса капитализма к середине XIX в. и отсутствия на территориях западнее Эльбы крепостничества революционная демократия представляла здесь наряду с мелкокрестьянской массой многочисленный трудовой люд городов, городскую мелкую буржуазию, а пока речь шла об общедемократических задачах — и пролетариат⁵. В западных странах аграрная программа (у революционной демократии всегда антифеодалная) не могла занимать того исключительного места, как на востоке и юго-востоке континента или в Южной Италии.

В сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященных революции 1848—1849 гг., термин “революционная демократия” не встречается, но содержание революционного демократизма обрисовано вполне определено. Революционную борьбу пролетариата, мелкого крестьянства и городской мелкой буржуазии Маркс и Энгельс, в сущности, характеризуют как революционно-демократическую. Именно эти классы составляли “народ”, “революционный народ”, “современную демократию”⁶.

Интересы народа были не в состоянии защищать парламентские представители “мелкобуржуазной демократии”, “буржуазные радикалы”, чуравшиеся социальных вопросов и боявшиеся дальнейшего развития революции. Не представляло интересы народа и большинство левых Национального собрания во Франкфурте, увлекавшееся словопрениями вместо участия в революционной борьбе народа.

Революционной демократией в 1848—1849 гг. являлись массы, двигавшие демократическую революцию⁸. Представителей революционной интеллигенции, которые отстаивали интересы этой борьбы идейно-политически, Маркс и Энгельс именовали “демократами”. Этот термин, в сущности, и означал то, что мы называем “революционной демократией”. В 1848 г. Маркс и Энгельс сотрудничали с революционными силами мелкобуржуазной демократии¹⁰ и свою “Новую Рейнскую газету” назвали “органом демократии”. С революционно-демократических позиций выступали некоторые рабочие организации Германии, особенно те, в которых пользовались влиянием члены Союза коммунистов¹¹.

Революционно-демократическую программу составляла часть “Требований Коммунистической партии в Германии”, сформулированных К. Марксом и Ф. Энгельсом в марте 1848 г. “в интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства”. Это прежде всего единая германская республика, всеобщее избирательное право, вооружение народа, отмена феодальных повинностей без выкупа, обращение феодальных имений, рудников, шахт в собственность государства (в начале 1849 г., в условиях подъема движения крестьян и батраков в Силезии и других землях, было выдвинуто требование раздела имений крупных помещиков), отделение церкви от государства, ограничение прав наследования, введение прогрессивного налога и отмена налогов на предметы потребления, учреждение национальных мастерских и гарантия рабочим “средств к существованию”, всеобщее бесплатное образова-

ние¹². “Новая Рейнская газета” провозглашала поддержку народам, по-революционному борющимся за национальное освобождение, в особенности их демократическим силам.

Среди славянских народов Австрийской империи наиболее последовательно тенденция к такой борьбе в 1848—1849 гг. проявилась у чехов. В эпоху революции 1848—1849 гг. чешские земли в социально-экономическом отношении были близки восточным областям Германии. В Чехии, где до 1848 г. сохранились феодальные отношения, крестьянин с 1781 г. являлся лично свободным, а экономическое развитие страны привело к выделению массы бедняцкого, полупролетарского и пролетарского населения, с одной стороны, и относительно сильного буржуазного слоя в деревне — с другой. Значительно продвинулось и развитие промышленности; после наполеоновских войн начался промышленный переворот. Пролетариат и масса мелкой буржуазии городов страдали от господства крупного капитала. Стало быть, то содержание, которое К. Маркс и Ф. Энгельс в 1848—1849 гг. вкладывали в понятие “демократия” и которое можно отождествить с “революционной демократией” в Германии, приложимо и к чешским землям. “Новая Рейнская газета” неоднократно называла группировку, участвовавшую в июньском Пражском восстании, “демократической партией”, или “революционной партией”¹³. Эволюция чешских демократов (Э. Арнольд, К. Сабина, В. Вавра-Гаштальский и др.) в конце 1848 — начале 1849 г. дает основание для характеристики их как революционной демократии западноевропейского или центральноевропейского типа.

Революционно-демократическая тенденция чешской мелкобуржуазной демократии вводила ее в лагерь европейской революции и являлась социально-политической и идеологической основой ее интернационалистических устремлений. Аналогичный процесс имел место в немецком общественном движении в начале 1849 г. Это и создало условия для подготовки совместного немецко-чешского выступления в мае 1849 г.

Что касается Германии, то роль революционной мелкобуржуазной демократии здесь в 1848—1849 гг. проанализировал Р. Вебер. В эту категорию он включает “трудящихся, не входящих в состав рабочего класса”¹⁴. В Германии постепенно формировалось и усиливалось демократическое движение, направленное на ликвидацию остатков феодализма и реализацию социальных и политических требований масс в рамках буржуазно-демократического строя. Часть ремесленников и мелких торговцев, демократическая молодежь и интеллигенция, кое-где мелкое и среднее крестьянство (Баден, Саксония и др.) — вот среда, которая вслед за рабочим классом стала опорой демократии.

Но большинство немецких демократов придерживалось националистических взглядов, сближаясь в этом отношении с либералами и подрывая возможность союза с общественными движениями ряда народов. Все же летом 1848 г. в этой среде возросли симпатии к польскому движению в Пруссии; к чешскому же отношению

оставалось отрицательным. Ссылаясь на "историческое право", чехов рассматривали как часть "германской нации", поскольку чешские земли входили в состав средневековой Священной Римской империи германской нации. Лишь в отдельных выступлениях немецкой печати осуждался разгром восстания в Праге в июне 1848 г. как движения демократического. В этом отношении вполне определенной была лишь позиция "Новой Рейнской газеты" К. Маркса и Ф. Энгельса, которая подчеркивала демократический, народный, интернационалистский характер Пражского восстания¹⁵.

Лишь в начале 1849 г. революционное крыло немецких демократов консолидировалось (Баден, Саксония, Вюртемберг). Тогда, в условиях наступления контрреволюции и обострения социально-политической борьбы в Германии, саксонские демократы заявили о своей солидарности не только с венгерскими и польскими, но и с чешскими революционерами¹⁶. Характерно, что этот сдвиг был связан с радикализацией демократов в социальной области (рост популярности французского утопического социализма; восприятие лозунга "социальной республики", сближение с рабочими организациями, большее внимание крестьянскому вопросу).

В общественном движении славян Австрийской империи в 1848 г. (как, впрочем, и позднее, во время кризиса 60-х годов) неоднократно вспыхивали дискуссии о приоритете национального или общедемократического¹⁷. Спорили о том, следует ли любой ценой (например, идя на уступки династии) обеспечить национальные права (свободу развития культуры, объединение территории, автономию) или добиваться победы демократии, предоставив определение национальных прав дальнейшему ходу событий. Само выдвижение дилеммы "национальность" или "свобода" не в последнюю очередь было следствием национализма ведущих политических сил господствующей нации (в Австрии — немцев, в Венгрии — мадьяр). Но объективно решение социально-политических и национальных задач было взаимосвязано.

В действительности, умеренные политики, как немецкие, так и славянские, ссылками на приоритет национального прикрывали свой страх перед революционным движением. В Австрии политика либералов и консерваторов — немецких и славянских (чешских и словенских) — в национальной области вращалась в кругу проблемы "за Франкфурт" или "против Франкфурта", т.е. за поддержку Национального собрания во Франкфурте или против него. Национальный вопрос был одним из основных вопросов революции, но главное для судьбы немецкого и славянских народов Австрии заключалось не во "Франкфурте", а в победе или поражении демократической революции в Германии и Австрии, в том, удастся ли лишить власти Гогенцоллернов, Габсбургов и стоявшую за ними монархическую контрреволюцию. Это — хотя и не сразу — поняли крайние левые революционные течения как в Германии, так и в Чехии.

Но национальные противоречия длительное время облегчали маневры правых и вызывали раскол сил демократии. Немецкая бур-

жуазия ликовала по поводу подавления народного восстания в Праге как “панславистского” и превозносила его палача генерала Виндишгреца, а буржуазия чешская, словенская и других славянских наций отнеслась к октябрьскому 1848 г. народному восстанию в Вене как к “пангерманскому” и “антиславянскому”.

Июньское восстание в Праге, хотя оно и вспыхнуло стихийно, имело своих лидеров и идеологов. Эта революционная группа сформировалась в 40-х годах по преимуществу из молодежи и в историографии получила наименование чешской радикальной демократии.

Чешские демократы уже накануне событий 1848 г. выступали за революцию. Только в массовых действиях они видели путь к свободе — социальной, политической и национальной. К. Сабина в статье “Исповедание новой веры” уже весной 1848 г. выдвигал задачу вооружения народа, создания “вполне организованной и хорошо вооруженной национальной гвардии”. Вооруженный народ, как полагал он, — залог провала козней “врагов народной свободы”. “Орудия — вот главный защитник нашего политического кредо... — отмечал Сабина. Если враги свободы задают нам вопросы 24-го калибра, надо им дать ответ 36-го калибра, пока они не убедятся в правоте нашей веры”¹⁸.

Историческую закономерность революций отстаивал Э. Арнольд. “Семя свободы, посеянное в среде народов 11 марта (1848 г. — начало революционных выступлений в Чехии. — В.Ф.), больше уничтожить невозможно”¹⁹. Свое место демократы видели в рядах славных революционеров разных веков и народов. Борьба “сознательного человечества за свободу” имеет долгую историю, подчеркивал Сабина, и “будет продолжаться и после нас”. “Свобода имеет своих святых и своих мучеников. Жижка и табориты не были ее последними воинами, Оливер Кромвель и Робеспьер не были ее последними вождями... Наш долг — положить ей более прочное основание, чем это сделали наши предшественники”²⁰.

Накануне революции Э. Арнольд написал краткую “Историю гуситов”, стремясь утвердить в сознании народа его революционные традиции и поднять его на новую борьбу. В начале 1849 г. в ряде статей он пробуждал в читателях симпатии к венгерской революции, разъяснял ее цели, солидаризуясь с ними, хотя и в завуалированной форме, что для того времени было вполне естественно. Все зло для народа идет от Габсбургов, излагал чешский публицист содержание статьи из венгерского журнала: “Как французы заявляли в Версале: “Plus de Bourbon!”, мы провозглашаем: никаких Габсбургов больше!.. Никаких королей божьей милостью, но лишь милостью народа, как бы этот правитель ни назывался: диктатором, губернатором или президентом республики”²¹.

Арнольд проводил антидинастическую пропаганду. Так, всю вину за межнациональный конфликт в Австрийской империи он отнес на счет политики венского двора, следовавшего “духу Меттерниха”: правящие круги Вены спровоцировали взрыв славянско-вен-

герских противоречий, так как национальный мир в Венгрии обеспечил бы ей силу и свободу.

В этом рассуждении характерно отсутствие анализа глубоких социальных корней конфликта в Венгрии. Автор лишь мечтал о времени, когда опыт приведет венгров к дружбе со славянами, с которыми они “раньше, когда в Европе не пробудилось национальное чувство, жили в мире”²². Это не снижало значения агитации Арнольда, но свидетельствовало о стремлении чешского демократа собрать все силы для борьбы против контрреволюции. Не случайно такой тактики впоследствии придерживался в статьях об Австрии и “Современник” Н.Г. Чернышевского²³. В обоих случаях речь идет не о “кабинетном” анализе политической обстановки, а о страстном призыве к объединению революционных сил.

Австрийское правительство, продолжал Арнольд, стремится использовать конфликт между венграми и сербами — “этими самыми доблестными” народами, чтобы истощив их, затянуть “в свою сеть”, дать им ту же “свободу”, что и чехам (в Праге после июньского восстания было установлено чрезвычайное положение). “Если бы народы были пачеку; стремясь прежде всего в братском союзе завоевать себе свободу, не пали бы ни Прага, ни Вена, ни Краков, ни Львов”. Но народы приобрели опыт и теперь “перед лицом общего врага... ради утверждения свободы” они подадут друг другу руки — “будь то чех, немец, итальянец или мадьяр”²⁴.

Эта позиция означала огромный сдвиг в сравнении с периодом, когда еще в сентябре—октябре 1848 г. чешские демократы не расставались с надеждой на “спасителя славян”, “генерала-славянина” Елачича, а в октябрьском восстании венских рабочих, трудового люда и студентов вслед за либералами видели происки пангерманских кругов. Все же и тогда демократы занимали в отношении Вены колеблющуюся позицию: просветление умов уже началось. Более того, демократы в Брно и Оломоуце возглавили выступление рабочих в защиту Вены²⁵.

Теперь же чешские демократы оценивали события не с сугубо национальной точки зрения, а в зависимости от того, полезно ли оно революции. Надо было совершить серьезный идейно-политический поворот, чтобы признать заслуги немецких левых в австрийском рейхсрате. Они выступают “за национальность и свободу”, писал Арнольд, тогда как чешские депутаты (т.е. либералы) — “только за народность” и, более того, сблизилась с правительством. В упоминавшейся полемике с умеренными (“национальность или свобода”) Арнольд утверждал: “Кто обладает свободой, сможет обеспечить себе и национальность уже потому, что свободен”. Именно поэтому он считал, что время, “когда народ в Вене был всемогущим”, являлось самым благоприятным для “укрепления свободы всех народов”.

Таким образом, национальное освобождение ставилось в прямую связь с победой демократической революции. Э. Арнольд сожалел о том, что тогда, в октябре 1848 г., был невозможен действенный союз чешских и немецких революционеров: “Вена еди-

ственная давала отпор реакционному дворянству (чешский демократ точно определял социальную основу контрреволюции. — В.Ф.), так как Прага уже лежала в развалинах после восстания²⁶. Все реакционные силы объединились против народов, поэтому народные массы города и деревни “должны сплотиться воедино против насилья панства, дворянства, бюрократии”. Обращаясь к крестьянам, автор призывал их “ладить с немцами”, не давать увлечь себя национальными лозунгами в ущерб борьбе против абсолютизма. Демократы убедились в том, что необходимо сплочение их сил независимо от национальности.

Во всем этот мы видим сдвиг в сторону интернационализма. Это был демократический чешский патриотизм с элементами интернационализма.

Сам поворот к союзу с революционными силами других народов обусловливался позицией чешских демократов в социальной сфере²⁷. В связи с одним из коренных вопросов революции чешские демократы отмежевались от либералов и отстаивали освобождение крестьян без выкупа. В их выступлениях имеется и требование раздела магнатских имений, которые определяли структуру землевладения в чешских землях. В 1848 г. это была весьма революционная программа, не часто выдвигавшаяся самими крестьянами. Так, касаясь проблемы крайней бедности массы сельского населения, К. Сабина писал, что “паны, графы и князья являются собственниками целых областей... Если бы в одних руках не сосредоточивалось до 100000 корцев²⁸ земли, а, к примеру, каждый хозяин владел бы не более 400 корцами, то много земли этих огромных имений перешло бы в руки массы мелких хозяев и положение совершенно изменилось... Наша земля, будучи разделенной среди народа небольшими участками, давала бы намного большие урожаи...”²⁹ Радикализация аграрных требований и вообще политической позиции демократов весной 1849 г. была связана с остротой положения в чешской деревне, народными выступлениями, о которых имеются свидетельства уже для предреволюционного времени, не говоря о годах революции³⁰.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что приведенная выше идея аграрной реформы при несомненной революционности устанавливала земельный максимум свыше 200 га, т.е. обеспечивала интересы не только богатых крестьян, но и буржуа-арендаторов, средних землевладельцев-фермеров. Здесь нет никаких эгалитаристских проектов, а тем более идеи общинного владения, никакой попытки устранить аграрный капитализм, уже пустивший корни в чешских землях. Это типично буржуазно-революционная постановка вопроса.

Впрочем, тот же Сабина в общей форме развивал более радикальные социальные идеи. Причины нищеты масс в Европе, и в частности в Чехии, он видел в господстве не только крупного землевладения, но и крупной промышленной буржуазии. Машинная индустрия, продолжал автор, доводит ремесленников до голода, тогда как общественное богатство перекачивается в карманы

фабрикантов. В сельском хозяйстве и промышленности растет число людей, работающих по найму, повсеместно распространяются нищета, бедствия трудящихся. В Англии, где имеется больше всего фабрик и богачей, больше всего безработных и нищих, рабочий получает минимум, необходимый для существования, в случае же экономического спада он оказывается в отчаянном положении.

Автор делал вывод: "пока в нашем общественном устройстве не произойдут изменения в пользу трудящихся", они будут обречены на бедность³¹. Еще ранее, в октябре 1848 г., Сабина подчеркивал, что интересы народа должны быть удовлетворены, поскольку он создал все, что "можно видеть на белом свете"³². Среди демократов Сабина отличался особенно пристальным вниманием к общественным противоречиям в Чехии.

Взгляды демократов на характер необходимых "изменений в общественном устройстве" не были конкретизированы; они указывали, что идеи борьбы против накопления огромных богатств в руках немногих возникли во Франции и что их, т.е. эти идеи, поддерживают "все ремесленники и вообще трудящиеся". Сабина отмечал: главной силой освободительных битв в Европе стала "голодающая, страдающая, угнетенная масса", буржуазия, оказав содействие освобождению крестьян во Франции, сменила феодалов. "Порабощение, рабство, до революции угнетавшие крестьянство, — отмечал он, — ныне легли на плечи рабочего класса в городах". Идеолога нового движения Сабина видел в Луи Блане, хотя и указывал при этом на его ограниченность³³. Особое внимание, которое уделяли положению бедствующих мелких ремесленников Сабина и Ариольд, являлось отражением реальной ситуации в Чехии в середине XIX в. и придавало воззрениям чешских демократов мелкобуржуазно-утопический характер.

Из деятелей социальных движений Сабина выше всех ставил Р. Оуэна и чартистов. Английская конституция, писал он, формально признающая верховенство нации, не допускает трудовую массу к влиянию на общественные дела*. Чартизм же "охватывает весь трудящийся фабричный класс" Англии и является "выражением современной демократии. Демократия чартистов стремится вновь завоевать перевес большинства над меньшинством". Самостоятельная организация и борьба народной массы за свои интересы, по словам Сабины, — вот "верный путь"³⁴. Таким образом, в 1848—1849 гг. Сабина воспринимал социально-политический опыт и социальную мысль Западной Европы.

В статье "Аристократы" (1848 г.) В. Вавра требовал не только ликвидации политических привилегий дворянства, но и ограничения права наследования, с тем, чтобы часть богатств направлялась для организации общественных работ, школ и т.д., бесплатного обучения детей бедноты, введения налогов на доход и на предметы роскоши, отмены косвенных налогов (на продовольствие). Для лик-

* Имеется в виду не конституция как законодательный акт (таковой в Англии не было), а принципы общественно-политического строя тогдашней Великобритании.

видации нищеты вообще, по мнению Вавры, “единственным средством является социализм”³⁵.

В статье “Чего мы хотим” (1849 г.) Сабина так сформулировал основные цели демократии: 1) свобода политическая, без которой народ ничего не может для себя добиться, 2) просвещение народных масс как условие сохранения свободы, 3) “благосостояние всех”³⁶. Ф. Копп писал, что регулировать производство должно демократическое правительство, что социализм вместе с тем — условие “свободы национальности”, “славы и совершенства”³⁷.

Вместе с тем следует отметить, что Э. Арнольд, симпатии которого, по его признанию, были на стороне сельской бедноты, перед лицом угрозы монархической контрреволюции призывал к единению безземельных домкаржей, работавших по найму (в чешских землях их насчитывалось сотни тысяч), с богатыми крестьянами (седлаками), хотя признавал, что между ними существует “острая вражда”. Возможно, что Арнольд руководствовался не только надеждой сплотить крестьянство для борьбы за демократию. Ведь аграрный проект демократов свидетельствовал об их стремлении не оттолкнуть буржуа-аграриев. Что касается социализма, то некоторые из них видели в нем цель современного движения, другие — отдаленную неясную перспективу.

Итак, в 1848—1849 гг. осуществление своих социальных требований чешские демократы увязывали с победой демократической революции. Их главным противником были полуфеодально-абсолютистские силы, в связи с чем Арнольд призывал к примирению в среде “народа” — фактически мелкой буржуазии и рабочих. На позиции Сабины сказались антикапиталистические настроения ремесленников и рабочих. Но в целом “рабочий вопрос”, несмотря на симпатии мелкобуржуазных демократов к чартизму, был для них наиболее трудным. И тем не менее некоторые аргументы чешских демократов в пользу “интересов народа” сходны с формулировками “Требований” Маркса и Энгельса; вряд ли можно усомниться в том, что “Требования”, перепечатанные немецкими газетами, стали известны в Чехии.

Идеология международной революционной демократии вообще как нечто цельное и последовательное оставалась возможной, пока основные исторические задачи сводились к борьбе против феодализма и его остатков. Но в середине XIX в. чешские земли были уже относительно развитыми в капиталистическом отношении. Здесь демократия не могла ограничиться проблемами борьбы с феодализмом. Сфера же “рабочего вопроса” была для демократов наиболее трудной. Более того, буржуазные, а точнее, мелкобуржуазные интересы нередко сказывались во всей политической аргументации демократов, особенно в первый период революции. Тогда они не отказывались от австрославизма, в частности, потому, что в союзе с южными славянами монархии Габсбургов были заинтересованы чешские торговцы и мелкие предприниматели.

Выступления чешских демократов с революционно-демократических интернационалистских позиций охватывали небольшой пе-

риод после октября 1848 г., особенно в марте—мае 1849 г. Чешские демократы представляли интересы мелкой буржуазии — антифеодальной и антиабсолютистской борьбы — и вместе с тем выражали настроения крестьян, ремесленников, рабочих.

Радикализация общеполитических, в том числе национально-политических взглядов чешских демократов осенью 1848—1849 гг. была связана с углублением их социальных воззрений. Демократы выдвигали идею Чешской республики, которая вступила бы в союз с другими свободными народами.

Уже в июне 1848 г. на славянском съезде в Праге вокруг М.А. Бакунина возникла леворадикальная группа преимущественно из чехов и южных славян, настроенная критически в отношении программы и тактики австрославистов. В сентябре 1848 г. Бакунин негодовал против вторжения войск Елачица в Венгрию и поддерживавших этот поход славянских деятелей: “Вы объявили войну революции, вы служите реакции, вы кладете бесчестье на всю славянщину”. В апреле 1849 г. он подчеркивал, что “венгры своей героической борьбой спасли себя и все остальные народы Австрии от рабства”³⁸. В марте—мае 1849 г. Бакунин много сделал для сближения чешских и саксонских революционеров, готовивших восстание в Дрездене и начавших его 3 мая 1849 г.³⁹

Развитие событий с октября 1848 г. по март следующего года побудило чешских демократов полностью пересмотреть свою национально-политическую позицию. В октябре В. Вавра цитировал анонимное письмо славянина в немецкой “Реформе” А. Руге, где указывалось, что падение революционной Вены является победой не славян, а монархической реакции, добивавшейся порабощения всех народов империи. “Венгры знают, на чем стоят. Итальянцы это знали давно, а немцы никогда не перестанут проклипать палачей Вены и ее свободомыслящей молодежи”. И чехи, галичане, хорваты убеждаются в вероломстве правительства. Но Вавра, признавая права немцев на объединение, еще не отказался от надежд на федерализацию Австрийского государства⁴⁰.

Дальнейший поворот в ориентации чешских демократов произошел в декабре 1848 г. в связи с приходом к власти консервативного правительства Шварценберга. В январе 1849 г. Э. Арнольд призывал к революционной солидарности с венграми⁴¹. Тогда же был опубликован анонимный призыв к преодолению национальной узости, к единению народов ввиду приближающейся “великой социальной революции”. Ход истории, говорилось в призыве, “не в состоянии задержать никакие штыки”⁴². Еще до провозглашения реакционной мартовской конституции 1849 г. чешские демократы прониклись убеждением, что политика правительства в сущности направлена против славян еще быть может в большей степени, чем против немецких демократов и венгерской революции. Это убеждение и было стимулом для сближения чешских и немецких демократов.

Агитация в Чехии не ускользнула от внимания редакции “Новой Рейнской газеты”⁴³.

Чешские демократы придерживались идеи славянской общности, представлений об особом "славянском мире" прежде всего ввиду его социальных традиций и задач. Но их "славизм" имел демократическую направленность. Уже в конце 1848 г. К. Сабина утверждал, что будущность славянства имеет социальное содержание, славянству предстоит "диктовать народам принципы сообщества"⁴⁴. Сабина писал, что время ослепления умеренным австрославизмом прошло: "На месте одного славизма появилось два: один свободный, другой рабский"⁴⁵. Наконец, в мае 1849 г. чешские демократы в таких словах отмежевывались от славизма монархической буржуазии: "Мы всегда будем придерживаться славянской политики, но не той, которую некоторые справа нам выдавали за славянскую политику. Мы созрели для новой славянской политики... политики чести и свободы, и отвергаем политику позора..."⁴⁶

В 1849 г. Сабина обосновывал свою уверенность в великом будущем славянских народов самим "источником славянского быта"⁴⁷. Содержание этой концепции сводилось к поискам особого славянского пути развития. Отличие этого "демократического панславизма" от буржуазно-помещичьего и монархического славизма славянофилов и тем более крайних реакционных панславистов не нуждается в разъяснении. Характерно, что чешские демократы, как видно из их отношения к чартизму и французскому утопическому социализму, не противопоставляли свою "славянскую идею" близким им идейным течениям в Западной Европе. Более того, они считали, что славное будущее "не расцветет у племени незрелого, и если славянство и, следовательно, наш народ, ожидает нечто спасительное, честное, возвышенное, оно (славянство. — В.Ф.) должно действовать отважно, чтобы не отстать от других в постановке животрепещущих великих социальных проблем и всеми силами и средствами обеспечить торжество свободы, равенства и братства на своей земле, а затем, возможно, и у своих братьев"⁴⁸.

Большое место в "славянских" воззрениях чешских революционеров занимали судьбы России. В связи со сближением русского и австрийского монархов в конце 1848 г. Й. Подлипский утверждал, что "русский царизм найдет своего могильщика в собственном народе" и что "в русском народе таится великое демократическое будущее". Э. Арнольд характеризовал Николая I как "праотца самодержавной тирании". Чешские демократы полагали, что русская революция неизбежна⁴⁹.

Следует согласиться с мнением В.А. Дьякова, что революционные демократы, опираясь на идеи "племенной" общности (в данном случае славянской), действовали в духе сплочения прогрессивных сил разных народов⁵⁰. Все же объективно определенный элемент национализма неизбежно присутствовал там, где какой-либо многонациональной общности или отдельной стране Европы приписывалось принципиальное отличие от основной линии развития человечества (в частности, когда в XIX в., даже исходя из самых искренних демократических убеждений, говорилось о некапиталистичес-

кой "природе" славянства). Все сказанное также подтверждает тезис, что славизм не был чем-то единым, что содержание тех или иных идей славянской общности можно вылить лишь путем их конкретного анализа⁵¹.

"Последней каплей" для чешских демократов явились разгон рейхстага 7 марта 1849 г. Францем Иосифом. Чешские демократы повернули к союзу с немецкими революционерами и приветствовали борьбу венгров и итальянцев за независимость. На стенах Праги появились надписи: "Да здравствует Кошут!" Национальные противоречия были отодвинуты на задний план, уступив место общей борьбе против контрреволюции.

Чешские демократы и пражское студенчество, воспитанное первыми в политическом духе, пошли по пути совместной с немецкими демократами Саксонии подготовкой восстания (так называемый Майский заговор 1849 г., разгромленный властями). Тем самым они возвысили честь демократических сил своего народа в революции 1848—1849 гг. Чехословацкие историки высоко оценивают эти события. По мнению З. Шамбергера, "демократическое революционное сотрудничество между Чехией и Германией весной 1849 г. следует рассматривать как позитивный вклад в прогрессивные исторические традиции в отношениях между обоими народами"⁵². Й. Кочи и В. Матула подчеркивают, что действия демократов нельзя недооценивать "с точки зрения интернациональной солидарности революционно-демократических сил в Европе в 1849 г."⁵³

Возможно, именно события этого времени имел в виду Ф. Энгельс, писавший чешским социал-демократам в 1893 г.: "В истории вашего народа имеется много социальных и демократических традиций, важных для нашего движения"⁵⁴.

1 Фрейдзон В.И. Революционность и реформизм в национальных движениях в Европе в XIX в.: (Типологическая характеристика) // Сов. славяноведение. 1975. № 2. Об этом см. также: Виноградов В.Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975. С. 97.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 161—162.

3 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 468.

4 См., например: Фрейдзон В.И. Революционная демократия и буржуазная революционность в национально-освободительных движениях южных славян в конце 60-х—70-х годах XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978. С. 120—139.

5 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 229.

6 Там же. Т. 4. С. 272; Т. 5. С. 244, 112.

7 Там же. Т. 4. С. 397; Т. 27. С. 426.

8 Там же. Т. 5. С. 436.

9 Там же. Т. 6. С. 335.

10 К. Маркс и Ф. Энгельс поддерживали "мелкобуржуазных демократов" "лишь до тех пор и постольку, поскольку они выступают революционно" и действуют "на стороне народа против государей" См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 436; Т. 6. С. 570.

11 Советский историк С.З. Лёвинова при характеристике событий в Германии в 1848—1849 гг. вполне справедливо применила формулировки "революционеры-демократы", "революционная демократия", "революционно-демократическая пресса", программа революционно-демократических преобразований. Югославский автор

- монографии, посвященной одному из выдающихся деятелей революции 1848 г. в Австрии, Антону Фюстеру, словенцу по происхождению, также называет его революционным демократом. *Левиова С.З.* Маркс в германской революции 1848-1849 гг. М., 1970. С. 76, 83, 141, 143 и др. *Britovšek M.* Anton Fuster in revolucija 1848 v Avstriji. Maribor, 1970. S. 5. Ф. Фюстер издал вместе с Марксом в Лондоне в сентябре 1848 г. обращение с призывом о поддержке немецких эмигрантов — участников революции. Фотокопию документа см.: *Britovšek M.* Op. cit. P. 274-275.
- 12 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 1-3; Т. 19. С. 68-69; *Левиова С.З.* Указ. соч. С. 147-160; *Поспелова В.Н.* Позиция Маркса и Энгельса в крестьянском вопросе во время революции 1848-1849 гг. в Германии // Из истории формирования и развития марксизма. М., 1969.
- 13 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 270, 444.
- 14 *Weber R.* K úloze maloburžoazní demokracie v německé revoluci 1848-1849 // Revoluce 1848-1849 ve střední Evropě. Pr., 1974. S. 146.
- 15 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 112, 212-215, 270. Материалы о Пражском восстании см.: *Slovanský sjezd v Praze 1848.* Sb. dokumentu / Ed. V. Začek. Pr., 1958. S. 392-438.
- 16 *Weber R.* Op. cit. P. 153-154.
- 17 *Kolejka J.* Diskuse o vztahu "svobody" a "národnosti" z listopadu 1848 // Časopis Matice moravské. 1984. N 1/2. S. 29-39.
- 18 *Sabina K.* Vyznání nové víry // Čeští radikální demokraté. Výbor politických statí. Pr., 1953. S. 192-193. К сожалению, в этом ценном сборнике отсутствуют даты опубликования отдельных материалов.
- 19 *Ibid.* S. 23, 71.
- 20 *Ibid.* S. 194.
- 21 *Ibid.* S. 63-66.
- 22 *Ibid.* S. 68-71.
- 23 См. материалы, приведенные в статье: *Аксенова Е.П.* Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах "Современника" (1854-1862) // Сов. славяноведение. 1980. № 4. С. 43-56.
- 24 *Čeští radikální...* S. 70, 74.
- 25 *Kolejka J.* Ohlas vídeňského povstání v českých zemích, v Halici a u Jinoslovanů // Časopis Matice moravské. 1983. N 3/4. S. 258-273. *Šindelar V.* O úloze lidových mas v revolučním dění roku 1848 na Moravě a ve Slezsku // Československý časopis historický. 1956. N 2/3.
- 26 *Čeští radikální...* S. 119, 121.
- 27 Подробно о социально-политических взглядах чешских демократов см.: *Удальцов И.И.* Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951. С. 229-243.
- 28 Корец — старинная мера площади, равная 0,57 га.
- 29 *Čeští radikální...* S. 135
- 30 См.: *Удальцов И.И.* Указ. соч. С. 39-40, 55-61, 162-167, 242.
- 31 *Sabina K.* Poměr pracujícího lidu k bohačům 1849 // Čeští radikální... S. 131-133.
- 32 Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980. Т. 1. С. 399.
- 33 *Čeští radikální...* S. 186.
- 34 *Ibid.* S. 439-440.
- 35 *Ibid.* S. 439-440.
- 36 *Ibid.* S. 256.
- 37 *Ibid.* S. 239.
- 38 *Бакунин М.А.* Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. 3. С. 320.
- 39 *Samberger Z.* Květnové spiknutí v Čechách roku 1849 a Michail Bakunin // Slovanský přehled. 1980. N 5. S. 336-378.
- 40 *Čeští radikální...* S. 445-446, 449.
- 41 *Wollman F.* Op. cit. P. 271.
- 42 *Čeští radikální...* S. 481, 482.
- 43 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 43 (материалы "Новой Рейнской газеты" за март-май 1849 г.).

- 44 Slovanství v národním životě Čechů a Slováků. Pr., 1968. S. 187.
- 45 Čeští radikální... S. 192.
- 46 Sabina K. Politické dozrávání // Čeští radikální... S. 274.
- 47 Ibid.
- 48 Ibid. S. 191.
- 49 Ibid. S. 69 etc.
- 50 Дьяков В.А. Некоторые теоретико-методологические вопросы истории революционного демократизма XIX и XX вв. // Новая и новейшая история. 1987. № 3.
- 51 Дьяков В.А., Фрейдзон В.И. Основные этапы и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX в. // Сов. славяноведение. 1984. № 2. С. 51-64.
- 52 Šamberger Z. Die revolutionäre Zusammenarbeit der tschechischen und sächsischen Demokraten in Frühjahr 1849 // Aus 500 Jahren deutsch-tschechisch-slovakischen Geschichte. B., 1958. S. 297.
- 53 Kočí J., Matula V. K některým otázkám českého a slovenského národního hnutí v buržoazní revoluce 1848-1849 // Revoluce 1848-1849 ve střední Evropě. S. 82.
- 54 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 50. С. 396.

Т.Ф. Федосова

ЮЗЕФ БЕМ В ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг.

Последним и наиболее широким полем деятельности значительного числа польских демократов в период европейской революции 1848—1849 гг. стала Венгрия, соединившая в одном русле социальные и национально-освободительные устремления.

После поражения восстаний в Великой Польше, Кракове и Львове в 1848 г. поляки обратили свои взоры к Венгрии, где против абсолютизма Габсбургов поднялся мадьярский народ во главе с Л. Кошутом. Для участия в венгерском движении в австрийские владения Габсбургов направились Ю. Высоцкий, Г. Дембинский, Ю. Бем. Все квалифицированные военные, они получили высокие военные посты и назначения в венгерской революционной армии.

Юзеф Бем прибыл в Вену в конце 1848 г. после безрезультатных стараний приложить свои революционные усилия в Галиции.

Осенью 1848 г. в Венгрии, как и в собственно Австрии, наблюдался новый революционный подъем, и в это время Вена стала одним из важных центров революционной борьбы в Европе. Демократическим силам Венгрии и Австрии предстояло выступить против габсбургской реакции, поэтому для них необходим был тесный союз. Венские газеты наряду с призывом к вооружению народа писали о необходимости объединения усилий с революционной Венгрией. "Жители Вены! Будьте тверды и сохраняйте спокойствие! Если победит Венгрия, то и Вы победите! Если Венгрия падет, то пробьет и ваш час, и победившие разбойничьи банды скоро подойдут и к стенам нашего города. Но тогда народ Вены должен встать как один человек для последнего боя. Лучше умереть свободным, чем жить в кабале!"¹

В середине октября положение Вены стало угрожающим. Двор покинул город. Предназначенная Габсбургами для подавления венгерской революции армия под командованием Елачича² была разбита венгерской армией, которая тесня Елачича, перешла австрийскую границу. Казалось, венгерское войско продолжит движение и соединится с австрийскими демократами в Вене. Однако этого не произошло. Лозунг немедленной организации похода в целях соединения революционных сил венгерской освободительной армии с восставшей Веной не нашел достаточно быстрого и решительного отклика в Венгрии. Только получив требование генерала Виндишгреца, чтобы венгерские войска встали под его знамена против "мятежной" Вены, венгерское повстанческое правительство сочло необходимым оказать ей помощь. Но промедление, вызванное колебаниями венгерского правительства, привело к поражению венских революционеров.

Осенью 1848 г. генерал Виндишгрец сосредоточил огромную армию в 60 тыс. человек вокруг Вены и начал осаду города. Венские демократы готовились к обороне. Ю. Бем, находившийся в это время в Вене, принял предложение возглавить оборону города. Он был зрелым кадровым военным с серьезным боевым и революционным прошлым (война 1812 г., восстание 1830—1831 гг., активная деятельность в эмиграции). В 1846 и 1848 гг. Бем в Париже издал книгу “О национальном восстании в Польше”³, где рассматривал предшествующий опыт военных действий, проявил себя как демократ и сторонник партизанской борьбы, соединенной с борьбой регулярной армии. (Это позднее нашло отражение в успешной трансильванской кампании Бема.)

В течение двух недель осады Вены Бем — душа ее обороны. Рядом в нем находилось много поляков; он опирался на рабочие дружины и студентов, а также возглавлял 1500 гвардейцев. “...Все, что было сделано для усиления оборонительных сооружений и организации революционных сил, было обязано его личным усилием”, — писал К. Маркс⁴. Бем находился в строю до падения последней баррикады. Он выбрался из Вены в день ее капитуляции, в последний день октября 1848 г.

В конце ноября Бем в одежде возчика пробрался в Пожонь (Братиславу) и появился у Л. Кошута. Дело шло к назначению его командующим венгерской армией, но этому препятствовали конфликты в среде польской эмиграции. 29 ноября Бем получил из рук Л. Кошута пост главнокомандующего войсками в Трансильвании, где против венгерской революции выступали австрийские войска вместе с частью румынского населения⁵. 2 декабря вышло специальное воззвание Кошута ко всем гражданским и военным властям Трансильвании о назначении Бема главнокомандующим; оно призывало к безоговорочному послушанию и выполнению приказов нового вождя. Трансильванские военные силы получили название Армии Верхней Трансильвании.

Бем немедленно направился в Трансильванию. Он выехал с небольшим отрядом, 4 декабря был уже в Дебрецене и двигался далее, по пути инспектируя военные силы, способствуя наведению порядка, реорганизуя старые и формируя новые боевые единицы. 10 декабря на своей квартире в Силадьшомье (Шимлеу-Сильваниен) он записал впечатления о состоянии разных отрядов. “Дух хорош”, “хаос и отсутствие субординации — ужасны”. “Надеюсь, что вскоре наведу порядок”, — писал он Кошуту⁶. Внешний вид Бема, не похожего на кадрового военного, вызывал сомнения в инспектируемых им войсках. “Такой человек не спасет нас, надо готовиться к смерти”, — думали о нем солдаты⁷, но подобные сомнения рассеялись на первом же военном совете. “Господа, — заявил Бем, — я требую безоговорочного послушания. Кто не станет подчиняться, будет расстрелян. Я буду награждать так же, как и наказывать!”. “Непреклонная дисциплина, справедливость, суровость в наказании, отсутствие даже тени эгоизма” — таким увидел Бема его ближайший помощник, начальник штаба Четц⁸.

Наследство, полученное Бемом, было нелегким. Хозяйственная

разруха в Трансильвании, вызванная непрерывными военными действиями, слабо развитая промышленность не давали надежд на получение помощи для вооружения армии. В сельском хозяйстве господствовали самые отсталые формы средневекового феодализма и венгерская крупная земельная собственность. В политической жизни основную роль играли венгры и в известной степени немцы, хотя вместе они составляли всего треть населения Трансильвании. Многомиллионная масса румынского крестьянства была настроена антивенгерски и не поддерживала венгров в их борьбе с абсолютизмом Габсбургов. К тому же в ноябре 1848 г. Трансильвания была оккупирована австрийскими войсками.

Австрийской армией в Трансильвании руководил старый фельдмаршал Пухнер, не имевший выдающихся военных способностей. Его подчиненные, за небольшим исключением, являлись весьма посредственными полководцами, особенно в период ведения "малой" партизанской войны. Австрийская армия была регулярной, кадровой, профессиональной, вымуштрованной, экипированной и хорошо вооруженной. В общей сложности армия Пухнера располагала 13 560 боевыми единицами пехоты и кавалерии и 18 орудиями — силой вполне достаточной, чтобы овладеть ситуацией в Трансильвании. В этой армии служили румыны, галицийские украинцы, сербы, хорваты, немцы, венгры, поляки. Разноликую многонациональную массу объединял суровый военный устав и в особенности жесткая дисциплина, поддерживавшаяся офицерами-немцами. В ноябре 1848 г. австрийская армия была на вершине успеха. Вся Трансильвания, кроме северо-запада, находилась в ее руках. Эта северо-западная территория и стала исходной для военных действий Бема.

Прибыв в декабре 1848 г. в Трансильванию, он выработал четкий план: занять Коложвар (Клуж-Напока), сделать его опорным пунктом и разбить основные силы противника, исключив их на длительный период из военных действий. От решения этого замысла зависела судьба не только Трансильвании, но и новой молодой армии, а быть может, и всей венгерской революции. Военное положение Венгрии требовало решительных наступательных действий. В то время, когда на западе страны генерал Виндишгрец готовился к наступлению, нужно было, чтобы венгерская армия могла показать себя боеспособной и резко остановить попытки генерала Пухнера с востока облегчить это наступление.

Стараясь исходить из местных ресурсов Трансильвании, Бем организовал мастерские для литья пуль, ремонта орудий, производства инвентаря и др. "С появлением Бема в Трансильвании, — писал австрийский историк Хельферт, — оживилось все общество. Сапожники, портные и другие ремесленники были втянуты в работу, даже женщины шили на дому белье и бандажи. Хлебопекари работали день и ночь, и к границам Трансильвании тянулись длинные продовольственные обозы". Боевое настроение руководства быстро передалось солдатам. Лихорадочная деятельность по закупке оружия, лошадей, амуниции, вербовке рекрутов — все это приводило к конфликтам Бема и местных гражданских и военных властей. Хотя венгерская армия в Трансильвании и находилась

еще в начале своего формирования, не достигнув намеченной цифры в 20 тыс. боевых единиц, она сумела в неслыханно короткое время, в двухнедельный срок, освободить Северную Трансильванию и, не давая передохнуть неприятелю, отбросила его в Буковину, подойдя к границам Галиции.

Военное министерство в Петербурге получило сообщение о том, что "австрийское войско в Трансильвании потерпело поражение от мятежников, предводительствуемых генералом Бемом, что сей последний со значительными силами вторгнулся в Буковину по направлению к Черновцам... Командующий австрийскими войсками в Галиции генерал Гаммерштейн послал туда все войско, какое мог, и запросил, может ли он надеяться на помощь наших (русских. — Т.Ф.) войск. Войска 4-го пехотного корпуса будут оттянуты к самой границе"¹⁰.

24–25 декабря 1848 г. войска Бема взяли Коложвар. Они захватили много пленных, оружия, орудий, военных складов. "Мое войско с каждым днем становится все более храбрым и мужественным", — писал Бем Кошуту¹¹, который в своем ответе от 30 декабря благодарил его от имени венгерского правительства: "До того, как вы, генерал, за верную службу получите от народа достойную награду, примите от правительства уверения, что вы и ваши победоносные войска заслужили благодарность отечества"¹².

Вместе с тем армия Бема терпела и поражения. Так, в начале февраля 1849 г. она была остановлена силами Пухнера. "Хотя мятежники долго сопротивлялись, упорно защищаясь 28 орудиями, но впоследствии австрийские войска заставили их бежать и оставить укрепления. При сем случае захвачено от мятежников, кроме 16 орудий и многих пленных, также кассу, довольно амуниции и даже экипаж Бема, в коем найдено много бумаг и печать, на коей изображен в венгерском гербе польский орел", — сообщалось в донесении в военное министерство в Петербург¹³.

Венгерская армия в Трансильвании каждый раз после неудач вновь и вновь поднималась готовая к новой борьбе и брала инициативу в свои руки. В эти моменты, по-видимому, проявлялись военный талант Ю. Бема, его оптимизм и стремление к победе во что бы то ни стало. Особенно характерными были необычная подвижность армии Бема, быстрая переброска войск, умелая их концентрация и верный выбор места для одного военного удара или длительного наступления.

Взяв 11 марта 1849 г. Надьсебен (Сибиу) с его запасами оружия и различными военными припасами и окончательно выведя из строя армию Пухнера, Бем 22 марта полностью освободил Трансильванию. Таким образом, после трех месяцев военной кампании, шедшей с переменным успехом, благодаря стратегии и тактике Бема его армия одержала полную победу над австрийцами, облегчив деятельность главного фронта на западе Венгрии. Бем показал себя способным военным руководителем, проявившим полководческое искусство и личную отвагу.

Тем не менее после победоносной зимней кампании вновь встала задача реорганизации армии и в первую очередь увеличения ее

численности. Как полагал Бем, она должна была иметь до 50 тыс. боевых единиц и соответствующее вооружение. Реализация этих замыслов задерживалась в связи с выступлением Бема с частью армии в Банат. В дальнейшем формирование армии наталкивалось на определенные трудности. Вербовка в армию венгров шла успешно, что же касается румын и немцев, то здесь общение Бема с местным населением, его призыв к справедливому решению национального вопроса, разумная, демократическая позиция, хотя и связанная исключительно с военными потребностями, сыграли большую роль. Люди разных национальностей стали видеть в Беме защитника своих прав. Он завоевал доверие и любовь солдат, называвших его "отец Бем"¹⁴.

В штабе армии Бема находился один из активных деятелей национально-освободительной борьбы в Венгрии — поэт Шандор Пётефи. Его "Национальная песнь" стала революционным гимном: "Встань, мадьяр, зовет отчизна". По-видимому, в войсках Бема распространялся изданный в это время революционный катехизис для солдат, написанный в форме вопросов капрала и ответов солдата. Вот один из примеров: *Капрал*: Что значит солдат? *Солдат*: Этого я еще хорошо не постигаю, надобно хорошенько обдумать, мне кажется, что солдат есть добрый человек, если он остается в своей земле, ибо по чужим землям ему незачем ходить; если он наблюдает, дабы между народом был мир и порядок, дабы законы, на кои все люди согласились, для всякого были святыми; если он чужих врагов, кои хотят народ принуждать, завоевать и обижать, из своего отечества выгоняет. Тогда ему следует по чести от всего мира, который поможет позабыть (так в тексте. — Т.Ф.), так что он своею жизнью жертвует в его защиту, и такому солдату следует честь в жизни и после смерти. Если же он по повелению начальства идет в чужие края обижать невинных, забирать их собственность или помогать обидчикам и мучителям собственности своего отечества обижать их, обдирать, то такой солдат есть разбойник, заслуживающий быть повешенным высоко на виселице...

Капрал: ...Если тебе скомандовали, дабы и ты шел обижать невинный чужой народ, или же помогал обдирать свой народ, что тогда должен делать?

Солдат: Каждый солдат тогда должен соединиться с народом...

Капрал: На чем основана служба солдата?

Солдат: А вот на том, дабы если народ из нужды и притеснений своих коронованных мучителей не будучи в состоянии перенести терзаний, восстанет, то все солдаты с оружием в руках должны соединиться с народом и всех таких мучителей из края выгнать или переловить, дабы народ избавить от этих пивяков...

Капрал: А как назвать такой нахальный подвиг, если народ приобретает вольность, прогнав всех подобных мучителей?

Солдат: Этот подвиг называется революция¹⁵.

После занятия Вены австрийские войска нанесли ряд поражений венгерской армии как на севере, так и в южных районах Венгрии и взяли Пешт. Несмотря на эти успехи, австрийская реакция решительной победы над Венгрией не одержала. Новый император

Франц Иосиф 4 марта 1849 г. провозгласил централистскую конституцию, по которой все земли Австрийской империи становились обыкновенными имперскими провинциями, и которая не представляла никаких иллюзий — ни федералистских, ни автономистских. Народы Австрии лишились всех завоеваний Мартовской революции, а Венгрия — еще и своей независимости. Взоры обратились к венгерской революции, которая оставалась одним из последних оплотов антигабсбургских сил.

Оторвать невенгерские народы от Австрии, сделать союзниками венгерской революции в обстановке, когда они уже не ограничивались культурными и языковыми требованиями, могло только революционное решение национального вопроса, т.е. предоставление им права на самоопределение вплоть до территориальной автономии. Но радикального поворота в этом вопросе венгерская революция не сделала. Венгерское дворянство и буржуазия не смогли отказаться от стремления превратить многонациональную Венгрию в национальное государство с единым административным устройством, единым рынком и единственным государственным языком — венгерским. Некоторый поворот наметился в отношениях с румынами, революционный деятель которых Н. Бэлческу летом 1849 г. приехал в Дебрецен в убеждении, что место трансильванских румын в рядах венгерской революционной армии. Он предложил Кошуту план формирования румынского батальона, который сражался бы вместе с венгерской армией в Трансильвании, а в дальнейшем в союзе с ней приступил к освобождению Валахии. По этому вопросу шла переписка между Бэлческу и Бемом¹⁶. Венгерское правительство наконец признало права румынской национальности и разработало прогрессивный закон о нациях. Но время было упущено. Поворот к признанию прав наций происходил уже в обстановке интервенции царских войск в Венгрию.

Угроза реставрации абсолютизма мобилизовала революционную Венгрию для отпора врагу. 2 апреля 1849 г. венгерская армия начала свой знаменитый весенний поход по всей линии фронта и отбросила австрийские войска до границ собственно Австрии, 2 мая удалось отбить Пешт. Как следствие первых побед еще 14 апреля в Дебрецене была принята Декларация независимости. В этом документе объявлялось о низвержении Габсбургов и независимости Венгрии. Несмотря на исключительные трудности, венгерская революция развивалась по восходящей линии — действовали правительство, армия, новый центр революционной борьбы — Дебрецен. В то время когда революция в Европе фактически уже была подавлена, Венгрия стала центром революционных сил всей Европы. Трансильванская армия являлась армией революционной, в основном крестьянской. Действия молодых, отважных воинов дополняли боевая горячность и личное мужество Бема. Опыт восстания в Польше в 1830—1831 гг., военные ошибки тех лет были учтены им, поэтому армия Бема не следовала существовавшим военным инструкциям.

Бем являлся сторонником сочетания действий регулярной армии и партизанских отрядов. Прорыв фронта маневрами малых отрядов — такова его тактика. Усилиями Бема и преданных ему по-

мощников армия Верхней Трансильвании была создана. Она состояла из трех бригад и в количественном отношении уступала австрийским войскам: 5350 человек регулярной пехоты, 1385 единиц кавалерии, 24 орудия плюс разведывательная служба и партизанские группы, не считая добровольцев.

Эти силы выглядели значительными, но следует учитывать, что армию Бема составляли молодые, еще не обученные рекруты (непрофессиональными военными являлись еще и 5800 добровольцев), офицерский состав неоднородный, вооружение неполное.

Весной 1849 г. Бем, как и вся венгерская армия, оказался перед лицом вырисовывавшейся царской интервенции¹⁷. Трансильванская армия Бема не достигла предполагаемых 50 тыс. человек, она имела около 30 тыс. Формирование Ю. Бемом и Ю. Высоцким польских легионов, которые должны были стать не только зародышем польской армии, но и укрепить венгерскую, находилось в подготовительной стадии. Поначалу Венгрия осторожно относилась к связям с польским революционным движением, которое рассчитывало на поддержку в случае восстания в Галиции. И когда Высоцкий обратился к Кошуту с предложением образовать польский легион, тот не без колебания принял это предложение, опасаясь, что открытый контакт с поляками может вызвать выступление царица против Венгрии. Не создавая польского легиона, Кошут распределял польских военных по разным венгерским военным соединениям. Лишь открытый разрыв с Австрией развязал ему руки.

Весной 1849 г. надежды поляков на вступление в Галицию и подъем там национально-освободительного движения, казалось, были близки к осуществлению. В случае благополучного хода событий по обе стороны Карпат они могли бы привести к распространению восстания на земли Королевства Польского. Все поляки, пришедшие в венгерскую армию, не забывали об этой цели, первым шагом к которой могло стать создание легионов. Но незначительные силы формировавшихся легионов Бема и Высоцкого не могли противостоять силам австрийских войск, находящихся в Галиции. Возможность значительно увеличить численность легионов за счет крестьян отсутствовала. Лозунг наделения их землей уже не являлся актуальным, так как правительство провозгласило аграрную реформу в Галиции. Радикальный лозунг аграрной революции был неприемлем ни для Бема, ни для Высоцкого, равно как и для всей шляхты в Галиции и других польских землях.

В формировавшиеся отряды шли пленные из австрийских галицийских полков и русской армии, эмигранты, добровольцы из Галиции. Среди добровольцев преобладала молодежь из мещан и мелкой шляхты, частично прибывшая из Королевства Польского. Находились в польских отрядах и неполяки — украинцы, словаки, цыгане.

Еще в конце декабря 1848 г. после захвата Коложвара (Клуж-Напока) Бем создал в нем первый польский боевой отряд из групп полковников Петровского и Зажицкого. Он расположил его в Бестерце (Бистрица). Среди легионеров были заслуженные старые воины, близкие Бему: капитан Блешиньский в пехоте, полковник Ф.

Лось в кавалерии, майор Иордан и др. Небольшой поначалу отряд в конце января 1849 г. насчитывал уже 200 человек, в феврале — 350—400, а в марте, после понесенных потерь, в него влились 250 человек. В марте и апреле капитан Блешиньский и полковник Петровский создали новые отряды численностью в 1000 человек, и общее число легионеров достигло 1300. Легион по планам Бема мог перерасти в армию из 20 тыс. воинов с конными частями. Вначале предприняли еще одну попытку расширения и реорганизации легиона. Полковники Лось, Зажицкий, Чеховский, майоры Стшелецкий и Иордан сформировали батальон пехоты (с кавалерией в 270 коней)¹⁸ числом около 2000 человек. Организация легиона строилась по правилам австрийской и венгерской армий. У легионеров имелась своя военная форма: мундир — белый с малиновыми петлицами, воротниками и манжетами, шапки рей-кавалеристов также малиновые с белыми или серебристыми лампасами.

В это время в Галиции возникло и распространялось много разных воззваний, обращений, прокламаций. Некоторые были выполнены на платках, текст которых проявлялся только при опускании в горячую воду. Так, на одном из платков проступала надпись на польском языке: “Поляки, будьте покойны, час вашего освобождения настал”; на другом проявился текст воззвания на французском языке: “Кошут — к венгерцам и полякам”; распространялся платок с изображениями и подписями Кошута, Бема, Дембиньского, Перцея, Кляпки и др., ниже стояла надпись: “Совет полководцев”¹⁹. В том числе получил распространение и упоминавшийся выше катехизис для солдат, переведенный на польский и украинский языки.

Интерес представляют и стихотворные обращения на польском языке к русскому войску и народу: “Польский народ к русской армии” и “К русским”. В них русское войско и русский народ призывались к прекращению борьбы, всеобщей свободе и миру. В первом обращении можно прочесть следующее: “Мы протягиваем вам наши руки и говорим Вам: будьте свободны, будьте счастливы, возвращайтесь спокойно к себе домой. А народ Европы... хочет, чтобы на всей земле каждый человек имел хлеб и свободу, чтобы самый бедный не был обделен... Соединимся все, будем любить друг друга. Русские солдаты! Поверните свое оружие против тех, кто вас угнетает, либо бросьте его...”²⁰ В обращении “К русским” говорилось: “Перестанем воевать с собой (друг с другом. — Т.Ф.), Россияне. Два близких народа, великие и благородные, в вечное посмеяние потомства ведут между собой долгодетный бой... И теперь, когда святое человеколюбие — союз народов, провозвещает свою кровь на шанцах (окопах) свободу, и мы по этому голосу острым оружием, к вечному согласию и защите народов взываем Вас, братья Россияне! Да здравствует свобода польская и российская! Львов, 15 апреля 1848 г.”²¹

В это время русские войска уже вошли в Венгрию. Тем не менее Бем не терял надежды. В канцелярию кременецкого уездного дворянства были доставлены датированные 1 июля 1849 г. его письмо и воззвание. Письмо сопроводительного характера призывало предводителя кременецкого уездного дворянства “остаться сы-

ном Польши и истинным соотечественником нашим”, воззвание же звучало следующим образом:

“Воззвание Главного предводителя соединенных венгро-польских сил к Вольши, Подолии, Литве и Украине.

Соотечественники! Польское войско вступает на вашу землю. Дети одной матери, поляки! Соединитесь с нами, чтобы сбросить последнее ярмо неволи. Бросайте ваши дома, ваши имущества, бросайте все, что вам доселе было милым, и соединяйтесь с нами для достижения самого высшего добра — независимости отчизны нашей.

...Взгляните только на положение польской земли! Исчезло величие отчизны нашей, закрыты все пути дворянству, преграждены даже пути к семейным добродетелям... стремлением правительства было убить в нас все, что хоть сколько-нибудь пред небом и землей может облагородить человека. По этим то побуждениям, братья, взываю вас к оружию. К вам взываю я, жители Литвы, Вольши, Подолии и Украины, восстаньте в один день и месяц, выявите в этот раз все ваши силы.

Да воскреснет Польша вольная и независимая!

Да живет свобода под покровительством религии и закона!

Да живет Польша под сенью Бога!

Главный вождь вооруженной народной силы Бем”²².

Тем временем русско-австрийская армия численностью в 56 тыс. солдат двинулась на разгром венгерской армии. Венгерские войска оказались разобщенными и терпели поражения, столицу из Дебрецена пришлось перевести в Сегед. Только в Трансильвании войска под руководством Бема вели успешные бои. В середине июля Кошут попытался поставить Бема во главе всей венгерской армии, но тот предъявил свои условия — два месяца самостоятельных действий, на что венгерское правительство не согласилось.

Сильное сопротивление, которое оказывали венгры, и предприятие Бемом контраступление в направлении Молдавии заставили австро-пруссские войска сосредоточить внимание на Трансильвании. Их 5-й корпус получил задание взять Брашов, усмирить край секеев, а затем двинуться к Венгерской низменности на помощь австрийской армии, атаковавшей Венгрию с запада. Ожидая нападения со стороны Буковины, Бем расположил там два батальона; четыре батальона должны были противостоять атаке со стороны Валахии. Перед Бемом стояла задача, не понести потерь в Трансильвании, задержать противника как можно дольше и не допустить его на запад. Поэтому он решил на вступление в Молдавию, где также в эти годы существовал польский легион²³. 23–25 июля Бем двинул туда отряды и в результате на месяц задержал движение противника на запад. Участие в сражениях польских легионеров, их боевые качества отмечали и царские военачальники.

Однако в последние моменты решающих боев венгерская армия сдала свои позиции. 8 августа 1849 г. Кошут передал верховное командование Бему, но это не спасло венгерское войско от окончательного поражения. Бем с частью польских легионеров, собравшихся в местечке Лугош (Лугож), ушел в Турцию²⁴.

11 августа А. Гёргей (один из командующих венгерской армии) начал переговоры о сдаче оружия царской армии. "Если вы желаете приостановить дальнейшее пролитие крови, — писал он графу Ридигеру, — то поспешим сделать возможным в самое короткое время горестное свершение дела сложения оружия, но таким образом, чтобы это исполнено было только перед войсками Его Величества Российского Императора, ибо я торжественно объявляю, что скорее подвергну весь мой корпус истреблению в отчаянной битве против сильнейшего противника, нежели сложу оружие перед австрийскими войсками"²⁵.

Венгерская революция потерпела поражение, однако деятельность польских революционеров в Венгрии, прежде всего Бема, была значительной как в военном, так и в политическом плане. Она внесла существенный вклад в укрепление революционной солидарности народов.

Для поляков-демократов Бем стал героической легендарной личностью, олицетворением венгерско-польского революционного союза. В его честь слагались стихи. Одно из стихотворений распространялось среди студентов поляков в московском университете под названием "Марш Бема"²⁶.

Вы слышали с гор Карпатских
Пушек гром и ржание коней,
Крик солдат и звук крестьянских
Песен в небе — ах трезвоият.
Я скажу, что это значит —
То поляки и мадьяры
Ради люда, ради веры
Свой союз скрепили старей.
Все хотим мы быть свободны,
Короли нам не нужны,
Мы ведь люди, значит, вольно
На земле мы жить должны,
Потому во имя люда
Гроном пушек Бем звонит.
Австриякам и Россиям,
Звонит каждой царской вые.
Австриякам — Бем!
И Россия — Бем!

И бойцы по воле божьей
Славно бьются и успешно,
Как Австрию похоронят,
Крест на ней поставят грешной,
Так герои молодые,
И поляки, и мадьяры,
Гордо бряцают оружем,
Вслед зазвонят дуре старой.
Будем жить тогда согласно,
И свободно, и прекрасно,
Под опекой Матки Боской
Панны Марьи Ченстоховской,
И во имя Панны Марьи
Гроном пушек Бем звонит.
Австриякам и Россиям,
Звонит каждой царской вые.
Австриякам — Бем!
И Россия — Бем!

1 Цит. по: *Авербух Р.* Революция в Австрии (1848-1849). М., 1970. Ст. 168.

2 В марте 1848 г. хорватский сейм провозгласил национальную автономию Хорватии, Славонии и Далмации. Венгры не согласились признать этот факт, в чем проявился шовинизм господствующих классов Венгрии по отношению к невенгерским народам. Это толкнуло хорватское дворянство к сговору с австрийской реакцией — к подготовке вооруженной интервенции во главе с хорватским баном Елачичем против венгерской революции. Национальное собрание Венгрии приняло решение (11 июля 1848 г.) о создании и вооружении 200-тыс. армии. В сентябре армия Елачича вступила в Венгрию. Это был открытый конфликт Венгрии с австрийским двором.

3 О powstaniu narodowym w Polsce przez generała Bema. W-wa, 1956.

4 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 11, ч. 2. С. 579.

5 Австрийцы воспользовались тем, что восстание румынского крестьянства было подавлено венгерским дворянством.

- 6 *Kozłowski E.* General Józef Bem organizator sił zbrojnych w Siedmiogrodzie (1848-1849) // *Studia i materiały do historii wojskowej.* W-wa, 1958. T. IV. S. 102-103.
- 7 *Ibid.* S. 101.
- 8 *Ibid.* S. 102.
- 9 *Ibid.* S. 103.
- 10 ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1849 г. Д. 4. Ч. 2. Л. 3-6.
- 11 *Kozłowski E.* *Op. cit.* S. 109.
- 12 ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1849 г. Д. 4. Ч. 2. Л. 110.
- 13 Там же. Л. 33.
- 14 О пребывании армии Бема в Трансильвании сохранились воспоминания. См.: *Львовская научная библиотека АН УССР им. В. Стефаника. Отдел рукописей. Ф. Дзедушицких. Воспоминания Сляского.*
- 15 ЦГАОР СССР. Ф. 109. 1 эксп. 1849 г. Д. 51. Л. 6. Л. 110-112. Текст сохранился только в жандармском переводе на русский язык. Однако есть сведения о том, что существовали переводы с немецкого на польский и украинский языки, которые распространялись в Галиции.
- 16 См. письмо Н. Бэлческу к Ю. Бему от 20 июля 1849 г. // Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18389. Л. 6-7. Документ обнаружен и сообщен автору Г.В. Макаровой.
- 17 21 мая 1849 г. Франц Иосиф и Николай I договорились в Варшаве о совместных действиях. 21 июня царские войска вступили в Венгрию.
- 18 Русская пограничная стража сообщала о закупках лошадей на ярмарках и переправке их в Галицию, а также об обнаружении оружия в лесах (ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1849 г. Д. 520).
- 19 ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1846 г. Д. 73.
- 20 Там же. Д. 216. Л. 121-124. Жандармский перевод.
- 21 ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1848 г. Д. 51. Ч. 6. Л. 74-75. Жандармский перевод.
- 22 ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1849 г. Д. 4. Ч. 2. Л. 45-46. Жандармский перевод.
- 23 Там же. Д. 72. Ч. 2.
- 24 В Турции Ю. Бем принял мусульманство, вступил в турецкую армию и по-прежнему лелеял планы создания польских легионов. Он умер в Алеппо от малярии 10 декабря 1850 г. Прах его в 1929 г. был перенесен на родину в Польшу и захоронен в г. Тарнове.
- 25 См. письмо А. Гёргея графу Ридигеру от 11 августа 1849 г. в Альт-Араде // ЦГАОР. Ф. 109. 1 эксп. 1849 г. Д. 337. Ч. 2. Л. 353-355 об.
- 26 Там же. Ф. 112. Оп. 2. Д. 45. Л. 48 об., 49, польский текст. Перевод на русский язык С.М. Фалькович.

Г.В. Макарова

**ПЛАНЫ КОНСПИРАТОРОВ
КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО
В СВЯЗИ С РЕВОЛЮЦИОННЫМИ СОБЫТИЯМИ
В ВЕНГРИИ 1848—1849 гг.**

Польское национально-освободительное движение в 40-е годы XIX в. переживало значительный подъем, который обуславливался целым рядом причин внутреннего и внешнего характера, в частности развертыванием в это время революционных движений в других европейских странах. Основной целью их являлось осуществление преобразований буржуазно-демократического направления, при этом для некоторых народов первоочередными стали задачи национально-освободительного характера.

Польское национально-освободительное движение развивалось как на землях, отошедших в результате разделов Польши к России, Австрии и Пруссии, так и среди эмиграции. После подавления восстания 1830—1831 гг. в эмиграции оказалась довольно большая группа участников национально-освободительной борьбы; преимущественно они нашли убежище во Франции, а также в Англии, Бельгии и других странах. Состав эмиграции был чрезвычайно разнородным и в социальном плане — от крестьян до представителей магнатории, и в политическом — от кругов, настроенных радикально-демократически, до сторонников консервативно-монархического направления. Интересы первых представляло Польское демократическое общество (ПДО), а вторых — так называемый Отель Лямбер, возглавляемый князем А. Чарторьским. Если в планы Отеля Лямбер, рассчитывавшего на восстановление Польши в форме монархического государства, входила как один из основных моментов ориентация на помощь извне — на западноевропейские страны, причем не революционных сил, а правительств, то ПДО основные усилия направляло на укрепление внутренних сил польского национально-освободительного движения, стремясь объединить его под своим руководством и подготовить общепольское национальное восстание. Попытка проведения подобного восстания в 1846 г. не увенчалась успехом, однако ПДО от своих планов не отказалось.

В связи с развертыванием революционных событий в Европе в 1848 г. вновь вспыхнули надежды на возможность национального освобождения и воссоединения Польши. Вопрос о совместных действиях с другими народами в борьбе за свободу впервые встал в таком объеме перед польским освободительным движением. Традиция участия поляков в освободительных движениях народов была

заложена еще в конце XVIII в., что оказало серьезное влияние на формировавшееся национальное сознание поляков¹. Выдвижение во время восстания 1830—1831 гг. лозунга “За нашу и вашу свободу!” свидетельствовало о понимании общности целей демократических кругов русского и польского народов в борьбе с царизмом.

После поражения восстания поляки, покидавшие территорию Королевства Польского, оседали за границей, в том числе и на пограничных с польскими землями, населенных как славянскими (например, словаками, чехами), так и неславянскими народами (немцами, венграми и др.). Эмигранты нередко находили сочувствие и поддержку со стороны местного населения, устанавливали непосредственные контакты с участниками революционного движения. Народы, национально угнетенные, хотя и в иной степени, легко могли понять положение поляков; их национальные устремления, прийти к поиску путей для объединения усилий в общей борьбе с угнетателями. Этому способствовали не только близость языка и культуры, но и осознание того факта, что национально-освободительное движение польского народа подрывает могущество Священного союза. Этот же фактор влиял и на отношение венгров к польской национально-освободительной борьбе.

Положение венгров в регионе было особое. Испытывая национальный гнет, они в то же время являлись угнетателями других, в том числе славянских, народов. Такая двойственность положения накладывала специфический отпечаток на национально-освободительные стремления венгерского народа. Национальная политика венгров в отношении славянских народов, входивших в состав Венгерского королевства, служила сдерживающим фактором в формировании доброжелательного отношения к ним со стороны славянских народов и, следовательно, не могла не влиять на позицию деятелей польского освободительного движения. В то же время были и иные факторы, благоприятствовавшие формированию основы для взаимной поддержки в борьбе за освобождение от инационального угнетения.

Поляки и венгры имели немало схожего в своих исторических судьбах, в социально-классовых структурах, в политических институтах, в традициях национально-освободительной борьбы². В исторической памяти польского и венгерского народов были живы воспоминания о сочувственной позиции венгров, занятой ими во время польского восстания 1830—1831 гг.³ Все это оказывало воздействие на развитие польско-венгерского революционного сотрудничества, которое достигло наивысшего уровня в революцию 1848—1849 гг.⁴

Развитие революционных событий в Европе пошло таким образом, что разгар борьбы венгерского народа за свободное национальное существование пришелся на заключительный этап “Весны народов”, когда в других странах революционное движение уже затухало. Для поляков, в частности, возникла ситуация, когда представилась возможность принять непосредственное участие в борьбе венгерского народа. К этому времени надежды деятелей польского

освободительного движения достичь освобождения Польши собственными силами были утрачены. Польша оказалась в совершенно исключительном положении по отношению к восставшей Венгрии: многие, особенно молодые, участники польского патриотического движения не только сочувствовали судьбе угнетаемого общим врагом — Австрией — венгерского народа, но и испытывали горячее желание немедленно прийти ему на помощь.

Это стремление усиливалось постоянной надеждой на то, что начавшаяся где-то, тем более в соседней стране, освободительная борьба против общего угнетателя принесет в конечном счете освобождение и Польше. Исключительность положения Королевства Польского в революцию 1848—1849 гг. определялась также тем, что именно с этих польских земель были двинуты царские войска под руководством И.Ф. Паскевича на подавление венгерского освободительного движения.

Вторжение царской армии в Венгрию 27 мая 1849 г. явилось результатом предварительных переговоров между Австрией и Россией, в ходе которых Австрия прямо обратилась с просьбой о вооруженном вмешательстве. Учитывая сложившуюся на международной арене расстановку сил, Николай I решился на этот шаг. Такому решению способствовало и опасение, что в связи с участием в венгерских событиях поляков революционные настроения распространятся и на территорию Российской империи. В письме к И.Ф. Паскевичу царь писал: “Признаюсь, крепко не хочется вступаться во все это, по примеру прежнего предвижу одну зависть и неблагодарность и, верно, не вмешался бы, ежели бы не видал в Беме и прочих мошенниках в Венгрии не одних только врагов Австрии, но врагов всемирного порядка и спокойствия, олицетворенных злодеев и губителей, которых истребить надо, для нашего же спокойствия” (8/20 апреля 1849 г.).

Аналогичная мысль высказывалась Николаем I и в письме от 13/25 апреля: “Не одна помощь Австрии для укрощения внутреннего мятежа и по ее призыву меня к тому побуждает; чувство и долг защиты спокойствия Богом мне вверенной России меня вызывают на бой, ибо в венгерском мятеже явственно видны усилия общего заговора против всего священного и в особенности против России, ибо во главе мятежа и главным орудием его — вечные враги наши — поляки”⁵. Русский самодержец был прав: действительно, многие формирования венгерских революционных войск возглавлялись генералами-поляками. Но венгерский революционный поток захватил не только кадровое польское офицерство, оказавшееся в эмиграции, но вовлек и массу представителей польской патриотически настроенной молодежи. На примере деятельности существовавшей в это время конспиративной Организации 1848 года видно, как революционные события в Венгрии воздействовали на польское освободительное движение в Королевстве Польском. Этот пример демонстрирует, насколько сложными и неоднозначными были пути установления связей и контактов в освободительном движении народов.

“Организация 1848 года” возникла в Королевстве Польском в конце 1847 г. в Варшаве по инициативе ПДО. Основное ядро ее составила группа бывших студентов-поляков, обучавшихся в Московском университете, преимущественно на юридическом факультете. Большинство членов организации, выходцы из беднейших слоев шляхты, представляли те или иные группы разночинной интеллигенции (юристы, учителя, врачи и др.). Социальный состав организации в целом был весьма однороден.

Ее создателем и первым руководителем был чиновник правительственной комиссии юстиции Эдвард Домашевский. После его смерти в феврале 1848 г. организацию возглавил Генрик Краевский, активным помощником которого стал Ромуальд Свежбеньский⁶. Весной и в начале лета 1848 г. число членов тайного общества резко возросло. Это объяснялось развитием европейских событий и общим подъемом революционных настроений в Королевстве Польском, вызванным, в частности, надеждами на успех восстания в Познани и выступлением повстанческой армии Л. Мерославского против России, которое должны были поддержать и патриотические силы Королевства.

Поражение Познанского восстания привело к тому, что члены Организации 1848 года начали быстро терять свою активность, у многих из них кратковременный энтузиазм сменился стремлением вообще отойти от нелегальной деятельности. Революционные события в Венгрии приостановили этот процесс спада революционной активности. Именно с ним была непосредственно связана последняя волна оживления работы организации. Считая, что ПДО недостаточно ориентируется в конкретной внутривнутриполитической ситуации в Королевстве Польском, и желая организационно стать независимой от него, Организация 1848 года тем не менее почти полностью разделяла его программные положения. Обе организации сходились и в своем сочувственном отношении к венгерской революции. Понятным и привлекательным для них в программе Л. Кошута являлся тезис о необходимости “объединения” интересов дворянства и народа в целях преобразования страны, борьбы за ее освобождение.

Этот тезис был близок к принципу “классового солидаризма”, который разделяли и представители ПДО, и участники Организации 1848 года. Особенно широко он стал распространяться в прогрессивно настроенных шляхетско-мелкобуржуазных слоях после “галицийской резни” 1846 г. По-видимому, выдвижение его в это время на первый план в значительной степени объясняется самим характером вставших на повестку дня задач, реализация которых зависела от консолидации сил всего общества. Главной являлась задача организации непосредственной борьбы за национальное освобождение, и в связи с этим выдвигалась необходимость поиска оптимального пути, который обеспечил бы привлечение широких народных масс к национальной борьбе и в то же время удерживал бы их от выступлений за изменение своего социального положения.

Рассматривать тактические установки руководства Организации 1848 года, попытаться представить взгляды ее отдельных членов можно только с учетом общих настроений, сложившихся в Польше и эмиграции по отношению к революционным событиям в Венгрии.

На складывание сочувственной позиции деятелей польского национально-освободительного движения в отношении революционной борьбы венгерского народа повлияло и то, что в первый период революции 1848 г., на который пришлось высшее проявление польского движения — Познанское восстание, венгры поддержали поляков. В апреле 1848 г. Л. Кошут, выступая на заседании венгерского сейма, заявил, что “польское дело — это венгерское дело”⁷.

Возможности для поляков принять участие в революционных событиях в Венгрии способствовало и то обстоятельство, что еще в марте 1848 г., т.е. с началом революции в Австрии, австрийское правительство объявило амнистию некоторым категориям “политических преступников”, находившихся в изгнании. В результате в Галицию вернулось много поляков⁸. Галиция же стала и основным центром, где сосредоточивалась польская молодежь, бежавшая из Королевства Польского. После поражения Познанского восстания главный поток ее устремился именно сюда. Собравшиеся в Галиции поляки в основном разделяли принципы ПДО, они верили, что именно из Галиции начнется победоносная борьба за освобождение и воссоединение Польши, для чего необходимо создать польские легионы, которые в будущем явятся ядром польской национальной армии⁹.

В то же время Отель Лямбер и большинство умеренно настроенных деятелей польского национального движения занимали иные позиции, сопротивляясь организации отдельных польских формирований. Это вызывалось опасениями, что, во-первых, они могут оказаться под влиянием польских революционных элементов, а во-вторых, что создание польских легионов спровоцирует интервенцию в Венгрию России. А. Чарторыйский еще в начале 40-х годов обратил внимание на Венгрию как на потенциального противника Габсбургов, полагая, что потеря ее Австрийской империей серьезно ослабила бы последнюю. В соответствии с такими расчетами Отель Лямбер стремился к поддержанию мира между мадьярами и жившими в Венгрии славянами. 20 апреля 1848 г. А. Чарторыйский направил своему агенту в Константинополе графу М. Чайковскому следующие инструкции: “Конфликта между славянами и венграми нужно избежать, необходимо приложить все усилия, чтобы сокрушить Австрийскую империю”¹⁰.

Вообще вопрос о формировании польских легионов в Венгрии являлся чрезвычайно сложным. С одной стороны, Л. Кошут и его сторонники были заинтересованы в привлечении дополнительных сил, и прежде всего квалифицированных польских офицерских кадров, имевших опыт участия в военных действиях. С другой стороны, венгры не решались предоставить определенную самостоятельность польским формированиям, на чем упорно настаивали поляки.

Дело осложнялось и недостатком вооружения, экипировки — всего этого не хватало и самой венгерской армии. Кошут опасался и, как показали дальнейшие события, вполне обоснованно, что привлечение к борьбе польских сил сделает возможным вмешательство России, даст ей повод для вторжения в Венгрию. К тому же постоянная борьба между отдельными польскими группировками, нередко вызывавшаяся личными амбициями военных деятелей, также затрудняла формирование и действия единой армии. Тем не менее на фоне меняющейся военной обстановки, в результате серии длительных и сложных переговоров в конце ноября 1848 г. была достигнута договоренность о формировании на время военных действий легиона из польских добровольцев численностью до 2000 человек¹¹.

Весть об этом достигла Королевства Польского и вызвала там горячий отклик. Среди молодежи королевства росло убеждение, что необходимо “идти в Венгрию, где наши уже бьются за свободу”, как позднее заявлял один из польских добровольцев, попавший в руки царских властей. Он признался, что “испытывал желание и чувствовал готовность принять участие, был готов идти с другими” в Венгрию, веря, что там будет создана польская армия для борьбы с общим врагом¹². Молодежь Королевства Польского, охваченная революционным порывом и спешившая на помощь венгерской революции, имела скорее надежду, нежели расчет, на успех в общей борьбе. Стремление покинуть пределы королевства и принять участие в венгерских делах стимулировалось и желанием избежать рекрутского набора в царскую армию.

Такова была обстановка, которая воздействовала на эволюцию взглядов руководства организации 1848 года по отношению к другим народам вообще и к их национально-освободительной борьбе в частности. Следует отметить, что в теоретическом плане — в самой общей форме — этот вопрос был поставлен уже в программном документе организации — “Символе веры”, написанном в конце 1847 г. Г. Краевским. В этом документе отчетливо прослеживается понимание принципиальной разницы между правительствами стран, разделивших Польшу, и их народами. В частности, в нем говорилось: “Не пруссак, австриец или русский является нашим врагом, но те, кто в слепоте разума и злобе сердца смеет отказывать нам в святейшем праве — в национальной жизни и политическом существовании”¹³.

Особую роль в формировании взглядов возглавлявших Организацию 1848 года Г. Краевского и Р. Свежбенского по вопросу межнациональных и прежде всего русско-польских, отношений сыграло их пребывание в Московском университете в 1842—1846 гг. Существовавшая в это время в среде русского и польского студенчества дружественная атмосфера, доброжелательное отношение к полякам, а также к студентам из других славянских земель со стороны московских профессоров, например О.М. Бодянского¹⁴, — все это способствовало тому, что руководители Организации 1848 года не могли занять позиции негативного отношения к России и русским вообще.

С самого начала событий в Венгрии планы организации были связаны с надеждой на их благоприятный для Польши исход. Еще весной 1848 г., как свидетельствовал в своих показаниях на следствии по делу организации один из ее участников Александр Прейс, в разговоре с ним Свежбеньский подтвердил распространявшиеся в Королевстве Польском "слухи о предполагаемом вторжении в скором времени от запада познанских повстанцев, а с юга — венгерцев", добавив, что в Варшаве создано тайное общество, целью которого является поднять восстание, когда польские и венгерские силы будут подходить к городу¹⁵.

Весной 1849 г., когда в Королевстве Польском широко разнеслись вести о победах венгерских революционных войск и о том, что "российские войска пойдут на помощь австриякам" (о чем говорил в своих показаниях Свежбеньский), вопрос об отношении к венгерским событиям встал перед организацией уже в практическом плане. Исходя из того, что вмешательство России в венгерские дела неизбежно, руководство Организации 1848 года должно было выбрать один из альтернативных путей: использовать ли момент, когда российские войска выступят из Королевства Польского в Венгрию, и тогда начать здесь восстание, или же сохранить силы и выждать, когда победоносные венгерско-польские силы войдут на территорию королевства и вместе с ними продолжить борьбу за освобождение Польши. Оба варианта, по существу, можно отнести скорее к надеждам и чаяниям, нежели к реалистическим планам. В значительной степени это осознавалось и самим руководством организации, которое не имело достаточно сведений о конкретной ситуации в Венгрии и не поддерживало никакого контакта с созданными там польскими формированиями, вследствие чего не могло идти и речи о координации их действий. В этот период не прослеживаются и какие-либо контакты организации с ПДО. Представитель последнего Ю. Высоцкий, осуществлявший ранее связь с конспиративным движением в Королевстве Польском, с осени 1848 г. находился в Австрии, и, по-видимому, был полностью поглощен вопросами формирования польских легионов, а затем военными действиями¹⁶.

Руководство организации (весной 1849 г.) не имело также и четкого представления о том, каковы настроения на местах относительно возможности проведения вооруженного восстания в Королевстве Польском. Сам Краевский считал, что настал благоприятный момент. По согласованию со Свежбеньским он подготовил обращение ко всем руководителям уездных кружков, содержавшее просьбу прислать ответ как можно скорее. На следствии Свежбеньский по памяти восстановил текст этого обращения: "Обыватель! Считаю лишним убеждать тебя в том, как связана венгерская война с нашим делом. Это борьба республики с монархиями. Если венгерцы победят и Австрийская империя распадется на части, тогда независимость Галиции — зародыш самобытности и двух остальных частей нашей отчизны. Если когда-нибудь наш союз и годичные приготовления могут дать плоды, то это именно теперь. Победоносный Бем подвигается к галицийским границам. Австрий-

ские войска, претерпевая везде урон, не в состоянии противостоять храбрым венгерцам; зовут на помощь Россию, и войска из Царства в значительной массе выступят. Таким образом, у нашего края развязаны будут руки. Понимаешь ли, обыватель, сколько принесет пользы наше восстание, хотя бы даже оно было и кратковременно, наведя страх на русские войска в Венгрии и воодушевляя венгерских воинов. Недостаток оружия не должен останавливать нас. Мы можем иметь множество кос и пик, которых достанет на покoreние небольшого гарнизона, находящегося по местечкам и составленного почти из одних ветеранов. Но мы не предпримем ничего без вашего согласия. Большинство голосов наших определит: восстать ли нам, или же приготовляться дальше, в ожидании новых благоприятных обстоятельств¹⁷.

Из текста обращения видно, что Краевский считал, что если восстание не сможет принести пользу непосредственно делу освобождения Польши, то по крайней мере, несомненно, окажется полезным для революционной Венгрии, подчеркивая тесную связь освободительной борьбы поляков и венгров. Интересно отметить понимание им общедемократического значения борьбы венгров за независимость. При этом сам Краевский не испытывал личной симпатии к Кошуту из-за его политики по отношению к славянским народам.

Однако большинство уездных руководителей не разделяло позиции руководства организации, о чем свидетельствует их реакция на разосланное обращение. (Многие из них на следствии подтвердили его получение.) Так, Леон Жечневский из Равского уезда рассказал, что весной 1849 г. из Варшавы пришел запрос о готовности жителей уезда принять участие в восстании. Жечневский, как он сам показал на следствии, ответил, что в Равском уезде «нет никаких средств к мятежу и что дворянство не подготовлено к этому»¹⁸. Его показание подтверждается свидетельством Свежбеньского, сообщившего, что в его разговоре с Жечневским в начале июля 1849 г. в Варшаве последний признал момент для начала восстания подходящим («теперь, когда русские войска вошли в Венгрию — самое удобное время открыть восстание для диверсии»), но осуществление его он считал невозможным, ибо «шляхта бережет себя для лучших времен», полагая, что венгры победят русских и «самое удобное время будет тогда, как разбитые русские войска станут ретироваться», восстать же теперь — «значило бы подвергать дело неверному жребию»¹⁹.

Аналогичным было и свидетельство Михала Модзелевского о ситуации в Радомском округе: «Шляхта, невзирая на все его (Модзелевского. — Г.М.) старания, упирается начать теперь восстание и бережет себя для лучшего времени, то есть ожидает, когда русские войска, разбитые венгерцами, начнут ретироваться»²⁰.

Представлявший Организацию 1848 года в Бжезинском округе Францишек Кохановский на следствии признался, что в середине 1849 г. по поручению центра он посетил «офицера при рекрутском наборе» в местечке Шадки Якубовского, с которым ранее

поддерживал отношения по делам тайного общества, с целью склонить его к действиям по подготовке восстания. Но все его попытки не удались, ибо Якубовский считал, что "открытый мятеж невозможен по неимению к тому никаких средств". Однако в своем рапорте в Варшаву Кохановский отметил, что "Якубовский готов к мятежу, когда увидит, что и другие начали"²¹. Согласно показаниям Свежбеньского, Кохановский занимал такую же позицию: "Он восстанет сам, если сделают то же самое и прочие уезды в Царстве, несмотря на то, что нет ни оружия, ни аммуниций". "Якубовский, — отметил далее Свежбеньский, — был одного с ним мнения, но между тем говорил, что много мешает делу недостаток в материальных средствах"²².

Томаш Сужицкий, помогавший Анджею Киверскому выполнять поручения тайного общества в Луковском уезде, рассказал на следствии, что в конце апреля или в начале мая 1849 г. Киверский получил письмо от руководства организации, которое они расшифровывали вместе. В этом письме "после краткого описания состояния политических дел за границей" содержалось обращение к Киверскому, "чтобы он чистосердечно и обстоятельно донес о том, каков Луковский уезд в отношении сил и приготовления к восстанию, сколько и как можно рассчитывать на шляхту и крестьян, заклинали его кровью и жертвами целого народа, если бы не удалось восстание, чтобы он сказал совершенную истину и дал бы свое о том мнение, чтобы сказал, можно ли считать удобным это время, когда русские войска идут в Венгрию и заняты будут там войною".

По свидетельству Сужицкого, письмо это вызвало у Киверского сильное удивление. Сам Сужицкий якобы сказал Киверскому, что поднимать восстание значило бы "подвергать край наш новым бедствиям", что оно не будет успешным, что это сумасбродство, что "в крае нашем нет никаких сил и средств и не проявляется никакой склонности к тому, что теперь не можно иметь даже никакой надежды". Киверский согласился с этим мнением²³.

К следствию по делу Организации 1848 года привлекался ксёндз Феликс Трощиньский, приходившийся дядей Г. Краевскому. Хотя он отрицал свою принадлежность к организации и отвергал все предъявленные ему обвинения, в его показаниях содержались интересные сведения о настроениях в Грубешовском уезде в связи с венгерскими событиями. Следственная комиссия утверждала, что она располагает данными, будто в ответ на призыв к восстанию руководства организации Трощиньский в июне 1849 г. сообщил, что "это требование может быть выполнено только тогда, когда русские войска будут разбиты венгерцами и когда Бем с венграми вступят в Польшу, а преждевременные выступления уничтожат плоды деятельности союза (т.е. организации. — Г.М.) и поставят страну перед невозможностью восстания"²⁴.

По свидетельству Свежбеньского, ответ ксёндза Трощиньского, полученный в Варшаве в июне 1849 г., содержал следующие соображения: "По случаю скопления русских войск в Царстве, трудно и думать о восстании" и начинать его следует не раньше, чем вен-

герские войска войдут в Галицию "по поражении русских войск". В противном случае восстание будет преждевременным, "истребляя только плоды заговора" и лишая край возможности подняться на борьбу, "когда придут венгерцы с Бемом". При этом Трощинский упрекал руководство тайного общества в том, что оно "не дорожит жизнью и кровью соучастников" и возлагал на них за это ответственность перед историей²⁵. Такая позиция ксёндза вызвала раздраженную реакцию со стороны Краевского, который направил ему весьма резкое письмо. В нем, в частности, говорилось: "Письмо ваше очень удивило нас. Кто сказал вам, что горсть венгерских мятежников разобьет регулярные войска, которых вдвое больше? А если венгерцы падут, то что же ожидает наш союз? Он не может быть укрываться надолго. Этот плод, называемый тобою незрелым, пропадет в Сибири. Кроме того, если бы венгерцы могли одержать победу над русскими войсками и вошли бы к нам, в то время заговор наш не будет нужен. Итак, не вы нас, но мы вызываем вас на суд истории, что и вы в продолжение двух лет ничего не сделали и смотрите спокойно на горсть братьев, истребляемых в Трансильвании"²⁶.

Письмо Краевского говорило о весьма реалистическом понимании общей обстановки и практической невозможности проведения успешного восстания в Королевстве Польском. Впоследствии Краевский, отвечая на "вопросные пункты" Варшавской следственной комиссии, сказал, что "полагал, что подобная диверсия, если бы только могла быть приведена в исполнение, принесла бы для дела нашего пользу; но исполнение оно я наперед почитал бесподобным... Таковая диверсия принесла бы пользу в таком только случае, если в отдельных уездах, которых число составило бы большую половину Царства, можно было побудить квартирующие там войска овладеть главным место (захватить главный город. — Г.М.) и держаться в оном по крайней мере месяц до прибытия российских войск из Венгрии, хотя бы затем войска эти разбили и уничтожили возмущение (восстание. — Г.М.), но лишь бы тем способом заставить российские войска к выходу из Венгрии (объясняю, что целью предположения этого было нести помощь венгерцам в победе австрийцев)"²⁷.

Это показание Краевского представляет интерес в том плане, что оно еще раз подтверждает понимание руководством организации необходимости совместной с другими народами, в частности с венгерским, борьбы против общего угнетателя, готовность пойти на жертвы ради конечной победы над общим врагом — Австрией. Среди рядовых членов организации также проявлялось стремление оказать помощь революционной Венгрии в надежде, что победа венгерской революции в будущем создаст благоприятные условия для борьбы за национальное освобождение Польши.

В этом убеждают, в частности, показания Александра Забельского. Он свидетельствовал, что в конце июля 1849 г. читал в газетах о постоянном продвижении русских войск. Он думал, что они ограничатся захватом Галиции, но они продолжали наступать и

за ее пределами. Забельский отмечал, что венгры нигде не давали отпора — “они везде уступают и как бы бегут”. “Я удостоверился, — заявил Забельский, — что они потеряли отвагу и веру в собственные свои силы”. И когда в начале августа он узнал о продвижении русских войск к Пешту, то пришел к убеждению, что “венгерцы без чужой помощи падут”. Тогда же Забельский написал и направил руководству тайного общества “Рассуждение об обязанностях Польши в отношении к Венгрии”. Содержание его было следующим: “С упадком Венгрии для Польши совершенно терлась надежда когда-нибудь освободиться от России и невозможно было даже допустить, чтобы на наших границах когда-либо стала армия из 200 тыс. приязненного народа, под предводительством поляков”. Понимал уникальность ситуации, Забельский считал, что “все поляки, жаждущие независимости, должны соединиться одним духом и чтобы, измеривши силы свои и обдумавши средства, произвели в краю мятеж, пользуясь настоящим случаем, когда в Варшаве и вообще в крае мало войск”. “Если бы это действительно так случилось, — писал он, — то хотя бы мы одни ничего не значили бы, однако этим самым ободрили бы венгерцев, что, напротив, дух русской армии упал бы”. “Мы этим поступком могли бы спасти Венгрию, которая после из благодарности старалась бы о нашем спасении”²³, — такова была главная мысль этого проекта, наивного, но в высшей степени искреннего и благожелательного по отношению к борющемуся за свою свободу венгерскому народу.

Во второй половине августа 1849 г. Забельский приехал в Варшаву и от руководства организации получил ответ на свое обращение: “Судя по собранным в крае мнениям, оказалось невозможным где-либо произвести мятеж”. Забельский на следствии показал: когда на следующий день стало известно о сдаче венгерской армии под руководством А. Гёргеля, “отчаяние совершенно овладело членами общества”, “тогда и я наравне со всеми был уже убежден, что для нас навсегда все потеряно”, — и сжег свой проект²⁹.

Подобные настроения охватили широкие круги польских патриотов. Поражение венгерской революции было воспринято ими как крушение последних надежд на возможность успешной борьбы за независимость Польши в ближайшее время. “С разбитием венгерцев, — отмечал возглавлявший “кружок” организации в Люблинском уезде Юзеф Галецкий, — обыватели моего уезда потеряли всю надежду на то, чтобы теперь можно было что-либо сделать для нашей отчины. О распространении и развитии союза нельзя даже и думать, ибо и то, что прежде удалось сделать, ныне рухнуло”³⁰.

Руководители организации на практике встречались со стремлением ее членов отойти от деятельности, распространением упаднических настроений в их среде. Краевский был очень огорчен, когда осенью 1849 г., находясь в Люблине, он лично встретился с Юзефом Галецким и не получил от него ответа на вопрос, какое впечатление произвело там “безуспешное окончание венгерцами войны”³¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что само существование и развитие Организации 1848 года было тесно связано с общей

политической ситуацией в Европе, с ходом развития революционных событий, оказывавших прямое воздействие на положение в Королевстве Польском. О том, насколько реальной являлась помощь венгерской революции со стороны организации 1848 года, какие шансы имелись на осуществление восстания в Королевстве Польском, в исторической литературе существуют различные точки зрения, но все они, как представляется, страдают излишним оптимизмом.

Так, А. Минковская в своей работе отмечала, что “судя по общим настроениям в Королевстве, а также и по ответам (на обращение руководства. — Г.М.), которые Краевский получил из Грубешовского, Люблинского, Равского и Радомского округов, результат их должен был быть для тайного общества благоприятным”³². В рапорте Варшавской следственной комиссии наместнику Царства Польского говорилось, что из 10 округов, где действовали местные отделения организации, положительные ответы направили в Варшаву шесть (к перечисленным выше были добавлены еще Плоцкий и Ленчицкий)³³. Исследователь Л. Русиан прямо утверждал, что в Королевстве Польском существовала конспиративная организация, “при благоприятных обстоятельствах готовая принять участие в вооруженном выступлении”. Он отмечал, что вооруженное выступление на польских землях одновременно с венгерским движением имело шансы противостоять России, однако они оказались упущенными из-за преобладания мнения, будто надо ждать, когда будет побеждена Россия. Русиан полагал, что “возможность успеха существовала без сомнения”³⁴.

Однако как приведенные выше конкретные донесения с мест, так и сама численность Организации 1848 года, в деятельности которой принимало участие около 200 человек (вместе с “сочувствующими”, привлекавшимися следствием как причастные к делу) говорят о том, что она не могла представлять собой сколько-нибудь реальную силу, по существу оставаясь заговорщической организацией, ориентированной в основном на мелкошляхетские слои и выходцев из них — “служилую” интеллигенцию.

В заключение следует отметить, что деятельность Организации 1848 года в Королевстве Польском оказалась в значительной мере обусловлена характером развития европейских революционных событий в 1848—1849 гг., в частности ходом венгерской революции. Сочувственное отношение, стремление оказать помощь венгерским революционным силам в борьбе за национальное освобождение страны было присуще как руководству организации, так и рядовым ее членам. Несмотря на различия, имевшиеся во взглядах отдельных участников организации, что отражало настроения определенных кругов польского общества, в целом все они занимали общедемократические позиции, тесно увязывая вопрос о помощи венгерской революции с вопросом о независимости Польши. Поражение венгров привело к крушению надежд польских конспираторов на возможность освобождения и воссоединения польских земель в ближайшие годы.

- 1 *Skowronek J.* Polish military formations in national liberation movements in East Central Europe. 1775-1850 // East Central European society and war in the era of revolutions. N.Y., 1984. P. 106-107.
- 2 *Kiraly B.* The Hungarian democrats and the Polish question during the nineteenth century // The Polish Review. N.Y., 1977. Vol. XXII, N 1. P. 3.
- 3 *Russian L.* Polacy i sprawa polska na Węgrzech w roku 1848-1849. W-wa, 1934. S. 93.
- 4 *Kiraly B.* Op. cit. P. 6.
- 5 Русская старина. 1912. № 5. С. 398-399.
- 6 Подробнее см.: *Макарова Г.В.* К вопросу о времени создания Организации 1848 года в Королевстве Польском // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 201-218. Хотя организация продолжала свою деятельность до 1850 г., в исторической литературе принято название Организация 1848 года.
- 7 Цит. по: *Diveky A.* Węgrzy a Polacy w XIX stuleciu. W-wa; Lublin; Łódź; Kraków, 1918. S. 30.
- 8 *Kiraly B.* Op. cit. P. 13.
- 9 *Russian L.* Op. cit. S. 93.
- 10 *Kiraly B.* Op. cit. P. 6, 11.
- 11 *Russian L.* Op. cit. S. 99.
- 12 Wiadomości Polskie. 1858. 10. VII. (Цит. по: *Russian L.* Op. cit. S. 94).
- 13 Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 2. Л. 376 об. (Далее: ЦГВИА) (современный источнику делопроизводственный перевод на русский язык). Польский текст опубликован: *Djakow Wł.* Warszawska organizacja konspiracyjna 1848 roku (Edward Domaszewski, Henryk Krajewski, Romuald Świerzbinski i inni) // Kwartalnik Historyczny. 1976. Z. 2. S. 378.
- 14 В период интервенции царской России в Венгрии он выступил с осуждением действий правительства. См.: *Авербух Р.А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии в 1848-1849 гг. М., 1965. С. 321.
- 15 ЦГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 79. Ч. 3. Л. 162 об.-163.
- 16 *Minkowska A.* Organizacja spiskowa 1848 roku w Królestwie Polskim. W-wa, 1923. S. 58.
- 17 ЦГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 2. Л. 177-178 об.
- 18 Там же. Л. 336.
- 19 Там же. Л. 179-179 об.
- 20 Там же. Л. 223.
- 21 Там же. Л. 485 об. - 486 об.
- 22 Там же. Л. 197.
- 23 Там же. Л. 441-442. По показаниям Свежбеньского, "кажется (ответа)... вовсе не было" (Там же. Л. 189 об.)
- 24 Там же. Ч. 1. Л. 490.
- 25 Там же. Ч. 2. Л. 202 об. - 203.
- 26 Там же. Л. 203-203 об.
- 27 Там же. Л. 320-321 об.
- 28 Там же. Ч. 1. Л. 279-280.
- 29 Там же. Л. 283-285.
- 30 Там же. Д. 44. Ч. 1. Л. 75.
- 31 Там же. Ч. 2. Л. 506.
- 32 *Minkowska A.* Op. cit. S. 59.
- 33 ЦГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 4. Л. 380. Как заявил на следствии Свежбеньский, поскольку в Плоцком уезде всякая деятельность членов общества заглохла, Красевский не направлял туда этого обращения (Там же. Ч. 2. Л. 222 об.),
- 34 *Russian L.* Op. cit. S. 242.

О.П. Морозова

ПЕРЕДОВАЯ ПОЛЬСКАЯ МЫСЛЬ
30–60-х ГОДОВ XIX в.
О МЕЖДУНАРОДНОМ
РЕВОЛЮЦИОННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Характерной чертой общественно-политических взглядов демократического крыла в польском национальном движении XIX в. было понимание неразрывной связи между борьбой за освобождение Польши и развитием европейской демократии в целом. Каждое из революционных выступлений на польских землях демократические мыслители оценивали, как правило, в контексте революционного движения во всей Европе. В момент последнего из таких выступлений, заключивших эпоху национальных восстаний, группа революционного "Огниска", выступавшая от имени "партии, начавшей движение" и видевшей "в вооруженной Польше орудие политического и социального освобождения как граждан своей страны, так и других народов, находящийся под игом русского самодержавия и немецкой тиранией", заявляла в обращении к генералу Джузеппе Гарибальди: "Звон, раснесшийся по Польше, одновременно должен был быть набатом, призывающим к революции большую часть Европы. Не существует свободы только для самих себя. Свобода жива лишь развитием, обоюдностью, взаимным самопожертвованием, лишь победой всех угнетенных, лишь гибелью всех поработителей. Таков был девиз, который польское восстание с самого начала начертало на своем знамени".

Эти слова написаны в январе 1864 г. и могут считаться как бы подведением итогов целой повстанческой эпохи. Началом же ее являлся период Великой французской революции, годы борьбы за реформы в Польше и национального восстания, руководимого Т. Костюшко. Тогда стало складываться понимание связи между революционными событиями в отдельных странах и судьбами Европы в целом. Уже тогда в полной мере осознавалась такая особенность Французской революции, как ее выход в военном отношении (в отличие от более ранних нидерландской и английской буржуазных революций) за региональные рамки, что выразилось в ее вступлении в войну практически со всей абсолютистской Европой².

И в последующее время демократическая мысль исходила из того, что превращение революции из национальной в международную уже в конце XVIII в. доказало свою необходимость. Публицист Польского демократического общества в 1849 г. писал, что выход за национальные рамки был продиктован собственными интересами

Французской революции: “Когда в период первой революции жироидисты толкнули Францию к войне, они, по нашему мнению, независимо от того, что было побуждающей причиной для этого, способствовали сохранению революции, движению ее вперед. Революция, ограниченная одной страной, не может удержаться”³.

Сравнительно рано был сформулирован тезис о том, что именно Французская революция, подводя итог огромной умственной работы, выполненной в эпоху Просвещения, положила начало системе европейского единства в плане идеологической борьбы⁴. Газета “Нова Польска”, редактировавшаяся Я.Л. Жуковским, так писала об этом 1 июля 1831 г.: “Нации, имеющие общие принципы правления, постепенно начали соединяться и создавать единую систему, основанную не на отдельных, как то коммерческих или религиозных принципах, но вмещающую в себе все специальные принципы, систему, основанную на единстве свободных понятий и принципов. Только Французская революция придала устойчивый характер этой системе”.

Автор считал эту систему имевшей весьма широкое распространение, хотя отнюдь не восторжествовавшей в ряде государств, которые образуют иную общность. “Долго эту систему, — писал он, имея в виду буржуазно-конституционную Европу, — представляла одна только Франция. Теперь она в большей или в меньшей степени распространилась по Европе... Всю Европу одушевляют две стихии, из которых с незапамятных времен возникли национальные системы. Они лежат в основе движений отдельных наций, они служат пружиной, двигающей всеми государствами Европы и разделяющей их на две великие системы: либеральную и аристократическую, систему свободы и систему привилегий”⁵.

Вместе с тем в демократической публицистике проводилась грань между провозглашением великих принципов и их практическим осуществлением как в отношениях между людьми, так и в особенности в отношениях между народами. Станислав Ворцель писал в связи с этим: “Евангельское братство не удалось воплотить в деяние не только среди народов, но и между людьми в течение всего времени, которое прошло от провозглашения братства Христом до Французской революции 1791 г. Лишь Французская революция, написав на своем знамени слова *равенство* и *свобода* рядом со словом *братство*, впервые признала его значение и необходимые для него условия. А так как братство между людьми долго оставалось лишь мертвым символом веры, то и после признания его основанием социальных прав понадобилось много времени, чтобы применить это понятие к отношениям между народами”⁶.

Под религиозной фразеологией у Ворцеля скрывалась, конечно, отнюдь не незрелость мысли. Среди демократов XIX в. стремление воздействовать на чувства масс ссылок на извращение существующей социальной практикой тех идеалов, которые считались присущими первоначальному христианству, было одним из распространенных приемов обличения существующего порядка. Не менее характерным являлось и провозглашение необходимости соблюдения

моральных норм как в межличностных, так и в межгосударственных политических отношениях.

Еще важнее тот факт, что в демократической мысли имела место и дифференцированная оценка различных этапов межевропейских отношений в период Французской революции и непосредственно после нее. Еще в 1818 г. Людвик Мауерсбергер отмечал: "Славная французская революция, начатая людьми, которые должны были вести ее вперед, изменила свое направление и далеко отклонилась от своей первоначальной цели"⁷.

Различия между польскими демократами наглядно выступали при оценке событий, связанных с приходом к власти Наполеона. У ряда демократов те международные аспекты Французской революции конца XVIII в., о которых говорилось выше, в какой-то мере накладывались и на оценку завоевательных войн Наполеона. Это был один из аспектов распространенности и живучести "наполеоновской легенды" в Польше. Общеизвестна, например, приверженность к "наполеоновской легенде" Адама Мицкевича. Он сам объяснял ее именно характером тех правительств и государств, против которых воевал французский полководец: "Наполеон ниспровергал и разрушал старые правительства, которые, подобно стеклам парников, некогда способствовали росту народов, а сейчас жмут и давят их. Наполеон чувствовал, что дело свободы — это европейское дело, что в него следует вовлечь всю Европу"⁸.

Особенно восторженный характер преклонение перед Наполеоном приобрело в польском мессианизме, что вызвало возражения со стороны последовательных демократов. Эдвард Дембовский, например, писал: "Мессианизм обожествляет Наполеона, этого гениального отступника от прогрессивной мысли, самовлюбленного гения, жаждущего только собственного величия, и не ставит вопроса о направлении его деятельности. И напротив, Робеспьера он осуждает"⁹. И все-таки при оценке войн Наполеона облик его противников оказывался зачастую решающим и для радикальных демократов, позволяя оставлять в стороне завоевательный характер этих войн. По мнению Яна Кантия Подолецкого, "Наполеон, хоть и был императором, но, так как его породила революция, вынужден был разбивать одну за другой противостоявшие ему монархические коалиции"¹⁰.

Гораздо резче оценка Э. Дембовского, однако и для него важное сохранение Наполеоном хотя бы части результатов революции: "Нет ничего более низкого, чем военный абсолютизм, введенный Наполеоном; но он был полезен для своего времени и необходим, чтобы пробудить засынающую энергию Французской революции"¹¹.

Различие между временем подъема революции и годами Империи не могло быть определено польскими авторами в плане различий социальной базы. Применялись, как правило, моральные категории, но грань между революцией и Империей проводилась, хотя и в этом случае роль Наполеона для Польши оценивалась зачастую в общем положительно. Э. Дембовский считал, что "войны Наполеона подготовили в Польше социальную и умственную революцию",

в момент, когда “обессилевший народ впал в летаргический сон, и даже четвертование не могло его пробудить”¹².

“Наполеоновская легенда” в течение всего рассматриваемого периода имела, как мы знаем, отнюдь не одно лишь историческое значение. Даже среди эмигрантов (сторонников Л. Мерославского), выступавших за демократические преобразования и национальную революцию, распространена была в 50–60-е годы надежда на Империю Наполеона III. Но такой “наполеонизм” встречал неизменно более резкое осуждение со стороны последовательных демократов, ставивших французского императора в один ряд с Николаем I. В передовой статье газеты “Демократа польски” от 13 апреля 1854 г. говорилось: “Польша должна искать достойных её союзников среди народов, но не среди тиранов. Если кто-нибудь из поляков поступил бы наоборот и стал ждать защиты, помощи и избавления для Польши от того, кто тиранит собственный народ... такой поляк был бы близок к тому, чтобы вместо руки, запачканной кровью в Париже, целовать кнут в Петербурге”¹³.

Следует подчеркнуть, что опыт революционных войн Франции конца XVIII в. польским демократам представлялся важным и поучительным на всех последующих этапах европейского революционного движения, во время французских революций 1830 и 1848 гг. Уже упоминавшийся ранее Я.К. Подолецкий в статье 1848 г. “Революция и контрреволюция в Европе” сетовал по поводу того, что этот опыт французскими республиканцами учтен не был. “Внешние же последствия провозглашения республики были очевидны в свете опыта прошлого и простого политического здравомыслия, — писал он. — Могла ли республика думать, что устоит одна среди монархической Европы, что христианский принцип свободы, равенства и братства вступит в сделку с монархизмом и аристократией, этими реликтами языческого мира? Ведь Франция имела собственные примеры Консульства и Июльской революции”.

В духе решительного и бескомпромиссного революционного мышления он считал обязательным для подлинных демократов и республиканцев союз с другими народами, подкрепленный вооруженной силой, полагал, что Французская республика должна была в 1848 г. провозгласить себя открытой союзницей всех народов, стремящихся к демократии и республике, и такое провозглашение подкрепить “не пустыми церемониями и манифестациями, а делом и саблех всегда и везде, где бы ни представилась возможность”¹⁴.

Чтобы закончить с вопросом об отношении польских революционеров к французскому опыту, необходимо сказать еще и о пределах использования этого опыта, которые им представлялись допустимыми. Бесспорно, отношение к различным партиям Французской революции было в Польше (как и во всех других европейских странах, где имелись революционная мысль и революционное движение) одним из признаков, по которым определялась степень демократизма отдельных деятелей, групп и партий¹⁵.

Наиболее радикальных демократов не пугал якобинский террор. Если даже о нем говорилось как об одной из причин термидо-

рианского переворота, то подчеркивалось, что террор был продиктован обстановкой. Э. Дембовский писал о Французской революции как о “родившейся из народных глубин”, как о “революции, которая сделала каждого человека равным всем другим, уничтожила дворянство, наследственные привилегии, феодальное рабство и аристократию, которая, действуя в духе чистой демократии, создала бы лучшую из республик, если бы не интриги аристократии и эгоистов, которые принудили Робеспьера и других добродетельных мужей прибегнуть к террору и гильотине”¹⁶.

Естественным являлся в этой связи и вывод о принципиальной допустимости революционного террора во время будущей революции в Польше. В брошюре 1844 г. “О жизненных истинах польской нации” Генрик Каменьский утверждал, что лишь с учетом соотношения социальных сил и поведения сторонников старого порядка можно будет определить необходимость и масштабы возможного применения террора в войне за национальное освобождение.

Ссылаясь на французскую историю, Каменьский и характеризует обстановку, в которой террор может оказаться необходимым: “Если бы наша шляхта, наши помещики вступили в сговор с врагом, как это делали французские аристократы, если бы таким же образом поставили собственные выгоды выше общих, выше независимости отчизны и стали бы на пути нашего движения, пошли на самое подлое предательство — одним словом, если бы стали такой контрреволюцией, какал была во Франции, то их пришлось бы считать врагами отчизны, чье спасение было бы в их уничтожении. Тогда понадобился бы такой же террор, какой был во Франции и который сразу избавил бы нас от целого класса, враждебного национальным целям, и только тою же ценой, что и во Франции, мы смогли бы победить и вовлечь в борьбу все народные силы”¹⁷.

В 1830—1831 гг. повстанческая публицистика неоднократно указывала на связь борьбы за освобождение Польши с судьбами европейской демократии, противостоявшей абсолютистскому гнету. Вскоре после начала восстания в одной из газет говорилось: “...Наше дело — это часть святого дела Европы, у которой ныне только два знамени: свобода или цепи... Мы уверены в сочувствии к нам со стороны свободных наций”¹⁸. Уверенность эта основывалась прежде всего на убежденности в общеевропейском значении революции во Франции, народ которой “пробудился первым, и пробуждение это вернуло ему те огромные силы, которые присущи народу просвещенному”. И публицист делал вывод: “Этот дух существует во всей Европе”¹⁹.

Месяцем позже та же газета заявляла: “Наше дело — это дело всех соседних с нами народов... Нам нужно влиться в жизнь цивилизованной Европы и быть готовыми разделить с нею судьбу и предназначение. Это великое предназначение. Это будет борьба между королями и народами, привилегиями и законом, борьба, которая затронет каждый уголок Европы и в которой мы, давние сыновья свободы, призваны сыграть почетную роль”²⁰.

Поражение восстания 1830—1831 гг. этой веры не поколебало.

Среди польских демократов еще прочнее утвердился взгляд, согласно которому Польша может рассчитывать на благоприятный поворот событий только в случае европейской революции. Редактор газеты "Польский пилигрим" в мае 1833 г. писал: "Лишь только голос какой-либо всеобщей политической бури может вновь поставить польский вопрос перед судом всего мира. Тогда среди всеобщего потрясения возникнут и разовьются новые потребности; люди, обладающие политическим гением и гением действия, сумеют понять и удовлетворить эти потребности, изобретая новые средства, или незиданные сейчас, или объявленные сейчас непригодными"²¹.

Этим же годом датируется письмо А. Мицкевича о проекте французской газеты, в котором решительно подчеркивается недопустимость рассмотрения польского вопроса вне европейского контекста: "Желать улучшить положение нации независимо от состояния Европы — это значит действовать вопреки интересам этой же самой нации..."²² "Состояние" здесь означает не политическую конъюнктуру, а степень остроты в других странах нерешенных социально-политических вопросов.

Можно считать, что именно в данный период в польской демократической мысли перенствующее место занял тезис об обязательности участия польского народа в общеевропейской антифеодальной борьбе, как единственного пути к национальному спасению. С. Ворцель, рассуждая о солидарности народов, исходит из того, что народы, не участвующие в общей борьбе, не могут получить свободу из чужих рук: "Насилие над одной нацией представляет опасность для всех. Отсюда возникает необходимость и обязанность, чтобы один стоял за всех, а все — за одного, или право всех людей и народов взаимно поддерживать друг друга, которое современными политиками называется солидарностью... Нация и человек могут требовать защиты своих прав лишь постольку, поскольку они исполняют соответствующие этим правам обязанности"²³.

Другой деятель Польского демократического общества, Францишек Ксаверий Завадский, в 1856 г. писал: "В моральном, политическом, национальном и общественном отношении полякам ничего не остается, как стать на стороне революции"²⁴. Из сказанного выше видно, что утверждение в польском освободительном движении идеи международной революционной солидарности являлось, конечно, не просто одним из открытий прогрессивной общественной мысли. Это было отражение объективного положения вещей, тех особенностей исторического развития, которые поставили польское национально-освободительное движение в первые ряды европейской демократии и создали, говоря словами К. Маркса, представление о поляках как о "народе, который сражался и сражается как всемирный солдат революции"²⁵.

Как видим, неудачи революций 1846 и 1848 гг. не столкнули с этой позиции польских демократов. Более того, высказывалось убеждение, что революционное выступление в Польше могло оказать решительное влияние на ситуацию в Европе. Вот как рассу-

дал насчет событий 1846 г. Я.К. Подолецкий: “Противостояли друг другу два прямо противоположных, непримиримых принципа: монархизм и демократия... Первым наиболее знаменательным столкновением этих принципов, первым, можно сказать, авангардным выстрелом было восстание Польши в 1846 г. ... Тысячи голосов в стране и за границей, голоса, даже до сих пор у нас имеющие вес, рассуждая о начинании в том смысле, удастся оно или не удастся, объявили тогдашнее польское движение слишком незрелым, безрассудным, объявили его проявлением отчаяния или безумия, чуть ли не изменой родному делу. Когда-нибудь беспристрастность истории оценит его иначе. Если бы это восстание продержалось несколько недель... тогда бы Вена, Берлин и Милан на два года раньше воздвигли бы баррикады, тогда бы не Франция, а Польша давала инициативу европейской революции”²⁶.

Очень легко, разумеется, подметить в этом высказывании может быть наивный, но заслуживающий понимания полонцентризм авторских соображений, отсутствие в нем анализа социальных причин провала концепции общепольского восстания в 1846 г. и объяснение его случайностями (или “волей провидения”). Напрашивается вывод, что некоторые эмигрантские мыслители подчас лучше знали (и трезвее на этот счет судили) развитие событий в странах пребывания, нежели на родине.

Очень важно, что участие в общеевропейской борьбе мыслилось польской демократией в двух формах: собственное восстание и борьба в рядах других революционных народов. Чем-то вроде настольной книги для молодых революционеров, оказавшихся в эмиграции, стали образные призывы и наставления автора “Книг народа польского и польского пилигримства”, который писал: “Поляк говорит народам: Родина там, где плохо; ибо везде в Европе, где подавляется свобода и идет борьба за нее, там идет и борьба за Отчизну, и в той борьбе сражаться обязаны все:

Некогда говорилось народам: Не складывайте оружия, пока враг занимает даже одну пядь земли вашей; а вы говорите народам: Не складывайте оружия, пока деспотизм угнетает даже одну пядь вольной земли”²⁷. Слова не остались словами. Множество поляков-эмигрантов пытались, когда наступал подходящий момент, превратить их в революционное дело: во Франции и Германии, в Италии и Венгрии.

Международная революционная солидарность редактору газеты “Польский пилигрим” представлялась, во-первых, чем-то высшим по сравнению с “обычным” демократизмом и республиканизмом, а во-вторых, органической особенностью истинного польского патриота, являющегося природным демократом и республиканцем, но вместе с тем собственным примером увлекающего демократов других стран на борьбу за всеобщую свободу: “Республика и демократия — это лишь первые, подготовительные ступени посвящения. Поляк, принимающий имя демократа или республиканца, кажется нам похожим на епископа, которому захотелось именоваться дьяконом”²⁸.

Конечно, такой взгляд на историческое призвание Польши нуждался в обосновании. Такое обоснование давалось при помощи разнообразной, иногда чисто эмоциональной, иногда базировавшейся на исторических и политических соображениях аргументации. Весьма распространенной была ссылка на то, что Польша погибла в результате сговора и совместной международной акции абсолютистских монархий, которые обрекли себя тем самым на неизбежное историческое возмездие. Отсюда делался вывод, что международный характер и международное значение должно обязательно иметь и восстановление исторической справедливости, что именно воскресшая Польша вновь объединит нации и введет их в царство свободы.

Политическая аргументация основывалась на том, что "польское дело является делом цивилизации", что освобождение человечества при наличии даже одной претендующей на свободу, но не освобожденной нации будет не полным, не полноценным, означающим, что цель в сущности не достигнута. Авторы "Акта основания Польского демократического общества" (1832) исходили из того, что развитие цивилизации направлено на уничтожение преград между народами, составляющими великую человеческую общность, преград, которые возведены эгоизмом тех, кто под прикрытием национальных интересов присваивает себе права, которые принадлежат всем членам этой общности. Они заявляли, что стремление к общему благу должно стать всеобщим, и тогда свобода одного народа будет одновременно делом всего человечества, независимо от его разделения на нации, и, напротив, если свобода какой-то части человечества оказывается под угрозой, это может оказаться губельным для всей общности.

"Каждая из частей, — говорилось в "Акте", — может спокойно пользоваться счастьем только вместе с другими, столь же счастливыми. Обособленность убивает возможность счастья. Один народ Европы не сохранит свою свободу, если он будет окружен грозными соседями, деспотизмом и темнотой. Таким образом, частный интерес тесно связан с общим, и это дает народам право требовать помощи друг от друга и ставит их перед необходимостью такую помощь оказывать.

Будущее Польши зависит поэтому от будущего других европейских народов. Их обязанностью является восстановить и обеспечить ее существование. Но только тогда от них можно будет требовать исполнения этой обязанности, когда сама Польша проникнется общими представлениями, приобщится к общему прогрессу, когда общечеловеческие права будут в ней осуществляться в самом широком их понимании, когда ее цели и стремления будут в согласии с целью и стремлениями прогрессирующего европейского просвещения"²⁹.

В "Манифесте Польского демократического общества" (1836) давалось социально-историческое обоснование первостепенной роли Польши в европейском освободительном движении. Составители его ссылались на наличие огромных революционных резервов, не

использованных ранее, резервов, связанных с тем, что народ, находящийся в крайне тяжелом положении, не прошел еще через буржуазную революцию и не освободился от многовекового гнета: "Для восстановления независимого бытия внутри Польши таятся огромные силы, которых до сих пор не пробудил ни один честный и искренний голос. Это мощь почти незатронутая, одинаково страшная как для внешних, так и для внутренних врагов. Ею Польша возродится". Для того, чтобы эти силы пришли в движение, авторы "Манифеста" считали необходимым сделать "первым лозунгом" борьбы за независимость освобождение простого народа, возвращение крестьянству отнятой у него земли и гражданских прав.

Социально-исторические аргументы подкреплялись ссылкой на наличие еще не уничтоженных традиций и начал, связанных с памятью об отдаленной эпохе исконного славянского народовластия. Факторами, благоприятствовавшими долгой жизни народоправческой традиции, объявлялись, с одной стороны, наличие шляхетской демократии, а с другой (тут налицо было некоторое противоречие) — отъединенностью простого народа от господствующих классов, унаследованной от несокрушенного феодализма.

Вот рассуждения авторов "Манифеста": "Для того, чтобы упрочить на демократических принципах возвращенную независимость, Польша точно так же имеет в своих собственных недрах национальные элементы. Демократическая идея, сначала распространенная во всем народе, а затем развиваемая и формируемая в шляхетском сословии, легко может снова найти воплощение в простонародье, которое, несмотря на долгую неволю и угнетение, сохранило еще не стершиеся следы древнего народоправства... На этой неиспорченной и еще свежей почве легко разрастется старое национальное древо равенства, взращенное заботливым попечением братства и свободы"³⁰.

Ссылка на сохранившиеся реликты патриархального уклада используется в демократической публицистике для обоснования той мысли, что эти реликты могут иметь свое значение при определении грядущих путей социального развития, могут облечь в реальную плоть социальные теории нового времени (здесь заметна встречающаяся у ряда славянских мыслителей переоценка патриархально-общинной традиции). Я.К. Подолецкий подчеркивал, что Польша является в этом плане революционно-патриотической представительницей всего славянского мира, в котором, по его мнению, представлены "созидательная социальная стихия", "общественность и единение в живых формах", многообразные общественные институты, виды собственности и категории населения.

"В славянской народности, — пишет он, — переплелись в клубок нити социального развития мира; это нам суждено их распутать, нам суждено решить социальный вопрос. То, что у нас имеется в субстанции, т.е. в содержании, в жизни, духе и во плоти, на Западе представлено всего лишь в абстрактных идеях... Запад ничего не сделает без освобождения славянства, без освобождения Польши". Подолецкому представлялось, что западные революции помо-

гут славянству осознать себя, а революции в славянском мире облекут социальные идеи в надлежащие формы, в "плоть", превратят их из абстракций в реальность. "В этом, — утверждал он, — с наибольшей явственностью и выражается революционная солидарность"³¹.

Ощутимо в данном случае не только разочарование в институтах западной буржуазной демократии, в тех результатах, к которым привело общественное развитие на Западе. Рассуждения публициста укладываются в процесс развития того направления польской прогрессивной общественной мысли, которое искало самостоятельного ответа на вопросы времени и в этих поисках обращалось к собственной истории, пыталось найти в прошлом и настоящем самобытные социальные явления, способные послужить опорой для революционного выхода за те рамки, в которые заключена была тогдашняя общественно-политическая действительность. Конечно, это нежелание удовлетвориться непритязательным "западничеством" было явление не только польское (тут достаточно сослаться, скажем, на историю русской общественной мысли XIX в.). Следует, однако, отметить, что этот поиск "славянского" противовеса "западничеству" существенно важен для тех публицистов, которые стремились обосновать не только равноправие, но и лидерство польского движения в формировании международной революционной солидарности, и что он не носил эпизодического характера, охватывая несколько десятилетий эпохи национальных восстаний³².

Правомерно будет здесь отметить влияние на демократическую мысль исторических концепций Иоахима Лелевеля, который, как известно, говорил об "установлении христианской цивилизации" как о событии, которое "нанесло окончательный удар гражданским правам и свободе кметей"³³. Были в польской публицистике и попытки (Ф.К. Завадский) противопоставить "исторически-официальную часть Польши", которая "подпала под влияние испорченного христианства, т.е. католицизма", и "неофициальную массу", "общинную, жизненную часть народа", куда "проникло чистое зерно Христа, и там оно сохраняется до сих пор, неиссякаемое, плодотворное, ожидал лишь солнца свободы, чтобы разрастись в колосья. В этом-то важном факте (обнаруживающем аналогию славянского духа с христианством) лежит та таинственная причина, в силу которой наш народ не покорился ни превосходству средневекового феодализма, ни деспотическому монархизму XVI и XVII века, ни изуитизму"³⁴.

Нередки были попытки обосновать особую роль Польши простым указанием на ее трагическую участь в XIX в., на понесенные народом жертвы. И. Лелевель утверждал: "Для заключения священного союза между народами Бог потребовал мученичества целой нации и в качестве жертвы избрал Польшу. Погибая во имя братства народов, Польша заслужила, чтобы их братство ее воскресило"³⁵. Не следует рассматривать данное высказывание как отражение польского мессианизма (Лелевель не был членом мистических сект). Скорее, оно характеризует почву, на которой мессианистские концепции выросли.

Мысль об особой ситуации польского народа была, как известно, господствующей в историко-философских построениях польского мессианизма, базируясь при этом на явной идеализации политического устройства уничтоженной в результате разделов Речи Посполитой и стремлений ее правящего класса³⁶. Наиболее сильным по своему влиянию произведением являлись упомянутые выше «Книги польского народа» А. Мицкевича, который утверждал, что «ни в одной стране не было столько вольных людей, братьями именующихся, сколько в Польше»³⁷.

Если же говорить об аргументации, основанной на характеристике той стадии развития, в которой находился в XIX в. польский народ, то можно отметить, что еще М. Мохнацким в «Истории восстания народа польского» сочетание национальных и социальных задач революции рассматривалось как обстоятельство, способное привлечь на сторону Польши разнообразных союзников: и правящие круги (поскольку национальные требования — это не революция, а реставрация), и сторонников преобразований (поскольку без решения социального вопроса не обойтись). Опыт показал, однако, что подобная «двойственность» имела также явно слабые стороны и (что отмечено в современной литературе) способствовала в какой-то мере как раз тому, что польское восстание 1830—1831 гг. осталось без союзников³⁸. (Это, разумеется, не означает, что при отсутствии двойственности наличие союзников было бы гарантировано.)

В ходе восстаний с большей или меньшей интенсивностью — в зависимости от того, привлечение каких союзников считали реальным и полезным те или иные повстанческие деятели, — велась борьба вокруг вопроса о выдвижении на первый план социальных или же чисто национальных задач. Но заметим, что и с точки зрения внутренних возможностей движения многие из демократов считали такое сочетание решаемых задач сильной его стороной, полагали, что оно определит особый характер польской революции, соединяя размах (благодаря участию масс) и организованность (благодаря участию образованных классов).

В одном из документов Польского демократического общества, изданном после 1849 г., когда в обществе усилились солидаристские тенденции, утверждалось, что краковское восстание 1846 г. оказало влияние на процессы, происходящие внутри других стран, и что «по самой природе вещей» Польша может стать инициатором общеевропейской революции. Авторы документа считали, что борьба за независимость сплотит воедино большинство народа, что «решение социального вопроса путем освобождения и наделения земель крестьян с согласия всех владельцев или по крайней мере подавляющей их части» умножит резервы революции, а наличие во главе движения хорошо организованной и имеющей продуманную программу партии приведет к тому, что «революция в Польше избежит многих родовых мук при рождении законного правительства, быстро выйдет из неминуемой на первых порах анархии и скоро выставит силы, способные всерьез противостоять трем окружающим нас деражавам»³⁹.

В исторической “свежести” польской мысли некоторые мыслители видели гарантию того, что именно на ее долю вследствие непричастности к порокам, обнаружившимся в интеллектуальной традиции некоторых других народов, выпадет ликвидация разрыва между миром мысли и миром дела. Э. Дембовский писал о том, что должен выступить на сцену “народ, который воплотит сделанное в Германии и Франции и навеки соединит деяние и мысль. Философия этого народа не будет наукой мышления, как философия немецкая, и не будет наукой действия, как французская философия, но будет наукой единства мысли и дела, наукой творчества”.

Такой народ, по мысли Дембовского, будет сознательным творцом своего будущего: “В этом народе прекратится та борьба, которая терзает сердце нынешнего общества. Он будет развиваться в согласии со своей наукой. Этот народ, наконец, воплотив в себе всю будущность человечества, охватит и историческое будущее, будущность социального развития, религии, искусства, философии. Призвание этого народа будет одновременно и его сущностью. Он единственный выступит в полноте сил своих, ибо внесет новый элемент в сущность человеческого. Этим народом может быть только наш народ, ибо девиз нашего народа есть творчество...”⁴⁰

Вера в то, что польская мысль, став “философией творчества”, способна определить пути всеобщего общественного развития, базировалась у Дембовского на охарактеризованной выше убежденности в перспективах народного движения в Польше. Поэтому он заявлял, что “польская философия считает главной силой народ (массу, нацию в целом)”, что она “верит в народ” и “должна иметь первым своим социальным результатом самостоятельность народа”⁴¹.

Заслуживают внимания и другие аргументы, которыми обосновывалась особая революционная роль Польши. Это были аргументы, базировавшиеся на географическом положении Польши, на ее близости к России, правительством которой европейская демократия рассматривала в течение длительного времени как главного противника⁴². Вопрос об отношении польских сторонников международной революционной солидарности к России и русским революционерам — это особый вопрос, заслуживающий специального рассмотрения. Здесь мы отметим лишь широту (полную адекватность географическому содержанию) понимания польскими патриотами европейской общности.

Во время восстания 1830—1831 гг. газета “Нова Польшка” писала: “Пока на Севере не возникнет могучее и либеральное государство, до тех пор Европа не избавится от остатков феодализма, не стряхнет с себя цепей аристократии. Этим государством будет Польша... К этому она предназначена своей историей, характером народа и положением страны; этому способствуют общее настроение умов в Европе и великие перемены, которые повседневно ощущают народы Севера и Востока”⁴³.

Еще показательнее попытка И. Лелевеля связать особую революционную роль Польши с ее способностью повлиять на ускорение революционных перемен в России. В доказательство Лелевель

уже в 1834 г. ссылался на возникающее единство стремлений и общность страданий русских и польских революционеров: "С тех пор как Польша, угнетенная тремя деспотами, испустила дух, была ли такая попытка русских обрести свободу, в которой поляки отказались бы им помочь? Было ли такое выступление поляков с целью восстановить свою независимость, когда русские не проявили бы готовность их поддержать?"⁴⁴ "Русский народ, — говорил Лелевель, — идя вперед, несмотря на все препятствия по пути цивилизации и просвещения, проникаясь духом гражданственности, думает о том, чтобы сбросить рабское ярмо; обретая моральную силу, он пробуждается, следует примеру Польши"⁴⁵.

Очень важно отметить (это был один из пунктов, обнаруживавших различие между консерваторами и демократами), что речь шла не просто о нейтрализации политического влияния царизма на Европу, не об ослаблении его помощи европейской реакции, а о преобразовании России изнутри, о необходимости ее присутствия в будущей семье освобожденных народов. Но, повторяем, это особая, очень важная для характеристики польского демократизма в XIX в. проблема.

Как видно из всего сказанного выше, для польской демократии XIX в. характерно было убеждение в том, что "подталкивание" европейского революционного процесса через активизацию революционного движения в отдельных странах является и возможным и целесообразным. Говорилось о различных аспектах такого "подталкивания". Возлагалась надежда на вдохновляющую силу примера победившей в какой-либо из стран революции. Э. Дембовский, считавший, что истинно свободным будет лишь общество, основанное на деятельной любви к человечеству, предсказывавший слияние народов в единую общность, писал: "Тот народ, который воспримет принцип общности, станет свободным и социально счастливым, увлечет своим примером все человечество"⁴⁶.

Но если даже история не давала примера столь счастливого исхода отдельно взятого революционного выступления, которое вызвало бы, так сказать, цепную реакцию во всей Европе, те из польских демократов, которые оставались верны своим убеждениям даже в наиболее тяжелые годы, не считали никакое революционное выступление напрасным. Они усматривали его значение хотя бы в том, что подавляющие революцию реакционные правительства разоблачают себя в глазах народов и происходит дальнейшая концентрация революционной энергии. Любопытно в связи с этим рассмотрение Я.К. Подолецким итогов 1846 г. на польских землях в плане разоблачения Австрийской монархии, представлявшей себя ранее в облике более "снисходительного" по отношению к польским патриотам правительства. Демократический публицист пишет: "Австрийское правление, якобы отеческое и патриархальное, одним прыжком сравнялось с пятнадцатилетними жестокостями москвичизма, а коварной подлостью нового терроризма сразу превзошло все известные до сих пор бесчинства. По отношению к Москве оно стало тем же, чем является отравитель в сравнении с явным убийцей... Польские события 1846 г. встряхнули, пробуди-

ли демократию во всей Европе. Она узнала, с каким врагом имеет дело, каким оружием этот враг пользуется"⁴⁷.

Такого типа анализ событий требовал незаурядной твердости духа. После 1846 и 1848 гг. отнюдь не все из демократов сохранили верность прежним убеждениям. Довольно много было случаев сползания на либеральные или консервативные позиции даже среди радикально настроенных участников общественного и литературного движения в стране и в эмиграции.

Убеждение в том, что никакое революционное действие не пропадет зря, должно было, по мнению демократических мыслителей, определить линию поведения польской революционной эмиграции⁴⁸. После 1831 г. с призывом принять участие "во всеобщей войне за свободу народов" обратился к эмиграции автор "Книг польского пилигримства". Вместе с тем демократические эмигрантские организации настаивали на том, что достойными представителями своего народа могут выступать не все эмигранты вообще, а лишь те из них, которые, во-первых, желают социальных преобразований на родине, а во-вторых, сочувствуют прогрессивным движениям в других европейских странах.

В "Акте основания Польского демократического общества" был сформулирован следующий тезис: интересы Польши за границей призваны отстаивать не просто представители большинства эмигрантов, а лишь те из них, кто стремится соединить эти интересы с интересами всего человечества, кто видит будущую Польшу страной равных и свободных людей, отвергает отжившие предрассудки и привилегии, присвоение плодов чужого труда. В этом деятели ПДО видели основу сотрудничества с прогрессивными движениями в других странах: "Тождественность в выборе цели и средств ее достижения является тем единственным узлом, который способен объединить нас с братьями. Только существование такого единства мы считаем целесообразным"⁴⁹.

Демократы с гордостью констатировали, что польские эмигранты, участвуя в политической жизни стран пребывания, внушали опасения правительствам и подвергались репрессиям с их стороны. Я.К. Подолецкий в 1848 г. писал о революционной эмиграции: "Этот живой, неустанный протест замученного народа показался реакции опасным. Оставшись в Париже, она напоминала бы Франции о необходимости восстановить Польшу и рано или поздно, массово следуя через Германию в собственную страну, могла бы вызвать крестовый поход народов, ибо в тот момент не было ничего невозможного"⁵⁰.

Анализируя опыт 1848—1849 гг., публицист Польского демократического общества так говорит о вкладе, который внесли в развитие революционных событий эмигранты демократической ориентации: "Они всюду принимали участие в борьбе за независимость, свободу, не спрашивая, возможна ли победа. Они одни рассматривали принципы братства народов как действительность, а не как звонкую фразу декламатора и делами своими широко разнесли по свету эти принципы"⁵¹.

Не надо, конечно, упрекать автора этих слов в идеализации деятельности польских эмигрантов. Мы знаем, что тяжелые условия изгнаннической жизни, годы долгих ожиданий нового революционного подъема на эмиграцию оказывали свое действие, были причиной ряда заблуждений и отрицательных явлений. Но правда и то, что в моменты революционной ситуации эмиграция — в большей своей части — оказывалась в состоянии духовного подъема и выдвигала из своей среды мужественных и самоотверженных людей, считавших обязанностью служить делу европейской революции.

Если представление о солидарности, которая связывала абсолютистские монархии Европы, восходило еще ко временам феодальной коалиции, направленной против революционной Франции, то в позднейшее время оно было существенно изменено и дополнено. Решающую роль сыграло равнодушие к судьбам Польши, проявленное буржуазно-республиканскими и конституционными правительствами. Уже в 1832 г. Мицкевич предсказывал падение “правителей Франции”, “говорящих о свободе и служащих деспотизму”⁵². Линию “Польского пилигрима” он определил как направленную против всех без исключения европейских правительств. После 1848 г. Я.К. Подолецкий уже с полной четкостью характеризует расстановку политических сил в Европе 30–40-х годов, говоря о родственности стремлений абсолютистских монархий и буржуазных государств.

“Европейский монархизм, — пишет польский публицист, — делился на две большие части — на абсолютный и конституционный. Опорой первого был Николай, второго — Луи Филипп. Эти две на первый взгляд различные и враждебные друг другу системы, по существу, пребывали в согласии и стремились к одной цели. У обеих была одна и та же основа, разница заключалась только в форме. Первая ломала преграды угрозами и силой, вторая обходила их и устраняла при помощи хитрости. Обе взаимно дополняли и поддерживали друг друга”⁵³.

Вторая империя во Франции и война 1853–1855 гг. вновь убедили демократическую эмиграцию в бесплодности надежд на помощь Польше со стороны французского правительства. Ф.К. Завадский в своем обзоре французо-польских политических отношений так высказался на этот счет: “Не хватало открытой, формальной войны Запада с русским царем! И ее мы видели, и она закончилась (вам известно, чем?). Это слишком свежие, но чрезвычайно поучительные события, и если бы ныне кто-нибудь из поляков еще нуждался в подобных уроках, мы усомнились бы в его разуме”⁵⁴.

Справедливости ради следует заметить, что иллюзии относительно французской помощи Польше не были тогда, вопреки выводам публициста, окончательно изжиты. Они сказались, как известно, и накануне и во время восстания 1863 г. Живучести их способствовала не только “наполеоновская легенда”, но и неоднородность тех сил, которые определили облик восстания, приход к руководству им тех кругов, которые боялись радикального аграрного

движения или считали необоснованными надежды на помощь со стороны революций в других европейских странах. Poleмика вокруг данного вопроса велась и в период восстания. Автор статьи "Национальная мысль об интервенции" (опубликована в краковской "Вольности" 17 октября 1863 г.), сторонник "красных", возражая своим политическим противникам, раскрывает те эгоистические соображения, которыми определяется политика Запада по отношению к Польше.

"... Для интересов Великобритании, — пишет он, — наиболее выгодна такая политическая ситуация, при которой Москва должна была бы всегда сторожить Польшу и опасаться ее, такая ситуация, при которой Польша не имела бы свободы, но неизменно надеялась на нее и стремилась к ней, т.е. ситуация, сходная с прежней, времен конгрессовой конституции.. Франции царизм ни в какой степени не угрожает... Будет существовать Польша или не будет, — это не влияет на ее интересы"⁵⁵. Спустя пять месяцев автор статьи "Европа и Польша" (краковский "Постемп") сделал категорический вывод: "Величайшим преступником является тот, кто заявлял народу, что Европа восстановит Польшу; вера в ее помощь погубила нас, парализуя наши собственные силы, способные возродить отчизну"⁵⁶.

Аргументация, основанная на анализе внешнеполитических проблем, международной ситуации, была, однако, в демократической публицистике не единственной. Выводы радикальных демократов опирались и на рассмотрение внутренних событий, классовых конфликтов в буржуазном обществе. Я.К. Подолецкий, например, в работе 1849 г. главное доказательство иллюзорности надежд на французское правительство, перехода французской буржуазии в лагерь контрреволюции усматривает в июньских событиях 1848 г. Характеризуя так называемых "революционных иезуитов", он говорит, конечно, и об их позиции в международных делах, но главным в оценке оказывается, безусловно, социальный облик. Либеральных доктринеров и мелкобуржуазных демократов он обвиняет в том, что, стремясь примирить революцию с существующим порядком, они направили в 1848 г. ее ход по ложному пути и предали интересы народных масс.

"Это они, имея в своих руках силу, — пишет он, — принесли в жертву деспотам Польшу, Италию... они точно так же во имя братства и равенства защищают капитал, как во имя евангелия священники защищали феодальные привилегии; капитал, который они поддерживают, заменил сегодня монархию, духовенство и феодализм и наложил на шею народа ярмо, тяжелее средневекового"⁵⁷. Стремление человека, считающего себя истинным революционером, идейно самоопределившись, отделить себя от половинчатой, непоследовательной демократии является одним из признаков революционного демократизма. Свидетельствует оно и о другом: о восприятии, глубоком и эмоциональном, уроков западного политического развития.

Июньские выстрелы стали для Яна Подолецкого (невольно вспоминаются аналогичные раздумья А.И. Герцена) основанием для

пессимистического вывода относительно окончания эпохи буржуазной революционности на Западе, конца "старого мира". "Просвещенной Европе", не имеющей по мнению публициста, ничего, кроме отрицания и изживших себя старых форм, которыми не может жить человечество, Подолецкий противопоставляет славянство, ощущающее в себе избыток сил, выдвинувшее пророков, которые предвещают наступление новой эпохи. Начало конца буржуазной эпохи он датирует именно июнем 1848 г. "Умирай! — сказал старому миру новый мир на июньских баррикадах... И, в самом деле, всё умирает. Всё, что чует смерть, погружается в болото, поклоняется золотому тельцу и идолам"⁵⁸. Это "всё", что умирало в ощущении польского публициста, было не чем иным, как уходящей в прошлое революционностью буржуазии.

Чем богаче становился политический опыт польских демократов, тем с большей горячностью отстаивали они ту мысль, что противостоять международной реакции может только революционный союз европейских народов. На рубеже 1849—1850 гг. Польское демократическое общество выпустило в Париже брошюру "Революция и Польша". Туда вошла статья "Об ошибках революций 1848 и 1849 гг", автор которой утверждал, что самой крупной и повсеместной из совершенных в эти годы ошибок явилось отсутствие солидарности между народами. Он заявлял, что из-за этого пренебрежения собственными интересами, уроками прошлого революции в европейских странах оказались слабее реакционных правительств, которые в минуты опасности забывали старые несогласия и объединялись друг с другом⁵⁹.

Идея революционного союза народов не была, разумеется, идеей, рожденной на польской почве, в первые десятилетия XIX в. ее проагандировали многие европейские демократы, верные заветам Великой французской революции. Стать под знамя этой идеи польских революционеров заставляла сама жизнь. В обращении Польского национального комитета к народу Великобритании в 1844 г. И. Лелевель писал: "Возникает союз народов, сильный мыслью и делом, требующий великой и кровавой жертвы, способной умолить провидение, ибо только кровь может освятить союз свободы"⁶⁰.

Пятью годами позже, осмысля новейший опыт европейского революционного движения, Я.К. Подолецкий в статье "О внутренних помехах революции" (1850) с еще большей убежденностью и категоричностью говорил о том, что если революционные силы действительно стремятся взять верх над силами реакции, они должны решить главную свою задачу — создание союза наций, достижение единства в общественном мнении, а впоследствии — и в солидарном стремлении к свободе.

Борцы за польскую независимость считали органическим признаком демократа принадлежность к союзу демократов всех стран, к объединению народов, сливающихся в единое человечество. Вот рассуждение автора "Демократического катехизиса" Г. Каменьского, который об "апостолах и сторонниках демократии" говорит так: "Их общая черта — это прежде всего чистая любовь к человечес-

тву; в чьем сердце ее нет, тот обманщик. Демократы всего мира — братья, ибо объединены единой верой... Тот, кто хочет свободы для своего народа, не может желать, чтобы угнетен был какой-либо другой народ и всегда готов прийти ему на помощь". Разъясняется, что демократическое братство не есть космополитизм, отрицание национальности: "Демократ горячо любит свою национальность, и это чувство не противоречит любви ко всему человечеству, а поддерживает ее". Каменьский стремился уловить диалектическое соотношение между международным и национальным аспектом освободительного движения. "Народная вера — одна во всем мире, ибо основана на естественных правах человека, которые всегда одни и те же. Способы применения принципов и достижения целей могут и даже должны отличаться друг от друга..."⁶¹

Такой подход к революционному опыту заставлял польских демократов восставать против ограничения революционных действий национальными рамками. Я.К. Подолецкий в работе 1850 г. "О внутренних помехах революции" писал об этом так горячо, что возникает даже мысль об известной недооценке им внутренних социально-политических преобразований, мобилизации внутренних социальных резервов революции. Одной из помех революционному делу он считал преждевременный переход революции от "военного" ее периода к организационному, к сосредоточенности на упорядочении внутренних дел, к созданию "удушающих" революционный размах парламентских форм.

"Военный" период, считает Подолецкий, не должен заканчиваться свержением старого правительства и назначением выборов, а должен доводиться до решительной победы "общеевропейского дела", ибо отдельно взятая революция "не может быть оазисом в обширной пустыне европейской реакции". Но сразу же после этого автор статьи разъясняет, что он вовсе не против социального углубления революции, а против стремления как можно раньше ввести ее в рамки законности, против пренебрежения внешнеполитическими задачами, направленными на решение главной, на его взгляд, цели: обеспечить устойчивость революционных завоеваний, гарантировать их от посягательств извне. Торопливость в создании парламентского порядка равносильна, как он думает, "строительству дома во время землетрясения".

В упомянутой выше статье "Об ошибках революций 1848 и 1849 гг." публицист Польского демократического общества критиковал Французскую революцию 1848 г. как раз за то, что она не стала "политической и социальной вместе". В то же время он полагал, что международная активность революции может как-то компенсировать недостаточность социальных решений. Если социальная программа еще не выработана, если революционная власть не может еще удовлетворить требования народа и приступить к созданию новой социальной организации, она, как считает автор статьи, должна направить все силы "в сторону политики, вовне", но ни в коем случае не допускать "задержки" революции, ибо это приведет ее к "самоубийству"⁶².

Для обоснования идей революционного сотрудничества польская демократия должна была опираться на уверенность в неизбежности и сравнительной близости по времени общеевропейской революции. Мицкевич уже в 1833 г. призывал рассматривать установленный в Европе порядок “как временный, преходящий, недостойный даже занять собой мысли и перья поляков, погруженных в великие вопросы будущего народов”⁶³. Конечно, подобный эмоционально-поэтический подход был, пожалуй, в польской публицистике скорее исключением. Встречались обоснования иного характера, связанные с историко-философскими концепциями и политическими наблюдениями. У Я.К. Подолецкого, например, идеологическое обоснование неизбежности революции было связано с убеждением в том, что все формы политической организации общества, основанные на эксплуатации человека человеком, себя уже полностью изжили.

Все правительства он называет “открытой и явной формой порабощения и эксплуатации масс к выгоде привилегированных”, “штабом вооруженного патрициата среди безоружных плебеев”, наглым и публичным проявлением “политического цинизма”. “Народ, — восклицает публицист, — знает, слава Богу, что все находящееся наверху — сгнивший и зловонный труп; народ знает, что суть дела заключается в том, должен ли каждый жить собственным трудом или трудом другого”⁶⁴. Ссылаясь на положение рабочих в Англии, Бельгии, Германии, Франции, он приходит к выводу, что не было в истории “большого угнетения трудящихся масс, большого неравенства”, нежели в ту эпоху, “когда на знаменах и в конституции были начертаны слова: *свобода, равенство и братство*”⁶⁵.

Исходным пунктом для обоснования веры в близкую революцию у польского демократа служил не только развернутый анализ социально-экономического состояния общества. Подолецкий отмечал тот факт, что сознание социальных низов вступило в новую стадию — последнюю в многовековой истории эксплуататорского строя, основанного на насилии и обмане. Он считал, что именно в XIX в. “европеец дошел до совершеннолетия”, что именно теперь наступил момент, когда “поднялся король в лохмотьях, с челом, побледневшим от муки, поднялся лишенный наследства монарх земли и потребовал своей доли”⁶⁶.

Демократическая публицистика исходила из того, что даже в случае поражения, временного отступления революции накопление народами политического опыта не отдаляет новый революционный взрыв, а делает его неизбежным, ускоряет формирование революционной армии.

Состояние европейских революционных движений тот же Я.К. Подолецкий характеризовал в 1848 г. с позиций непоколебимого революционного оптимизма: “После шести месяцев напряжения и жертв, после потоков крови, они стоят почти у той же точки, откуда вышли... Но эти шесть месяцев являются в любом случае огромным прогрессом, ибо они принесли опыт, приобретенный трудом и практикой участников событий”⁶⁷.

Ясно, что сторонникам межевропейской революционной солидарности следовало выработать достаточно четкое представление о составных силах того революционного движения в Европе, которое должно было, по их представлениям, победить в недалеком будущем. Еще в начале 30-х годов в публицистике доминировало самое общее указание на ориентацию в определении этих составных сил. В проекте газеты "Постемп" (1834) указывалось, например: "Будут сражаться народы с угнетателями, свобода — с деспотизмом, добродетель — с преступлением, труд — с праздностью, эксплуатируемые — с эксплуататорами"⁶⁸.

Этого простого противопоставления в течение какого-то времени было достаточно для того, чтобы выступать против расчета на государственную помощь извне. А этот вопрос для польских демократов являлся немаловажным. Еще в 60-е годы автору статьи "Национальная мысль об интервенции" приходилось разъяснять: "Никакая нация, восстановленная с чужой помощью, никогда не будет свободной, она всегда останется в ярме зависимости. Все интервенции, известные в истории, подтверждают это. Не было еще случая, чтобы государства, оказывающие помощь, поступали согласно воле и желаниям опекаемых ими народов и не оставили у них следов своего чужеземного произвола: будущих беспокойств и несчастий народов"⁶⁹. Польские демократы не могли при этом не видеть разнообразия социального развития в европейских странах и не учитывать его при уточнении представлений о европейском революционном союзе. Зародыш такого подхода виден уже у автора "Книг польского пилигримства", когда он говорит о спасении "города" (Европы) "от огня" (деспотизма) и называет при этом "уснувших людей" (имея в виду народы, уже созревшие для революции, но еще ее не начавшие, в частности, немцев), "стоящих в дверях" (т.е. о народах, через политические революции прошедших, — французах и англичанах) и "честных людях", бросившихся гасить пожар (об авангарде революции — поляках)⁷⁰.

Спустя 17 лет Я.К. Подолецкий, объясняя те препятствия, которые мешают, на его взгляд, формированию "союза народов", скажет о различиях между странами Западной, Центральной и Восточной Европы и разнице в уровне их социального и политического развития, степени политической свободы и наличии или отсутствии революционных стремлений в массах⁷¹.

К составным силам будущего общеевропейского революционного движения польские демократы безоговорочно относят в первую очередь народы, лишенные национальной независимости. Наряду с Польшей довольно часто упоминаются, например, Италия и Венгрия, а также Чехия и Румыния. "Все наши надежды состоят, — писал в 1856 г. Ф.К. Завадский, — в нас самих и в стольких нам братских и соседних племенах, стремления и цели которых совпадают с нашими и которые хотя ныне ослаблены и обмануты, но с помощью наших усилий выйдут на надлежащую дорогу"⁷².

Демократические публицисты в число этих "братских племен" включали и другую категорию народов, не страдавших от инозем-

ного гнета, но находившихся под властью абсолютизма. Юлиан Госляр писал в своем "Воззвании к солдатам": "Восстают не только поляки, восстают также немцы и москали, ибо и они угнетены вместе с нами, венгры, чехи и итальянцы освобождаются от чужеземного ига, с восстанием они ждут только нас. Сегодня австрийский император дрожит перед австрияками так же, как перед нами, а царь сам не знает, от чьей руки он погибнет — от московской или польской. Сегодня вся Европа, все народы радуются и восстают вместе с нами"⁷³.

Наконец, третьей составной силой европейского революционного движения польские демократы считали поработанные классы буржуазных стран. Возможность их участия в движении мотивируется аргументами социального порядка, ссылками на положение народных низов. Г. Каменьский в "Сравнительном очерке пауперизма" (1843) писал о том, что народы, которые считаются наиболее преуспевшими на ниве просвещения и культуры, "предстают в более мрачном свете, если мы попытаемся основательно рассмотреть их внутренние отношения"⁷⁴. Несколько позже Я.К. Подолецкий говорил как о резерве революции о такой категории населения буржуазной Франции, которая не обладает собственностью, "ничего не имеет", для которой "личная свобода" означает "свободу продавать себя — свободу смерти"⁷⁵. Он полагал, что в буржуазных странах массы, разочаровавшиеся в 1848—1849 гг. в появившихся на политической сцене либералах и буржуазных демократах, приобрели такой опыт, который подталкивает их в ряды революционной армии и который принесет великую пользу делу революции.

На вопрос о том, возможно ли в будущей революции одновременное совместное действие столь различных составных сил революционного движения, польские демократы отвечали утвердительно, особенно после того, как произошли первые классовые бои между пролетариатом и буржуазией. Заметим, что пророческая мысль о таком союзе в польской публицистике была высказана достаточно рано. В одном из фрагментов "Истории будущего" (1835) Мицкевича образовавшиеся во Франции "пролетарские партии, чувствуя, что они слишком слабы, чтобы разбить республиканцев (т.е. буржуазную партию. — *О.М.*), направили депутации к европейской федерации (речь идет об объединении народов, сражающихся за национальную и политическую свободу против абсолютизма. — *О.М.*), взывал о помощи"⁷⁶.

В позднейших статьях того же автора мы находим весьма интересный материал, характеризующий отношение польских демократов к рабочему движению и ранним формам социализма. Этот вопрос для нашей темы очень важен и заслуживает специального рассмотрения. Между восстаниями 1830 и 1846 гг. политическая мысль польской демократической эмиграции обратила сочувственное внимание на делавшее свои первые шаги европейское рабочее движение. Мотивы, которыми такое внимание было продиктовано, определялись целым комплексом причин.

Сыграла свою роль необходимость извлечь политические уроки

из опыта восстания 1830—1831 гг., особенно в сфере его международной ориентации, в выборе союзников, в определении тех политических сил, на поддержку которых польское освободительное движение может рассчитывать. Со всей очевидностью обнаружилось, что западноевропейские буржуазно-либеральные правительства не склонны выступить против политической системы, созданной Венским конгрессом, который санкционировал очередной передел польских земель, что они не будут поддерживать польских восстаний, по крайней мере, в данных условиях. Кроме того, на 30-е годы приходится массовые выступления рабочих (прежде всего лионские восстания), обнаружившие активность рабочего класса и его силу. Эти выступления, как мы знаем, были замечены демократически настроенными представителями польской эмиграции.

Следует сказать также, что польских демократов в рабочем движении в меньшей степени заинтересовали его классовые цели и социальная обусловленность (хотя сочувствие бедственному положению рабочих было несомненным и полнее всего проявлялось в высказываниях наиболее радикальной группы левого крыла эмигрантов⁷⁾), нежели определявшаяся положением и интересами класса его органическая враждебность по отношению к существующей социально-политической системе. В рабочем и социалистическом движении польские демократы близкие себе начала усматривали в идее коренного переустройства общества, считая, что именно оно обеспечит доведение до конца тех революционных и демократических преобразований, которые поставила на повестку для истории.

Наиболее радикальные из польских демократов сразу же почувствовали, что рабочий класс и социализм заинтересованы в демократических преобразованиях, в успехе демократических революций, в торжестве демократии в общеевропейском масштабе. Они пришли к выводу о том, что эта новая общественная сила будет содействовать искоренению национального гнета и сближению народов. Адам Гуровский в 1834 г. писал: "Не те, кто, ничего не имея, трудятся, а те, кто живут в праздности, были до сих пор и во все времена виновниками раздоров, разбоев и войн". Полагая, что "наступило время, когда прекратится национальная ненависть", что "ныне стремления европейских масс" являются "более мирными, нежели воинственными, более связывающими, нежели разъединяющими", он провозглашал: "Пролетариям принадлежит мир и будущее"⁷⁾.

Весьма наглядно такое отношение польских демократов к рабочему движению проявилось в период революционных событий 1848—1849 гг. Можно убедиться в этом хотя бы на материале международной газеты "Трибуна народов", опубликованных в ней произведений демократической польской публицистики. Именно рабочих эта публицистика имела в виду, когда возлагала надежды на народные низы, видя в них подлинных представителей Франции, силу, способную углубить Французскую революцию и "интернационализировать" ее.

Мицкевич в своей статье о "рабочих городах" (25 апреля

1949 г.) настаивал на том, что сила рабочего движения возрастает по мере того, как расширяются его политические и демократические цели, международный масштаб его влияния. Когда публицист убеждал рабочих не верить в “доброту” правящих классов, полагаться лишь на собственную силу, он подчеркивал, что международная солидарность французских рабочих с освободительными движениями за рубежом диктуется его собственными интересами, что от этого зависит улучшение и материального быта рабочих. Классовая социальная борьба для публициста неразрывно увязывалась с политикой, с успехами международной демократии.

Обращаясь к рабочим, Мицкевич подчеркивал, что именно их действия вынудили правительство обратить внимание на социальные проблемы, что “именно революционный и социалистический дух, дух июля и февраля заставил капиталистов признать необходимость заняться, наконец, благосостоянием пролетариев”. Видя в рабочих самостоятельную силу революции, он считал, что они призваны сказать свое слово и в развитии общеевропейского освободительного движения, что международно-политический и социальный аспекты революции между собою связаны, что улучшения своего положения рабочие могут добиться, “лишь встав с оружием в руках на защиту страдающих и обездоленных всего мира, лишь с кличем: “Да здравствует Франция, да здравствует Италия, да здравствует Польша!”⁷⁹

Очень наглядно здесь просматривается отношение к рабочему движению революционного демократа. Конечно, он с пониманием относится и к цели движения, и к положению его участников. Но больше всего ему импонируют решительность действий, самостоятельность выступления, разрыв с буржуазно-либеральной партией, отсутствие веры в добрую волю власть имущих, т.е. все, что связано с тактикой, методами действия и может быть принято на вооружение и революционным демократом.

Необходимо подчеркнуть, что заинтересованность в рабочем движении как в факторе развития международной демократии влияла и на понимание польскими демократическими публицистами самого понятия “социализм”, которое определялось знакомством с различными утопическими учениями. Польский поэт-публицист видел в социализме прежде всего радикализацию демократического движения и определял его именно как “порыв”, как нечто, принадлежащее к сфере чувства. Для него важна скорее степень отрицания существующей действительности, чем предполагавшиеся мыслителями новые идеалы, а тем более рецепты. Вот пример: “Современный социализм есть не что иное, как выражение чувства, столь же древнего, как чувство жизни, это ощущение всего несовершенного, уродливого, ненормального в нашей жизни, т.е. всего, что делает ее несчастной. Социалистическое чувство — это порыв духа к лучшему бытию, не индивидуальному, а всеобщему и солидарному. Мы признаем, что чувство это проявилось с совершенно новой силой, это новое ощущение, которое духовному человеку удалось создать в себе, это новая страсть”. Заметим, что не все в утопическом

социализме автор этих строк одобрял и принимал: решительно не импонировали ему надежды на осуществление утопий мирным путем.

Характерно в этой связи противопоставление доктрины и чувства, сложившегося порядка и не определяемого точно стремления. "Желание и страсть никогда не бывают отрицательными. Желание и страсть — это положительная жизнь души, как проблемы — положительная жизнь разума. Догмат — это истина, пережитая душой в прошлом, аксиома — истина, пережитая разумом тоже в прошлом. Проблема и стремление — это утверждение души и разума, устремленных в будущее. Общество погребает себя в догматах и аксиомах, оно возрождается в стремлениях и проблемах".

И тут же появляется апелляция к всеобщему принципу, стоящему над отдельными лицами и государствами. "Социалисты призывают все отдельные личности и все государства пожертвовать своими правами чувству, которое несет в себе зародыш всеобщего принципа"⁸⁰. Расплывчатость и неопределенность такой характеристики свидетельствовали, конечно, о том, что до более широкого восприятия социалистических идей польская мысль в середине XIX в. еще не созрела.

Глубокое отличие представлений польских демократов о международной революционной солидарности от того интернационализма, который провозгласило вышедшее на историческую арену пролетарское движение, проявлялось, разумеется, и в толковании понятий отечества и патриотизма. Призыв к разрыву с правительствами и существующим строем вовсе не означал и не мог у польских революционеров означать разрыва с утвердившейся в европейском сознании идеей отечества. Мицкевич не случайно утверждал: "Социальное чувство лишь тогда может стать страстью, действием и истиной, когда загорается в душе подлинно религиозных и патриотически настроенных людей". Публицист без особого интереса, подчас даже с некоторой снисходительностью, трактует социальные доктрины и рецепты. Бесконечно более важными ему представляются конкретные политические действия международного масштаба.

"Мы изучили, — пишет он, — сочинения учителей социализма со всем почтением, коего заслуживают усилия пытливых и убежденных умов; ибо во всякой попытке, освященной одухотворением и убежденностью, заключается частица божественного откровения. Однако наше журналистское дело состоит в том, чтобы брать на себя повседневный труд служения всеобщей идее в той мере, в какой она применима, актуальна и имеет непосредственное значение"⁸¹. Под этой всеобщей идеей автор имел в виду торжество международной демократии, победу демократических революций в европейском масштабе.

Недопустимым представляется публицисту невнимание представителя мелкобуржуазного социализма к вопросам международной политики: "В Национальном собрании обсуждались важнейшие международные вопросы. Речь шла об Италии, о Венгрии, о духов-

ной и светской власти папы, об основах национального существования славянских и мадьярских народностей, т.е. тех вопросах, к которым сводится сущность социальной и религиозной борьбы между представителями старой официальной церкви и старых династий, с одной стороны, и религиозными людьми и социалистами нового мира — с другой”.

Поэтому Мицкевич решительно осудил, например, тот факт, что в Национальном собрании “социалистический оратор, оставив в стороне вопросы самые жгучие, вопросы, которые только и занимали членов собрания, пускается в область общих теорий. Практические люди собрания, главари партий, испытанные враги социализма, в глубине души обрадовались этому. Они предоставили социалистическому оратору полную свободу нападать на принципы старого общества, удовлетворившись тем, что за этим старым обществом обеспечено право распорядиться судьбами Италии, Венгрии и Польши”³³.

Революционный опыт, которым располагало польское национальное движение, внушал его идеологам неверие в убеждающую силу социальных проектов, выработанных мыслителями-утопистами в надежде на то, что эти проекты увлекут и поставят на правильный путь верхние слои общества.

Польских демократов устраивало, как мы видим, только такое понимание социализма, в котором будет отведено полноправное место национально-патриотическому чувству. Отречение от этого чувства они считали особенностью либерально-буржуазного сознания. Мицкевич в связи с этим решительно заявлял: “Люди, которые во все времена боролись против всякого религиозного чувства и отрекались от всякого французского национального чувства, — это прирожденные враги социализма”³³.

Таким образом, польская демократическая публицистика рассматриваемого периода свидетельствует, что в выборе союзников для предстоящей борьбы сторонники революционной солидарности не отбрасывали, как правило, ни одного движения, направленного против существующего порядка. Стремления к социальным переменам в той или иной стране польских радикальных демократов не отпугивали, они не считали их только внутренним делом отдельных народов, а, напротив, полагали, что революции не должны замыкаться в национальные рамки, должны приобретать по возможности широкий, лучше всего общеевропейский размах.

Но радикализм такого рода должен был столкнуться с проблемой готовности самой Польши участвовать во всеобщем движении, с решением вопроса о том, какие именно силы польского общества могут и должны влиться в международный революционный поток. Уничтожение польского государства, свершившееся в эпоху борьбы абсолютистских государств против французской революции, выступление восставшей Польши в 1830 г., когда произошли революции на Западе, были источником концепции (примеры уже приводились), что участником борьбы против деспотизма является — в силу особенностей истории и национального характера — польская

нация в целом (конечно, с отлучением явных отступников, социальных групп, смирившихся с чужеземным господством). Вместе с тем уже в 30-е годы анализ внутренних причин неудачи национального восстания и реакция на позицию, занятую Западом в 1830—1831 гг., содействовали выработке воззрений гораздо более радикального толка. Появились публицисты, пришедшие к выводу, что в солидарную армию революционных народов Польша должна вступить, отбросив груз старого наследия, вступить как иная, “нешляхетская” Польша.

Еще в 1831 г. Ян Людвик Жуковский настаивает на том, что поляки должны доказать свое право на поддержку со стороны европейских демократов: “Помните, что пока у нас будет сохраняться барщина, цивилизованные нации будут считать Польшу не европейской страной, а страной худшей, нежели азиатские, и любой зарубежный литератор сочтет, правда, польскую шляхту патриотичной, но способной бороться за отчизну только мечом, а в остальном — темной, глупой, чванливой и варварской”⁸⁴. Тадеуш Кремповецкий в 1834 г. развивает мысль о том, что понимание “национальности”, идущее от “шляхты, помещиков, олигархии, эгоистов” (публицист считает их “ядом” для отечества), это “именно та национальность”, которая “убила Польшу”, это “отрицание национальности, ибо она основана на “религии, учреждениях, законах, обычаях”, не позволяющих “нешляхте обладать собственностью”, ибо она равнозначна “праву владеть людьми как собственностью”. Республиканизм шляхты Кремповецкий считает мнимым, заявляя, что “шляхта была республиканской не из добродетели, а из эгоизма”⁸⁵.

Такой взгляд не мог, конечно, стать даже в демократической среде преобладающим. В размышлениях о будущей национальной революции шляхту нельзя было игнорировать, и в практических планах всегда присутствовал расчет на участие в восстании шляхты, но шляхты просвещенной, патриотической, поступающей с привилегиями, способной убедить народ в своих добрых намерениях и привести его к национальной свободе⁸⁵.

Можно констатировать, что в демократической мысли просматриваются как бы две ступени в толковании международной революционной солидарности. Это не хронологические этапы: разные точки зрения боролись между собой, развитие их и соотношение увязывались с внутренней и международной политической конъюнктурой. Первым по времени возникновения, преобладавшим по распространенности среди участников борьбы за независимость и достаточно долговечным (вплоть до последнего из национальных восстаний) было такое понимание солидарности революционных движений, которое основывалось на принципах буржуазной демократии, идеи ликвидации абсолютизма в Европе, союза народов, стремящихся к политической свободе и равенству и на этом пути примиряющихся, объединяющихся и побеждающих. Решающим условием сближения народов являлось в этой концепции утверждение в каждом из них правильных и вполне современных политических понятий.

Приведем характерное рассуждение Яна Непомуцена Яновского, активного деятеля Польского демократического общества, автора “Краткого политического катехизиса” (1833): “Дело человечества, целью которого является всеобщее счастье, — это дело всех людей и каждого из них в отдельности: следует поэтому ожидать, что чувства человечества образуют по мере развития просвещения связь между народами, которая принесет конец деспотизму. До сих пор народы не осознали общих интересов, испытывая друг к другу давние чувства ненависти... это выгодно лишь тронам и тем, что пользуется всякого рода привилегиями. О если бы люди, о если бы народы прониклись чувством достоинства, поняли, в чем их благо, и на место тронов водрузили бы алтари свободы!” Яновский спрашивает: “От чего зависит освобождение народов?” И отвечает: “...От успехов просвещения, которое облагородит нравы, заставит возлюбить добродетель, презирать пороки и злонамеренность, почитать истину”. Он пишет, что “пропаганда абсолютизма против свободы, кабинетной конспирации в целях порабощения народов, осознанных свои права”, которой занимается “священный союз королей”, называя все это “дипломатией”, “друзья народа” должны противопоставить “конспирацию против абсолютизма, распространение принципов свободы”⁸⁷.

Исторический опыт пробуждал, однако, сомнения в обоснованности такого рода упований. В годы европейской политической стабильности польские эмигранты осознают, что конституционные режимы могут существовать и тогда, когда в ряде других стран достаточно крепок абсолютизм, что народы могут сочувствовать Польше, но не поднимаются на борьбу только ради исправления допущенной по отношению к ней несправедливости, ради того, чтобы принести другим достигнутое у себя.

В 1837 г. деятели Объединения польской эмиграции констатировали: “Великодушие — это пока что индивидуальное и семейное чувство, и не скоро оно, может быть, перейдет ту грань, когда превратится в чувство национальное. Не пришло еще время, когда нужды одного народа станут нуждами других, когда несправедливость по отношению к одному будет ощущаться как несправедливость по отношению к другим. Ныне национальные чувства тождественны национальным интересам”⁸⁸. В журнале “Ожел бялы” неправомерными объявлялись надежды эмигрантов на то, что “иностранный общество, более возвышенное в своих стремлениях, нежели польское, возьмется вдруг за оружие, разорвет свои путы и нас с триумфом возвратит в Польшу”⁸⁹. Возникали мысли о том, что и Европа должна в чем-то измениться, и полякам следует внести в идею революционного единения нечто новое.

В первые годы эмиграции раздавались слова (выше они приводились) об особом характере польского понимания свободы. Одновременно с этим рождалось ощущение того, что буржуазно-демократический идеал характерен лишь для определенной исторической эпохи. Любопытны в этом отношении рассуждения Юзефа Орденги, автора сочинения “О польской народности с точки зрения католициз-

ма и прогресса” (1840). Он исходит из того, что “Бог не объявил человечеству сразу же своей конечной цели, а открывал таковую по частям, в меру людского понимания, и как только осуществлялась одна часть, открывал следующую; так, идя от откровения к откровению, Бог ведет человечество к достижению цели, во имя которой он его сотворил; в этом и заключается прогресс человечества”.

Орденга полагает, что “Французская революция признала основной новой общественной организации свободу, равенство, братство — принципы, к осуществлению которых призвал человечество Иисус Христос, поставила европейские общества на путь их реализации, и никакая сила человеческая с этого пути увести их не сможет”. Но в дальнейшем, провозглашает публицист, “как только поставленная Богом цель будет реализована”, человечество не сможет остаться вовсе без цели, иначе оно “впадет в дезорганизацию, раздробится и погибнет”, и тогда ему будет дана “новая цель через повое откровение, которая охватит собой не только прежние цели, но и более высокие, более обширные”⁹⁰.

Распространение в революционной эмигрантской среде утопически-социалистических идей (Орденга как раз увлекся доктриной христианского социализма) и социального радикализма привело в 30-е годы к выработке уже несколько иной концепции международной солидарности народов. Она означала не просто распространение основ буржуазной демократии на народы, которые к ней еще не пришли, а единение всех европейских народов во имя целей, еще нигде в полной мере не осуществленных и базировавшихся на стремлении к социальной справедливости. Деятели Громад “Грудзёндз” и “Умань”, критикуя проект “Манифеста Польского демократического общества” (1836), защищают принцип “Общей собственности на средства труда”, последствием которой будут “общее воспитание” и “общее между членами общества разделение труда, дающего право на существование”. Они протестуют против того, что эти принципы оппоненты называют “отдаленными целями” или “утопией”.

Объясняя, почему “Запад не проявил участия и не выступил на арену в момент, когда разыгрывалась наша драма кровавого самопожертвования, а призывал гладиатора умереть красиво”, критики “Манифеста” говорят так: “Он уже имел ту собственность, которую вы хотите дать польскому крестьянину, и эта собственность исказила его человеческую природу; эгоизм повелел ему бездейственно смотреть на смерть самоотверженного народа”. Возможность восстановления Польши они усматривают “в предназначении человечества, в последнем слове ширящегося прогресса, к которому должен прийти человеческий род... вопреки ложным доктринам, пытающимся остановить это движение”⁹¹.

Несколько иначе трактует путь к солидарности народов Адам Гуровский, уповая на торжество “бога труда, промышленности”, который “говорит устами всего человечества”, в результате чего “тают и исчезают, как снег под лучами солнца, неприязнь и предубеждения, успокаиваются страсти, братаются народы”⁹².

Насколько велика была открытость польских демократов в поддержке зарубежных оппозиционных движений в их широком социально-политическом диапазоне, настолько широкой являлась и готовность к союзу с революционными выступлениями в рамках отдельных стран и наций. Отношение к ним дифференцировалось, однако, в зависимости от ряда факторов: степени радикальности движения, его идеологического облика, его направленности против режимов, угнетавших Польшу. Здесь нам снова придется обратиться к 1848 г. и к мнениям Я.К. Подолецкого, давшего наиболее развернутый анализ тогдашней европейской революционной ситуации.

Автор статьи "Революция и контрреволюция в Европе" среди движений народов Австрийской империи "разумнее всего взявшимся за дело" считает венгерское ("они уничтожили барщину, организуют национальные вооруженные силы") и, напротив, в "злополучном восстании воеводинских сербов и хорватов" видит "ужасную опасность для обеих сторон к пользе и на радость австрийской реакции". Неудачными Подолецкий считает дипломатические маневры чехов, но разрыв ими "союза с Германской империей" объявляет "смелым и благородным поступком", который "рано или поздно принесет благие плоды". Он воздерживается от оценки положения в Испании, где лишь "недавно дали себя знать республиканские стремления", препятствия для "объединения народов Италии" видит в "злополучном союзе церкви и тронов", зато "революцию в Валахии" считает "настоящей революцией, ибо она коснулась социальных реформ". В германском движении публицист подмечает противоречивость, неустойчивость ситуации, борьбу взаимоисключающих тенденций ("всеобщие выборы, свобода печати, лозунги свободы, равенства и братства, а с другой стороны — пули и штыки при подавлении любой народной манифестации и ставший привычным обстрел городов"), порицает "алчность франкфуртского собрания", которое "достоинство и честность мерит аршином собственной выгоды", стремясь включить в будущую Германию земли с немемецким населением³². Говоря об уроках 1848—1849 гг., Подолецкий ведет речь о "согрешивших" народах, которые проявили "неправильное понимание национальности" и обязаны "показать пример раскаяния и исправления" (французы, немцы, чехи, венгерские славяне, украинцы в Галиции)³⁴.

Высказывалась в радикальной публицистике и мысль о возмездии народам, поправшим христианские принципы и к общему братству не присоединившимся. Зенон Свентославский с позиций своеобразного "евангельского коммунизма" предсказывал в проекте "Законов Вселенской церкви" (1844), что если в результате "долгих преступлений, закоснелости в них, упорного и частого непослушания всеобщей воле существование какого-либо народа принесет вред другим народам", будущая Вселенская церковь "лишит его права на существование, разделит его земли между другими народами или целиком отдаст одному из них, имя его сотрет и язык искоренит..."³⁵. Так допустимость насилия распространялась у революционных мечтателей не только на социальные группы, но и на целые народы.

Особую значимость имел вопрос об отношении польской демократии к освободительным движениям тех народов, которые населяли угнетавшие Польшу страны. Он был во многом критерием демократизма, революционности и приверженности делу интернациональной борьбы за свободу. Переход на демократические позиции обязательно связывался с отказом от трактовки данных народов как единого целого с абсолютистской властью или же ее безгласного орудия и со способностью увидеть в поработанных классах этих стран союзников первостепенной важности, хотя бы в перспективе. Выше уже отмечалось, что демократические публицисты ставили надежды на помощь германской революции в зависимости от активности немецких демократов и их позиции в польском вопросе. Говорилось и о том, что особенно большую важность польские демократы придавали движениям тех народов Австрийской империи, которые не принадлежали к господствующей нации. Здесь можно отметить, что инициаторы национальных восстаний надеялись на то, что они побудят к выступлению невеликорусское население Российской империи. М. Мохнацкий, например, в 1831 г. полагал, что вторжение повстанцев «на Волынь, в Подолию и на Украину» поднимет дух «народов Кавказа, неохотно терпящих русское владычество»⁹⁶.

Что касается связей между польским и русским освободительным движением, история их уже получила обобщенное освещение в нашей литературе⁹⁷. Тут можно ограничиться указанием лишь на некоторые существенно важные обстоятельства. Подлинные демократы в желательности союза между революционерами двух наций на всем протяжении 30–60-х годов практически не сомневались. Более того, очень часто подчеркивалась особая его важность⁹⁸. Ю.К. Завадский, обращаясь от имени Польского демократического общества к патриотам в стране, писал в 1856 г.: «Особенно же мы советуем войти в братские отношения с русскими... показывать им постоянно лучше фактами, чем словами, что польский народ не таит никакой ненависти к русским, но ненавидит только их *немецких царей*... составлять заговор не только самостоятельно, *но и вместе с русскими*... и этот огромный народный *антицарский и неуловимый* заговор расширить на весь славянский мир...»⁹⁹

Двойственность позиции проявлялась тогда, когда возникали сомнения в реальности и быстрой осуществимости союза. Аргументы его сторонников были весомы, когда делались ссылки на конкретные факты (подвиг декабристов, помощь польским конспираторам, деятельность А.И. Герцена, участие русских в восстании 1863–1864 гг. и т.д.)¹⁰⁰. Использовались и ссылки на племенное родство поляков и русских. Но тут возникала и некоторая тревога по поводу того, сохранили ли в себе русские дух славянского свободолюбия. И. Лелевель, активный сторонник польско-русского революционного сближения, писал в 1832 г. в «Воззвании к русским»: «Славянин славянину охотно подает братскую руку. Славянину добровольно помогает вновь обрести свободу»¹⁰¹. Однако он же опасался, что древняя «польская и славянская законность жестоко искривлена на Волге и на Неве» из-за воздействия неславянской стихии¹⁰².

Еще одна важнейшая проблема — отношение польских демократов к национальным стремлениям народов, ранее живших в независимой Речи Посполитой, — литовцев, украинцев, белорусов. В 30–60-е годы она еще не осознавалась как проблема, связанная с интернациональным сотрудничеством народов. Польские демократы не шли далее признания полного равноправия этих народов в возрожденной на новых принципах Польше. Т. Кремповецкий утверждал, что “диктатура идеи” в Польше “стерла бы имена литвина, жмудина, русина, ибо вредна сама мысль о том, чтобы разделиться на провинции”¹⁰³. И. Лелевель заявлял: “Украинец, кашуб, русин, велькополянин или малополянин, литвин, подолянин, жмудин, мазур, вольнянин и сын любой земли давней Речи Посполитой — это поляк, и только в этом имени мы видим свою целостность”. Аргументом служила ссылка на то, что “неизвестное в давней жизни Европы *братство*... уже в минувшие века встретило гостеприимство”¹⁰⁴. Связана такая постановка вопроса была со стремлением к восстановлению польского государства в границах 1772 г., т.е. к устранению того беззакония, каким явились разделы Польши. Изменение данной позиции могло совершиться лишь тогда, когда в Литве, Белоруссии, на Украине возникли и заставили с собой считаться самостоятельные национальные движения.

Удельный вес идеи межнациональной солидарности в программах польской демократии зависел от степени их радикальности и от ситуации в Европе, от веры как в реальность получения революционной Польшей помощи извне, так и в инспирирующую силу польского движения. Эта идея присутствовала в спорах 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. относительно внешнеполитической ориентации восстаний. Особую весомость она приобрела в период с середины 30-х и до конца 40-х годов, когда демократы ожидали революционного изменения политического облика всей Европы и когда радикальные тенденции среди польской эмиграции, а затем и в самой Польше проявились с наибольшей отчетливостью¹⁰⁵.

Традиция сочувствия и поддержки зарубежных революционных движений сохранила реальную жизненность и после 1864 г., в период деятельности польской секции в I Интернационале и в дни Парижской Коммуны. Новый этап в развитии идей международной революционной солидарности наступил в истории польской мысли тогда, когда вышло на сцену рабочее движение и образовались социалистические партии.

1 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1958. Т. 3. С. 743. (Далее: ИПППМ).

2 В “Мемориале”, составленном в 1793 г. для французского министра иностранных дел, говорилось, что “Французская республика стремится распространить во всей Европе принципы свободы и равенства” и, следовательно, стоит перед “необходимостью помочь всем народам, которые желают получить полный суверенитет”. Авторы “Мемориала” констатировали: “В смертельной войне, которую Франция объявила деспотам, главным средством, облегчающим победы ее армий, является организация все новых восстаний, создание все новых и новых врагов”.

- При этом в документе утверждалось, что этот метод более результативен, нежели военные победы, так как он "освобождает Францию от необходимости содержать столь значительные вооруженные силы, как нынешние" (*Kosciuszko T. Pisma. W-wa, 1947. S. 72-73.*)
- 3 ИПППМ. Т. 3. С. 522.
  - 4 Следует отметить, что еще в конце XVIII в. "польские якобинцы" отнюдь не скрывали своей увлеченности идеями, исходящими из Франции. Франтишек Салезий Езерский писал: "В разных государствах Европы голос в защиту прав человека и природы, насилием и гнетом подавляемый, преодолел эти препоны, дошел до ушей и сердец жителей самой передовой части мира, и в разных ее краях начали искренне мыслить и говорить о том, как счастливыми сделать 19/20 населения и защитить их от насилия со стороны двадцатой части" (*Kuznica Kościuszkowska: Wybór źródeł. Wrocław, 1949. S. 38.*)
  - 5 *Nowa Polska. 1831. 1. VII. N 174.*
  - 6 Цит. по: *Limanowski B. Stanisław Worcell. W-wa, 1948. S. 453.*
  - 7 Цит. по: *Kieniewicz S. Przemiany społeczne i gospodarcze w Królestwie Polskim (1815-1830): Wybór tekstów źródłowych. W-wa, 1951. S. 464.*
  - 8 *Мицкевич А. Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 55.*
  - 9 *Dembowski E. Pisma. W-wa, 1955. Т. 4. S. 373.*
  - 10 *Podolecki J.K. Wybor pism z lat 1846-1851. W-wa, 1955. S. 58.*
  - 11 *Dembowski E. Op. cit. Т. 4. S. 83.*
  - 12 *Ibid. Т. 3. S. 417-418.*
  - 13 *Demokrata Polski. 1854. 13.IV.*
  - 14 *Podolecki J.K. Op. cit. S. 57-58.*
  - 15 Следует отметить, что уже "польские якобинцы" отнюдь не отрещивались от методов борьбы, применявшихся народными низами во Франции. Ф.С. Езерский поместил в своем знаменитом перечне "некоторых слов" статью "Фонарь", где с явным одобрением говорилось о методах народной расправы с реакционерами: "Фонари как источник света освещали различные зрелища. Иное дело в Париже в 1789 г. Там фонари, не дававшие собственного света, освещаемые только лучами солнца, послужили виселицами, которые провидение уготовило для вразумления тех, кому оно доверило оказывать правосудие народу" (*Jeziński F.S. Wybór pism. W-wa, 1952. S. 244.*)
  - 16 *Dembowski E. Op. cit. Т. 3. S. 274.*
  - 17 *Kamiński H. Wybór pism. W-wa, 1953. S. 228.*
  - 18 *Dziennik Powszechny Krajowy (Monitor). 1830. 14.XII. N 344.*
  - 19 *Patriota. 1830. 16.XII. N 10.*
  - 20 *Ibid. 1831. 16.I. N 43.*
  - 21 *Мицкевич А. Указ. соч. Т. 5. С. 56.*
  - 22 *Mickiewicz A. Dzieła. W-wa, 1955. Т. 6. S. 177.*
  - 23 *Limanowski B. Op. cit. S. 454-455.*
  - 24 ИПППМ. Т. 3. С. 598.
  - 25 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 555.*
  - 26 *Podolecki J.K. Op. cit. S. 76.*
  - 27 *Mickiewicz A. Op. cit. Т. 6. S. 52.*
  - 28 *Мицкевич А. Указ. соч. Т. 5. С. 49.* Мысль об особой приверженности поляков к идее братства народов стала одной из ведущих в демократической публицистике середины прошлого века. Например, львовская "Рада народова" в 1848 г. писала о том, что свобода, которую Польша "ныне народам предлагает, это уже не нынешняя европейская свобода и равенство всех сословий, вероисповеданий и национальностей, она идет дальше, являясь высшей идеей братства... Это идея новая, чисто польская" (*Rada Narodowa. 1848. 30.IV. N 9.*)
  - 29 *Towarzystwo Demokratyczne Polskie: Dokumenty i pisma. W-wa, 1954. S. 4.* Пропаганда этого тезиса занимала важное место в эмигрантской демократической публицистике. Ян Чиньский писал в журнале "Постемп" в 1834 г. о том, что дело каждого из народов — это "дело всех, в их независимости — залог независимости польского народа, в их счастье — его счастье". "Польша погибла, — рассуждал он, —

- потому что мы были только поляками... Научимся же теперь, что недостаточно быть поляком, прежде всего надо быть человеком" (Postęp. 1834. Ark. 1. S. 8, 30).
- 30 Postępową publicystyka emigracyjna, 1831-1846: Wybór źródeł. Wrocław; W-wa; Kraków, 1961. S. 446.
- 31 Podolecki J.K. Op. cit. S. 113-114. В 1846 г. руководители Краковской революции заявили, обращаясь к соотечественникам: "Все славянство поднимется, как только узнает о вашем восстании" (Dziennik Rządowy Rzeczypospolitej Polskiej. 1846. N 1).
- 32 Поиск специфических особенностей развития и исторически определенного призвания нации был обусловлен получившим в то время широкое распространение философско-историческим толкованием соотношения между общечеловеческим и национальным. "Прогрессивно-романтическая концепция (наиболее характерным представителем которой был Мадзини, а в Польше Лелесель, Дембовский и Либельт), — пишет современный исследователь, — освящала национальные индивидуальности, толковала историю человечества как величественный аккорд, в котором каждая нация — это отдельный звук, а одновременно наделяла нации (в соответствии с их индивидуальностью) историческими миссиями и таким образом включала их в служение так или по-другому понимаемому общечеловеческим целям" (Walicki A. Polska myśl filozoficzna epoki międzypowstaniowej // Filozofia i myśl społeczna w latach 1831-1864. W-wa, 1977. S. 77).
- 33 ИПППМ. Т. 2. С. 162.
- 34 Там же. Т. 3. С. 594. Стремление обосновать демократические лозунги и теории ссылками на идеалы "чистого" (иногда подчеркнуто "некатолического") христианства, не связанного ни с какими официальными институтами, довольно долгое время характерным было для ряда польских поборников международной революционной солидарности. Применительно к 30—40-м годам показательны в этом плане "еретические" тенденции в польском мессианизме. Если же обратиться к временам более поздним, можно сослаться, например, на своеобразные суждения о католицизме и протестантизме Бронислава Шварце в его работах, созданных после 1863 г., не получивших тогда никакого отклика, но свидетельствовавших о живучести данного воззрения (см.: Морозова О.П. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. М., 1975. С. 137-145).
- 35 Lelewel J. Wybór pism politycznych. W-wa, 1954. S. 239.
- 36 К. Бродзинский в речи "О народности поляков" говорил об особой любви польской шляхты к свободе, в результате чего поляки "сумели прийти к вольностям и правам, образом и богатым источником которых послужило первоначальное христианство", что они "стали единственным в Европе народом, который, без кровопролития и насильственного низвержения старого порядка вещей использовал каждую возможность, чтобы постепенно, органическим путем прийти к свободам, которых не обрели другие народы" (Brodziński K. Wybór pism. Wrocław; W-wa; Kraków, 1966. S. 441).
- 37 Mickiewicz A. Op. cit. Т. 6. S. 15-16.
- 38 "Ныне, разумеется, ясно, — писал А. Кийовский, — что именно двойственность польских восстаний лишала их поддержки: зачем державам, осуществившим реставрацию, было поддерживать восстановление границ государства, охваченного социальной революцией, и зачем было прогрессивным партиям поддерживать революцию, целью которой было только восстановление границ?" (Twórczość. 1986. N 7/8. S. 172).
- 39 ИПППМ. Т. 3. С. 511-512.
- 40 Dembowski E. Op. cit. Т. 4. S. 364-365.
- 41 Ibid. S. 373.
- 42 Еще в "Мемориале" 1793 г. заявлялось: "Революция в Польше освободила бы нацию, которая, вследствие своего географического положения, родственности происхождения, обычаев и языка, посредством имеющейся у нее вооруженной силы, способна, единственная из всех, быстро распространить республиканизм в России..." (Kościuszko T. Op. cit. S. 71).
- 43 Nowa Polska. 1831. 2.VII. N 175.
- 44 Lelewel J. Op. cit. S. 223.

- 45 Ibid. S. 232.
- 46 *Dembowski E.* Op. cit. T. 4. S. 242.
- 47 *Podolecki J.K.* Op. cit. S. 78-79.
- 48 И. Лелевель возводил боевые традиции эмигрантов еще ко временам революционных войн конца XVIII в. и приводил в пример поляков, защищавших Цизальпинскую республику, заключивших союз "братства со свободолюбивыми нациями" (ИПППМ., Т. 2. С. 225).
- 49 *Towarzystwo Demokratyczne Polskie.* S. 6-7.
- 50 *Podolecki J.K.* Op. cit. S. 82.
- 51 ИПППМ. Т. 3. С. 528-529.
- 52 *Mickiewicz A.* Op. cit. T. 6. S. 55.
- 53 *Podolecki J.K.* Op. cit. S. 68.
- 54 ИПППМ. Т. 3. С. 596-597.
- 55 *Prasa tajna z lat 1861-1864.* Wrocław; W-wa; Kraków, 1969. Cz. 2. S. 56.
- 56 Ibid. S. 264.
- 57 *Podolecki J.K.* Op. cit. S. 93-94.
- 58 Ibid. S. 121-122.
- 59 См. ИПППМ. Т. 3. С. 526.
- 60 *Lelewel J.* Op. cit. S. 239.
- 61 *Kamiński H.* Op. cit. S. 291-292.
- 62 ИПППМ. Т. 3. С. 463, 465, 522-523.
- 63 *Mickiewicz A.* Op. cit. T. 6. S. 173.
- 64 *Podolecki J.K.* Op. cit. S. 92.
- 65 Ibid. S. 102.
- 66 Ibid. S. 107.
- 67 Ibid. S. 67.
- 68 *Towarzystwo Demokratyczne Polskie.* S. 56.
- 69 ИПППМ. Т. 3. С. 722.
- 70 *Mickiewicz A.* Op. cit. T. 6. S. 27-28.
- 71 ИПППМ. Т. 3. С. 462.
- 72 Там же. С. 597.
- 73 Там же. С. 383.
- 74 *Kamiński H.* Op. cit. S. 23.
- 75 *Podolecki J.K.* Op. cit. S. 102.
- 76 *Mickiewicz A.* Op. cit. T. 6. S. 198.
- 77 Ян Чиньский писал, например, в статье "Будущее рабочих" (1839) о "несчастном, который за грошовую плату трудится, как каторжанин, закрепощенный, в особой мастерской, темной и губительной для здоровья, проводит там целый день, всю свою жизнь. Человек-машина, он не мыслит, его тело истощается, его сердце каменеет, его разум умирает..." (*Filozofia i myśl społeczna...* S. 843).
- 78 Ibid. S. 815.
- 79 *Мицкевич А.* Указ. соч. Т. 5. С. 160-161.
- 80 Там же. С. 142-143.
- 81 Там же. С. 144.
- 82 Там же. С. 145.
- 83 Там же. С. 147.
- 84 *Nowa Polska.* 1831. 10.IV. N 95.
- 85 *Filozofia i myśl społeczna...* S. 801, 803. Креповецкого не пугает, что такая постановка вопроса сопряжена с идеей гражданской войны. Он восклицает: "Гражданская война! А кто ее объявит? Вы, кто хочет эксплуатировать народ. Нет! Это возврат к справедливости, ибо человек не может быть собственностью; это воля народа, которая сама по себе есть закон; это не гражданская война, а возмездие тем, кто взбунтуется против этой воли" (Ibid. S. 806).
- 86 Вот как представлял себе это Ю. Госляр, обращаясь с воззванием к солдатам: "Вся Польша восстает сегодня, польские паны сегодня объединились с польским простым народом, отныне нет панов и крепостных, нет чиншей, барщины и каких-либо еще повинностей... Раньше боролась только шляхта, и то не вся, а с-

- годня все поляки поднимаются на борьбу за свободу и счастье..." (ИПППМ. Т. 3. С. 383).
- 87 *Filozofia i myśl społeczna...* S. 837,839, 841.
- 88 *Postępowa publicystyka emigracyjna...* S. 316. В иной тональности об этом же в 1838 г. говорил И. Лелевель, упрекая Европу, представленную "дипломатическим Западом", в "слепоте" относительно будущего, в "равнодушии" и "коварстве", в нежелании дать полякам ничего, "кроме пристанища" (ИПППМ. Т. 3. С. 225).
- 89 *Postępowa publicystyka emigracyjna...* S. 332.
- 90 *Filozofia i myśl społeczna...* S. 852-858.
- 91 *Ibid.* S. 872, 875.
- 92 *Ibid.* S. 815.
- 93 *Podolecki J.K.* Op. cit. S. 62-67.
- 94 ИПППМ. Т. 3. С. 476.
- 95 *Filozofia i myśl społeczna...* S. 907.
- 96 *Nowa Polska.* 1831. 14. II. N 41.
- 97 *Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815-1917.* М., 1976.
- 98 Это было связано и с надеждой на внутренние факторы революционных перемен в России. Г. Каменьский писал, что, если наступит "коренное преобразование, ведущее к новым отношениям, к совершенно иному порядку вещей", Россия станет ареной революции "самой полной, какую только можно себе представить", что в ней она "возродится и, непобедимая, выступит на бой" (*Kamieński H.* Op. cit. S. 305).
- 99 ИПППМ. Т. 3. С. 603.
- 100 М. Мохнацкий в дни восстания писал: "Разве наши братья, русские, не выкатили своих орудий и не направили их против дворцов своих угнетателей?.. Угнетенные русские, наши единокровные братья и соплеменники, являются союзниками польского дела" (ИПППМ. Т. 2. С. 64). Основание А.И. Герценом Вольной русской типографии в Лондоне дало польским демократам возможность заявить: "Наступило время, чтобы русский народ... перешел на роль деятельного соучастника в великом деле европейского освобождения" (Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. 1. С. 12).
- 101 *Lelewel J.* Op. cit. S. 220. В 1839 г. Лелевель говорил, что "русский элемент проявляется в славянской семье двояко: как государство и как народ" и что русский народ, "проникаясь гражданским духом, нравственно возвышаясь, волнуется, следует примеру Польши и вместе с ней всех славян, своих братьев... призывает на общее дело, на восстановление вольности" (*Ibid.* S. 232).
- 102 *Filozofia i myśl społeczna...* S. 793. Стоит отметить, что в 60-е годы как раз противники русско-польской революционной взаимопомощи, а в 1863 г. сторонники "белых" охотно "пользовались теорией Францишка Духиньского "О туранском происхождении Москвы", о ее неславянстве и об азиатском происхождении царского государства, противопоставляя ей славянскую и европейскую принадлежность Польши" (*Borejsza J.W.* *Emigracja polska po powstaniu styczniowym.* W-wa, 1966. S. 180).
- 103 *Filozofia i myśl społeczna...* S. 807.
- 104 *Ibid.* S. 788-789.
- 105 Демократический публицист восхищается в эту пору "удивительной, поразительной солидарностью всех народов", констатируя, что "европейское общество давно взяло на себя инициативу в великом движении мира к единству и содружеству" (*Podolecki J.K.* Op. cit. S. 109, 110).

Т.М. Исламов

**ФЕДЕРАЛИЗМ
КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ**

Федерация как возможный способ упорядочения национальных отношений и как форма организации крупного многонационального государства в последние два десятилетия уходящего тысячелетия стала таким же объектом пристального внимания широкой общественности и интенсивного изучения со стороны ученого мира, каким она была в середине прошлого века. Окончательно утвердившаяся в системе европейских государств в начале XIX в. Швейцария была тогда единственным полиэтничным государством, основанным на принципах федерации. Большинство из них возникло в середине XIX в., особенно "урожайными" оказались 1860-е годы, когда исторически неизбежным стало преобразование национально-политической структуры империи Габсбургов.

Правда, планы ее реорганизации на федеративных началах появлялись и раньше, о чем речь пойдет ниже, но прежде отметим одну присущую им всем общую черту: эти планы, как правило, зарождались в среде народов, испытывавших национальный гнет и стремившихся от него избавиться. При всей привлекательности идеи национальной государственности как конечной цели формирующейся и борющейся за свое самоутверждение нации, при всей кажущейся бесспорной логичности концепции "нация—государство" ("одна нация—одно государство") уже тогда начало складываться понимание чрезвычайной сложности, если не невозможности обеспечить устойчивые внутренние и внешние в особенности условия существования и нормального функционирования сравнительно немногочисленного народа.

Зажатые между тремя могущественными империями — Российской, Габсбургской и Османской — эти народы в лице своих трезвомыслящих и дальновидных лидеров не могли не задуматься о гарантиях сохранения обретенной свободы. Такую гарантию могла предоставить самоопределившимся народам либо превращенная в федерацию монархия Габсбургов, либо восточная ее половина, т.е. Королевство Венгрия. В свою очередь Дунайская федерация (или конфедерация, поскольку употреблялись оба термина без строго определенной их дефиниции), по замыслу большинства авторов названных проектов, должна была вступить в определенные союзнические (федеративные, конфедеративные) отношения с соседними небольшими государствами, независимыми или полунезависимы-

ми — Сербией, Валахией и Молдовой, [Дунайскими княжествами], а также с будущей независимой Польшей, часть этноса которых находилась в составе Австрии или Венгрии.

Такая широкая федерация или конфедерация, включавшая также будущие независимые Польшу, Румынию и Сербию (или будущее объединенное государство югославян), была призвана обеспечить защиту от внешней угрозы, а также решить очень важную, притом необычайной трудности, задачу свободного национального развития разделенных государственными границами этнических общностей (югославяне, румыны, поляки, украинцы-русины и т.д.) без проведения болезненной и рискованной операции по перекройке исторически сложившейся карты восточной части Центральной Европы. Вторым общим для подавляющего большинства проектов федерации моментом следует считать лежащую в их основе исторически прогрессивную тенденцию к замене устаревших феодально-абсолютистских структур и соответствовавшей им политической надстройки буржуазно-капиталистическими, хотя вопрос о форме государства — монархической или республиканской — далеко не во всех случаях решался однозначно в духе народовласти.

Один из наиболее ранних, если не самый ранний проект федерации, был подготовлен в Венгрии в самый разгар Великой Французской революции, в 1793 г., организаторами и руководителями республиканского движения венгерскими якобинцами И. Мартиновичем, Й. Хайночи и др. Составленный по образцу французской конституции 1791 г. конституционный проект венгерских якобинцев сочетал в себе передовые принципы Великой Французской революции с целями и установками демократического крыла национальной венгерской антигабсбургской и антифеодальной оппозиции. Это был смелый замысел по двум причинам. В нём впервые формулировалась идея организации автономных территориально-административных единиц по этническому принципу, а не по историческому. Кроме того, проект означал разрыв с сословной конституцией королевства — предметом национальной гордости, почитаемой в стране наравне с короной св. Иштвана как символ ее государственного бытия и будущего процветания.

Проект предусматривал федеративное переустройство королевства путем образования в его составе трех национальных провинций: Славоники (в документе употреблены латинские обозначения), в которую предполагалось включить северо-западные комитаты, населенные преимущественно словаками; Иллирики (Хорватия, Славония, Далмация; принадлежность последней к королевству хотя формально и не оспаривалась венским двором, но управлялась она габсбургской администрацией непосредственно из Вены, а также южные комитаты с преимущественно сербским, отчасти хорватским и словенским населением); Валахики (создаваемой из румынских частей Баната и Трансильвании). Предполагалось, что провинции будут пользоваться автономией и самостоятельно заниматься внутренними делами и пользоваться при этом национальным языком¹. Венгерский должен был стать официальным (го-

сударственным) языком центрального парламента — Государственного собрания.

Этот многообещающий план, заложенные в нем радикальные идеи не получили, к сожалению, дальнейшего развития. Разгром венгерского республиканского движения, наступившее торжество реакции в Австрийской империи в середине 1790-х годов, а затем и на всем континенте по окончании наполеоновских войн, повсеместное гонение на малейшее проявление свободомыслия, характерное для Европы эпохи Священного союза, надолго приостановили развитие прогрессивной общественной мысли, сделав практически невозможным появление новых идей и концепций межнациональной солидарности и международного сотрудничества в буквальном смысле этого слова.

Ситуация в корне изменилась в канун европейских буржуазных революций 1848—1849 гг., т.е. в 30—40-е годы, когда постепенное втягивание стран восточной части Центральной Европы в промышленную революцию открыло путь модернизации феодальных структур общества на всех его уровнях. Именно в эти десятилетия у большинства народов региона произошли решающие сдвиги в процессе становления как современных наций с собственным развитым национальным самосознанием, выраженным соответственно в общенациональном литературном языке, и национальной культуре. Одновременно стали четко формироваться, как никогда прежде, и контуры будущих межнациональных конфликтов. Последнее обстоятельство придавало особый смысл и значение вновь появившимся планам и проектам решения национального вопроса в условиях и рамках многонациональных сообществ.

Наличие общности целей и общего врага в виде феодально-абсолютистских империй в лице Австрии, России и Османской империи отнюдь не означали автоматического стремления национально угнетенных народов к сплочению в целях устранения совместными усилиями общего для всех препятствия на пути к прогрессу и процветанию. Скорее наоборот. Как показывает опыт истории освободительных движений империи Габсбургов, лидеры угнетенных наций и национальностей бдительно следили за тем, как бы конкурирующая нация не добилась больших успехов в свою пользу. Именно поэтому практиковавшаяся правительствами империй политика “разделяй и властвуй” почти всегда и безошибочно могла рассчитывать на успех.

Вместе с тем каждый шаг национального движения, например, мадьяр в расширении сферы употребления родного языка вызывал у словаков, сербов, румын Венгрии аналогичные стремления, и на этой почве возникали новые трения и осложнения ввиду нежелания руководства венгерского национального движения идти навстречу подобным требованиям.

Следствием этого было растущее отчуждение и взаимное недоверие между венграми, с одной стороны, и славянами и румынами — с другой. Недоверие же порождало страх: перед панславизмом² у венгров и мадьяризацией — у немадьярских народов Венгрии. В

обоих случаях имела место неадекватная оценка реальных возможностей и политического значения как панславизма, так и мадьяризации. Но реальным фактом было ощущение (считаемое ложным сознанием) угрозы национальному существованию у поработанных австрийским абсолютизмом народов королевства Венгрия. Этот прискорбный поворот к противостоянию у зарождавшихся национальных движений, столь желанный для режима угнетателей, произошел уже в 1840-е годы, т.е. еще до начала братоубийственного вооруженного конфликта 1849 г. Тем большую значимость приобретает любая попытка налаживания политического сотрудничества национальной элиты этих народов. Несомненно существование такой общественной потребности, выразителем которой выступали передовые люди эпохи.

В обстановке одновременного роста напряженности в межнациональных отношениях и подъема освободительных движений, в первую очередь наиболее мощного и хорошо организованного — венгерского, стали возникать новые планы федерации. Один из них принадлежал известному уже тогда деятелю антиавстрийской венгерской оппозиции Венгрии и Трансильвании барону Миклошу Вешшелени, крупному трансильванскому магнату.

В опубликованной им в 1843 г. в Лейпциге книге “Обращение по поводу дела мадьярской и славянской национальности” Вешшелени изложил свой план преобразования Австрийской империи в федерацию с конституционным монархическим строем, которая объединяла бы следующие административно-политические единицы, каждая из которых обладала бы собственной конституцией: Австрия, включая Штирию, Тироль и Силезию; к ней, Австрии, могут быть присоединены также Каринтия и Крайна, но с учетом интересов тамошней “славянской национальности”, Чехия и Моравия; Галиция, как “чисто польская провинция”, Ломбардия с включением в ее состав этнически итальянских территорий Истрии; Далмация вместе со славянской частью Истрии должна воссоединиться с Хорватией—Славонией и образовать одну единую провинцию, которой предстояло состоять “в тесной и нерушимой связи с Венгрией”³.

Автор проекта полагал, что “конституционное родство”, т.е. общность политического строя вступивших в федерацию стран, взаимная уступчивость в соблюдении торговых и иных интересов друг друга, их готовность идти на определенные жертвы способствовали бы “благу общего государства”. Такое конституционное государство, “морально и материально сплоченное”, было бы в силах, по мнению Вешшелени, “прекратить русское влияние на славянское население”, положить конец распространению “яда революционных стремлений”. Концепция Вешшелени, если отвлечься от деталей, была в целом позитивна и прогрессивна, поскольку она исходила из предпосылки замены феодально-абсолютистской системы буржуазно-конституционной. Кроме того, она ломала существовавшую веками и безразличную к этнической принадлежности структуру австрийских коронных земель, которая должна была уступить мес-

то этнически однородным самоуправляющимся странам — членам федерации.

Вместе с тем автор проекта непоследователен. Он не посмел или не сумел, а возможно не захотел распространить этнический принцип организации федерации на собственную страну, т.е. на Венгрию. В основе его проекта лежал принцип неделимости королевства. Единственное исключение было сделано в отношении Триединого королевства — Хорватии—Славонии и Далмации. Но и эта бесспорная уступка мадьярского национализма являлась относительной, ибо венгерская конституция всегда признавала известную обособленность Хорватии в составе земель короны св. Иштвана как “присоединившейся” (ассоциированной) страны⁴. Не оспаривала она и права и привилегии хорватских сословий. Правовой основой вхождения Триединого королевства в состав Венгрии служил факт избрания в 1102 г. венгерской династии королями Хорватии.

Более последовательно, чем у венгров, этнический принцип проводился в подобного рода проектах славянскими деятелями, за исключением поляков, отчасти чехов, предпочитавших опираться в своей борьбе за национальное самоопределение на государственное (историческое) право. Эта тенденция обнаруживается и в известных “Начертаниях” Ильи Гарашанина, министра внутренних дел княжества Сербия. В разработанном им в 1844 г. проекте речь шла об объединении вокруг княжества соседних этнически сербских территорий, отчасти хорватских, каковые им считались тоже этнически сербскими землями, в том числе Черногории, Боснии, Герцеговины, Северной Албании, а также ряда областей королевства Венгрии (Банат, Бачка, Срем). Возрожденное таким образом “Душаново царство” мыслилось как барьер, способный противостоять натиску не только Австрии, но и России⁵. Стремление обезопасить будущую свободу малых народов Центральной Европы от экспансионистских и гегемонистских устремлений северного соседа были признаны практически все известные нам проекты федерации того времени.

Дальнейшее развитие идеи федерализма получили в эпоху европейских революций 1848—1849 гг., важнейшими очагами которой с весны 1848 г. стали Австрия и Венгрия. Революции, как известно, подорвали могущество габсбургского абсолютизма, дали мощный толчок национально-объединительной борьбе итальянцев и немцев в Германии. Именно австрийская и германская революции дали импульс австрославистскому варианту федерализма. Непосредственным поводом для формулирования его программы явилось обращение подготовительного комитета по выборам в Национальное собрание во Франкфурте-на-Майне в апреле 1848 г. к чехам принять участие в работе общегерманского парламента⁶, т.е., по существу, войти в новую объединенную Германскую республику.

В ответ 11 апреля последовало знаменитое “Письмо во Франкфурт” Ф. Палацкого. В письме дано принципиальное обоснование исторической необходимости существования Австрии в интересах всех ее народов, в первую очередь славян, составлявших большин-

ство ее населений. Преобразованная в конституционное федеративное государство Австрийская монархия способна отвести от малых народов угрозу поглощения их Германией и Россией. Дунай, по мнению Палацкиго, представляет собой естественное связующее звено, обеспечивающее совместное существование в этой федерации всем ее членам⁷. Под знаком выдвинутых Палацким идеей австрославистского федерализма проходил созданный в июне 1848 г. в Праге Славянский конгресс, председателем которого был избран чешский лидер.

Предложения умеренно-либерального крыла чешской буржуазии (Ф. Палацкий, Ф. Ригер, П. Шафарик), поддержанные большинством делегатов, вызвали резкое возражение со стороны радикально-демократического крыла: чехов К. Сабины и Й.В. Фрича, польского профессора философии из Познани К. Либельта, русского анархиста М. Бакунина, лидера словацкого национального возрождения Л. Штура, стоявших в целом на позиции разрушения Австрийской империи. Последний, например, отлично сознавал, что создание австрославянской федерации на базе монархии Габсбургов противопоставит славянские народы не только итальянцам и полякам, но и всей прогрессивной Европе. Либельт и его сторонники добивались союза с германской революцией и венгерской в целях уничтожения обеих поработивших Польшу империй — царской и габсбургской.

Нет ничего неестественного в том, что именно польской эмигрантской среде обязаны своим рождением наиболее далеко идущие и радикальные варианты решения национального вопроса в восточной части Центральной Европы на основах федерации. А. Чарторьский и его сподвижники гарантию независимого существования свободной Польши видели в союзе угнетенных народов Австрийской империи против габсбургского абсолютизма, который опирался бы на поддержку Франции. Идея была неосуществима, без преодоления наметившихся после победы венгерской революции глубоких разногласий — венгеро-славянских и венгеро-румынских. Уже начиная с мая 1848 г. Чарторьский и его агенты приложили максимум усилий к тому, чтобы примирить конфликтующие стороны. Имел возможность быть беспристрастным в этом споре, поляки честно добивались компромисса, требуя уступок и от венгров и от их оппонентов.

В октябре 1848 г., когда на юге Венгрии уже развернулись кровопролитные конфликты с вооруженными сербскими отрядами и надвигался конфликт с Хорватией, агенты князя Ленуар (Людвик Зверковский) и Людвик Быстшоновский вели в Белграде, а Будзыньский-Биберштейн в Загребе и Пеште переговоры в целях примирения враждующих сторон. В ходе этих переговоров поляки представили план федерации в составе Венгрии, Хорватии, Сербии и Галиции при французских гарантиях и по образцу швейцарской федерации⁸. Польская инициатива тогда не имела успеха, поскольку революционное правительство Венгрии не было готово идти на федерализацию государства и предоставление права самоопределе-

нил немадьярским народам, а югославянские лидеры — сербский патриарх Раячич и хорватский бан Й. Елашич — связывали осуществление своих целей с венским двором.

Под влиянием польских проектов Николае Бэлческу, министр иностранных дел революционного бухарестского правительства весной 1848 г. развивал идею федерализации швейцарского типа в составе Венгрии, Дунайских княжеств, а также Трансильвании. Это последнее обстоятельство, т.е. включение в качестве равноправного члена федерации Трансильвании, неделимой для венгров части их родины, лишило план Бэлческу всяких шансов на успех. Общественное мнение революционной Венгрии, за редчайшим исключением, было единодушно в своей неуступчивости. Из всех политических течений лишь пештские радикалы решились во время революции поставить вопрос о возможности в будущем превратить в “союзные республики” Венгрию, Хорватию, Трансильванию и населенные словаками области.

Изложенный в двух номерах газеты “Пятнадцатое марта” (от 6 и 10 марта 1849 г.) план федерации его авторы считали делом будущего. Важно, однако, то, что они решительно настаивали на создании основ, на которых должны в будущем быть построены федеративные республики, уже сегодня, не дожидаясь окончательной победы революции. Пештские радикалы призывали правительство революционной Венгрии приступить к осуществлению федеративного плана даже в том случае, если бы удалось “подавить с оружием в руках движение национальностей”, ибо национальное самосознание невозможно задушить силой¹⁰. В эти же мартовские дни, а точнее, 7 марта с аналогичными идеями выступил представитель Венгрии в Париже граф Ласло Телеки.

Прежде чем коснуться существа этих, а также других проектов подобного рода, укажем вкратце на особенности исторической обстановки, сложившейся тогда в империи, в целом и в Венгрии в частности. Зимнее наступление габсбургских армий и их союзников в Трансильвании и на юге Венгрии к этому времени полностью приостановилось. Стратегическая инициатива перешла к армиям генералов Гёргеля и Бема, которые сумели навязать противнику маневренную войну. Затем, в апреле 1849 г., мир стал свидетелем блистательных побед венгерского оружия, и могущественная империя очутилась в критическом положении. Одновременно империя оказалась на грани проигрыша битвы с Венгрией и в политическом, а точнее, в национально-политическом отношении.

Речь идет о успешном и явно опомретчивом решении венского двора обнародовать так называемую Октроированную конституцию от 4 марта 1849 г. и разогнать спустя два дня кремзирский рейхстаг — общеавстрийский парламент. Провозглашенный в этот день — 4 марта — императором Францем Иосифом в Ольмюце (Оломоуц) манифест объявил все страны и провинции, подвластные Габсбургам, в том числе и Венгрию, от которой отторгались Трансильвания, Банат, Бачка, Военная граница, а также порт Фиуме (Риека) с прилегающей территорией и Хорватию—Славонию частями “единой

и неделимой австрийской империи”¹¹. Октроированная конституция, “даровавшая” народам империи равенство в правах, а по существу равенство в бесправии, ибо австрийский абсолютизм ни на что другое не был способен, вызвали у лидеров национальных движений в первый момент смятение, переросшее вскоре в чувство глубокого разочарования. Вместо автономии, на которую они рассчитывали за верное служение трону и империи в борьбе против венгерской революции, они получили бумажную “конституцию”, ничем не гарантированную.

Таким образом, преждевременное раскрытие венской камарильей истинных своих целей и намерений весной 1849 г. создало благоприятный психологический фон для сплочения антиабсолютистских сил¹². О том, сколь разительно изменились настроения в пользу революционной Венгрии свидетельствовало содержание листовок, которые стали появляться в чешских городах в это время. “У чешских горожан и крестьян, — писал Ф. Энгельс, — имя *Кошута* вызывает восхищение и преклонение, как имя Наполеона; в Праге арестовывают людей за провозглашение здравицы в честь Кошута”¹³. О склонности к примирению с венграми свидетельствовали также возобновившиеся контакты с лидерами румын в Трансильвании, успехи примирительных акций Бема там же, переговоры о перемирии венгерского генерала М. Перцеля с командиром сербских отрядов Стратимировичем (Кошут согласился принять лишь одно из двух выдвинутых последним условий: присвоить ему звание генерала армии хонведов, допустить создание на юге страны автономного воеводства сербов он категорически отказался).

Между тем прекращение братоубийственной войны с румынами в Трансильвании и югославянами на юге было первейшим и непременным условием всех политических акций в пользу национального примирения в Венгрии, включая, естественно, и федералистские. Самая значительная в этом смысле акция связана с именем графа Ласло Телеки, соратника Кошута, официального представителя Венгрии во Франции, близко сошедшего там с Чарто-тыским и его окружением.

7 марта, когда Франц Иосиф разогнал кремзирский рейхстаг и провозгласил “конституцию”, в далеком Париже произошли еще два тесно друг с другом связанных, непримечательных на первый взгляд события, которые имели продолжение в Пеште. В этот день Фридьеш Сарвади, личный секретарь Телеки, вручил графу Замойскому, представителю князя Чарторыского (в ответ на предварительный запрос последнего о позиции правительства Венгрии в отношении славян), ответ Телеки. Правительство, говорилось в его письменном ответе, склонно заключить мир со славянами и румынами, обеспечить полное равноправие национальностей, отказаться от приоритета венгерского языка в государственном собрании. В письме также упоминалось о возможности вступления Венгрии, Хорватии и Трансильвании в федерацию с другими провинциями Австрии¹⁴.

Прав, по-видимому, венгерский историк Золтан Хорват, кото-

рый считал, что Федеративная концепция Телеки сложилась к концу 1848 г. Он приводит письмо графа от 7 декабря 1848 г. Отелю Лямбер, адресованное графу Л. Быстшоновскому, в котором говорится о заверениях, данных Телеки от имени своего правительства идти на создание "конфедеративного государства" в составе Венгрии и Триединого королевства (Хорватия—Славония, Далмация), а также далеко идущих уступках в пользу сербов и трансильванских румын¹⁵.

Вернемся, однако, к событиям 7 марта 1849 г. Этим числом датировано исключительно важное письмо графа Телеки Кошуту, в котором граф с присущим ему красноречием убеждал вождя революции согласиться на радикальное решение проблемы. "Мы должны перестроить Венгерское отечество на базе конфедерации", — писал он, — и тогда "наше будущее будет обеспечено". В следующем письме, от 14 марта, развивая свои идеи, Телеки призывал соотечественников последовать примеру Франции в 1789 г. и поднять знамя национального освобождения: "Нам выпала сегодня честь эмансипировать Европу... другого выхода у нас нет, мы должны или взять на себя эту миссию, или пасть". Для этого Венгрия, по его мнению, должна чем-то пожертвовать, а именно отказаться от территориальной целостности исторического королевства. Нельзя ограничиться удовлетворением желаний только хорватов, полагал Телеки, "необходимо примириться с воеводством", т.е. с сербами, дать внутреннюю администрацию "влашскому племени" (самоуправление румынам Венгрии и Трансильвании)¹⁶.

Только таким путем, подчеркивал он, Венгрия завоеует симпатии народов "от Балтики до Черного моря, получит шанс стать центром будущей Дунайской конфедерации, центром ее и королевой". В конфедерацию, указывалось в письме, войдут Сербия, Болгария, Черногория, Дунайские княжества, а также Польша в случае ее восстановления (в данном случае речь шла о согласовании внешней политики)¹⁷. Высшая законодательная власть в федерации, по замыслу автора плана, закреплялась за Государственным собранием, официальным языком которого, т.е. по существу государственным, оставался венгерский.

Значение предложений Телеки состояло в том, что они исходили от ответственного государственного деятеля, а не эмигранта, свободного в своих действиях и поступках, официального представителя венгерского правительства, владевшего ситуацией, способного принять решение и осуществить его. Заслуга графа Телеки в том, что он первым из государственных деятелей Венгрии поставил в повестку дня как конкретно решаемую политическую проблему вопрос о внутренней федерализации венгерского государства с осуществлением автономии на этнической и историко-правовой основе с использованием исторически сложившихся территориально-административных единиц королевства. Это означало решительный и смелый разрыв с вековыми традициями исторического и национального самосознания — о святости и неприкосновенности единства Королевства Венгрии. На этот столь радикальный шаг во вре-

мя революции не были готовы ни сам Кошут, ни дворянское руководство революции в целом.

Находясь вдали от родины, Телеки сумел оценить ситуацию, сложившуюся в стране, более трезво, чем лидеры революционной Венгрии. Он отчетливо сознавал, что предварительным и непременным условием конфедерации свободных государств Дунайского бассейна является справедливое и радикальное решение национального вопроса в самой Венгрии. Постоянное общение венгерского дипломата с эмигрантами из России, Польши, Балканских стран укрепляло его в этом убеждении, способствуя радикализации взглядов Телеки по национальному вопросу. Однако либеральное руководство революции весной 1849 г., в момент смертельной схватки с превосходящими силами многочисленных врагов, еще не в состоянии было расстаться с мыслью о национальной мадьярской гегемонии в многонациональном королевстве даже на условиях предоставления другим его народам права на самоуправление своими внутренними делами. Не дошел до их сознания отчаянный предупредительный призыв-возглас из Парижа: "Умерла не только Австрия, но и Венгрия св. Иштвана!"¹⁰

План Телеки, изложенный в письме Кошуту от 14 июля 1849 г., разработанный, по всей вероятности, не без прямого или косвенного влияния Чарторыского и его окружения, предусматривал образование Дунайской конфедерации в составе Венгрии, Сербии, Дунайских княжеств (будущей Румынии) и Болгарии. Кроме того, в конфедерации, как указывал автор письма, нашлось бы место и для чехов и для мораван. Телеки исходил из возможности и необходимости создания на территории Венгрии автономных областей сербов и других народов, которые также должны были войти в конфедерацию. Эти вопросы являлись предметом обсуждения на встрече, состоявшейся 19 мая на квартире у Чарторыского в Париже. Здесь присутствовали чех Ригер, венгры Телеки, Ференц Пульски и Сарведи; не было только румын.

Участники встречи пришли к выводу, что уничтожение Австрийской империи и лишение трона Габсбургов представляет общий для всех народов монархии интерес. Однако в случае исчезновения с лица Европы империи потребуются создать новое сильное государство на пространстве между Россией, Турцией и Западной Европой. Таким государством могла бы стать Дунайская конфедерация, в сформировании которой особая миссия выпадает на долю венгров, которые своей революционной борьбой против абсолютизма приобрели моральное право в определенный момент призвать народы монархии, в том числе чехов, мораван, иллиров; вступить в федерацию с Венгрией. Австрийские немцы и итальянцы должны были сами решить свою судьбу. Любопытный штрих: участники парижской встречи делили народы Венгрии по степени готовности (и возможности) к самостоятельному существованию на две группы. В первую они включали хорват, сербов и румын, обладавших соответствующими историческими традициями, во вторую — словаков и венгерских немцев.

14 июля 1849 г. Л. Кошут в качестве правителя-президента Венгрии и выдающийся румынский революционер Н. Бэлческу от имени румынской нации подписали "Проект венгеро-румынского примирения". Он включал следующие основные условия пацификации румынских повстанцев Трансильвании: правительство Венгрии признает "румынскую нацию" (румыны, как и другие немадьярские народы, признавались только "национальностью"), в комитатах с румынским большинством населения вводится двуязычие, румынская православная церковь выделяется из сербской и организуется как самостоятельная церковь, повстанцы в течение двух недель складывают оружие и приносят клятву верности "независимости венгерского отечества"¹⁹.

Вероятно, этих двух уступок было уже недостаточно, чтобы полностью удовлетворить румын Трансильвании и Дунайских княжеств, хотя они и далеко превосходили то, чем располагали угнетенные народы в любом другом многонациональном государстве, если не считать Швейцарии. И Бэлческу не хуже, чем кто-либо из его современников и единомышленников, понимал, что окончательное решение национального вопроса румын — дело будущего. Но из всех деятелей национальных движений Австрии и Венгрии Бэлческу оказался, пожалуй, едва ли не единственным, кому суждено было возвыситься над узконациональным подходом к революции, понять и осознать, что спасение венгерской революции и уничтожение австрийского абсолютизма является первоочередной и важнейшей задачей.

В письме к валашскому революционеру Иону Гике от 6 июня 1849 г. он писал: угнетенные национальности "должны сначала общими усилиями завоевать освобождение и только после этого заниматься своей собственной свободой". Будучи предан идее объединения всех румын в едином свободном отечестве (среди просвещенных румын была популярна тогда концепция так называемого "дакороманизма"), Бэлческу считал, что эту задачу можно решить после того, как Дунайские княжества завоюют при помощи революционной Венгрии свою независимость и суверенитет. Как истинный демократ и убежденный революционер, он полагал, что "все те, кто любит свободу, должны поддержать мадьяр, ибо это единственный вооруженный народ, который борется против России и ее союзников"²⁰.

В то же время Бэлческу понимал трудности и другой стороны — венгров, понимал невозможность радикального решения трансильванского вопроса путем присоединения края к Дунайским княжествам. Такой выход затруднил бы сотрудничество двух народов. Румыны не намерены отрывать Трансильванию от Венгрии, писал Бэлческу 29 мая 1849 г., они стремятся к "конфедерации, распространяющейся на Венгрию и Дунайские княжества"²¹.

Создать единый фронт антиабсолютистских сил, предварительным условием которого было бы решение национального вопроса в Венгрии, летом 1849 г. не удалось. 28 июля Государственное собрание приняло специальный закон о национальностях, единствен-

ный в тогдашней Европе, который официально декларировал право на свободное развитие всех народов страны, гарантируя им свободу употребления родного языка в школах, церкви, в местной администрации, судопроизводстве. Будь такой закон принят за год до этого, т.е. весной 1848 г., он, по всей вероятности, предотвратил бы кровопролитие, выбил бы почву из-под ног тех, кто сознательно разжигал межнациональную рознь ради спасения трона Габсбургов. Но закон запоздал и венгерская революция погибла.

Второй, наиболее важный этап развития идей федерации связан с австро-итало-французской войной 1859 г. и дипломатической подготовкой этой войны, когда вопрос о создании конфедерации стран Дунайского бассейна в качестве составной части антиавстрийских планов Второй империи и Королевства обеих Сицилий (Пьемонта) встал на повестку дня европейской политики.

Прежде чем остановиться более подробно на планах конца 1850-х годов, следует отметить, что поиски альтернативы монархии Габсбургов в виде федерации или конфедерации для заполнения вакуума, который неизбежно должен был возникнуть в Центральной Европе вследствие уничтожения Австрийской империи, возникли, в сущности, сразу же после падения революционной Венгрии. Ключом к решению проблемы в любом варианте — монархическом или республиканском — и в любой комбинации возможных участников будущей Дунайской конфедерации по-прежнему оставалось решение национального вопроса в Венгрии и вопроса о месте этой страны в новом сообществе придунайских народов. Инициатива и на этот раз исходила от Н. Бэлческу, неутомимого борца за румыно-венгерское сотрудничество.

При посредничестве лидеров польской эмиграции он завязал переговоры с Телеки, Кошутом и генералом Д. Клапкой, прославившим свое имя героической обороной крепости Комаром, которая стала последним непобежденным оплотом венгерской революции. Однако в 50-е годы положение участников венгеро-румынского диалога изменилось. Эмигрантами без власти и страны стали не только Бэлческу и его соратники. Венгерские лидеры также оказались изгнанниками, насильственно лишенными и власти и родины. Вместе с тем за плечами последних был опыт революции, войны и горечь поражения, являвшаяся результатом их собственной близорукости в национальном вопросе. Кошут и его товарищи тяжело переживали случившееся, но прозрение наступило тем не менее не сразу. Оно оказалось возможным благодаря мучительной переоценке прежних ценностей и переосмыслению национальной трагедии.

Н. Бэлческу понимал, что завоевать свободу и независимость оккупированных русскими и турками Дунайских княжеств нельзя без совместных действий венгров, румын и сербов. Весной 1850 г. он выступил с планом конфедерации трех народов. Соединенные Дунайские государства (штаты), по замыслу автора, должны были управляться общим парламентом и правительством, в сферу компетенции которых входили наряду с иностранными и военными дела-

ми также и вопросы торговли. Проект Бэлческу, изложенный им в Париже графу Телеки и Клапке, предусматривал и федерализацию многонационального венгерского государства, с чем Кошут тогда не мог согласиться. Одновременно проект был доведен до сведения Кошута, находившегося в Бруссе (в Анатолии), соратником Бэлческу Ионом Гикой.

Если Телеки и Клапка проявили склонность принять основные положения румынского проекта, то Кошут решительно его отклонил, полагал, что цель румын — отторжение от Венгрии Трансильвании. Он указывал на практическую невозможность создания в Венгрии автономных национальных областей ввиду чересполосицы поселений, этнической смешанности значительной части страны. В ответ румынский революционер резонно возражал: «Сохранение исторического и политического единства венгерского государства равнозначно самоубийству мадьярской расы». Бэлческу уже тогда предсказывал, что сохранение угнетенного положения славян и румын в Венгрии «вызовет новые столкновения между народами и сделает гражданскую войну постоянной»²².

К сходным выводам пришел и Телеки, который, ратуя за принятие румынского проекта, убеждал Кошута в необходимости признания трансильванских румын нацией и в определенных территориальных уступках в пользу дунайских княжеств. Телеки подчеркивал, что дело венгерской свободы неминуемо потерпит крушение, если руководители нации не найдут в себе мужества и решимости порвать «с узкими контрреволюционными представлениями о территориальной неприкосновенности»²³. Переговоры были прерваны. Бэлческу, будучи уже смертельно больным, отошел от активной политической деятельности и вернулся к своим занятиям историей. Граф Телеки покинул Париж.

Кошут, однако, не пал духом. Он продолжал начатую почти сразу же после вынужденной эмиграции работу над собственным конституционным проектом, которую и завершил в 1851 г. в заштатном малоазийском местечке Кютахья, давшем имя этому проекту. Документ, несколько затейливо названный автором «Предложение касательно будущей организации Венгрии с учетом решения вопроса о национальностях», был предназначен для демократической общественности всей Европы, поскольку он как бы явился ответом Кошута на приглашение Джузеппе Мадзини, экс-президента Римской республики, присоединиться к образованному в Лондоне весной 1851 г. Европейскому центральному демократическому комитету.

Все вопросы модернизации венгерского общества — политические, экономические, социальные и национальные — в нем решались на широкой демократической основе в интересах народа — единственного носителя всякого права. Под «народом» автор понимал совокупность всех граждан «без различия расы, языка и религии». Он предусматривал создание новой децентрализованной структуры государства. Введение всеобщего избирательного права, суда присяжных и других буржуазных свобод в сочетании с предо-

ставлением невенгерским народам коллективных национальных прав должно было, по мнению Кошута, гарантировать целостность исторической Венгрии. Ключом к решению национального вопроса в Венгрии он считал предоставление самоуправления на комитатском и муниципальном уровне с учетом этнонациональной специфики территориально-административных единиц.

Официальным языком комитатов, городов, сел может быть, как говорилось в проекте, язык большинства. При этом следовало неукоснительно соблюдать права национальных меньшинств на употребление родного языка. Тем же принципами надлежало руководствоваться при выборе языка обучения в школах и других учебных заведениях. В проекте Кошута была еще одна плодотворная, но оставшаяся, к сожалению, незамеченной идея решения национального вопроса. В чем-то она походила на будущую австромарксистскую концепцию, до сих пор незаслуженно третируемую теоретиками и практиками национального вопроса. Наряду с национально-территориальной автономией на уровне комитатов и общин Кошут предлагал создать национальные организации на общественных началах (наподобие церковных) во главе с выборными "национальными начальниками", которые координировали бы в масштабах всей страны культурно-языковые дела каждой национальности²⁴. Создание культурно-национальных органов позволило бы устранить неизбежные при наличии одних только национально-территориальных образований недостатки, обеспечить культурно-языковые интересы осколков этноса, вынужденных находиться вне границ области обитания этнического ядра.

Специальный раздел в конституционном проекте Кошута был посвящен решению хорватского вопроса. Предлагалось два варианта его решения: 1. Хорватия—Славония в качестве "ассоциированной" с Венгрией страны сохраняет исторические связи с Венгрией и пользуется при этом полной внутренней свободой и самоуправлением. 2. Хорватия—Славония отделяется от Венгрии и обретает полный и ничем не ограниченный государственный суверенитет. Спорный в венгеро-хорватских отношениях вопрос о судьбе адриатического порта Фиуме (Риека) с прилегающей территорией решается самим его населением путем проведения народного референдума.

Таким образом, "право на самоопределение вплоть до отделения" впервые четко было сформулировано Кошутом применительно к Хорватии. Кошут, однако, не захотел распространить это право и на трансильванских румын. Уклонившись от радикального решения этого вопроса, он ограничился лишь выражением надежды, что демократические преобразования и национальное равноправие румын сделает и для них желанным сохранение края в составе королевства. Кошут проявил готовность отказаться от своей непреклонной позиции в отношении Трансильвании во время Крымской войны, когда вновь возобновились венгеро-румынские контакты.

В октябре 1853 г. во время переговоров Кошута с румынским политическим деятелем Димитру Брэтиану, начавшихся при по-

средничестве Телеки, Клапки и Мадзини, была достигнута договоренность о совместных действиях румын и венгров в случае войны между Австрией и Россией. Кроме того, Кошут обязался после завоевания независимости предоставить жителям Трансильвании самим решить вопрос, желают ли они, чтобы Трансильвания оставалась в составе Королевства Венгрия или же образовала самостоятельное княжество. Иначе говоря, проблема присоединения его к Дунайским княжествам на этой стадии не возникла.

Наступил 1859-й год — важный этап объединения Италии и двух румынских княжеств. В дипломатических канцеляриях Парижа и Турина шла интенсивная подготовка к войне против империи Габсбургов. Империя стала той помехой на пути реализации национальных устремлений целой группы европейских народов: немцев, итальянцев, румын и множества других, населявших империю, устранение которой сделалось не терпящей отлагательства исторической необходимостью. Таким образом, национальным процессам, в которые были вовлечены многие народы Центральной Европы, неизбежно предстояло найти свое завершение в ходе новой войны. Австро-итало-французская война началась в конце апреля 1859 г. Но Кошут еще раньше информировал своих сторонников на родине о готовящейся европейской войне, которая даст возможность венграм возобновить вооруженную борьбу за свою независимость. Кошут призвал нацию готовиться к этой войне и ждать его сигнала к восстанию.

В связи с войной 1859 г. произошло редкое совпадение интересов борющихся за свою свободу и национальную независимость народов Италии, Дунайских княжеств и Венгрии с интересами правителей Второй империи и Королевства обеих Сицилий (Сардинского королевства, Пьемонта). Елисейский дворец, игравший ключевую роль во всех дипломатических комбинациях и дипломатических интригах того времени, пустил в ход все средства, чтобы восстановить против Австрии, находившейся после Крымской войны и Парижского мира в полнейшей дипломатической изоляции, всех ее соседей (возможно, при этом переоценивалась сила Габсбургов). Для Наполеона III, императора французов, Венгрия, как и Дунайские княжества, Сербия и даже Пьемонт были средством для оказания нажима на Вену, а в случае надобности — организации вооруженных диверсий в тылу врага.

Несомненную ценность они представляли для итальянцев, хорошо знавших, что венгры, хорваты, сербы, составлявшие большую и самую боеспособную часть австрийских сил, расположенных в Северной Италии, могут сыграть важную роль в исходе предстоявшей кампании. И лучше всех понимал это Кавур, блестящий руководитель сардинской дипломатии. Он, а также отчасти и французский император в значительной степени способствовали сближению будущих союзников: венгров, румын и сербов. Такому сближению содействовало и избрание полковника Александра Кузы одновременно на престол обоих Дунайских княжеств в конце января 1859 г., что было равносильно объединению последних.

Сразу же после этого события, 7 февраля 1859 г., Кавур в письме генералу Клапке, ставшему одной из ведущих фигур в венгерской эмиграции, указывал, что избрание Кузы обеспечивает поддержку княжеств общему делу итальянцев и венгров. Клапке он посоветовал как можно скорее вступить в контакт с румынским господарем. Понимая, что камнем преткновения на пути венгеро-румынского сближения неизбежно встанет проблема венгерских румын, Бухаресту он рекомендовал хотя бы временно оставить в стороне трансильванский вопрос²⁵. Согласно плану совместных действий, разработанному при участии Кавура, предполагалось поднять восстание в Венгрии и Трансильвании (при поддержке Дунайских княжеств), к которому должны были присоединиться сербы и хорваты. Поставки оружия, предназначенные для повстанцев, предстояло осуществлять по Дунаю через Галац, Браилу и Белград²⁶. Венгерские отряды и союзные с ними силы предполагалось высадить при поддержке французского флота в районе Фиуме, с тем чтобы они продвинулись в Венгрию через Хорватию. Клапка ожидал, что население Хорватии и Военной границы, «уставшее от австрийского ига, воспользуется присутствием французских войск для того, чтобы порвать связи с Австрией и присоединиться к движению венгров»²⁷.

В документе далее говорилось о том, что Хорватия после победы сможет «конституироваться отдельно», т.е. обретет независимость, сама решит вопрос о том, желает ли она вступить в конфедерацию с Венгрией. Продвижение войск с Адриатического побережья к Драве и Дунаю должно было, по замыслу генерала, стать сигналом к восстанию в Банате и Трансильвании и развертыванию в горнолесистых районах этих двух областей партизанских операций.

В переговорах с Кавуром, а также с Наполеоном и его представителем Жеромом Бонапартом Клапка настаивал на привлечении к антиавстрийской операции Сербии, указывая на ее стратегическое значение. Но сначала следовало договориться с румынами.

Ранней весной Клапка отправился в Молдавию, где при посредничестве французского консула и Иона Гики 29 марта он подписал первое соглашение с А. Кузой. На территории княжеств предполагалось создать венгерские склады оружия и военные базы для будущих операций в Венгрии; третью часть вооружений, включая орудия, венгерской стороне следовало передать румынской армии. Венгрия обязывалась оказать румынам содействие в присоединении к княжествам Буковины, «активно помогать правительству Молдавии завоевать Буковину», как говорилось в тексте соглашения²⁸. Стороны договорились о том, что после освобождения Трансильвании Государственное собрание должно вынести решение об унии края с Венгрией; в случае отрицательного решения Трансильвания получит самоуправление. После окончательной победы над общим врагом Венгрия, Сербия, Молдавия—Валахия образуют конфедерацию.

Между тем Кошут продолжал решительно выступать за сохра-

нение Трансильвании в составе Венгрии. В письме от 26 апреля 1859 г. он подчеркивал: "Значение унии неопределимо: без нее сохранение слабой связи в виде прав венгерской короны не будет предохранять мадьярский элемент в Трансильвании от выветривания под давлением численного превосходства валахов, и, вероятно, Трансильвания станет частью соседней Румынии, которая рано или поздно консолидируется".

Пророчество Кошута сбылось ровно полвека спустя после описываемых событий, точно так же, как и опасение, что румынское национальное государство тотчас же после своего возникновения неминуемо предъявит претензии не только на Трансильванию, но и на Буковину и Банат. Так оно и случилось. Несмотря на эти чрезвычайно серьезные противоречия между обеими странами, соглашение тем не менее было достигнуто. Возможно, свою роль сыграла в этом острая потребность Бухареста в завоевании расположения Франции, покровительствовавшей венгеро-румынскому альянсу.

В начале мая 1859 г. Кошут подписал соглашение с императором Наполеоном о восстановлении независимости Венгрии. В нем оговаривалось, что Кошут выступит с обращением к народам Венгрии подняться на вооруженное восстание лишь после вступления французских войск на территорию страны. На следующий день в Париже было сформировано эмигрантское правительство — Венгерская национальная директория в составе: Кошут, Телеки, Кляпка. Кошуту, однако, не удалось добиться с помощью французов русских гарантий на случай нового венгерского восстания. Во время секретных франко-русских переговоров Жером Бонапарт тщетно ставил вопрос о признании Россией независимости Венгрии и добился, по-видимому, лишь обещания о нейтралитете России. Во всяком случае, в переговорах с венграми Жером заверял их в том, что в случае восстания в Венгрии новой, второй русской интервенции не будет³⁰. Быстрое поражение Австрии в войне и молниеносное франко-австрийское примирение перечеркнули эти планы.

1 Benda K. A magyar jakobinus mozgalom története. Bp., 1957. 95 l.; *Idem*. Emberbarát vagy hazafi. Bp., 1978. 166-167 l.

2 О панславизме см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие, конец XVIII-1849 г. М., 1980. С. 518-525; Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм" // Славяно-германские культурные связи. М., 1969. С. 36; Kohn H. Die Slawen und Westen, die Geschichte des Panlawismus. Wien; München, 1956.

3 Erdely Története. Főszerk. Köpeczi Béla. Bp., 1986. III k. 1301 l.; Mérei G. Föderációs tervek Délkelet-Európában és a Habsburg-monarchia, 1840-1918. Bp., 1963. 18-20 old.

4 Kann R.A., David Z.V. The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1516-1918. Scatle; L., 1984. P. 86.

5 Jelavich Ch., Jelavich B. The Establishment of the Balkan National States, 1804-1920. Scatle; L., 1977. P. 63.

6 Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989. С. 275; Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 181.

7 Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие, конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980. С. 394.

- 8 Mérei G. Op. cit. 33 old.
- 9 Bălcescu M. Válogatott írásai. Bp., 1950. 224 old; Bălcescu N. Operé. Buc., 1964. Vol. 4. P. 657.
- 10 Erdély Története. Op. cit. 1420-1421 old.; Marczius Tizenötödike. 1849. 6.III. N 18; 10.III. N 22; Magyarország Története. Bp., 1979. 6.I k. 407 old.
- 11 Zöllner E. Geschichte Österreichs. Wien, 1983. S. 352; Die Habsburger monarchie / Hrsg. A. Wandruszka. Wien; München, 1986. Bd. 3.
- 12 Краткая история Чехословакии. С. 187.
- 13 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 43. С. 292.
- 14 Mérei G. Op. cit. 54 old.
- 15 Horváth Z. Teleki László, 1810-1861. 1 k. 249 old.
- 16 Teleki L. Válogatott munkái. Bp., 1961. 19 old.
- 17 Ibid
- 18 Ibid.
- 19 История Венгрии. М., 1972. С. 172-173.
- 20 Bălcescu N. Op. cit. P. 185-186.
- 21 Bălcescu M. Válogatott munkái. Bp., 1950. 181 old.
- 22 Ibid. 218-219 old.
- 23 Teleki L. Op. cit. 84 old.
- 24 Magyarország Története. 6.1 k. 513 old.
- 25 Kovács E. Népek országutján. Válogatott tanulmányok. Bp., 1972. 243 old.
- 26 Koltay-Kastner J. A Kossuth-emigráció Olaszországban. Bp., 1960. 75-78 old.
- 27 Országos Levéltár (OL). R-295. Klapka György iratai. Affaires de Hongrie. Projets des opérations militaires. 1859. 13 old.; Ghica I. Amintiri din pribegia dupa 1848. Buc., 1889. Vol. 1. P. 85.
- 28 Ibid. P. 43.
- 29 Koltay-Kastner J. Op. cit. 86, 101 old.
- 30 Magyarország Története. 6.I k. 642 old.

С.М. Фалькович

АНТИГАБСБУРГСКИЕ ПЛАНЫ
ПОЛЬСКИХ, ИТАЛЬЯНСКИХ
И ВЕНГЕРСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ
НАРОДОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В 50–60-е ГОДЫ XIX в.

События 1848–1849 гг. в монархии Габсбургов вызвали разочарование в лозунге революционного союза народов. В эти годы некоторые из народов империи, в частности немцы и хорваты, выступили против национальных устремлений других народов. Именно потому, что устремления эти оказались переализованными, задача ликвидации австрийского ига осталась общей для угнетенных народов. Наиболее активно настроенными на борьбу против Габсбургов оказались итальянские, венгерские, польские революционеры, выступления которых в 1848–1849 гг. были подавлены. В 50–60-е годы их союз стал ядром антигабсбургского фронта. Но если для венгерского народа свержение австрийского ярма означало полное решение национального вопроса, то перед итальянцами и поляками, находившимися под властью не одного, а нескольких монархов, стояли более сложные задачи. Это обстоятельство так же, как и наличие различных, порой противоречивых интересов других народов Австрийской империи, не могло не отражаться на польско-итальянско-венгерском революционном сотрудничестве.

В начале 50-х годов имели место лишь отдельные проявления протеста и оппозиции Габсбургам в Северной Италии, Венгрии, Хорватии, Трансильвании, Чехии и других землях Австрийской империи. В этой обстановке задачу объединения демократов и республиканцев всей Европы для подготовки новой всеобщей революции взяла на себя эмиграция. Созданный в 1850 г. в Лондоне Дж. Мадзини Центральный комитет европейской демократии формировался на основе принципа национальности (из делегатов эмигрантских национальных организаций). Кроме Мадзини, в него вошли француз А. Ледрю-Роллен, поляк В. Дараш (после его смерти представителями от руководства Польского демократического общества – ПДО – стали С. Ворцель, а с 1857 г. Л. Булевский), венгр Л. Кошут, румын Д. Брэтиану, делегаты от Голландии и Австрии. Французы, итальянцы, поляки входили в редакцию печатного органа Комитета – “Ле Проскри” (а затем последовательно “Ля Вуа дю проскри” и “Ле Пёль”), который пропагандировал лозунг Соединенных штатов Европы, т.е. превращения ее в федерацию независи-

мых и равных республик — “без царствующей особы и без царствующей нации”¹.

Эта пропаганда, по-видимому, сочеталась с усилиями по налаживанию контактов с национально-освободительными движениями в европейских странах и координации действий. Уже в начале 1851 г. французские власти с тревогой сообщали, что Мадзини ставит целью соединить скорое выступление Гарибальди в Италии с “повстанческим движением во Франции”². В 1850—1851 гг. ЦК выпустил ряд воззваний к народам и национальным комитетам, обращался к немцам, румынам, итальянцам, дважды к полякам.

Последние в лице лондонской Централизации (руководящего органа ПДО) тесно сотрудничали с ЦК европейской демократии. Их орган журнал “Демократа польский” перепечатывал упомянутые обращения и другие документы ЦК, в частности воззвания по случаю годовщины революции 1848 г. во Франции и Ломбардии. В 1853 г., когда после неудачи восстания в Милане у части польской эмиграции возникли сомнения в целесообразности связи дела Польши с именем Мадзини, Централизация взяла его под защиту. “Демократа” проводил аналогию между миланским восстанием и восстанием 1830—1831 гг. в Польше, а самого Мадзини сравнивал с Костюшко, Пулавским, Завишей, Конарским³.

В июне журнал напечатал письмо Мадзини к Централизации с изложением миланских событий, а затем в трех июльских номерах опубликовал “Советы Мадзини людям действия”. В комментарии редакции провозглашались честь и хвала Мадзини за его труды, за твердость и самоотверженность, за пример, идею и совет. Тогда же в письме к английскому деятелю В. Липтону Ворцель отмечал, что характер партии, к которой принадлежит Мадзини, настолько революционен, что его “Советы” не могут быть поняты и оценены английской публикой. “С нами же (т.е. с поляками. — С.Ф.), — писал Ворцель, — совсем наоборот. Наше положение в такой мере аналогично (положению итальянцев. — С.Ф.), что нет какого-либо порицания, обращенного им к итальянцам, которое не было бы горькой правдой в отношении наших партий, к тому же более действительной, поскольку она исходит не от нас”⁴.

Вероятно, под влиянием Мадзини, который акцентировал неразрывную связь между свободой и собственностью и потому выступал как враг социализма, “Демократа” также полемизировал с социалистами, обвиняя их в космополитизме, в том, будто они хотят растворить Польшу в человечестве; он утверждал, что единичей человечества является не человек и не класс, а народ (нация)⁵. Централизация перепечатала статью Мадзини “О национальности и космополитизме” и издала циркуляр против группы польских эмигрантов-социалистов. Раскол среди лондонских поляков привел к тому, что каждое из двух направлений устраивало собственные параллельные мероприятия.

Правда, возник и центр, где обеспечивалось сосуществование взглядов эмигрантов разной национальности и социально-политической ориентации: с конца 1853 г. в типографии польского социа-

листа З. Свентославского на острове Джерси стал выходить журнал "Ль Ом" под редакцией Ш. Рибейроля. Там, в частности, продолжился спор на тему: "национализм" и "космополитизм". В полемике с полковником Пьянциани Ф. Фор писал: "Есть итальянцы, так же как и французы, венгры, поляки, прежде всего патриоты, которые стремятся к свободе родины независимо от той или иной политической и социальной доктрины. Они говорят как демократы: долой иноземцев! Но они не разделяют нашего недоверия и ненависти по отношению к королям и императорам и примут освобождение своей родины от Бонапарта, от Николая так же, как и от Карла Альберта и Пия IX"⁶.

Фор намекал на мадзинистов, хотя вовсе не они стояли на крайнем фланге "внесоциальной" национальной позиции. Патриотизм Л. Мерославского, А. Галланци, А. Барбе вел их к отказу от тесного революционного сотрудничества народов во имя соглашения с правительствами как более выгодными для национального дела партнерами. Барбе, например, предостерегал от того, чтобы Франция "не впала, как Италия, в ошибку ложного космополитизма, потому что и под властью деспота она все равно остается Францией". Но и в Италии "космополитизм" не был общей религией патриотов. Часть демократов и республиканцев во главе с Д. Мачином призывала к "самоотречению во имя национального дела", к поддержке идеи объединения страны под эгидой Пьемонтской монархии. А спустя пару лет и Кошут заявил, что "национальность прежде, чем солидарность", и потому нельзя "отталкивать руки, протянутой Бонапартом"⁷.

Вопрос о "практичности" того или иного патриотического курса получил особую остроту в связи с начавшейся Крымской войной. Польская аристократическая партия Чарторыских (Отель Лямбер) возлагала надежды на вмешательство держав — военных противников России для решения польского вопроса. Централизация и ЦК европейской демократии высказывались против создания легионов в поддержку этих держав. Иную позицию заняла часть членов ПДО во главе с Мерославским, опубликовавшим по этому поводу мемориал, и Ю. Высоцким (последний даже соглашался на восстановление Польши под скипетром принца Наполеона). Мадзини одобрил мемориал Мерославского и выразил в связи с этим свои глубокие симпатии к Польше. "Я не был бы достоин защищать свою итальянскую национальность и любить свободу, — заявил он, — если бы мог забыть или презреть страдания и права других наций, особенно тех, которые, как Польша, борются и проливают кровь за всех нас"⁸.

Наиболее радикальное крыло многонациональной эмиграции выступило против легионеров, так как считало, что народы не должны вмешиваться в борьбу "владык за господство в мире". Очень ярко эта мысль отразилась в статье Л. Савашкевича "Невмешательство народов", где с иронией говорилось о "патриотах", "рыцарях удачи", всегда готовых вступить в любой иностранный легион. Пьянциани на собрании, посвященном 24-й годовщине восстания

1830 г., осудил попытки отделить судьбу Польши от дела освобождения других народов, провозгласил проклятие всем монархиям и призвал Италию восстать. Опровергал надежды на правительства, журнал "Ль'Ом" заявлял: "Мы верим, что польская революция придет лишь с общей революцией". Противопоставить союзу деслотов основанный на общих интересах и стремлении к всеобщему братскому союзу народов как единственную гарантию мира, — такая резолюция была принята 27 февраля 1855 г. в Лондоне на международном митинге в годовщину французской революции 1848 г. Было решено создать комитет из представителей европейской демократии, которые провозглашают принципы всеобщей республики — демократической и социальной — и готовят условия ее установления. Необходимость всеобщей республики разъяснял Ф. Пиа. На примере 1848 г. он подчеркивал, что революция, которая замыкается в себе, неминуемо гибнет⁹.

В возникшее Международное общество вошли англичане, немцы, французы, испанцы, русские, поляки, преимущественно исповедовавшие социалистические взгляды. Польша была представлена членами Революционной громады "Лондон" (Свентославский, Л. Оборский, Г. Абихт и др.), чьи лозунги — "Польская демократическая и социальная республика" и "Соединенные штаты Европы, опирающиеся на социальные и демократические институты" — соответствовали цели "установления всеобщей демократической и социальной республики", которую Международное общество стремилось достичь путем "всеобщей революции", "объединением национальностей и провозглашением истинного права собственности". Общество заявляло о поддержке всех революционных движений, направленных на свержение существующих правительств. В "Ль'Ом" появлялись призывы к объединению славян, сообщалось о соглашении венгерских и итальянских революционеров¹⁰.

Венгры и итальянцы не участвовали в руководстве Международным обществом, которое составило конкуренцию ЦК европейской демократии. Лидеры ЦК не хотели терять позиции в эмиграции и в сентябре 1855 г. обратились с воззванием к республиканцам, выдвинув лозунг: "Свобода всем, братский союз всех!". Они подчеркивали, что вопрос имеет два аспекта: "аспект национальностей (Италия, Венгрия, Польша) и аспект народов". Эта линия была поддержана Ворцелем в ответе от имени Централизации и вновь подтверждена в письме Мадзини, Кошута и Ледрю-Роллена, зачитанном 29 ноября 1855 г. на митинге в годовщину восстания 1830 г. Торжественную дату отметило и Международное общество на параллельном митинге. Его резолюция требовала поднять на борьбу за свободу угнетенные народы, вызвать социальную революцию в Польше, России и других славянских странах¹¹.

Вопрос о Польше выдвинулся в этот момент на одно из первых мест среди животрепещущих проблем в связи с Крымской войной. Не только в эмиграции, но и в самих польских землях сталкивались мнения относительно значения в освободительной борьбе собственных сил народа и иностранной помощи, а также о том, дол-

жна ли это быть помощь правительств или революционных народов. Вопрос об объединении в революционный союз тех или иных народов требовал определения главного на данный момент общего врага. В связи с Крымской войной акцент в этом плане был сделан на Россию, антиавстрийские же нотки звучали лишь в общем антимонархическом хоре. Но, когда обнаружился рост объединительных стремлений итальянцев и наметились перспективы австро-французского конфликта, все польские политические течения были вынуждены скорректировать свой курс, и прежде всего это касалось тех польских земель, которые находились под властью Австрии.

В Галиции тон задавали консерваторы, поддерживавшие тесный контакт с Отелем Лямбер и разделявшие его взгляды. Их планы восстановления Польши связывались с расчетами на ту или иную из великих держав; какое-то время надежды возлагались на Россию, но затем возникла идея создания Польского государства под властью династии Габсбургов. Поддержки этого плана со стороны Австрии и Франции польские консерваторы добивались накануне и во время Крымской войны. Такой курс, диктовавший полный отказ от "компрометирующих" Польшу связей не только с освободительными движениями народов, но и с любой оппозицией этим правительствам, возмущал радикально настроенных демократов Галиции, стремившихся к борьбе против австрийского ига в союзе с другими народами империи. Но они были ослаблены после поражения революции 1848—1849 гг., разгрома революционной организации Ю. Госляра и его казни в 1852 г. и могли лишь помогать эмиграции, активно разрабатывавшей планы совместного революционного выступления в канун итальянской войны.

В это время "Ль Ом" уже не существовал, но "Демократа польский" по-прежнему публиковал выступления Мадзини, хотя порой комментарий к ним журнала звучал скептически. Так, в 1857 г. были напечатаны отрывок из работы Мадзини, посвященный восстанию в Генуе, цитаты из его воззвания о создании европейской партии действия. В конце года появилось письмо Мадзини, Ледрю-Роллена и Кошута, посвященное годовщине восстания 1830 г., в котором говорилось, что свобода Европы невозможна без свободы Польши, и тот народ, кто восстанет первый, должен будет вместе с поляками исправить зло разделов Речи Посполитой¹².

Социалистические элементы в эмиграции с неодобрением встречали эти призывы "буржуазных республиканцев". Именно так был назван Мадзини в воззвании Международного общества "К республиканцам, демократам и социалистам Европы", выпущенном в декабре 1858 г. В результате в Международном обществе произошел раскол, в частности из него вышла часть поляков. Организация польских социалистов — Революционная громада "Лондон" — продолжала поддерживать контакты с Мадзини и пользовалась его советами. 15 февраля 1859 г. в письме к Революционной громаде он советовал Польше ждать восстания в Италии или войны Пьемонта и Франции против Австрии, за которым последовало бы восстание в Венгрии и во всех странах Европы. В конце 1859 г. поль-

ские социалисты получили письмо от Саффи, одного из соратников Мадзини. В 1860 г. Свентославский издал обращение Мадзини "К молодежи Италии"¹³.

Советы Мадзини во многом совпадали с линией освободительной борьбы, намеченной ранее Революционной громадой и одобренной журналом "Демократа польский". В воззвании от 23 мая 1858 г. Громада предостерегала от надежд на Францию и европейскую дипломатию, требовала от польской эмиграции сплотиться, чтобы в будущем помочь восставшей Польше осуществить союз с революциями в других странах. Прозвучал призыв к населению всех польских земель и к народам Европы (прежде всего к русским, немцам и итальянцам) одновременно подняться на восстание. Союзников Революционная громада видела также в венграх; она хотела установить тесные связи и с населением Чехии и Моравии. Выступая против Австрии и Пруссии за объединение славян, она в то же время заявляла, что Польша стремится уничтожить не германские народы, а их правительства, что она борется и за их освобождение. В одном из циркуляров, посланных в 1859 г. в Польшу, Громада подчеркивала необходимость союза всех угнетенных народов и намечала конкретные формы сотрудничества: от каждого польского повстанца требовалась решимость "опрокинуть троны", готовившие заговор против Польши, и после ее освобождения "отправиться на край света, чтобы сбросить всех монархов... и утвердить свободу на месте прежнего рабства". Выдвигая лозунг свержения европейской тирании, Революционная громада рассчитывала главным образом на революцию в Италии и Франции. Она яростно обрушивалась на Наполеона III как на врага и гонителя свободы, запятнавшего себя преступлениями против человечества¹⁴.

А в это самое время парижская группа польских умеренных демократов во главе с Мерославским и Высоцким через принца Наполеона завязала с французским императором тесный контакт. Внешнее вмешательство Франции в итальянский вопрос возбудило их надежды, и печатный орган группы "Пшеглэнд жечи польских" призывал "быть на страже и готовиться". Он заявлял, что "польские эмигранты жаждут бороться за независимость и освобождение народов... чтобы сражаться и умирать с честью под общим знаменем". Взгляды умеренной демократии выражало и женевское издание "Ль'Эсперанс", девизом которого было "неустанно добиваться прав всех народов". Редактор "Ль'Эсперанс" В. Мицкевич близко сошелся с венгерским эмигрантом Л. Телеки, встречался он и с Гарибальди¹⁵.

По поручению Высоцкого Мицкевич вступил в сношения с представителями Гарибальди Кароли и Мордини, а также с венгром Д. Клапкой, который в тот момент вел переговоры с Францией и Пьемонтом. Власти Пьемонта способствовали сближению венгерской эмиграции с Дунайскими княжествами и Сербией, так как предусматривалось во время австро-французско-итальянской войны поднять на восстание мадьяр и румын в Венгрии, Банате и Трансильвании. Поскольку вторжение в эти области должно было

произойти через побережье Адриатики, предполагалось, что к восстанию примкнет и население Хорватии и Воеводины, "уставшее от австрийского ига". Этот план поддержал хорватский эмигрант Э. Кватерник, который в ходе войны вел агитацию среди граничар, одновременно выступая перед союзниками с программой создания хорватского государства. К участию в подготовке разработанных Клапкой военных акций был привлечен также господарь Молдавии и Валахии А. Куза, накануне войны 1859 г. заключивший с Клапкой соглашение о создании на румынской территории венгерских складов оружия. Проводились и венгеро-сербские переговоры¹⁶.

Включиться в эти действия стремились также польские революционеры. Используя в сношениях с туринским правительством рекомендацию Бонапартов, Мерославский одновременно установил контакт с Гарибальди. Он добивался создания воинского формирования из польских добровольцев, стекавшихся в Италию¹⁷ и горевших желанием встретиться в бою с австрийцами. Аналогичный легион из венгров как раз формировался в Италии. Кроме того, на итало-французскую сторону переходили венгерские воинские части, включенные в армию Габсбургов. Такие факты имели место в битве при Сольферино, после которой Наполеон III, считавший свою цель достигнутой, прекратил войну против Австрий.

Подобный исход не удовлетворил не только поляков, которые до получения дальнейших распоряжений отправились в Модену, но и самих итальянцев (в том числе в княжествах Парма, Модена, Тоскана). Об этом писал летом 1859 г. сторонник Отеля Лямбер В. Пониньский. Он подчеркивал, что "такое положение длго продолжаться не может", и возлагал надежды на благоприятное влияние Гарибальди в армии¹⁸. Мадзини также выступил с негативной оценкой войны Наполеона (в работе "Мысль и действие"). Свое мнение он выразил и в письме королю Пьемонта Виктору Эммануилу. Отношения Мадзини с журналом "Демократа польский", в известной мере испытывавшим влияние группы Мерославского, стали более холодными. Произошел разрыв и с Кошутом, который также вошел в сношения с Наполеоном III, связывая с ним надежды на разрешение венгерского вопроса. Энергичные действия Кошута в Италии были зафиксированы тем же Пониньским: "Венгры очень активно трудятся для своего дела, и кажется, что вскоре для них наступит вожделенный миг. Кошут сейчас здесь в Парме и вот-вот вступит в переговоры с князем"¹⁹.

К ходу военных действий в Италии, а также к деятельности там эмигрантских групп разных национальностей проявляла большое внимание партия Чарторьских. Противоставляя позицию умеренных Клапки и Кошута "губительным" тенденциям Мадзини и Гарибальди, консерваторы предостерегали против новых попыток свергнуть Италию "в адскую пучину безумия, грязи и крови"²⁰. Подобной тревогой было проникнуто письмо Пониньского в Отель Лямбер. Если создавшееся после окончания войны 1859 г. напряженное положение сохранится, писал он, "демократия наверняка этим воспользуется и вызовет беспорядки для своей выгоды"²¹.

По этой же причине агенты Отеля Лямбер в Италии следили за действиями Гарибальди, ожидая, что весной 1861 г. он "выйдет на сцену". Они не упускали из виду его контактов с Мерославским. Сторонники Чарторыхских сами стремились договориться с Гарибальди и туринским правительством о создании польского легиона. Они хотели контролировать положение и не допустить осуществления демократической эмиграцией курса на союз итальянских, польских и венгерских революционеров. Последние также являлись объектом пристального внимания эмиссаров Отеля Лямбер в Италии. Фиксировались поездки венгерского эмигранта генерала И. Тюрра в Милан, Турин. Об успехах переговоров Кошута с туринскими властями насчет создания воинской части писал Чарторыхским не только Пониньский, но и Ф. Бреаньский. 23 ноября 1860 г. он сообщал, что хотя о таком формировании не говорится открыто, но уже шьются мундиры для венгров — участников Добровольческого корпуса. Он подозревал, что утечка информации об этом не случайна. Видимо, существовал расчет оказать давление на Австрию. В то же время, как полагал Бреаньский, венгры не были заинтересованы в формировании польского легиона, так как это могло бы вызвать реакцию России и затруднить их собственное дело. Другой причиной, по его мнению, являлось опасение, "чтобы мы во главе славянского мира не стали им препятствием для объединения с определенной их частью"²².

Эти моменты, казалось, должны были бы несколько успокоить деятелей аристократической эмиграции по поводу союза Кошута с Мерославским. К тому же и самого Кошута они не считали "крайним" радикалом по сравнению, например, с Мадзипи. Правда, информация, которая к ним поступала из империи Габсбургов, свидетельствовала о решимости венгерских патриотов. 7 декабря 1860 г. корреспондент Чарторыхских из Вены писал о положении в Венгрии: "Умеренная партия еще надеется сдержать движение, но ее опередило общественное мнение страны, которое требует не только избирательного закона 1848 г., но и уступок в либеральном духе для других провинций монархии. Эти требования служат лишь предлогом для патриотической партии, которая стремится к решительному разрыву в целях отделения Венгрии от Австрийской монархии"²³.

Чтобы точнее выяснить настроения оппозиции в Венгрии, информировать о них краковских консерваторов и Наполеона III, Отель Лямбер в начале 1861 г. послал туда А. Горайского, а вскоре и других эмиссаров. Уже в феврале 1861 г. пришло донесение о позиции венгерских политических партий. Подчеркивалось, что движение венгерского народа, хотя и "законное" (опирающееся на конституцию 1846 г.), все же является революционным. В донесении сообщалось, что венгерские консерваторы против революции, но из-за австрийского гнета после 1849 г. они были вынуждены сблизиться с движением. Отмечалась "выдержанность" либералов, самой большой и сильной партии, которая поднимет народ, только если начнется война Австрии с Италией или другой страной и

произойдет интервенция в Венгрию. Указывалось и на осознание консерваторами и либералами необходимости объединения перед лицом угрозы захвата руководства "красными", которые пока не очень сильны, но в случае возникновения революции могли бы быть весьма опасны. По мнению автора донесения, революцию в страну "несут" популярные в народе эмигранты во главе с Кошутом²⁴.

Анализ расстановки политических сил в Венгрии, естественно, приводил Отель Лямбер к выводу о желательности союза с "умеренными" венгерскими партиями в борьбе против австрийского централизма, за автономию народов в империи Габсбургов, которую предполагалось преобразовать в федерацию пяти "исторических" земель. Венгры воспринимались польскими консерваторами как влиятельный союзник. По мнению краковского корреспондента Отеля Лямбер, издание Габсбургами так называемого Октябрьского диплома 1860 г., означавшее некоторое ослабление централизма Вены, было продиктовано страхом перед Венгрией и наличием угрозы со стороны Италии²⁵.

Наряду с венграми в роли активных союзников галицийских консерваторов выступали чехи. Польское коло (депутатская фракция) в рейхсрате стремилось подключить к борьбе за федерализм и другие славянские народы Австрии. В отличие от Отеля Лямбер, видевшего в Галиции "польский Пьемонт", а в ее автономии шаг к возрождению Польского государства, галицийские деятели не выдвигали общепольских планов. Общим же для всех польских консерваторов (да и для правого крыла галицийских либералов) было австрофильство. Их попытки договориться с Венной не прекращались.

Эта лоялистская позиция вызывала возмущение леволиберальных и радикальных элементов в Галиции, тесно связанных с революционной эмиграцией, а также с патриотами в Королевстве Польском, где с конца 50-х годов начался подъем национального движения. В начале 60-х годов это движение достигло большого размаха, возникла конспиративная организация, ставившая задачу подготовки восстания против царизма. Левое крыло движения видело в этом путь к восстановлению Польского государства и рассчитывало, что борьба перекинется и на Галицию. К тому же стремились галицийские радикалы, считавшие сложившуюся в Австрийской империи и в Европе обстановку особенно благоприятной для достижения поставленных целей. Начавшийся в государстве Габсбургов глубокий кризис нашел выражение, в частности, в нарастании на разных концах империи волны общественного движения, как легального, так и выходящего за рамки "законности". Одним из главных его центров в начале 60-х годов оставалась Италия, народ которой не достиг цели воссоединения в результате войны 1859 г. (из итальянских владений Габсбургов свободу получила лишь Ломбардия). Итальянскому народу еще предстояло вырвать из-под их ярма Венецию, бороться за свержение реакционных Бурбонов на юге Италии, за освобождение Римской области от власти папы. Именно подъем народного революционного движения, связывавшего

надежды с именем Гарибальди, побудил туринское правительство к активным действиям против папы и Франциска II Неаполитанского. В отряды гарибальдийцев устремились не только 20 тыс. итальянских патриотов, но и революционно настроенные добровольцы разных национальностей.

Значительную долю среди них составляли польские эмигранты, принадлежавшие к демократическому лагерю. Большею частью это были молодые люди, не имевшие в Италии средств к существованию, жившие за счет помощи итало-польского комитета в Турине²⁶. Они с энтузиазмом сражались за дело Италии, воспринимая это как борьбу и за дело Польши, против одного из ее угнетателей. Продолжать борьбу против Австрии они намеревались и после того, как освобождение Неаполя и Папской области армией Гарибальди и Пьемонта привело к воссоединению итальянских земель в единое государство во главе с королем Виктором Эммануилом. В то же время развитие событий в Королевстве Польском рождало у польской молодежи в Италии надежду на скорое выступление и против другого врага — царской России. Росло стремление польской эмиграции перед лицом предстоящей борьбы подготовить свои военные силы.

Еще в 1859 г. поляки-гарибальдийцы пытались создать под видом интернационального польский легион для вторжения в Венецию, а оттуда в глубь Австрии. В 1860 г. Гарибальди сформировал польский отряд в Неаполе под началом М. Домагальского. Демократический французский Комитет итальянской независимости в Париже рекомендовал Гарибальди назначить командующим Мерославского. Последний, используя рекомендательные письма принца Наполеона и К. Нигры, вел переговоры о легионе с Гарибальди на Капри, Виктором Эммануилом в Неаполе и К. Кавуром в Турине. Польский революционер, представивший план комбинированных действий итальянской армии и интернационального легиона в сочетании с антиавстрийскими восстаниями в Польше и Венгрии, вызвал горячую симпатию Гарибальди, который писал 30 декабря 1860 г. о “неограниченном доверии” к нему. В то же время Мерославский занимал позицию недоверия к иностранным революционерам, подозревая их в стремлении использовать в своих интересах польское дело. В действительности же именно он, считавший это дело самым важным, пренебрежительно относился к интересам других народов. Авторитет Гарибальди был нужен Мерославскому для укрепления собственных позиций. Он афишировал свои связи с Гарибальди, распространял полученные от него письма²⁷.

Распространялся и документ, озаглавленный “Выводы из соглашений между генералами Мерославским и Гарибальди, утвержденных 26 января 1861 г.” В документе говорилось: “Достижение, увенчание и упрочение итальянской независимости зависит уже не от одной Италии, но должно осуществиться далеко за ее пределами, на основе гарантии коалиции восстающих повсюду народов”. Отмечалась необходимость для Италии “прежде всего разделить австрийское чудовище между пятью нормальными национальностями,

включенными в его состав, не считая Венеции. Этот предполагаемый распад выделит Галицию, возвращающуюся к своему польскому целому; немецкие страны, возвращающиеся к своей германской автономии; Венецию, возвращающуюся в Итальянское государство; Чехо-Моравию, собственно Венгрию и Югославию

Такой цели должен был служить тесный союз упомянутых пяти национальностей, “без какого-либо предпочтения одной из них под угрозой снова, как в 1848—1849 гг., нарушить всю нашу конфедерацию к выгоде австрийского коварства”. Автор документа Мерославский указывал на союз трех держав, разделивших Польшу, а также напоминал о том, что царский указ квалифицировал революционную деятельность, направленную против Австрии, как нацеленную и против России. “Поэтому, — заключал Мерославский, — раздел Австрии и обеспечение итальянской свободе надежных границ в конечном счете основывается на воскрешении целой польской державы. Отсюда и кардинальное утверждение, что без польского восстания ни одну из международных проблем не только решить, но и сформулировать нельзя”. На этом основании Мерославский ставил задачу обеспечить польское восстание как внутренними силами народа, так и внешней помощью в создании вооруженного легиона. Легион, этот “внешний рычаг”, поручался Гарибальди “как причитающийся от Польши контингент, дай Боже, последнего в истории христианства крестового похода”.

Призывая поляков к сбору средств на создание легиона, Мерославский подчеркивал, что этого требует честь нации. Он сетовал на то, что на предыдущем этапе гарибальдийской войны полякам, “которые когда-то бросали римлянам как милостыню золотые подковы с коней своих посольских выездов”, пришлось из-за недостатка средств на организацию собственной воинской части выступать под командой венгров, в хвосте их гусарского отряда. Мерославский выражал надежду, что благодаря легиону давняя мечта Г. Домбровского “пробиться через живую Австрию к мертвой Польше осуществится тем более легко, что ныне нужно пробиваться к живой Польше через мертвую Австрию”. Он писал: “Австрийская развалина — это лишь одни из ворот, через которые Легион пробьется в лоно Нации, так же, как и Италия — лишь один из опорных пунктов нашего похода. Сегодня эти ворота наиболее сподручно нам выломать, поэтому через них мы протягиваем руки к Польше. Сегодня эта опора наиболее гостеприимна для нас, поэтому отсюда мы призываем братьев к боевой готовности. Но завтра, быть может, еще и другие ворота распахнутся перед нашим знаменем, и, возможно, представится нам более удобная опора”²⁸. Таким образом, уже в этом воззвании Мерославский обнаружил и потребительский подход к революционному интернациональному сотрудничеству, и ревнивое отношение к успехам других народов. Правда, в воззвании Венгрия ставилась в пример того, как должно охватить идеей борьбы весь народ, чтобы для чужеземных властей стала манифестом “безымянная явность”. Пример для Польши Мерославский видел и в том, что Италия на пути к свободе использовала

тактику обращения к западным державам, давления на них в цель, вызвать их вмешательство. По существу, эта позиция была близка концепции освобождения Польши, разработанной Отелем Лямбер. Общими для Мерославского и Чарторыских являлись бонапартистские симпатии и надежды. Противник монархии Мерославский даже прочил принца Наполеона на престол будущей Польши²⁹.

Провозгласив идею создания легиона и подготовки к восстанию в Польше, сигналом к которому должно было послужить начало борьбы за Венецию, Мерославский призвал добровольцев собраться под его знаменем. На призыв откликнулась молодежь, пробиравшаяся из Королевства Польского и Галиции в Италию через Париж, Дунайские княжества, Турцию. Материальное положение ее было тяжелым и, не получая от Мерославского реальной помощи, а в то же время стремясь к немедленному действию, молодые люди стали разрабатывать собственные планы, в частности малореальный в тех условиях план экспедиции в Палангу весной 1861 г., якобы поддержанный Мадзини и Гарибальди. Последний, несомненно, не оставил без внимания молодых польских патриотов; по его инициативе был создан комитет во главе с И. Оккипинти, собиравший средства на помощь полякам. В значительной мере благодаря этим средствам в октябре 1861 г. создалась возможность открыть в Генуе школу для военного обучения польской молодежи³⁰.

Правда, Мерославский приписывал себе заслугу организации и финансирования военной школы. Создать такие школы он планировал в Генуе, Неаполе, Сицилии, Сербии, Швейцарии. Летом 1861 г. он ездил на Капри для бесед с Гарибальди, затем совещался с молодыми эмигрантами в Генуе и снова вел переговоры на Капри.хлопоты Гарибальди и рекомендации принца Наполеона заставили поначалу колебавшееся туринское правительство решиться на открытие школы. Число учеников уже в ноябре выросло с 49 до 70, а к концу года до 120 человек. Всего через школу прошло около 300 польских эмигрантов, большинство из которых принадлежало к Обществу польской молодежи — организации демократического и революционного направления. Его левое крыло (М. Акелевич, З. Падлевский, Я. Амборский и др.) стремилось к союзу с революционными народами Европы. В Италии члены Общества поддерживали связь с гарибальдийцами и самим Гарибальди. Падлевский представлял школу в сношениях с итальянцами, выступал от имени польского народа и польской эмиграции в Италии.

Самостоятельная деятельность молодежи не входила в планы возглавившего школу Мерославского. Его личные амбиции и претензии очень скоро привели к конфликтам как внутри школы, где сталкивались сторонники и противники генерала, так и вне ее. Плохое впечатление на итальянскую общественность произвело столкновение Мерославского с комитетом Оккипинти из-за денежного фонда. А вскоре из школы ушла большая группа учеников (по некоторым данным, связанных с Мадзини), которая при поддержке итальянских властей отправилась в Турцию, а затем в Молдавию. Хотя Гарибальди в конфликте с комитетом поддержал сторону Ме-

рославского, отношения их становились все более холодными, так как интриги “красного генерала” громко осуждала и сама польская эмиграция.

Генерал М. Рыбинский в открытом письме к Гарибальди от имени всех поляков призвал порвать с Мерославским и отстранить его от руководства школой. Письма подобного характера направляли и другие эмигранты; происходил сбор подписей под адресом к Гарибальди против Мерославского. В результате Гарибальди в ответе Рыбинскому обещал поддержать того кандидата на роль вождя эмиграции и руководителя школы, которого выдвинут сами поляки. И хотя Мерославский пытался вновь обращаться к Гарибальди, черня своих противников, в феврале 1862 г. он вынужден был передать школу М. Любомирскому, рассчитывая, однако, что через него будет осуществлять свое влияние.

К скандалу, разгоревшемуся вокруг школы в эмиграции, прибавились и внешнеполитические трудности итальянского правительства, стремившегося к признанию Италии Россией и Пруссией и не желавшего обострять с ними отношений из-за поляков. Возникла необходимость перевести школу в более тихое место, дав ей другого директора. Кандидатуру Высоцкого на этот пост выдвинула эмиграция в начале 1862 г., но переговоры итальянских властей с ним и Любомирским, а также с бешено сопротивлявшимся этому плану Мерославским продолжались до конца марта. Перевод школы в Кунео 1 мая 1862 г. был торжественно отмечен итальянцами, предоставившими польской молодежи все необходимое для жизни и учебы. Но просуществовала школа недолго, так как споры и скандалы в ней не прекращались, а Россия и Пруссия требовали ее ликвидации взамен признания ими Итальянского королевства. Поэтому уже в июне правительство уведомило Высоцкого о закрытии школы, заключив с ним секретное соглашение о переводе ее в другую страну и о компенсации. Однако Мерославский атаковал в печати эту “сделку”, и из-за огласки она была сорвана. В результате часть учеников уехала во Францию, Молдавию, Турцию, но большинство осталось в Италии. Некоторые вступили в итальянские военные школы, другие выехали в Турин, Флоренцию, Неаполь.

Демократическая итальянская общественность отнеслась к ним сочувственно. На заседании палаты в Турине депутат Мордини осудил закрытие школы и заявил: “Италия не должна забывать о том почтении и благодарности, которыми мы обязаны великодушной Польше за то, что она страдала во имя блага свободы народов”. Он напомнил также, что итальянская революция “означает за границей гражданскую и религиозную свободу”, и потому она должна быть сильной³¹.

Это мнение разделяли те польские эмигранты, которые ожидали дальнейшего развития итальянской революции. В связи с пребыванием Гарибальди в Трескорре в мае 1862 г. распространились слухи о подготовке экспедиции в Южный Тироль. Из Милана общались о концентрации австрийских войск в Венеции и на тироль-

ской границе, а также о движении по направлению к ней бывших добровольцев и эмигрантов разных национальностей. Движение усилилось после того, как туринское правительство распустило корпус генуэзских карабинеров, а часть эмигрантов и легионеров арестовало или выслало из Северной Италии. Меры правительства вызвали протест Гарибальди, готовившего летом 1862 г. легион для атаки на Рим³².

Переговоры об участии поляков в экспедиции вел Падлевский, встречавшийся с Гарибальди на Сицилии. Туда, в Корлеоне, стекались добровольцы. К сицилийцам был обращен призыв к борьбе. Одновременно эмигрантский комитет призвал к восстанию римлян. Гарибальди издал и воззвание к славянам, где говорилось: "Сербия и Черногория уже ведут благородную войну против деспотизма, а наша обязанность — спешить им на помощь. От имени Италии предлагаю вам ее дружбу. Мы вместе будем бороться против деспотизма. Вместе мы освободим другие угнетенные народы и вытесним османских варваров в их пустыню, и тогда по обе стороны Адриатического моря будут жить свободные народы, достойные быть друг другу братьями и любить друг друга"³³.

По сообщениям прессы, Гарибальди, готовясь к походу, не только объехал Сицилию (Мессину, Палермо, Боско-Фиккузо и др.), но и посетил Марсель, где провозгласил лозунг "Рим или смерть!". В Марселе, как и в других городах Франции, польские эмигранты тоже с нетерпением ждали революционной инициативы. Во Временный комитет польской эмиграции в феврале—марте 1862 г. писали из Парижа о необходимости следовать прекрасному примеру Италии. Эмигранты из Версаля ставили вопрос о том, кто из революционных народов должен выступить первым — поляки, венгры или итальянцы, а группа польских изгнанников в Марселе придавала первостепенное значение "инициативе Италии и Венгрии", которая, если она окажется успешной, вызовет восстание в Польше³⁴.

Видимо, эта же группа 17 марта 1862 г. призывала "отречься от всякой протекции так называемых цивилизованных западных держав, отказаться от всех надежд и ожиданий с этой стороны, не верить ни в какую современную дипломатическую политику, даже самую либеральную, а верить лишь во всеобщую революцию всех народов Европы, к ней стремиться, помогать ей всеми силами и приближать ее, верить в собственные силы, создавать их, укреплять и развивать, готовясь таким образом к той прекрасной роли, которая принадлежит Польше во всеобщей революции. Поэтому каждый поляк должен быть демократом-революционером". Корреспонденту комитета из Версаля принадлежал и такой вывод: нужно взять демократию за основу, "чтобы под этими цветами мы шли вперед вместе со всем угнетенным человечеством, стремящимся к независимости, свободе и вольности"³⁵.

Во всех этих высказываниях польских патриотов ощущались расхождения в трактовке лозунга революционного союза народов, связанные прежде всего с различным содержанием, которое вкла-

дывалось в понятия “народ” и “революция”. Но было и общее в подходе к этому лозунгу: в центр союза выдвигались Польша, Италия и Венгрия. Так думали не только в эмиграции, но и в самой Польше. Недаром варшавяне во время муниципальных выборов осенью 1861 г. вписывали в избирательные бюллетени имена Мерославского, Гарибальди, Кошута³⁶. Если итальянское движение восхищало успехами, достигнутыми на поприще дипломатии и войны, массовых вооруженных национально-освободительных акций, то в Венгрии импонировало сочетание легальных и нелегальных средств борьбы. Внимание привлекала как раз та “безымянная лютость” национальной идеи, которая свидетельствовала о массовом сопротивлении народа. Оно выражалось и в демонстрациях (например, в Пеште 15 марта 1860 г. в годовщину революции 1848 г.), митингах протеста, в фактах избрания в комитатские собрания Кошута, Клапки, Тюрра, Телеки и других деятелей 1848 г. Акты протеста нередко влекли за собой репрессии, особенно в условиях введенного в ноябре 1861 г. чрезвычайного положения. Обыски и аресты проводились среди членов вооруженных подпольных организаций, существовавших в Венгрии и Трансильвании с начала 50-х годов. Революционное подполье было связано как с левым крылом легальной Партии резолюции (В. Силади и др.), так и с революционной эмиграцией, которая, таким образом, имела серьезную опору и могла распространять там свое влияние.

В венгерской эмиграции не было столь острой, как у поляков, борьбы политических течений, но существовали расхождения по вопросу межнациональных отношений в Венгрии. Телеки, а затем и Клапка под влиянием контактов с польской эмиграцией (Ворцелем и др.) встали на позицию признания национальных прав народов Венгрии и поддержки идеи будущей федерации в составе Венгрии, Румынии, Сербии и Польши. Кошут до начала 60-х годов не решался выступить с этой идеей, но задача сличения революционных сил против Австрии требовала постановки национального вопроса, что заставило его в 1862 г. выдвинуть план Дунайской конфедерации. Против этой национальной программы в Венгрии выступили не только умеренная партия Ф. Деака, но и правое крыло Партии резолюции (К. Тиса и др.), в результате чего произошел раскол в подпольной организации. Однако Венгерская национальная директория, созданная в 1859 г. в Париже на основе идейно-политической консолидации эмиграции, одобрила план, так же как и левые в самой Венгрии. Предполагалось, что вопрос о внутреннем устройстве Венгрии будет решен путем соглашения ее будущего правительства (с участием представителей от Хорватии и Трансильвании) и руководства других национальных движений³⁷.

Отношение этих движений к программе, разработанной венгерской эмиграцией, не было однозначным. Определенная часть славянского (словенцы, хорваты, галицийские украинцы, сербы Воеводины, словаки) и румынского населения Австрийской монархии испытывала тревогу за свое национальное будущее в связи с планами антиавстрийских освободительных выступлений итальянцев, вен-

гров, поляков и потому шла на сотрудничество с Веной. Но в то же время славяне, преимущественно сербы и хорваты, находились в составе венгерского легиона, формировавшегося в Италии под началом Клапки. Леволлиберальные и демократические элементы словацкого и сербского движения поддерживали идею сотрудничества с венгерской оппозицией против австрийского централизма. Левое крыло Партии резолюции завязало контакт со словаками и сербами. Участие венгерских представителей в 1861 г. в торжествах, посвященных памяти сербского просветителя С. Текели, придало им антиправительственный характер³³.

Такой же характер носило выступление в Париже в 30-ю годовщину польского восстания 1830 г. чешского радикального демократа Й. Фрича, призвавшего к солидарности народов против Австрии. Он сочувствовал идее центральноевропейской федерации и находился в постоянных сношениях не только с членами парижского Славянского кола, но и с польскими, итальянскими, венгерскими, русскими и другими эмигрантами. Еще в 50-е годы чешские радикалы установили контакт с деятелями румынского национального движения и даже обсуждали с ними план создания Соединенных штатов Австрии на развалинах монархии Габсбургов. Румынский революционный эмигрант Н. Бэлческу, поддерживавший связи с венграми, поляками и итальянцами, был сторонником совместных с венграми и славянами усилий в борьбе против Австрии за демократическую федерацию народов и предлагал создать тайный комитет из их представителей. В самой Румынии на позиции примирения венгров, румын и сербов в интересах единства их борьбы против Австрии стоял князь Куза³⁷.

Наличие всех этих контактов, а также учет настроений и взглядов части славянской и румынской общественности позволяли польским, венгерским и итальянским революционерам строить достаточно широкие планы антиавстрийских выступлений. Мерославский в период сближения с Гарибальди в конце 1860 г. вел (по агентурным данным) переговоры о совместных действиях с Кошутом, Клапкой и Ф. Пульским в Генуе, а затем встречался с Тюрром и Клапкой на Капри. В донесениях царских агентов сообщалось и о польско-итало-венгерских переговорах в Лондоне и Париже в феврале—марте 1861 г. относительно сроков общего выступления, о намечавшемся новом совещании в Женеве и Генуе. Подчеркивалось, что в революционных планах делалась ставка на сочетание польского восстания с венгерским и с атаккой итальянских патриотов в районе Адриатики и Далмации. Последняя так же, как и Хорватия, фигурировала как область возможных антиавстрийских волнений в условиях итало-австрийской войны.

Балканы привлекали серьезное внимание революционеров. Мерославский в июне 1861 г. обратился к польским эмигрантам на Востоке с воззванием, где, ссылаясь на союз Польши с Венгрией и Италией, требовал прислушаться к указаниям его агентов в Стамбуле и поддержать Порту, которую считал потенциальным союзником. 450 экземпляров этого воззвания вместе с обращением к ту-

рецкому премьеру агенты генерала повезли в Турцию и Сербию. В январе 1862 г. Мерославский и Клапка познакомились с ходом военной подготовки на Адриатике и в устье Дуная, затем обсуждали эти вопросы под Женовой. Согласно агентурным данным, Мерославский заключил союз не только с Клапкой, но и с Д. Никотерой и греческими революционерами; выслав эмиссаров в турецкие владения, он ожидал решения съезда польских, итальянских, венгерских и немецких революционеров в Генуе 9 марта 1862 г., чтобы согласно общему плану действий активизировать подготовку в Румынии, опираясь на генуэзскую базу. Тогда же, в начале 1862 г., прозвучал призыв к массовому дезертирству из турецкой армии поляков и венгров для вступления их в польско-венгерский легион.

Хотя план польско-итало-венгерского выступления оставался в силе, Мерославский, уже испортивший к этому времени отношения с Гарибальди, стал больше рассчитывать на союз с венграми. Вместе с Тюрром и Клапкой он вел переговоры о покупке миланской газеты "Иль Реньо д Италия". Возможно, в основу новых планов был положен проект подготовки восстания в Венгрии при поддержке Сербии, Черногории и Дунайских княжеств, разработанный польскими и венецианскими эмигрантами, группировавшимися во Флоренции вокруг газеты "Ля Венеция". Проект предусматривал приглашение на венгерский престол французского или английского принца и был, вероятно, одобрен принцем Наполеоном, а может быть, Г. Пальмерстоном, с которым Мерославский якобы вел переговоры в середине 1862 г. Правда, одновременно он обратился к Гарибальди в связи с планом похода на Рим, информировал его о позиции Франции и предложил совместное выступление. Он собрался в Италию после встречи с Пальмерстоном, где, по-видимому, обсуждался и этот план. Однако вернуть прежнее доверие Гарибальди Мерославскому не удалось⁴⁰.

Все варианты планировавшихся антиавстрийских выступлений предполагали активную роль Дунайских княжеств. Еще в мае 1859 г. между Клапкой и Кузой было заключено соглашение, согласно которому венгерскому восстанию обеспечивалась благожелательная позиция румын Венгрии и Трансильвании. Несколько позже была подписана и военная конвенция, а в начале 1861 г. — конвенция о размещении в Дунайских княжествах складов оружия для венгерских эмигрантов, отрядам которых сразу после начала военных действий надлежало перейти из Молдавии в Трансильванию⁴¹. В княжествах находилось также много поляков, в частности молодежи, откликнувшейся на призыв к созданию легиона. Обосновалась в Молдавии и группа бывших учеников военной школы в Генуе и Кудео. Отсюда удобно было поддерживать связь с польской эмиграцией в Турции, Сербии, Черногории, а также с соседними польскими и украинскими землями. Последнее стало особенно важным, когда в 1862 г. созданный в Королевстве Польском тайный Центральный национальный комитет (ЦНК) развернул активную подготовку к восстанию, назначенному на следующий год.

Агентом ЦНК на Востоке и землях Украины был назначен З.

Милковский, выступавший за освобождение Польши из-под гнета России и Австрии. Сторонник революционного союза поляков с другими народами, и прежде всего с венграми, он писал: "Польское восстание... вызовет движение в Австрии, а именно в Венгрии, Чехии, в Ломбардии... оно вызовет второе издание итальянской войны 1859 г. ... эти движения освободят Галицию и создадут нам основу для регулярной войны против России". В Дунайских княжествах Милковский видел плацдарм для атаки на Галицию и Украину. Туда он должен был переправлять оружие, одновременно формировал военные отряды в Турции и Румынии. На него возлагалась и организационная подготовка украинских земель в России и Австрии. Однако деятельность Милковского затрудняли репрессии румынских властей против польских эмигрантов, принятые по требованию царизма. Против революционных планов выступал и Отель Лямбер, агенты которого в Турции и Молдавии вносили раскол в ряды эмиграции, стремясь отвлечь ее от повстанческих приготовлений на "мирный" путь работы и учебы. Не исключалась и военная подготовка, но для выступлений в поддержку освободительного движения славян против турок⁴².

Консервативная эмиграция так же, как и галицийские консерваторы и партия "белых" в Королевстве Польском, вовсе не намеревались превращать Галицию в поле вооруженной борьбы. Комитет, созданный "белыми" во Львове (Львовская лава) ставил цель, взяв движение в свои руки, не допустить этого и потому ограничивался в сношениях с Милковским лишь передачей денежных средств и отчетов. Вместе с тем работе Милковского в Галиции, Молдавии и на украинских землях России мешал Мерославский, агент которого Н. Янковский, пытавшийся создать кружок молодежи в Кракове, был арестован там в 1860 г.⁴³

Эмиссарам Мерославского, действовавшим в Галиции в 1859—1860-е годы, пришлось ограничиться главным образом сбором средств на легион. Лишь во Львове удалось создать группу сторонников генерала во главе с Я. Чарнецким; они имели свою печать, собирали средства на восстание. Сношения с генералом поддерживала и львовская "Газета народов" — орган мелкого мещанства. Ее будущий редактор Я. Добжаньский возглавил весной 1861 г. так называемое Национальное правительство, находившееся под влиянием Мерославского. Опираясь на своих львовских сторонников, он в конце 1861 г. установил связь с краковской Главной галицийской радой, послал ее руководителю А. Щепаньскому планы организации и воззвания, назначил его организатором для Галиции, направлял к нему эмиссаров из Генуи. Мерославский наладил также контакт с революционными элементами Тарнува и Станиславува. Его организация в Галиции (в основном во Львове и Кракове) насчитывала до 200 человек⁴⁴.

Если действия консерваторов в Галиции были направлены на то, чтобы не допустить восстания, то Милковский и Мерославский преследовали цель его подготовки. Но первый выступал от имени ЦНК, а второй претендовал на особую роль в революционном дви-

жении. Среди "красных" в Королевстве Польском и в самом ЦНК были сторонники генерала, стремившиеся использовать его усилия для дела Польши (в частности, в сфере связей с европейскими революционерами), но существовало и критическое отношение к нему, особенно среди членов Общества польской молодежи. Общество поддерживало самостоятельные контакты с итальянскими деятелями и помогало ЦНК наладить с ними сношения. Накануне создания ЦНК в 1862 г. представитель "красных" Ю. Нажимский встречался и с Гарибальди, и с делегатами Общества. Последние, минуя Мерославского, тесно сотрудничали с Высоцким и другими деятелями умеренной демократической эмиграции в осуществлении установки ЦНК на союз с европейским революционным движением⁴⁵.

Агентурные донесения этого времени сообщали об участии польских делегатов в международной встрече революционеров летом 1862 г. в Лондоне, связанной с планами объединения освободительных выступлений Польши, Венгрии, Италии, Греко-Славянской и Дунайской конфедераций. Поляки послали на Балканы, и в том числе в Румынию, эмиссаров для агитации, пытались добиться заключения между греками и сербами союза против Турции. Когда в октябре 1862 г. в Греции вспыхнула революция, польские и венгерские эмигранты в Париже решили выразить ей сочувствие и предложить помощь польского легиона в случае всеобщего греко-славянского восстания. По-видимому, идея общеевропейского выступления при участии подвластных Турции народов была одобрена ЦНК, приславшим в Париж Ю. Цверцкевичу инструкции вступить в сношения со славянами и подыскать человека для переговоров с греками и сербами⁴⁶.

Возможно, эти сообщения царских агентов были отголоском тех европейских революционных связей, которые осуществлялись по линии Централизации ПДО и Мадзини. Последний в 1862 г. обсуждал с сербским эмигрантом В. Йовановичем планы восстания против Австрии и Турции и создания союза демократических государств на Балканах. Тогда же, в мае 1862 г., Мадзини писал, подтверждая свои симпатии к Польше, что сочувствует ей как человек, идентифицирующий польское дело с делом свободы и справедливости, как демократ, видящий в манифесте Краковского восстания 1846 г. свидетельство решимости восстановить Польшу в качестве демократического государства, и как итальянец, заинтересованный в совместной с поляками борьбе против общего врага — Австрии. "Мы объединены в нашем изгнании как сотрудники, — заявлял он, — мы встанем плечом к плечу в событиях быстро приближающейся открытой и решительной борьбы". План Мадзини предусматривал охватить борьбой всю территорию между Балтикой и Адриатикой, а началом ее должны были стать одновременные восстания итальянцев, венгров и славян, прежде всего поляков. О том, что польский народ готовится выступить, Мадзини знал непосредственно от участников конспирации в Королевстве Польском. При посредничестве Булевского в июле 1861 г. он установил контакт с эмиссарами варшавской организации Олендзким и Домбров-

ским, а в начале 1862 г. завязались его сношения с ЦНК (о которых он в ноябре сообщал Пульскому). От имени ЦНК В. Милович, Цверцякевич и Падлевский неоднократно вели переговоры с Мадзини и Ледрю-Ролленом как накануне, так и во время восстания 1863 г.⁴⁷

Когда польское восстание разразилось, Мадзини отнесся к нему с большим сочувствием. Он ставил польскую конспирацию в пример итальянцам и, ожидая скорого антиавстрийского выступления Италии, переехал поближе к ее границам, в Швейцарию. Однако уже в августе 1863 г. Мадзини отметил, что польское восстание, поначалу отнюдь не являвшееся “бонапартистским”, изменило свой характер, когда руководство им захватила аристократия⁴⁸.

И действительно, “белые”, пришедшие к власти в повстанческом Национальном правительстве (Жонде), взяли курс на превращение восстания в вооруженную демонстрацию, рассчитывая на вмешательство западных держав и решение польского вопроса дипломатическим путем. Такой курс, предполагавший сохранение “мира” в Галиции (тем более, что Австрия вначале не выступала открыто на стороне царизма), пришелся по душе галицийским имущим классам, которые боялись революции, но были не прочь использовать движение для давления на правительство. “Белая” Львовская лава вела работу так, чтобы не допустить перенесения борьбы в Галицию. Правда, энтузиазм польских патриотов обусловил формирование там отрядов в поддержку восстания, создание материальной базы вооруженной борьбы. Уже в феврале 1863 г. из Галиции были организованы экспедиции А. Куровского на Мехув и А. Чарнецкого на Томашув. В июле Жонд направил во Львов Т. Зенковича для укрепления городской организации⁴⁹. Но в целом “красная” организация в Галиции имела мало сил, а потому и практическая помощь восстанию осуществлялась слабо.

В соответствии с курсом “белых” акцент в восстании делался на стремление к “законности” и “порядку”, что исключало возможность сотрудничества с европейскими революционерами. “Красные” полагали даже, что Отець Лямбер являл о клерикально-консервативном характере восстания специально, чтобы скомпрометировать его в глазах революционных народов. В этом отношении красноречивы были назначения Жондом консерваторов на дипломатическую службу (Вл. Чарторьский стал ее главой), особенно факт послышки представителя в Ватикан, а также явное противодействие Италии и заискивание покровительства Австрии. Тем не менее европейские революционные партии стремились помогать борющимся полякам и вернуть восстание на путь совместной борьбы против Габсбургов⁵⁰.

В Венгрии возродилась тайная организация, готовившая выступление. В манифесте Кошута было объявлено о создании комитета венгерской независимости (Кошут, Тюрр, И. Хелфи), он звал народ к восстанию. Начался подъем массового движения (демонстрации, митинги и пр.), за которым последовала волна репрессий и разгром подполья. Венгерская общественность выражала поддержку

польскому народу сбором средств, медикаментов. Повстанцам передавались запасы оружия, находившиеся в Молдавии. Милович вел переговоры о подготовке 20-тысячного легиона под венгерскими знаменами. Но польский Жоңд, боясь “скомпрометировать” восстание в глазах западных правительств, согласился сначала лишь на участие в восстании отдельных венгерских добровольцев, а затем выдвинул условие, чтобы легион выступал без венгерской национальной символики и не действовал в Галиции⁵¹.

Такое же отношение было и к помощи, предложенной итальянцами, которые выражали восстанию “действительное и искреннее сочувствие”. Уже в апреле 1863 г. сообщалось, что по инициативе Мадзини и Гарибальди в Италии был устроен сбор пожертвований в пользу поляков. В августе итальянские революционеры доставили в Вену большую партию оружия для повстанцев. В восстании сражался отряд итальянских добровольцев под командой Ф. Нулло. Готовилась и экспедиция под руководством сына Гарибальди Менотти, но Жоңд не хотел ее осуществления. Помешала и позиция Кузы, который под давлением царской дипломатии был вынужден воспрепятствовать прохождению через Молдавию и Бессарабию отрядов, сформированных Милковским и Менотти Гарибальди⁵².

К экспедиции Менотти Гарибальди скептически отнесся Мадзини. В условиях, когда план общего антиавстрийского выступления не был приведен в действие, он считал бесполезными героические усилия отдельных патриотов. Такое мнение высказывали и некоторые другие эмигранты. Например, летом 1863 г. Э. Мэзон, молодой французский республиканец, глубже изучив события в Польше, призвал остановить поток направлявшихся туда добровольцев и предотвратить ненужные жертвы⁵³.

Но большинство революционно настроенных патриотов разной национальности горели желанием поддержать сражавшуюся Польшу и верили, что это начало борьбы против габсбургского и османского гнета. В то время как консерваторы Словакии и Воеводины осуждали польское восстание, словацкие и сербские леволiberaльные и радикальные круги приветствовали его. Сербские демократы Воеводины “имели смелость... защищать справедливые интересы польского народа”, сражаясь в рядах повстанцев рядом с венграми, итальянцами, чехами. Нападки на восстание Ф. Палацкого и других “старочехов”, опасавшихся за судьбу государства Габсбургов, получили отпор “младочешской” оппозиции, вождь которой Э. Грегр встречался в 1863 г. в Праге с представителем польской революционной эмиграции С. Ярмундом. Самым активным сторонником польского дела оставался Фрич, пропагандировавший его в печати. Он участвовал в направлении в Польшу чешских волонтеров, а с ноября 1863 г. формально перешел на службу к повстанческому Жоңду⁵⁴.

Призыв к братству поляков и чехов имел антиавстрийскую направленность. Такой характер носили, в частности, выступления члена чешско-польского общества в Базеле П. Рамлова, а также позиция польской эмигрантской прессы в связи с отмечавшимся в

1864 г. 500-летием Я. Гуса. Тесно связанный со славянской эмиграцией, Фрич особенно сблизился с Кватерником. Последний так же, как и А. Старчевич, выступал в поддержку поляков. Хорватские правши видели в них союзников, так как рассчитывали, что восстание приведет к международному конфликту, распаду Австрии и освобождению народов⁵⁵.

Проявление революционной солидарности народов с польским восстанием имело огромное значение. Несмотря на внешнеполитический курс “белых” Жондов, оно не давало угаснуть идее международного революционного союза. Продолжала жить вера, что сила такого союза “освободит народы от гнета и самовластья”, что это будет “последняя война”, после которой мечи перекуют на орала. При этом подчеркивалось, что “для полной солидарности народов нужно, чтобы они от края и до края объединились идеей и душой”⁵⁶. Необходимость противопоставить революционный союз союзу угнетателей стала осознаваться особенно остро после введения Веней осадного положения в Галиции. Меры австрийского правительства были связаны с его страхом перед возможным выступлением в этой части Польши и других землях империи.

В переписке австрийских официальных лиц в феврале—марте 1864 г. отмечалось сближение галицийского комитета с революционной партией, имеющее целью в течение нескольких месяцев подготовить вооруженное выступление, скоординированное с восстаниями в Италии и Венгрии. “Нельзя игнорировать тот факт, — писал Й. Рехберг, — что революционная партия этого края, которая тесно связана с партией, действующей в Королевстве Польском, старается в последнее время подготовить всеми средствами всеобщее восстание в Галиции, и те разоблачения, каковые сделаны местными властями, дают явное доказательство, что существует согласие между этой партией и венгерскими и итальянскими революционерами, цель которых очень легко отгадать”. Учитывая опасность войны со стороны Пьемонта и угрозу расширения весной 1864 г. масштабов восстания в Польше, правительство Австрии считало необходимым принять “чрезвычайные меры, чтобы защитить общественный порядок и целостность империи”. Рехберг призывал также к сплочению все державы, “которые равным образом заинтересованы в защите от революции”⁵⁷.

Все это свидетельствовало о том, что демократические силы и в польской эмиграции, и в самой Польше стремились вернуть восстание “на чисто революционную дорогу”, т.е. на путь союза с европейской революцией⁵⁸. Такую попытку в целях спасения восстания сделало и пришедшее в конце 1863 г. к власти повстанческое правительство Р. Траугутта, назначившее своим заграничным представителем вместо Чарторыского галицийского “красного князя” А. Сапегу. В начале 1864 г. комиссары Траугутта В. Пшибыльский и Ю. Орденга предприняли переговоры с итальянскими и венгерскими революционерами, и 8 марта Орденгой и Клапкой был подписан оборонительно-наступательный пакт, провозглашавший братское сотрудничество польского, венгерского и хорватского народов.

Упоминание в договоре права Хорватии на независимость и лозунга венгеро-хорватской федерации, а также обязательство обеспечить права других славянских народов явились результатом влияния польской эмиграции на Тюрра и других членов Комитета венгерских эмигрантов в Турине. В соглашении Кватерника и Клапки были конкретизированы будущие взаимоотношения свободных Венгрии и Хорватии. Кватерник обязался "всеми силами служить объединению всех народов против австрийского господства, основанному на политической и гражданской свободе каждого народа, сделать все для объединения моего отечества Хорватии с Польшей, Италией, Венгрией, Чехией и всеми национальностями, угнетенными общим врагом, и целеустремленно добиваться их общего освобождения". Хорватские радикалы признали Кватерника своим законным представителем. Выступая за польско-хорватское революционное сотрудничество, он вошел в контакт с Жондом. Эмиссар Жонда К. Бенши вел переговоры в Загребе также со Старчевичем, Д. Кушланом и др., но убедился в слабости хорватских радикальных элементов⁵⁹.

Результатом соглашения 8 марта явилось формирование польско-венгерских отрядов в Дунайских княжествах. Это отвечало стремлениям Сапеги, который во многом разделял взгляды Отеля Лямбер и галицийских консерваторов: он видел в революционных силах Европы главным образом средство давления на западные правительства. Понимая, что открытый призыв закончить восстание не найдет поддержки в народе, он предпочитал выжидать изменения европейской ситуации, перенес борьбу подальше от границ Польши (и прежде всего за пределы Галиции) — на Дунай и Балканы. Осуществить такой поворот политики было нелегко, так как существовали революционные польские силы, отстаивавшие курс антиавстрийской борьбы. Об этом свидетельствовала и упомянутая выше официальная австрийская корреспонденция, и переговоры, которые вел с Мадзини и Кошутом созданный в Дрездене Союз патриотов во главе с Я. Кужиной, планировавший распространить восстание на Галицию и пославший своих агентов в Краков (А. Зейфрид, И. Мархвицкий, С. Рамлов) и Львов (К. Уейский). Подобные планы были и у возникшей в Лондоне организации — Польского революционного центра (Огниско революцыйне), который возглавляли давний друг Мадзини Булевский и другие левые демократы.

В обращении Революционного центра к Гарибальди (январь 1864 г.) и в его манифесте 19 апреля 1864 г. подчеркивалось требование вернуть восстание на его "естественную и первоначальную дорогу". "Единственной надеждой на спасение" Огниско считало осознание необходимости "объединить дело Польши с делом всех угнетенных наций и особенно Италии и Венгрии". В надежде, что "весеннее солнце возвестит этим двум великим народам зарю свободы", Революционный центр торжественно заявлял: "Польша протягивает руку обоим своим сестрам по угнетению. Ради совместного дела она готова отдать все свои силы и пожертвовать всей своей кровью". Деятели Центра просили Гарибальди возглавить

тройственный союз и обратиться с манифестом к народам Италии, Венгрии, Польши. Это было возрождением плана, намеченного еще в конце 1862 г. ЦК европейской демократии в согласии с ЦНК. Решения о возвращении к прежнему курсу, как писал в своих показаниях В. Даниловский, Италия "ожидала с большим нетерпением, потому что для нее восстание в России не имело никакого значения, и она постоянно надеялась, что мятеж будет распространен и на Австрию". Поэтому в феврале 1864 г. в Лондон пришло согласие Гарибальди, а еще раньше, в январе, Огниско и ЦК создали Комитет революционной взаимопомощи и начали разработку плана одновременного восстания в Венгрии и славянских землях Австрии, поддержанного гарибальдийской экспедицией в Далмацию⁶⁰. Видимо, этот план, как и вопрос формирования легиона в Италии, обсуждались с Гарибальди во время поездок на Капри агента Революционного центра Каминьского. План создания легиона послали для согласования и в Варшаву. В апреле 1864 г. было объявлено, что уже собрано "значительное количество сил и средств, необходимых для близкого и решительного начала военных действий". Тогда же Гарибальди потребовал от польско-французского комитета в Париже передать все собранные в помощь полкам средства Революционному центру, которому должно принадлежать руководство польским восстанием. Близость вождя итальянской революции с Центром подчеркивалась тем, что Булевский выступал от его имени в сношениях с деятелями европейского общественного движения. Сближению способствовало и пребывание Гарибальди в Лондоне в апреле 1864 г., когда польская эмиграция торжественно его чествовала и поднесла адрес, призывавший Италию и Венгрию поддержать Польшу⁶¹.

Изолировать Огниско, перехватить его связи с Гарибальди попытался в это время Ягелло. Агенты последнего вели в Лондоне переговоры, и в результате 24 апреля К. Рупрехту удалось заключить с Гарибальди прелиминарное соглашение о сотрудничестве против не названного по имени "общего врага". Тогда же Рупрехт пытался войти в контакт с Мадзини, чтобы заставить его отказаться от плана одновременного восстания в Галиции, Венецианской области и Южном Тироле. Настаивая на выступлении Италии с революционной инициативой, он обещал польскую поддержку при благоприятных условиях.

Мадзини отверг эти предложения и обратился непосредственно в Варшаву. В письме 10 мая он призывал Жонд издать манифест, подтверждающий, что польское восстание представляет великий принцип национальности и борется за освобождение всех угнетенных народов. Подчеркивая, что план одновременного выступления в Галиции, Венеции и Венгрии против Габсбургов является последним шансом на спасение польского восстания, Мадзини советовал обратиться прежде всего к австрийским славянам и действовать заодно с ними; венграми и итальянцами. Он убеждал Жонд срочно переменить агентов за границей, назначив таких, которые могли и хотели бы осуществить планы совместной борьбы.

В этой ситуации Сапега форсировал переговоры с Гарибальди. Пшибыльский в апреле вел переговоры с венграми, а в мае выехал в Швейцарию для обсуждения планов польско-венгерско-итальянского союза. 6 июня на Капри Орденга и Гарибальди подписали польско-итальянский союзный трактат, провозгласивший единство действий против общего врага — Австрии. Поляки и итальянцы должны были после двухлетней подготовки выступить одновременно со стороны Румынии и Италии. Предполагалось дополнительно разработать более детально секретные военные и финансовые планы. К соглашению Италии и Польши могла присоединиться любая нация, борющаяся против Австрии, в первую очередь венгры и хорваты. При этом Сапега и Пшибыльский рассчитывали, что соединение национальных восстаний с формальной войной между Италией и Австрией вызовет вмешательство держав и общеевропейскую войну. Поэтому планами концентрированного удара против Австрии Сапега старался заинтересовать Наполеона III в мае 1864 г.⁶²

В этих планах, однако, далеко не решенным оставался вопрос о позиции итальянского правительства. По данным, поступавшим в Вену из Италии еще в конце 1863 г., туринское правительство поддерживало планы итальянских революционеров. Сообщалось о сложной ситуации в итальянских провинциях, о скором объявлении войны Австрии Пьемонтом, о том, что его эмиссары курсируют по стране; распространяются прокламации, в которых говорится о близящемся часе всеобщего восстания, население призывают подняться против Австрии по первому сигналу. Далее план Турина и революционеров излагался следующим образом: сразу после начала восстания в феврале 1864 г. во главе его встанет Гарибальди, а к середине марта многотысячный корпус волонтеров будет вооружен и готов к вторжению в Венецию; “революционеры рассчитывают на всеобщее восстание в этих провинциях, пьемонтская же армия выступит в помощь повстанцам без объявления Пьемонтом войны Австрии”⁶³. Одновременно сообщалось о координации действий Пьемонта с “венгерскими агитаторами” и подготовке ими совместного выступления, т.е. одновременного с походом на Венецию восстания в Венгрии.

Эти противоречивые сведения с течением времени дополнялись все новыми подробностями и получали новое толкование. В марте 1864 г. в польской повстанческой газете “Голос з Литвы” писали о том, что Италия “неслыханно” вооружается, а Австрия стягивает войска в Венецию, Тироль и Крайну, что “не хватает лишь первой искры, чтобы вспыхнул пожар, зарево которого отразится в водах Вислы и Дуная”. Сообщалось о концентрации в Турине венгерских эмигрантов из Англии и Америки, о призыве Кошута к венграм в австрийской армии переходить под знамя итальянской свободы, об обращении итальянского комитета, призывавшего молодежь Венеции ждать близкого часа, когда потребуются ее силы⁶⁴.

Газета делала вывод, что “лозунгом итальянской войны, которая может разразиться каждый день, будет восстание в Венеции, и

лишь затем на сцену выступит Гарибальди, имя которого... заменяет целую армию". Подчеркивалось, что Гарибальди, уже согласившийся возглавить итальяно-венгерско-польских добровольцев, тайно уехал с Капри в неизвестном направлении, а такое важнейшее известие наверняка обеспокоило туринские власти. Последнее свидетельствовало, что курс Пьемонта все еще не был определен. Заставить консервативное правительство Виктора Эммануила объявить Австрии войну участники итальяно-венгерско-польского революционного союза надеялись, по свидетельству Даниловского, путем организации восстания в Далмации и Фриули; их военные действия в тылу австрийских крепостей Мантуи, Пескеры, Вероны и Линьяго облегчили бы итальянской армии захват этого "важного стратегического четырехугольника"⁶⁵.

Проект высадки отряда на восточном берегу Адриатики предполагал активное содействие Хорватии, и Кватерник, вступивший в контакт с Гарибальди, выслал для подготовки экспедиции А. Ракияша, но тот вскоре был арестован. Для борьбы против Габсбургов Кватерник и Фрич хотели сформировать славянский легион в Италии, а находившийся там Пшибыльский, также занимавшийся организацией польского легиона, содействовал сближению славянской и венгерской эмиграции. В это время польские революционеры активно действовали среди южных славян. Они создали комитет в Загребе, в Белграде вел работу Милковский, Жонд назначил его представителем в Сербии, занимавшей важное место в планах антиавстрийского выступления. Депутаты от сербов и черногорцев вместе с Милковским были в Турине во время подготовки далматинской экспедиции и обещали помощь. Одновременно велись переговоры поляков с туринским правительством о финансовой поддержке для формирования в Молдавии отрядов, предназначенных для вторжения либо в Галицию и южные губернии России, либо в Трансильванию, "где сильно развившийся мятеж скорее всего мог вызвать общую европейскую войну"⁶⁶.

Последний вариант больше устраивал Сапегу и его сторонников. В их глазах Дунайские княжества представляли важный плацдарм. Сапега установил контакт с Кузой, и тот оказывал тайное покровительство усилиям польских и венгерских эмигрантов сформировать трехтысячный легион. В Румынии действовали представители Жонда Мрозовицкий, Глюк, Айваза (Айвазовский), Милковский, Э. Ружицкий, Ю. Гауке-Босак и другие, а также связанные с Революционным центром венгерские эмигранты Стефани и Вогези, сотрудничавшие с агентом А.И. Герцена в Тульче. В мае 1864 г. член Революционного центра Божиславский, занимавшийся организацией венгерского легиона, привозил им в Тульчу деньги для вербовки добровольцев. Он направлял в Молдавию и эмигрантов из Турина, Генуи и Неаполя. П. Кобылянский от имени Центра вел переговоры с венгерским революционером полковником Фридьешем, активно действовавшим в Румынии, но летом 1864 г. высланным из страны. Это было результатом поворота в политике Кузы, который произошел под давлением России и Австрии, с тревогой

следивших за деятельностью революционеров и их влиянием в княжествах. В июне 1864 г. там собралось уже около 500 польских и 1000 венгерских патриотов⁶⁷.

Все действия участников революционного союза народов в этот период не оставляли сомнения в том, что основной их удар будет направлен против Австрии. Об угрозе Габсбургам со стороны Италии, Венгрии и Польши еще в январе 1864 г. говорил лорд Рассел. Правда, приготовления революционеров вызвали тревогу и в Ватикане. Царское правительство старалось доказать папе, что польское движение носит “демагогический” характер и связано с главным врагом Ватикана — итальянской революцией. Поэтому папский посол в Вене заявлял, что святой отец убежден в стремлении революционеров Италии использовать любые затруднения Габсбургов, чтобы выступить как против нее, так и против Папского государства⁶⁸.

Основания для опасений были и у других правительств, прежде всего у Пруссии. Вена убеждала О. Бисмарка в необходимости согласия трех партнеров по разделам Польши “при нынешней ситуации в Европе и перед лицом европейской революции”, да и само прусское правительство было уверено, что “космополитическая революция” добивается международных осложнений в целях совершения европейского переворота. Бисмарк сожалел, что “Австрия не может атаковать Италию при настоящем положении дел”. Он имел в виду не только внутреннее положение империи Габсбургов, но и то, что она находилась на пороге войны с Данией. В этой войне, происходившей весной—летом 1864 г., Австрия и Пруссия выступили единым фронтом, и потому, естественно, все симпатии демократических сил Европы были на стороне датчан. Характерно, что австро-прусский военный союз, заключенный 16 марта 1864 г., предусматривал секретную договоренность на случай выступления угнетенных Габсбургами народов: Пруссия сохраняла нейтралитет при объявлении Италией войны Австрии, но если бы в это время восстали немецкие земли империи, то прусская армия пришла бы ей на помощь; в случае вступления в войну Франции предполагалось объединение прусских и австрийских войск под командованием Пруссии⁶⁹.

Опасное положение Австрии во многом облегчалось тем, что восстание в Польше все более ослабевало. Тем отчаяннее были усилия поляков за границей и тем сильнее проявлялось недовольство политикой Сапеги и его окружения, которые не сумели (а многие и не хотели) реализовать новый курс развития борьбы. Сапега еще раз сделал попытку договориться с оппозицией, вступив в июле 1864 г. в контакт с Булевским. Тот ехал в Италию, где осуществлял посредничество между Мадзини и королем. Виктору Эммануилу было адресовано рекомендательное письмо, которое Сапеге удалось получить благодаря переговорам (на этот раз успешным) с Мадзини в Лондоне. Но с дрезденским Союзом патриотов он не нашел общего языка. Примыкавшие к Союзу эмигранты требовали от Жонда не доверять Сапеге, Рупрехту, Пшибыльскому и

другим, уволить их немедленно. Они отвергли план перенесения борьбы за пределы Польши, с которым Сапега и его сторонники выступили на совещании в Дрездене в мае 1864 г.⁷⁰

Большую активность проявляли в это время Я. Дзялыньский и Босак, требовавшие мобилизовать на продолжение борьбы все силы Польши — в Галиции, Познанине, за границей. Босак пытался вести переговоры с принцем Наполеоном, видимо, в связи с планами совместных с итальянцами действий против Австрии. Вероятно, те же причины требовали его присутствия в Стамбуле, где была сосредоточена польская эмиграция. Занимался он и подготовкой военных сил в Галиции и Молдавии, на территории которых вели работу также Я. Савицкий и Ружицкий⁷¹.

Последний, по словам Даниловского, не разделял антиавстрийской позиции Босака, не желал сотрудничать с итальянцами в организации антиавстрийской экспедиции и “постоянно повторял, что он никак не думает проливать кровь для итальянцев, венгерцев или за кого бы то ни было, кроме Польши”. Такие настроения были свойственны и другим польским патриотам. Например, А. Гуттри считал наивным серьезно рассчитывать на союз с революционной Европой, так как до сих пор Италия и Венгрия не помогали Польше. Подобные взгляды излагались и в письме самого Жонда, которым он ответил на “Мемориал семи”⁷².

Этот документ был составлен Сапегой, Рупрехтом, Шибыльским, Ружицким, Ю. Яновским и другими после майского совещания в Дрездене. Авторы видели причину неудачи восстания в пренебрежении внутренними силами Польши и расчете на внешнюю помощь; они заявляли, что польский народ выстоит в борьбе и “подаст братскую руку каждому народу, добивающемуся независимости”. Провозглашала изменения внутренней и внешней политики и организации восстания, “семерка” рассчитывала, что это вызовет подъем борьбы и окажет влияние на международное положение Польши, настроив в ее пользу общественное мнение Европы и заставив правительства прийти ей на помощь. Подчеркивалась связь польского дела с борьбой других народов против деспотизма, указывалось на выгоду для поляков европейской революционной войны, которая могла бы втянуть в игру ведущие западные державы. Авторы требовали издать манифест к народам Европы с призывом к солидарности, а Сапега, по свидетельству Даниловского, прибавил к этому и лозунг всеобщей революции и истребления монархов. Однако, как разъяснял сам Сапега, он под словом “революция” подразумевал отнюдь не социальный переворот, а лишь разрешение национального вопроса. Обращение к народам должно было стать очередным, еще не испробованным средством помощи национальной борьбе поляков⁷³.

По существу, это означало все ту же линию “белых” на свертывание восстания; авторы “Мемориала” не верили в эффективность нового курса и требовали его проведения для того, чтобы народ убедился в беспечности дальнейшей борьбы. Даже агент Третьего отделения понял, что “революционные” планы “белых”, в том числе

подготовка ими восстания в Румынии, являются стыдливым прикрытием намерения покончить с восстанием в Польше. Знаменательно, как в "Мемориале" формулировалась цель конспиративной работы в Галиции и Познанщине: не организация там восстания, а обеспечение готовности к борьбе "по первому призыву" Жонда⁷⁴.

Сапега и его партия по-прежнему стремились изолировать левые элементы от работы в этих польских землях, как и от сношений с европейским революционным движением. Предлагая реорганизацию, они имели в виду поставить всюду своих людей или прибрат к рукам действующих агентов Жонда. Сапеге предназначалось представительство в Англии, Франции и Германии, Шибыльскому — в Италии, Венгрии, славянских странах и Турции; в Галиции, Великую Польшу и Саксонию предполагалось послать Ю. Яновского. В дальнейшем эмиссарами Сапеге в Галиции были Кульчицкий и Зейфрид (выезжавший также в Молдавию), в Познанщине — Дрвенский, в Саксонии — Т. Зенкович. В Швейцарию был послан секретарь Сапеге Ю. Абламович, в Италию Ю.В. Орденга-младший; туда же выехал и Милович, но был арестован в Кёльне по подозрению в сношениях с Мадзини⁷⁵.

Наличие в этом ряду деятелей польской "левицы" свидетельствовало только об огромном стремлении польских патриотов к борьбе, об их попытках использовать для этого все возможности. В целом революционный польский лагерь был враждебно настроен против Сапеге, что привело Жонд к решению реорганизовать заграничное представительство восстания. Одновременно Жонд, отвечая согласием на предложение Мадзини от 10 мая, поручал вступить с ним в сношения относительно посылки агентов для агитации в Венгрии и среди южных славян. Обсуждая эти планы, Гуттри и Кужина от имени дрезденской оппозиции требовали, в частности, серьезного внимания к военной организации Галиции и Познанщины, подтверждения договоров, заключенных с европейскими революционерами, и указывали на несовместимость фигуры Сапеге с новой линией, с именем Мадзини. Связями с последним Сапега пытался бравировать. Ища поддержки, он предлагал сотрудничество и Мерославскому. В то же время он старался опереться на Наполеона III при посредстве Отеля Лямбер⁷⁶.

Эту политику лавирования "красный князь" продолжал и после того, как получил окончательную отставку с поста заграничного комиссара. Он и его сторонники, образовавшие в сентябре Центральный кружок в Париже, поддерживали с Наполеоном постоянный контакт, передавали ему полученные от Т. Окши, ставшего их агентом в Стамбуле, сведения о положении на Востоке, предлагали ему проект создания польского легиона в Италии. Тогда же Л. Рыщевскому было поручено активно действовать в Турине, где готовились к войне с Австрией, и не исключено, что эти действия осуществлялись по согласованию с Булевским, который в ноябре 1864 г. хлопотал в Милане об организации отряда для атаки на Фриули, а в декабре вел переговоры с Сапегой. Их встречи продолжались до мая 1865 г.⁷⁷

Отставка Сапеги и замена его Кужиной почти не повлекли за собой смены заграничных представителей (в Италии им был Орденга, в Турции — Окша, в Румынии — Хмужинский, в Риме — Луневский), но революционный курс заграничной политики был акцентирован. В частности, в манифесте Кужины от 22 июля 1864 г. подчеркивалась задача сочетать развитие внутренних сил восстания с развитием внешних связей, с укреплением сотрудничества между борющейся Польшей и народами Европы. Конкретно это выливалось в программу: “Народ и война, восстание в Галиции и Познани”. Комиссаром в Галиции рекомендовали Ц. Аккорда, а Зейфриду как члену штаба Босака поручалось организовать в Кракове отряд для военных действий в Сандомирском и Люблинском воеводствах, поддержать которые должно было выступление польского легиона, сформированного в Турции. В сентябре Сава и Крук (М. Гейденрейх) получили средства на поездку в Стамбул для вербовки польской молодежи.

Рассчитывая на осложнение международной обстановки и развязывание войны в Италии, Венгрии, Швеции или на Балканах, Кужина старался укрепить контакты с венгерскими, итальянскими и чешскими революционерами. В конце сентября в Милане он и Гуттри обсуждали с венграми и итальянцами планы совместной борьбы. Поскольку предполагалось, что весной 1865 г. выступят турецкие славяне при поддержке Румынии, ставилась задача вести агитацию в Сербии и Герцеговине. Вероятно, подобные вопросы обсуждались на совещании в Париже в октябре 1864 г., и с ними была как-то связана посылка польских и итальянских офицеров из Лондона на Мальту и Гибралтар⁷⁸.

Планы сотрудничества с европейской революцией обусловили резко отрицательное отношение демократической польской эмиграции к попыткам, поддержанным Отелом Лямбер, вербовать поляков в папское войско. Яростно обрушился против них орган Союза патриотов “Вытрвалость”, выходящий с конца октября 1864 г. по май 1865 г. в Брюсселе. Но, находясь на революционных позициях, газета в то же время отвергала путь “союза с призраком всеобщей революции или солидарности национальных интересов”⁷⁹. Это объяснялось, видимо, крахом тех надежд, которые в первой половине 1864 г. связывались с ожиданием бурных событий в Европе. Позиция Франции и Италии препятствовала осуществлению планов экспедиции в Далмацию и выступлений в Венеции и Фриули. Волнения в этих провинциях, не получившие большого размаха, были в дальнейшем подавлены Австрией, которая к тому же с успехом завершила войну против Дании. Разгромленной оказалась и подпольная организация в Венгрии. Догорало польское восстание, и ни Жонд, ни Кужина, предпринимавшие отчаянные попытки его спасти, не были в состоянии изменить положение.

Это попробовал сделать Представительный комитет — эмигрантская организация, оформившаяся в начале 1865 г. Комитет возлагал надежды на новый подъем восстания весной 1865 г., на возрождение внутripольской революционной организации и установ-

лание с ней тесных связей, на поддержку, с одной стороны, европейских революционных сил, а с другой — западных правительств. Очевидно, что в создавшихся условиях грандиозные планы горстки патриотов были нереальны. С самого начала они оказались под наблюдением Третьего отделения, и вскоре членов комитета арестовали, что подвело под восстанием последнюю черту. Но наличие у них внешнеполитической программы, которую они прокомментировали в своих следственных показаниях, свидетельствовало о том, что идея революционного союза народов сохранялась и имела в этот период антиавстрийскую интерпретацию.

Естественным было стремление арестованного Даниловского доказать, что “новые революционные предприятия” в Молдавии “затеваются не противу России, а противу Австрии”, однако его аргументы звучали вполне убедительно: он ссылаясь на широко известную антиавстрийскую позицию Босака, прибывшего в Галац для подготовки экспедиции, на новую внутривосточную ситуацию в Италии, благоприятную для антиавстрийских планов итальянских революционеров, на положение дел в самой Австрии, открывающее “еще более обширное поле для действий итальянских революционеров, сближая их с венгерской революционной партией, со славянским пограничьем и с большей частью населения Трансильвании, которое составляют румыны”. Даниловский отмечал, что венгры, идущие за Клапкой, венгерские славяне и турецкое пограничье, а также румыны Валахии и Молдавии особенно настроены против Австрии⁸⁰.

Данные Даниловского подтверждались агентурными сведениями, например, о подготовке в Турции весной 1865 г. двух польско-венгерских отрядов числом до 8 тыс. человек, которых предполагалось разместить в Северной Добрудже и близ сербской границы. Относительно же обстановки в Италии образно высказалась в своем письме из Флоренции в январе 1865 г. Босак: “... Не знаю, в состоянии ли кто сказать, что будет завтра, хотя отнюдь не обещаю вскоре бурного взрыва. Итак: Рим, Венеция, энциклика, ненавистное Италии менторство Наполеона, митинги за ликвидацию монастырей, недовольство в Неаполе против итальянского правительства... все это неимоверно будоражит и оскорбляет народ, а взглянув еще и на внешние и вообще европейские дела, то уж, пожалуй, скажу: поживем — увидим! Все это сулит много и для нас, для продвижения нашего дела, а ведь не нам, полякам, заимать стойкости и веры в победу правды... Что касается меня, то скажу честно, что никогда я не чувствовал себя столь сильным и стойким, столь твердо уверенным в близком будущем, и укрепляют меня в этом все новые симптомы. В том числе симптом, достойный внимания, это то, как наши враги теряют рассудок — сама энциклика убивает светскую власть папы и деспотизм... Что же касается народов, то хотя они еще, увы, очень и очень темные, однако второго 48-го года... когда французы на улицах Парижа и Рима добились поляков, не будет”⁸¹.

Это был главный вывод, к какому приходили революционеры

разной национальности. Идея международного революционного сотрудничества, впервые столь широко, хотя и не в полной мере осуществленная в польском восстании 1863 г., давала, вопреки неблагоприятной ситуации, надежду и уверенность, что новый совместный удар по империи Габсбургов освободит народы из-под ее гнета. Поэтому и в 1866 г. польские эмигранты старались воссоздать в Галиции революционную организацию, сотрудничали с чехами и сербами в Славянском клубе⁵². В самый напряженный момент этого года, когда Италия и Пруссия вели войну с Австрией, а в Венгрию вступил легион под началом Клапки, польская демократическая эмиграция также стремилась сформировать в Италии легион и с возмущением встретила попытки консерваторов создать в Галиции отряд "кракусов" в поддержку Австрии. Итальянское правительство отвергло план создания легиона, но деятельность польской эмиграции против Австрии не прекращалась и осенью 1866 г., когда потерпевшие поражение Габсбурги подписали мирный договор, принесший свободу Венеции. В ноябре австрийские власти с тревогой отмечали активные попытки Мерославского засылать эмиссаров в Галицию для подрывных действий и пропаганды⁵³.

Активную пропаганду против Габсбургов, за федерацию равноправных народов вели во время войны Фрич и хорватский эмигрант И. Ткалац. Фрич ориентировался на разгром Австрии Пруссией, польские демократы рассчитывали на взаимное ослабление обоих угнетающих польский народ немецких государств. При этом демократическая польская печать приветствовала борьбу за объединение Германии как борьбу немецкого народа за справедливый принцип национальности⁵⁴.

Воссоединение Венецианской области с Итальянским государством явилось торжеством всех европейских революционных сил. Но оно же ослабило антиавстрийский союз, отколов от него один из главных его компонентов — итальянское освободительное движение, острие которого отныне было направлено против Ватикана. С введением дуализма в империи Габсбургов от союза отпала и Венгрия; события же 1870 г., когда объединение Италии завершилось включением в нее Рима, полностью уничтожили основания антигабсбургской коалиции. Одновременно эти события знаменовали конец эпохи национально-освободительных восстаний, национально-революционной идеологии и вытекающего из практики революционной солидарности народов своеобразного интернационального сознания. Наступало новое время — время рабочего движения и пролетарского интернационализма. Польше, оставшейся одной со своими перешенными национальными проблемами, предстояло решать их уже на новом уровне международного революционного сотрудничества.

- 1 *Koberdowa I.* La conscience nationale et la conscience internationale dans les mouvements démocratiques du XIX — siècle // *Developpement de la conscience nationale.* Poznań, 1982. P. 98.
- 2 *Koberdowa I.* L'ultimo periodo della vita e dell'attività di Mazzini // *Mazzini e la Polonia.* W-wa, 1973. P. 89.
- 3 *Demokrata Polski.* 1853. 16.III.
- 4 *Koberdowa I.* L'ultimo... P. 84.
- 5 *Demokrata Polski.* 1851. 29.VI.
- 6 *L'Homme.* 1854. 5.IV.
- 7 *Koberdowa I.* L'ultimo... P. 90; *Канделоро Дж.* История современной Италии. М., 1966. Т. 4. С. 277; *Le Confédéré.* Fribourg. 1864. 8.I.
- 8 *L'Homme.* 1855. 6.VI.
- 9 *L'Homme.* 1854. 24 V; 1854. 6 XII; 1854. 13 IX; 1855. 21 II; 1855. 21 III; 1855. 28.III.
- 10 *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х гг. XIX в. М., 1966. С. 112-114; *L'Homme.* 1855. 8.VIII.
- 11 *L'Homme.* 1855. 26 IX; 1855. 24 X; 1855. 7 XII; 1855. 1.XII.
- 12 *Koberdowa I.* L'ultimo... P. 91.
- 13 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 122.
- 14 Там же. С. 115-116, 121, 122-123.
- 15 Там же. С. 75-76; *Przegląd rzeczy polskich.* 1859. 18 V.
- 16 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 75-76; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 22-23, 285, 314-315.
- 17 См., например, о попытках Ю.Л. Жебровского и Э. Пепловского пробраться в Сардинию для поступления в армию: *Archiwum Główne Akt Dawnych, Stała Komisja Sędzca.* 1. K. 819-820. (Далее: AGAD).
- 18 Письма В. Пониньского из Пармы 28 июня 1859 г., из Флоренции 22 июля и 31 августа 1859 г. (*Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Dział rękopisów.* 5655 IV. K. 595-596, 601-603, 605-606. (Далее: BCzart.).
- 19 *Ibid.* K. 596.
- 20 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 27-28.
- 21 Письмо В. Пониньского 22-июля 1860 г. (BCzart. 5655 IV. K. 603).
- 22 *Ibid.* K. 596; письма Ф. Бреаньского 26 октября и 23 ноября 1860 г. (5652 IV. K. 383-390).
- 23 *Ibid.* 5740 IV. K. 93.
- 24 *Ibid.* 5688 III. K. 265-268. См. также: *Zbrada J.* Sprawa autonomii galicyjskiej w polityce Hotelu Lambert w latach 1859-1873 // *Studia historyczne.* Kraków, 1967. Z. 3/4. S. 55; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 144-145.
- 25 BCzart. 5688 III. K. 100.
- 26 См.: Адрес Итальянско-польскому комитету в Турине от находящейся там молодежи (*Biblioteka Jagiellońska: Dział rękopisów.* 6494. K. 287-288) (Далее: BJ Rkps).
- 27 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 85-86, 99.
- 28 Там же. С. 101; BJ Rkps. 6772. K. 48-49.
- 29 BJ Rkps. 6772. K. 49; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 94-95.
- 30 О польской военной школе в Италии см.: *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 195-232.
- 31 *Czas.* 1862. 5.VIII.
- 32 *Czas.* 1862. 18.V.
- 33 *Czas.* 1862. 5.VIII 1862. 6.VIII.
- 34 *Czas.* 1862. 5.VIII; BJ Rkps. 3679. K. 27, 31-35, 160.
- 35 BJ Rkps, 3679, K. 168-169.
- 36 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 184.
- 37 Освободительные движения... С. 283-284, 314.
- 38 Там же. С. 267-269, 310-311, 318.
- 39 Там же. С. 284-285, 314-315, 318-319.
- 40 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 98-99, 190-191, 202, 204, 274.
- 41 Освободительные движения... С. 315.
- 42 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 74-75, 205, 251-255, 311-313.

- 43 Там же. С. 100, 104; Освободительные движения... С.: 279.
- 44 *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 107, 189, 255.
- 45 Там же. С. 236-237, 240.
- 46 Там же. С. 240-241.
- 47 Освободительные движения... С. 321; *Koberdowa I.* L'ultimo... P. 92, 93; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 205, 240, 260.
- 48 *Koberdowa I.* L'ultimo... P. 93-94.
- 49 AGAD. XI Korpus.. 2 Abth. Justiz. 1866. Неразобранные материалы.
- 50 AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 233 odw. -234, 264-267 odw., 285-288 odw., 291-291 odw.
- 51 Освободительные движения... С. 317; Le Confédéré, 1863. 27. XII; 1864. 8.I; 1864. 17.I.
- 52 AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 255 odw., 283-283 odw., 285-286 odw., Le Confédéré. 1863. 12 IV.
- 53 *Koberdowa I.* L'ultimo... P. 93; Le Confédéré. 1863. 17. VII.
- 54 Освободительные движения... С. 260-263, 310, 318-319.
- 55 Там же. С. 319-320; *Borejsza J.W.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. W-wa, 1966. S. 330.
- 56 Głos z Litwy. Wilno, 1864. 20. III.
- 57 ВСзарт. 5751 III. К. 177-178, 265-266, 278, 285-286, 290, 297-298.
- 58 AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 234-234 odw.
- 59 Освободительные движения... С. 319.
- 60 *Фалькович С.М.* Польская эмиграция в период упадка восстания 1863-1864 гг. // Революционная Россия и революционная Польша. М., 1967. С. 162-163; AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 283-284 odw.
- 61 *Фалькович С.М.* Польская эмиграция... С. 163-165.
- 62 Там же. С. 165-168.
- 63 ВСзарт. 5751 III. К. 149-151.
- 64 Głos z Litwy. 1864. 20. III.
- 65 Ibid.; AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 244 odw. -245.
- 66 AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 245-246 odw.; Освободительные движения... С. 318-320.
- 67 *Фалькович С.М.* Польская эмиграция... С. 168-169, 174; ВСзарт. 5751 III. К. 365-367; AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 182-183, 208-210 odw.; Освободительные движения... С. 318.
- 68 ВСзарт. 5751 III. К. 19, 167, 299, 609.
- 69 Ibid. К. 227, 278, 282, 309-310.
- 70 *Фалькович С.М.* Польская эмиграция... С.173-177.
- 71 Там же. С. 176-177, 181-182.
- 72 Там же. С. 186. AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 242-243 odw.
- 73 *Фалькович С.М.* Польская эмиграция... С. 177-178, 180-181, 188; AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 237-237 odw.
- 74 *Фалькович С.М.* Польская эмиграция... С. 179, 181.
- 75 Там же. С. 179-181; AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 238-238 odw.
- 76 *Фалькович С.М.* Польская эмиграция... С. 184, 186-188, 190.
- 77 Там же. С. 203-204.
- 78 Там же. С. 194-198.
- 79 Там же. С. 198-200; Wyttrałość. 1864. 18.XII.
- 80 AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 13. K. 242-260 odw.
- 81 ВJ Rkps. 6506 IV. К. 22-23. Письмо Ю. Гауке-Босака Ю.И. Крашевскому от 22 января 1865.
- 82 AGAD. Tymczasowa Komisja Śledcza. 65. K. 14.
- 83 AGAD. XI Korpus. 2 Abth. Justiz. 1866. Неразобранные материалы.
- 84 Освободительные движения... С. 45, 285, 320; *Borejsza J.W.* Op. cit. S. 257-258, 289.

Л.А. Обушенкова

СОЛИДАРНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ НАРОДОВ ЕВРОПЫ С ПОЛЬСКИМ ВОССТАНИЕМ 1863—1864 гг.

В конце января 1863 г. на помощь восставшим полякам устремились добровольцы почти из всех европейских стран. Они добивались к повстанцам через Галицию, Познань, Балтийское побережье, Одессу, Дунайские княжества. Из добровольцев славян были чехи, словаки, сербы, участвовали в восстании венгры и скандинавы. В одном только случае, ставшем известным прусской полиции, среди иностранцев, спешивших на помощь повстанцам, названы фамилии 55 французов, 23 немцев, 6 англичан, 4 австрийских немцев, 4 итальянцев, 3 сербов, 2 швейцарцев и по одному представителю из Швеции, Норвегии и Люксембурга¹.

По континенту прокатилась волна митингов в поддержку восставших. Им сочувствовали прогрессивные силы Западной Европы и представители угнетенных народов. Пропольской в первые недели была позиция многих французских, итальянских и английских газет. Сочувствие и симпатию встречали польские повстанцы в Швейцарии, Дании, Швеции. В Швейцарии пропольски настроенные группы населения пожертвовали повстанцам 500 ружей². Денежные средства, медикаменты и перевязочные материалы, зимняя одежда поступали в распоряжение польского повстанческого правительства из многих европейских стран.

31 июля 1863 г. Национальное правительство обратилось к народам и правительствам Европы. В обращении выражалась признательность за сочувствие и помощь сражающейся Польше: «Впервые с момента начала восстания нашего народа обращаемся мы к вам, братья в европейской семье... Первым нашим словом к вам является благодарность за сочувствие, которое вы проявляете к нашей борьбе за независимость с самого ее начала. Это сочувствие свидетельствует о том, что старый Запад не очерствел и откликается на зов справедливости... Это сочувствие вселяет в нас надежду на то, что даст Бог, после завершения борьбы мы возродимся в братском кругу»³.

Движение солидарности с поляками, хотя и происходило примерно по одной схеме, все-таки отличалось в различных странах. Угнетенные народы Центральной Европы и более развитые в социально-экономическом отношении народы Западной Европы внесли характерные черты в общие формы проявления симпатии и оказания помощи полякам.

В отряды повстанцев вступали чехи и словаки. Часть из них от-

правляли в Королевство Польское комитеты по вербовке добровольцев, которые были основаны так называемыми полонофилами. Агитацию по привлечению добровольцев наиболее активно вели молодой писатель Ю. Барак и Э. Тоннер. Барак неоднократно выезжал в Краков для связи с местными представителями польских повстанческих властей по налаживанию каналов переправки чешских добровольцев. Некоторые из них, в основном студенческая молодежь, добирались до борющихся повстанцев самостоятельно. Уже в марте 1863 г. на польских землях сражались 20 чехов, в апреле к ним присоединились еще 40 человек; на 14 апреля имелось сообщение о 52 чешских добровольцах⁴. Среди известных поименно 22 добровольцев были несколько гимназистов, выпускник гимназии, типографский ученик, ученик каменотеса, сапожный подмастерье, помощник перчаточника, а также несколько техников, фабричный рабочий, медик, юрист.

В ходе вербовки чешских добровольцев возникла мысль о формировании чешского легиона. Горлчим сторонником этой идеи стал 22-летний доброволец В. Зруст, техник из Пардубиц. Инициатива чехов добровольцев была поддержана Баракком и Тоннером, а также польскими повстанческими командирами. В. Зруст проявил себя весьма активным участником сражений с царскими войсками, став повстанческим капитаном. Вместе с отрядами Лангевича, Грековича и Замечка он участвовал в восьми стычках. И уже как боец отряда Замечка Зруст приехал в Краков с конкретной миссией создать чешский легион. В Праге, куда Зруст направился из Кракова, он представил подтверждение от Замечка о готовности принять чешский отряд и обязательство краковского комитета этот отряд субсидировать. Военачальником чешского легиона предполагалось назначить англичанина Андерсона, добровольца из отряда Замечка. Намечалось изготовление хоругви легиона чешских добровольцев, к которой предполагалось прикрепить три ленты с надписями на каждой: "Года от Р.Х. 1863", "За нашу и вашу свободу", "Чехи в Польшу"⁵. Зруст привез с собой и текст присяги легионеров. Они облызались помогать полякам до тех пор, пока те не сбросят чужеземное ярмо. Зруст не успел воплотить в жизнь идею о чешском легионе: 1 августа он был арестован.

Помимо вербовочной деятельности, чешские полонофилы оказывали материальную помощь раненым польским повстанцам. Кампанию по сбору средств начали Тоннер и Ф. Шульц через газету "Народни листы". К их деятельности присоединилась газета "Глас". Главными сборщиками стали администратор "Народних листов" В. Жижала-Доновски, бывший участник революции 1848 г. и управляющий "Гласа" Я. Кнедльганс. Администрация газеты "Народни листы" собрала 744,65 золотых, 2 пятифранковых, 6 серебряных монет, много белья и корпии⁶.

Другим каналом организации помощи повстанцам были денежные сборы, проводимые среди студентов и по трактирам. Сборщиками являлись В. Фрич, Барак, Тоннер, Шульц и др. Последний стал главным казначеем. Денежные средства и собранную амуни-

цию посылали либо в разные села Западной Галиции, либо (деньги и медицинские препараты) в Комитет краковских дам для помощи раненым полякам.

Чешские полонофильские круги в Праге помогали интернированным полякам бежать в страны Западной Европы. Центральный лагерь для интернированных власти создали в Градце-Кралоуе. 1 декабря 1863 г. туда из Оломоуца прибыли первые 21 человек, в течение следующего года число интернированных достигло 930⁷. Местное чешское население встречало бывших повстанцев доброжелательно. Режим в лагере был легким, имелась возможность для побегов. Горожане помогали бежавшим деньгами, семинаристы давали им рекомендательные письма к своим родным и знакомым в деревнях, где бывшие повстанцы могли скрыться и переждать какое-то время. Есть сведения, что в Градце-Кралоуе был создан тайный комитет для освобождения поляков. Местные комитеты по оказанию помощи полякам имелись и в других местах, где также находились интернированные.

Словацкие добровольцы отправлялись в Королевство Польское через Галицию. Весной 1863 г. их представляли главным образом молодые люди из Спиша, Земплина, Шариша и Гемера. В конце 1863 — начале 1864 г. вербовку добровольцев уже организованно проводил полонофильский центр Верхней Венгрии, сотрудничавший с польским комитетом в Галиции — так называемой Краковской лавой. Среди добровольцев были студенты и словацкие интеллигенты. Часть словаков-военнослужащих австрийской армии, расквартированной в Галиции, дезертировала, и таким образом к повстанцам попадали обученные военному ремеслу люди. Так, в восстании участвовали братья Беллю: Даниэль, поручик 25-го пешего полка в Кракове, и Иозеф Богуслав. Второй отличился в битвах при Мнихове, Венгрове и Гроховисках и был назначен командиром взвода. М. Лангевич перед строем назвал его "первым среди рядовых в восстании". Большую помощь добровольцам по переправке их в пределы Российской империи оказывали жители западных, северо-западных и северо-восточных жуп Словакии. На западе этим занимались в основном крестьяне, промышленявшие извозом. Однако численность словаков, активно участвовавших в восстании, была невелика.

Словацкие полонофилы готовили свои акции помощи польским повстанцам в тесном контакте с венгерскими демократическими деятелями. Польское восстание с наибольшим энтузиазмом встретили в Восточной Словакии, где более сильной являлась антиабсолютистская антивенская оппозиция. Вскоре после начала восстания в Любовне состоялись переговоры между представителями полонофильских кругов Средней и Восточной Словакии, венгерских полонофилов и Краковской лавы. В итоге на территории Словакии был образован конспиративный комитет во главе с венгром графом А. Чаки и его заместителем словаком М. Баданыи. Членами комитета стали словаки, в основном из простого люда, всех их называли "словацкие коштуовцы". Комитет выполнял роль посредника между Краковом, Пештом и Турином (где находился Л. Кошут).

С началом восстания польские эмиссары развернули энергичную агитационную кампанию на территории Словакии. Листовки Краковской лавы с призывом помогать восставшим в северные и северо-восточные районы доставляли местные полонофилы, среди которых преобладали ремесленники. Сбором средств в пользу повстанцев занимались как агенты Краковской лавы, так и словаки. Собирали деньги, перевязочные материалы, лекарства. Несколько десятков фунтов перевязочных средств доставили повстанцам через графиню Глоговскую из Галиции еще в самом начале восстания⁸. Одежду везли ремесленники главным образом из восточных областей. В марте—апреле 1863 г. денежные сборы были проведены в Гуменном, Врапове, Кежмарке, Левоче, Магурском округе.

Пропольская агитация велась и среди рабочих в Восточной и Центральной Словакии. Некоторые из них откликнулись на призыв и выполняли роль связных между польскими конспираторами и словацкими ячейками в Верхней Венгрии. С весны 1863 г. активными деятелями полонофильских организаций являлись представители сельской интеллигенции независимо от национальной принадлежности — учителя, духовенство, лесничие. Прокламации, выпускаемые конспиративным центром Словакии, содержали призывы к оказанию помощи восставшим полякам и к подготовке свержения австрийских властей. В одной из них говорилось: "...Мы нужны один другому как две руки, чтобы каждый мог сохранить свою народность перед лицом немецкой аристократии и немецкого капитала"⁹.

Несмотря на прилагаемые усилия, не удалось привлечь к полонофильским акциям широкие массы словацкого населения. Надежды на антигабсбургское восстание также оказались тщетными. Тем не менее и словаки внесли свою лепту в солидарную поддержку борьбы польского народа за национальную независимость.

Помощь, оказанная поляками восставшим венграм в 1848—1849 гг., совместная борьба "за вашу и нашу свободу" не осталась без ответа во время польского восстания. Прогрессивная венгерская общественность, поспешившая на помощь восставшим, одновременно стремилась отомстить царизму за интервенцию во время венгерской революции. С ранней весны 1863 г. начался довольно массовый наплыв венгерской молодежи через Краков. Кошут направил венгерским войскам, расквартированным в Галиции, послание, в котором призывал их поддерживать польских повстанцев. Польский исследователь отмечает, что там "среди офицеров заметно преобладали симпатии к повстанцам и стремление к борьбе с Россией; в приграничных домах всегда знали о времени, когда военный патруль выйдет к границе; венгерская кавалерия весьма неохотно выполняла свои функции..."¹⁰.

В восстании сражались несколько десятков венгерских добровольцев. Венгерский историк Э. Ковач считает, что их число достигало более тысячи¹¹. Многие, попавшие в плен, были сосланы в Сибирь. Бывший повстанец капитан М. Баняс, вернувшийся на родину после освобождения из сибирской ссылки, вспоминая о своем вступлении в восстание, писал, что оно возбудило у него как "у

многих наших молодых и увлеченных соотечественников, горлчее желание бороться в рядах польских патриотов против российского деспотизма”¹². Другой венгерский доброволец — Л. Секей, проделавший такой же путь, вступил в ряды польских повстанцев в зрелом возрасте — в 44 года. Всей своей жизнью он доказал приверженность идее революционной солидарности в борьбе за свободу. В 1848 г. он сражался под командованием Ю. Бема, достиг звания капитана и был награжден орденом. В 1860 г. он — ротный командир в венгерском батальоне в Италии. В конце 1863 — начале 1864 г. Секей до своего пленения боролся в рядах польских повстанцев. “На суде он держался с достоинством и заявил, что поспешил на помощь полякам и тем самым хотел отплатить за поддержку, оказанную ими венграм во время революции 1848—1849 гг.”¹³. В 1866 г. Секей принял участие в восстании польских ссыльных на Кругобайкальской дороге.

Многие добровольцы венгры держались в плену с достоинством. Об одном из фактов сообщил в начале 1864 г. “Колокол”. Пленные дворяне Б. Янош, Б. Лайош и Р. Шандор перед отправкой на каторгу содержались в Замостье. Они отказались выполнять унижительную работу и снимать головные уборы перед дежурным офицером, за что были наказаны¹⁴.

Венгерские революционеры вынашивали планы создания венгерского легиона в Королевстве Польском. Дважды с таким предложением Кошут обращался к польскому Национальному правительству красных. Ответ поступил только летом от правительства Маевского, которым было поставлено условие: венгерские добровольцы должны сражаться только на территории Королевства Польского, т.е. на землях, захваченных Россией. Параллельно в Пеште велись переговоры уполномоченного Национального правительства С. Эльжановского с полномочным комиссаром венгерского комитета Т. Гёргеем. Венгерский комитет обещал сформировать легион в составе 2 тыс. пехоты и 1 тыс. кавалерии и направить его на помощь повстанцам не позднее 1 октября. Расходы планировалось разделить с польской стороной поровну. Соглашение предусматривало возможность возвращения легиона на родину в случае начала восстания в Венгрии. Но венгры должны были предупредить об этом поляков за 30 дней¹⁵. Однако соглашение осталось нереализованным, венгерский легион не удалось создать, а Гёргей в январе 1864 г. был арестован. Агенты венгерского комитета на местах, т.е. на венгерских и словацких землях, организовали материальную помощь повстанцам, также содействовали отправке добровольцев.

Население Италии встретило известие о начале польского восстания с энтузиазмом. Не только сторонники Мадзини и Гарибальди, но и умеренно настроенные патриоты участвовали в многочисленных митингах, прокатившихся по всем крупным городам в феврале и марте 1863 г. Проводился сбор средств, составлялись воззвания и петиции о необходимости поддержать восставших. Русским в Италии устраивались обструкции. Об одном из таких фак-

тов сообщил “Колокол”. 23 марта во Флоренции публика отказалась слушать оперу композитора Кашперова. “Опера его пала, — говорилось в корреспонденции, — но никто ее не слышал: опера пала потому, что публика *“не хотела слушать музыку, сочиненную русским*. С поднятия занавеси партер закричал: “Не нужно русских, пусть едут в Петербург”, свист и шум не дали никакой возможности продолжать представление”¹⁶.

Пизанские студенты в марте 1863 г. обратились к русским студентам с воззванием, в котором, в частности, говорилось: “Братья студенты! С некоторого времени доходит до нас звон русского Колокола и мы надеялись, что он дойдет до народа русского, что он будет ударять к предсмертной борьбе самовластья, что он разбудит не подозревающих, что опасность близка. И в самом деле до нас доходили голоса освобожденных крестьян, голоса дворян, признающих права земледельцев (вещь беспримерная!). Наша надежда росла. Прогресс неотвратимо идет роковым путем, неотвратима судьба свободы, неотвратимо торжество права и истины.

И они должны были восторжествовать у вас!

Но вдруг раздался у нас крик войны между вами и братьями вашими, громят пушки несчастную Польшу, льется казацкая кровь за поддержку тиранства... И тут-то мы подумали об вас, русские студенты, вы, верно, как мы, любите отечество и любите, чтоб его уважали, и уважаете в других ту же любовь. Вы, юноши, должны хранить незапятнанную чистоту ваших чувств, готовность жертвы мученичества. Думая о вас, мы решились обратиться к вам речь. Студенты из Италии проливали кровь свою на всех полях, на которых дрались за отечество... Спасите вашу честь, которую пятнает правительство ваше, делая из вас убийц людей, защищающих священные достояния человека! *Начните* и за вами пойдут, начните, победа будет за вами, а если вы падете, вы падете в искупление страны вашей от позора и проклятия, которые иначе падут не на одну голову царя, а на ваше отечество”¹⁷.

Итальянские добровольцы, по большей части гарибальдийцы, приняли непосредственное участие в боевых действиях на стороне повстанцев. Полковник итальянских отрядов Гарибальди Ф. Нулло, раньше всех организовавший экспедицию в Польшу, погиб в первом же сражении с царскими войсками 5 мая 1863 г. Полковник Л. Павоне стал военным начальником трех уездов Плоцкого воеводства. Некоторые из итальянских участников восстания погибли в боях или умерли от ран, другие попали на каторгу, их отправили на работы в Нерчинские рудники. Полковник С. Беки был участником боев за освобождение Италии в рядах тосканской армии в 1848 г. В 1863 г. он сражался вместе с польскими повстанцами против царской армии, попал в плен и был расстрелян во Влоцлавке 17 декабря 1863 г. Вдова Беки попросила у повстанческого правительства польское гражданство для сына и дочери погибшего. Р. Траугутт поручил своему секретарю оформить соответствующий декрет и написать жене Беки письмо с выражением соболезнования. Черновик письма был обнаружен в бумагах Траугутта после его гибели¹⁸.

Гарибальди из-за ранения не мог принять непосредственного участия в военных действиях, но он стремился помочь полякам: Им было написано воззвание, начинавшееся словами: "Народы Европы! Не покиньте Польши"¹⁹. Гарибальди планировал создание итальянского легиона в Польше под командованием своего сына Менотти. Этот проект обсуждался с польскими посланцами в феврале—марте 1863 г. Но Национальное правительство только в июне переслало во Флоренцию 130 тыс. франков на экспедицию Менотти Гарибальди, время было упущено. В середине июля деньги возвратили полякам. Итальянский легион, как чешский и венгерский, создать не удалось²⁰.

Весной и летом 1863 г. Отель Лямбер завербовал во Франции несколько десятков офицеров, принявших участие в восстании. Среди добровольцев французов особенно отличился на поле боя Рошебрюн, участвовавший в кампании Лангевича.

Общественное мнение во Франции было взбудоражено недовольством внутренней политикой Наполеона III. После начала польского восстания фрондирующие слои обратили свои симпатии к полякам. Первыми с демонстративной поддержкой поляков выступили 3 февраля студенты Сорбонны. Прослушав импровизированную лекцию профессора Жирардена о сражающейся Польше, процессия студентов направилась к Отелю Лямбер с возгласами: "Да здравствует Польша!"²¹. Через несколько дней рабочие собрались провести митинг в поддержку Польши, но полиция не допустила этого. 9 и 10 марта в Марселе жители демонстрировали свой протест против репрессий царизма перед российским консульством. Успешно проходил во Франции сбор пожертвований, который по поручению Временного революционного правительства проводил Ю. Орденга.

В. Гюго в феврале 1863 г. обратился со страстным призывом к русскому войску не участвовать в подавлении восстания. Текст послания гласил: "Солдаты, будьте людьми. Слава эта представляется вам теперь, воспользуйтесь ею.

Если вы продолжите эту дикую войну; если вы, офицеры, имеющие благородное сердце, но подчиненные произволу, который может лишить вас звания и сослать в Сибирь; если вы, солдаты, крепостные вчера, рабы сегодня, невольно оторванные от ваших матерей, невест, семейств, вы, телесно наказываемые, дурно содержимые, осужденные на долгие годы военной службы, которая в России хуже каторги других стран; если вы — сами жертвы, пойдете против жертв, если вы в тот торжественный час, когда скорбящая Польша восстает, когда еще есть время выбора между Петербургом и Варшавой, между самовластием и свободой, если при этом роковом столкновении вы не исполните единого долга, лежащего на вас, долга братства; если вы пойдете с царем против поляков, если вы в вашем рабстве научились только тому, чтоб поддерживать притеснителя, если вы, имеющие оружие в руках, отдаете его на службу чудовищному деспотизму, давящему русских так же, как поляков, если вы вместо того, чтоб обернуться против палачей — подавите числом и превосходством средств героическое народо-

население, выведенное из терпения, заявляющее свое святое право на отечество; если в XIX столетии вы зарежете Польшу, если вы сделаете это — знайте, люди войска русского, что вы падете ниже вооруженных ватаг Южной Америки и возбудите отвращение всего образованного мира. Преступления силы остаются преступлениями, и общественное отвращение — уголовное наказание их.

Воины русские, вдохновитесь поляками, не сражайтесь с ними.

Перед вами в Польше не неприятель — а *пример*²².

Революционные контакты установились у английских демократических деятелей с польскими повстанцами. Лондон был центром деятельности польской левицы, там находились представители Польского демократического общества и Громады “Лондон”. Агент Центрального национального комитета Ю. Цверцякевич получил большую поддержку от демократической эмиграции и прогрессивной английской общественности. 1 февраля 1863 г. в Лондоне была образована Делегация польской эмиграции, преобразованная затем в Комитет. Последним были собраны пожертвования от англичан и польских эмигрантов в сумме свыше 300 фунтов стерлингов, которые пошли на отправку польских добровольцев в Польшу. Через польскую левицу Цверцякевич установил контакт с редакцией “Колокола”, М.А. Бакуниным, Мадзини, Ледрю-Ролленом, К. Марксом, лондонским советом профсоюзов.

К. Маркс и Ф. Энгельс приветствовали восстание, они рассматривали его как предтечу европейской революции²³. В октябре 1863 г. Маркс написал текст “Воззвания Лондонского просветительного общества немецких рабочих”. Он обратился к рабочим Германии с предложением выступить в защиту Польши, организовать сбор денег на нужды повстанцев. В воззвании говорилось: “Польский вопрос — это германский вопрос. Без независимой Польши не может быть независимой и единой Германии, не может быть освобождения Германии от подчинения России, которое ведет свое начало со времени первого раздела Польши... Восстановление Польши — вот что должно быть огненными буквами начертано на знамени немецкого рабочего класса, после того как буржуазный либерализм зачеркнул на своем знамени этот славный лозунг”²⁴. Основоположники марксизма, будучи современниками событий, интересовались ходом восстания и стремились мобилизовать демократические силы на активную помощь восставшим.

Повстанческое правительство через своих агентов в Англии готовило морскую экспедицию к берегам Литвы. Средства на ее снаряжение составились из пожертвований англичан и итальянцев, а также из сумм, предоставленных поляками. В марте 1863 г. на внешнем рейде английской гавани “Грейвзэнд” оружие, боеприпасы и снаряжение погрузили на пароход “Вард Джексон”. Было подготовлено 10 тыс. карабинов со штыками, 750 кавалерийских палашей, 200 пик, 100 тыс. патронов, 50 центнеров пороха, 2 млн капсюлей, 3 артиллерийских орудия и другое снаряжение²⁵. Снаряжать экспедицию помогали английские докеры. Состав ее был интернациональным. Отряд насчитывал 165 человек, в том числе 30

французов и итальянцев, 2 венгра, серб, офицер австрийской армии, а также русский офицер²⁶.

В конце января варшавские ремесленники обратились с посланиями к французским и английским братьям. Французским безработным из-за кризиса в хлопчатобумажной промышленности польскими ремесленниками была оказана помощь в сумме 500 франков. Поляки рассказали о причинах, побудивших их начать восстание, просили понять мотивы и одобрить их действия. "Мы, польские рабочие, — говорилось в послании к английским рабочим, — посылаем первое обращение восставших полков к нашим братьям, английским рабочим, которые знают, что такое мозольный труд и как для него нужна свобода... Мы уверены, что вашим благородным сердцем вы оцените наши слова и будете доброжелательны к нашим действиям. Честь вам и братство!"²⁷

Печатный орган английских рабочих 31 января 1863 г., сообщая о начале восстания, высказал мысль о необходимости оказать помощь полякам и таким образом исправить ошибку, которую совершила Англия, санкционировав разделы польского государства: "Обычная доктрина невмешательства не должна иметь места в польском вопросе. Англичане должны краснеть при мысли о той несправедливости, которая была допущена по отношению к Польше, от того, что наши государственные деятели санкционировали трехкратный раздел этого старого, конституционного королевства, произведенный тремя окружающими его деспотами: Россией, Австрией и Пруссией"²⁸.

На следующий день после публикации этого обращения Делегация польской эмиграции обратилась к англичанам с просьбой о сборе пожертвований. Редакция рабочей газеты организовала первый пропольский комитет, который занялся сбором средств. Бельгийское радикально-демократическое общество, большинство в котором составляли рабочие, 12 марта организовало в Брюсселе митинг в поддержку сражавшихся поляков, был объявлен сбор средств для закупки оружия и отправки польских эмигрантов-добровольцев на помощь повстанцам. Собираемые после митинга средства направлялись в Лондон для передачи Делегации (Комитету) польской эмиграции.

3 марта 1864 г. в рабочем квартале Лондона Финсбери состоялся митинг солидарности с Польшей. В принятой резолюции выдвигалось требование восстановления независимости Польши. Английские рабочие так же, как и французские, выражая сочувствие польским повстанцам, активно осуждали политику своих правительств. 28 апреля по инициативе английских тред-юнионов в Сент-Джемс-холле был созван митинг, который принял петицию премьер-министру Пальмерстону с требованием вмешательства Англии в пользу Польши. На следующий митинг 22 июня в том же Сент-Джемс-холле пригласили представителей французских рабочих. Солидарное выступление в поддержку польского восстания явилось стимулом к интернациональному объединению рабочих. 28 сентября стал днем рождения Международного товарищества

рабочих, I Интернационала. Его учредительное собрание состоялось в Лондоне в малом зале Сент-Мартинс-холла. От имени польских рабочих на собрании выступил Холторп.

Картина будет неполной, если совсем обойти вопрос об отношении к польскому восстанию прогрессивной русской общественности, хотя этот аспект солидарности с поляками не входит в нашу задачу. В русском обществе также нашлись революционные силы, солидаризировавшиеся с борьбой восставших за обретение национальной независимости. Это и правдивое освещение в свободной прессе за рубежом ("Колокол" А.И. Герцена и Н.П. Огарева) хода восстания и репрессий карательных органов царской России, и призывы к поддержке восстания, которые звучали в подпольных прокламациях русской революционной организации "Земля и Воля". Это и практическая деятельность Герцена, Бакунина и других эмигрантов по оказанию помощи восставшим. И наконец, это деятельность Комитета русских офицеров в Польше, борьба русских революционеров в рядах повстанцев, трагическая гибель участвовавших в боях или попавших в плен.

Польское восстание завершилось убедительной демонстрацией революционной солидарности крепнущего нового класса — пролетариата. Вместе с тем оно пробудило и демократические силы в большинстве стран Центральной Европы, где процесс формирования рабочего класса еще не завершился, а в некоторых странах находился на начальной стадии.

Порыв демократических сил принять участие в борьбе против деспотизма в поддержку справедливой национально-освободительной борьбы польского народа, безусловно, являлся одним из стимулов образования многочисленного потока добровольцев, влившихся в ряды повстанцев. Сочувствие и солидарная поддержка восставшего народа проявлялись на многочисленных митингах, собраниях, в составлении адресов с выражениями симпатий сражавшимся полякам, журнальных статьях и политических брошюрах, в массовых пожертвованиях денежных средств, медикаментов, одежды, в организации помощи добровольцам, направлявшимся к местам сражений, и раненым повстанцам.

На помощь полякам поспешили венгры и итальянцы, считавшие своим долгом поддержать тех, кто сражался с ними вместе в революционные дни 1848—1849 гг. Венгерские добровольцы, кроме того, выступали против царского правительства, осуществившего военную интервенцию и участвовавшего в подавлении этой революции.

Представители славянских народов оказывали поддержку полякам, но многих чехов и словаков от активной деятельности против России удерживала приверженность идее славянской взаимности. Солидарность с повстанцами проявлялась вопреки основному принципу этой идеи, когда приходилось выбирать, и выбравший становился на сторону более слабого, в данный момент угнетаемого народа.

Польское восстание оказало большое влияние на развитие национальной мысли угнетенных народов Центральной Европы, спо-

содействовало ускорению формирования и обособлению прогрессивных течений, их размежеванию с умеренными национальными группировками.

Традиция совместных солидарных выступлений в борьбе за общедемократические принципы свободы, гражданского и национального равноправия, против деспотизма в любых его проявлениях, поддерживаемая и продолженная во время польского восстания 1863 г., была развита и наполнена новым содержанием в последующие годы.

- 1 *Grot Z.* Rok 1863 w zaborze pruskim. Poznań, 1963. S. 157-162.
- 2 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. W-wa, 1972. S. 599.
- 3 Документы Центрального Национального Комитета и Национального Правительства. Вроцлав; Варшава; Краков, 1968. С. 192.
- 4 *Záček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Cechách. Pr., 1935. S. 150.
- 5 *Ibid.* S. 162.
- 6 *Ibid.* S. 167.
- 7 *Ibid.* S. 175.
- 8 *Borodovčak V.* Ohlas polského povstania roku 1863 na Slovensku; Slovenski polonosti a spolupraca demokratických sil Rakouska v boji proti petrohradskému a viedenskému absolutizmu. Br., 1960. S. 146.
- 9 *Ibid.* S. 160.
- 10 *Tokarz W.* Kraków w początkach powstania styczniowego i wyprawa na Miechów. Kraków, 1914. T. 1. 234.
- 11 См.: *Штернберг Я.И.* Воспоминания венгров — участников польского восстания 1863 г. // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974. С. 186.
- 12 Там же. С. 189.
- 13 Там же. С. 188.
- 14 Колокол. 1864. 15 февр. № 179. С. 1474.
- 15 Документы Центрального... С. 196.
- 16 Колокол. 1863. 1 апр. № 160. С. 1325.
- 17 Там же. 1863. 15 марта. № 159. С. 1315-1316.
- 18 *Dubiecki M.* Włosi w powstaniu styczniowym. Kwartalnik Historyczny. Lwów, 1922. Roc. 36. S. 112-113.
- 19 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 412.
- 20 *Ibid.* S. 600-601.
- 21 *Ibid.* S. 407.
- 22 Колокол. 1863 г. 15 февр. № 156. С. 1301.
- 23 См.: *Дьяков В.А.* Маркс, Энгельс и Польша: Польская тема в творческом наследии основоположников научного коммунизма, их личные контакты с поляками. М., 1989. С. 74-83.
- 24 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 596-597.
- 25 *Зайцев В.М.* Морская повстанческая экспедиция к берегам Литвы в 1863 г.: К столетию героической борьбы "За нашу и вашу свободу" // Сб. статей и материалов о восстании 1863 г. М., 1964. С. 182.
- 26 Там же.
- 27 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 408.
- 28 Pierwsza Międzynarodówka a sprawa polska: Dokumenty i materiały. W-wa, 1964. S. 58.

Г.И. Еремеева

ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ЧЕШСКОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 40–70-х ГОДОВ XIX в.

Зарождение и становление радикальной демократии, наиболее прогрессивного направления в чешском национально-освободительном движении середины и второй половины XIX в., было тесно связано с воздействием революционного и демократического движения Европы и его выдающихся представителей. Чешские радикальные демократы первыми в чешской политической жизни проявили интерес к прогрессивным движениям других народов, ориентировались на эти движения, пропагандировали солидарность между демократами Европы.

Формирование радикально-демократических взглядов у таких выдающихся деятелей, как Эмануэль Арнольд, Карел Сабина и других, относится к началу 30-х годов и связано в первую очередь с влиянием французской революции и польского восстания 1830 г. Возникавшие начиная с 30-х годов повсеместно в Чехии общества и союзы национально-политического характера испытывали влияние борющихся за освобождение итальянцев, поляков, венгров и других народов.

Значительным было воздействие героической национально-освободительной борьбы итальянского народа против австрийского гнета. В Чехии нашла отклик деятельность Дж. Мадзини, выступавшего за объединение усилий угнетенных народов в борьбе против господства Габсбургов. Чешские демократы знали о созданной Мадзини революционной группировке “Молодая Италия”, а также об организации “Молодая Европа”, ставившей целью координацию действий революционеров различных стран.

Австрийская полиция располагала данными о непосредственных контактах с “Молодой Италией” К. Сабини, мечтавшего о создании общеевропейской федерации свободных народов и пропагандировавшего в Чехии идеи французского и английского утопического социализма.

В период революции 1848–1849 гг. деятели чешского освободительного движения находились под воздействием Дж. Гарibaldi, с именем которого в последующий период были связаны походы за освобождение Италии от австрийского гнета. В этих походах участвовали и чешские добровольцы.

Значительный отклик в чешских землях нашло освободительное движение в Королевстве Польском, и особенно восстание 1830–1831 гг. Чешские демократы развернули деятельность по созданию нелегальных кружков национального характера.

Возникший в 1845 г. в Праге один из таких тайных кружков стал средоточием радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, главным образом молодых литераторов и студентов, и объединил несколько десятков других союзов и обществ. Позднее они приняли название ирландской национально-освободительной организации "Рипил". В состав "Рипила" входили как чешские, так и немецкие демократы. В центре их внимания находились наиболее острые политические события в европейских странах, в их среду попадала социалистическая пресса, брошюры из соседней Германии, а также из Франции и других стран.

Радикальные публицисты Чехии — чехи К. Сабина, К. Сладковский, П. Хохолоушек, немец Л. Рупперт — сотрудничали в немецкой демократической прессе Вены и Лейпцига.

В канун революции 1848 г. в Западной Европе находился чешский радикальный демократ Й.В. Фрич, установивший контакты с деятелями польской демократической эмиграции, членами польского "Демократического общества". Фрич посещал военную школу польских эмигрантов, руководимую Э. Дембинским, одним из выдающихся деятелей польской революционной демократии, который выдвигал идею создания федерации равноправных славянских народов. Впоследствии, находясь в эмиграции в Западной Европе, пропагандировал справедливые цели борьбы польского народа (независимость и свобода) и продолжал поддерживать тесные связи с представителями польской демократической эмиграции.

Революционные годы — период расцвета чешской радикально-демократической публицистики, являющейся важной страницей в истории общественной мысли того времени. Во время революции сформировалась плеяда выдающихся демократических публицистов — Э. Арнольд, К. Сабина, Славомил Вавра, Вищенц Вавра, Я. Кнедльганс-Либлинский и др. Важнейшими печатными органами радикалов стали "Пражски вечерни лист", "Новины липы словацке", "Обчанске новины".

Именно в демократической публицистике впервые были сформулированы задачи борьбы с феодально-монархическим строем, демократических преобразований, идеи республиканизма. Радикалы увязывали задачи социально-политические с национальными. На страницах радикальной прессы, брошюр все большее значение придавалось проблеме солидарности чехов с другими славянскими народами, а также итальянцами и венграми в их освободительной борьбе.

Весной 1848 г. радикалы выпустили брошюру под названием "Плач чешской короны", автором которой предположительно был Э. Арнольд¹. В брошюре содержался протест против использования славянских полков австрийской армии против итальянского национального движения, выражалась солидарность с этим движением.

В канун революции 1848 г. и во время славянского съезда в Праге чешские демократы установили контакты с М.А. Бакуниным, пропагандировавшим необходимость крушения Австрийской империи, идею суверенитета каждого народа в рамках свободной феде-

рации. Позднее, в январе 1849 г., чешская демократическая печать опубликовала текст "Воззвания к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена Славянского съезда в Праге"³. В этом воззвании, получившем широкое распространение в Германии и Польше, прозвучал страстный призыв к революции. Бакунин подчеркивал общность целей славянских народов в борьбе за освобождение, призывал к сотрудничеству с немецкими, венгерскими и итальянскими революционерами.

Радикальная печать Чехии проявила большой интерес к событиям в Италии. После того как при посредстве польской эмиграции было создано "итало-славянское общество" в Турине, заключенное между итальянскими и славянскими демократами соглашение о совместной борьбе против Габсбургов получило широкое освещение на страницах чешской радикальной прессы. Здесь было напечатано воззвание к "славянам чешским, иллирийским, русинским и болгарским", в котором особое внимание уделялось чехам⁴.

После поражения Пражского восстания, когда в рядах чешского общественного движения шел процесс размежевания, произошло окончательное оформление радикально-демократического направления. Чешские демократы преодолевали национализм, а их агитация в поддержку революционной Вены и Венгрии встречала отклик в народных массах. Так, в Моравии и Силезии в ответ на революционные события в Вене и Венгрии усилились выступления городского и сельского населения⁴. В октябре 1848 г. призывы к солидарности чехов и немцев прозвучали в воззвании организации "Славянская липа"⁵.

Опыт революционных событий 1848—1849 гг. способствовал осознанию представителями чешской демократии необходимости преодоления национального антагонизма, который в условиях монархии Габсбургов являлся серьезным препятствием для завоевания свободы и независимости входящими в ее состав народами. В идеологии и политической практике радикальных демократов усиливаются тенденции к солидарности и совместной борьбе против угнетательской политики Габсбургов.

В начале 1849 г., в преддверии "майского заговора", в чешском обществе, особенно среди студенчества, усиливается стремление к сотрудничеству с немецкими демократами. В специальном адресе, направленном лидерами чешского студенчества немецким студентам, подчеркивалась необходимость устранения чешско-немецкого конфликта⁶.

Адрес встретил понимание у немецких студентов. В ответ они писали чехам: "Мы подаем вам руку братства, убеждены, что никто нас не сможет разъединить в достижении нашей общей цели"⁷.

Наступление контрреволюции в Австрии, ознаменовавшееся роспуском в марте 1849 г. рейхстага и введения Октроированной конституции, вызывало в чешских землях недовольство. Весна 1849 г. стала временем активизации революционно-демократических сил.

В марте, в первую годовщину начала революции 1848 г., в

Праге происходили многотысячные манифестации, отдавались почести погибшим в мартовские дни 1848 г. в Праге, а также в период октябрьского восстания в Вене. К весне 1849 г. радикалы отходят от концепции австрославизма, меняют отношение к венгерскому и германскому демократическому движению. Чешские демократы участвовали в разработке совместных планов с немецкими и польскими революционерами, при участии М.А. Бакунина — по подготовке восстания в мае 1849 г. (так называемый Майский заговор).

Наряду с планами “Майского заговора” в Чехии прорабатывался и другой вариант возможного выступления чешских демократических сил против усиливавшейся реакции. Это были планы Э. Арнольда, связывавшего сроки возможного выступления чехов с успехами вооруженной борьбы венгров, с успехами словацкого отряда во главе с Яначекком, сражавшегося первоначально на стороне австрийского войска, а затем перешедшего в лагерь Кошута⁸.

Радикальная пресса систематически информировала общественность о ходе освободительной войны венгерского народа. Печатный орган Арнольда “Обчанске новины” в этот период пропагандировал интернациональную солидарность демократов — чехов, венгров, немцев, итальянцев в борьбе с габсбургской реакцией. Газета писала: “Ныне славянин, немец, венгр и итальянец как братья должны протянуть друг другу руки, тогда мы стали бы как одно тело и один дух и вместе шли бы к цели, от которой правительство пытается нас всевозможными и самыми постыдными способами отдалить”⁹. В этот период Арнольд выдвигает требование ликвидации Австрийской монархии и создания самостоятельной Чешской республики, которая войдет в федерацию демократических республик Европы. Все это свидетельствовало о преодолении лучшими представителями чешской демократии национальной ограниченности.

После поражения революции 1848—1849 гг. под контролем полиции, жандармерии оказались все стороны жизни чешского общества. Преследованиям подверглись передовые деятели культуры, прежде всего публицисты. Политика репрессий не могла не вызвать оппозиционные настроения. Кружки и организации антиправительственного характера создавались повсеместно в городах, а также в провинции, особенно среди молодежи.

Власти ответили серией политических процессов. Полицией был раскрыт, в частности, ряд студенческих организаций, ставивших целью борьбу за освобождение Чехии и подготовку нового революционного выступления.

В условиях наступления реакции важное значение и отклик в широких слоях населения имела мужественная борьба против абсолютизма, которую в начале 50-х годов вел в публицистике Карел Гавличек-Боровский.

В то время как чешские либералы отходят от политической деятельности, Гавличек на страницах “Народных новин” (1850 г.), а затем журнала “Слован” (1850—1851 гг.), а также в брошюрах, сатирических произведениях, памфлетах начала 50-х годов развернул

борьбу против политики централизма и германизации славянских и других земель Австрийской монархии.

В отличие от предшествующего периода он писал не только о братстве "славянских племен", но и об общности интересов славян, венгров, итальянцев и других народов монархии Габсбургов, испытывавших угнетение. Гавличек звал народ к политической активности, видел в его просвещении гарантию установления в монархии подлинно конституционного строя.

Для достижения угнетенными народами национальных прав Гавличек, как и ранее, выбирает путь законной оппозиции, считая неприемлемыми революционные методы борьбы. Но возвращаясь к недавнему прошлому и анализируя опыт революции, он писал, что "не может быть и речи о любви к Австрии как государственному объединению"¹⁰.

Поставив свое перо на службу борьбе с наступившей в монархии реакцией и возрастающим национальным гнетом, Гавличек осуждал проводимую властями пропаганду австрийского патриотизма среди народов монархии. Ему принадлежат следующие слова: "Никогда порядочный славянин, венгр или итальянец не назовет себя австрийцем". По мнению Гавличека, чехов и славян вообще, венгров и итальянцев "объединяет их отношение к Австрии, которая является для них тюрьмой"¹¹.

Гавличек пришел к выводу, что политика лояльности к правительству наносит ущерб чешскому национальному движению. Напомнив о позиции венгров и итальянцев в период революции, он отмечает на страницах журнала "Слован": "Власти испокон веков уважают права народа скорее из страха, чем по любви". Тем не менее он утверждал, что "прогресс в обществе происходит не с помощью насилия, а путем благоразумия". Свои надежды Гавличек связывал с парламентской борьбой, с деятельностью рейхстага, верил в выработку "справедливой для всех народов многонациональной Австрии федералистской конституции", с помощью которой, как он полагал, "возможно преобразование ее в подлинно демократическое государство".

К. Гавличек проявлял большой интерес к русской и славянской литературе и культуре. Важное значение он придавал культурным контактам между славянскими народами, которые, по его мнению, служат их взаимному обогащению. Творчество К. Гавличека-Боровского получило значительный отклик в славянских землях, в первую очередь среди южных славян, которые приветствовали его публицистические выступления. Гавличек считал, что русский народ, освободившись от самодержавия, покажет свои огромные возможности. Это, полагал Гавличек, принесет пользу и другим народам, в том числе и чешскому.

В связи с Крымской войной в чешском обществе усилился интерес к России. В то время как австрийское правительство встало на сторону западных держав, широкая чешская общественность восхищалась героизмом русских солдат, защищавших Севастополь. В чешской публицистике помещались материалы о внутреннем со-

стоянии России, высказывались мнения о необходимости реформ. Большой интерес вызывала русская культура. Были опубликованы переводы Гоголя, Пушкина, Лермонтова. В 50-е годы чешская пресса впервые поместила материалы о деятельности Герцена, в частности об издании им "Полярной звезды". Чешским демократам стало известно о существовании "Колокола", отдельные номера которого периодически попадали в чешские земли.

В условиях баховского абсолютизма, когда представители демократического крыла национально-освободительного движения могли продолжать активность лишь в области литературы и культуры, предпринимались попытки издания литературных журналов, альманахов и др. ("Лада Ниола", "Май"). В своеобразной форме они стремились пробудить политическое сознание народа. В среде прогрессивных писателей и публицистов, считавших себя наследниками радикальных демократов периода революции 1848—1849 гг. (Я. Неруда, П. Хохолоушек, Йозеф Барак, Антал Сташек, Й.В. Фрич и др.) господствовали настроения протеста против существовавшей действительности. В своем творчестве они пропагандировали прогрессивные традиции мировой литературы.

Борьба двух лагерей — демократического и консервативного, сформировавшихся в период революции 1848—1849 гг., в 50-е годы продолжалась в области культуры. Консервативно настроенные деятели культуры обрушивались с нападками на прогрессивных писателей, стремились воспрепятствовать влиянию передовой зарубежной литературы, прежде всего немецкой (Г. Гейне), проникновению демократических идей, социальной проблематики. Писателей-демократов обвиняли в отсутствии патриотизма, в покушении на национальные традиции чешского народа. Тем не менее демократическая идеология оказывала все большее влияние на чешское общество.

Прогрессивных деятелей культуры привлекали славные страницы истории других народов. Героическая борьба русского народа в период монголо-татарского ига, по их мнению, могла стать примером для чехов. Прогрессивные деятели культуры отмечали свободолюбие русской литературы, ее уважение к другим народам, боровшимся за свободу. Они обращались также к борьбе югославянских народов против турецкого ига (П. Хохолоушек).

В начале 60-х годов XIX в., когда чешские земли стали одним из центров выступлений против абсолютизма, подъем переживало и демократическое движение. После введения в жизнь февральской конституции 1861 г., проникнутой духом централизма, а потому не оправдавшей надежд широких демократических кругов чешского общества, в публицистике все чаще совершались нападки на абсолютизм, критиковалось неравноправное положение чехов в монархии, строились планы решения чешского вопроса.

В обстановке национального подъема 60-х годов важным политическим фактором вновь стала журналистика. В ведущих газетах и журналах "Час", "Глас", "Народни листы", "Образи живота" и других, выходивших с начала 60-х годов, сотрудничали бывшие ради-

кальные демократы, возвращавшиеся к политической деятельности.

Группа прогрессивных журналистов сотрудничала в издании "Народни листы". В Млада-Болеславе издавались радикальные газеты "Болеславан" и "Правда". Демократические публицисты знакомили чешскую общественность с освободительными движениями других стран, помещали на страницах газет и журналов информацию об освободительном движении итальянцев, поляков и других народов. Значительное место пресса уделяла информации из России.

Демократическая печать приветствовала отмену крепостного права в России, в газетах "Час" и "Глас" утверждалось, что "старая Россия погребена навсегда". Однако надежды и иллюзии, связанные с проходившими в России реформами, постепенно сменялись критическими статьями, в которых подчеркивалось, что не от царя, а от русского народа следует ждать действий, которые приведут к преобразованию России в свободное государство.

В феврале 1862 г. в газете "Глас" была помещена статья "Что мы можем ждать от России?"¹². В статье подчеркивалось значение происходящих в России перемен для славянских народов, для всей Европы и выражалась надежда на то, что в скором будущем Россия превратится в свободную страну. Статья встретила отпор группы радикальных публицистов. В сатирическом альманахе "Апрель" они подвергли критике выраженную в упомянутой статье "Глас" надежду на официальную Россию. Пражские радикалы уже в 1862 г. развернули кампанию в поддержку освободительной борьбы польского народа, в альманахе "Апрель" выражались симпатии полякам.

Постепенно в прессе все больше стало появляться критических статей по поводу проводившихся самодержавием реформ. Демократическая печать уделяла значительное внимание оппозиционному движению в России, сообщала о нелегальном органе "Великорус" и особенно о "Колоколе" А.И. Герцена.

После падения баховского абсолютизма, с ослаблением цензуры демократическая пресса не только помещала сообщения о Герцене, "Колоколе", но и подробно цитировала его статьи. Имя Герцена было особенно популярно в Чехии. Пресса помещала биографические материалы о нем, информировала читателей о статьях, напечатанных в "Колоколе", о позиции Герцена по важнейшим вопросам, волновавшим общественность Европы.

"Глас", "Народни листы", а также радикальные органы "Болеславан" и "Правда" перепечатывали материалы из "Колокола", сообщали о контактах русских революционеров с освободительными движениями других народов. В газете "Глас" было опубликовано воззвание М.А. Бакунина "Русским, польским и всем славянским народам", в котором русский революционер обращался с призывом о совместной борьбе за "землю и волю", свободу и независимость. Бакунин, ведший в славянских странах, в том числе Чехии, агитацию в пользу приближающегося восстания в Королевстве Польском, сыграл важную роль в формировании чешского общественного мнения в пользу поляков.

Под влиянием Герцена и других русских революционеров чешские демократы освобождались от либеральных иллюзий, веры в царя и проводимые царским правительством реформы. В то время как в консервативно-либеральных кругах общества восхваляли царя за отмену крепостного права в России, в демократических кругах подчеркивали вынужденный характер проводимых царизмом реформ.

Основываясь на публикациях “Колокола”, чешские демократические публицисты обращали внимание общества на волнения крестьян в России, обманутых царским правительством. Демократические круги приветствовали солидарность русских революционеров и демократов с освободительной борьбой угнетенных народов, отстаивание русско-польского революционного союза.

В газете “Час” была напечатана статья “Александр Герцен”¹³. В ней отмечалось, что поляки с уважением относятся к Герцену, к его требованию “полной независимости Польши”. В журнале “Образ жизни” Э. Вавра писал о дружеском отношении Герцена к полякам, напоминал читателям о его выступлениях с призывами к солидарности русского народа с поляками. В статье говорилось, что Герцен является надеждой не только России, но и всех славянских народов¹⁴. Газета “Посел з Праги” указывала, что благодаря Герцену народы Европы признали права славянских народов¹⁵.

Демократическая печать подчеркивала важность взаимопонимания свободомыслящих русских с поляками. В то же время она отмечала существовавшие разногласия по вопросу о границах: “поляки — за границы 1772 г., а русские — за границы, в которых живут собственно поляки”.

Чешские демократы-эмигранты, находившиеся в различных странах Европы, видели союзников чешского народа в демократической европейской эмиграции. Они поддерживали связи с представителями немецкой, польской, венгерской эмиграции. Значительное воздействие оказывали на них Герцен и Бакунин.

Так, Й.В. Фрич в эмиграции устанавливает с ними связи, а в 1861—1862 гг. по образцу “Колокола” издает в Женеве вольную газету “Чех”¹⁶. В этой газете, распространявшейся в Чехии, Фрич призывал к революционному разрушению монархии Габсбургов, завоеванию Чехией независимости и вхождению ее в федерацию свободных европейских народов.

Фричу удалось установить тесные контакты с польской эмиграцией, он неоднократно выступал в защиту свободы этого мужественного народа, призывал поляков быть союзниками чехов. Фрич являлся горячим пропагандистом освободительных целей борьбы польского народа. В Чехии пресса публиковала его статьи о важнейших событиях, которыми жила польская демократическая эмиграция. Фрич приветствовал стремления той части польской демократической эмиграции, которая была готова пойти на союз со свободомыслящими русскими, связывала национально-освободительные устремления поляков с необходимостью демократических преобразований.

Фрич уделял немалое внимание популяризации освободительных целей борьбы венгерского народа за независимость, осуждал политику национального угнетения, проводимого австрийским правительством в отношении Венгрии. Чешский демократ утверждал, что венгры не являются врагами славян, он подчеркивал, что эти народы нуждаются в сплочении против гнета¹⁷.

В период восстания в Королевстве Польском большая часть чешского общества встала на сторону восставшего польского народа. В демократических кругах выражали надежду на то, что восстание вызовет революционный взрыв в России, активизирует освободительное движение в Австрии, в том числе в чешских землях.

Радикальные органы освещали позицию русских революционеров — Герцена, Огарева, Бакунина — по польскому вопросу. Фрич рассматривал отношение Герцена к борьбе польского народа как “проявление самого бескорыстного патриотизма”. Вслед за Герценом, Огаревым, Бакуниным Фрич утверждал, что в свободе Польши — свобода России и всего славянства.

Борьба польского народа за свободу и независимость приветствовалась демократической публицистикой. Справедливые цели восставших поляков особенно горячо защищали радикальные органы “Болеславан” и “Правда”. “Болеславан” резко выступил против позиции чешских консервативно-либеральных лидеров национальной партии, осудивших польское восстание. “Мы убеждены, — писал журнал, — что поляки победят, а это принесет пользу не только полякам, но и всему славянству”¹⁸.

Радикальные органы информировали читателей о ходе боевых действий, отмечали самоотверженность и героизм повстанцев. В Праге, Млада-Болеславе и других городах демократы вели агитацию в поддержку справедливой борьбы польского народа. Проводился сбор денежных средств, оружия, боеприпасов в помощь повстанцам.

В Галиции действовал тайный комитет по организации помощи восставшим, в котором существовала чешская секция. Чешские рабочие Силезии участвовали в доставке оружия на поле сражения, помогали в организации побегов пленным полякам. Среди чехов велась вербовка добровольцев в помощь восстанию в Королевстве Польском.

В марте 1863 г. в Чехии получило распространение воззвание, призывавшее чехов к участию в польском восстании. Автором этого воззвания предположительно был Йозеф Барак, леволиберальный журналист и писатель, проявлявший большую активность в период польского восстания. Барак неоднократно выезжал в Краков для координации действий с польскими повстанцами.

Существовали проекты создания чешского легиона в поддержку повстанцев. В тексте присяги бойцов чешского добровольческого легиона говорилось, что чешские добровольцы обязуются помогать братьям-полякам до тех пор, пока их страна не будет освобождена от гнета.

В Чехии вербовкой добровольцев занимались Йозеф Барак, Эм-

мануэль Тоннер, братья Вацлав и Карел Фричи и др. Организацией помощи польским повстанцам занимался И.В. Фрич, находившийся в эмиграции. В качестве "представителя чешского народа" он получил полномочия польского повстанческого правительства на вербовку чешских добровольцев, на "любые действия, имеющие целью умножение рядов польской армии из числа чешских добровольцев и офицеров".

Весной 1864 г. Фрич и Тоннер участвовали в подготовке планов широкого антиавстрийского выступления, планировавшегося представителями европейской эмиграции (поляки, венгры). Согласно этим планам, предполагалось участие чехов в вооруженном выступлении против Австрии. Фричу было поручено составление текста антиавстрийского воззвания к чешским, польским и хорватским солдатам австрийской армии. В воззвании доминировала идея солидарности, союза и совместной борьбы угнетенных народов Европы против тиранов. В чешском варианте воззвания содержалось обращение к тем чехам, которые служат в австрийских частях в Венгрии, Польше, Италии, не противопоставлять себя народам, борющимся за свободу, и не служить орудием реакции.

В период польского восстания чешская демократическая печать помещала статьи Фрича, в которых он призывал чехов следовать примеру народов, борющихся за свободу, подвергал критике австрославистскую концепцию лидеров чешской буржуазии. Лояльность к габсбургской монархии, по мнению Фрича, является предательством по отношению к народам, борющимся на свободу и независимость.

Активными организаторами акций чешских демократов были Ян Неруда, Й. Барак, И.В. Фрич. Все они находились в центре контактов чехов с европейской демократией, в первую очередь польской. Имя Неруды фигурировало в многочисленной корреспонденции между Прагой, Загребом, Белградом, Парижем.

Следуя советам Бакунина, Фрич в период польского восстания разрабатывал принципы нелегальной демократической партии в Чехии в целях координации действий с революционными кругами венгров, поляков, хорватов и др. В уставе организации — партии "дедичей" — ставилась цель завоевания независимости землями чешской короны, создания после развала Австрии "великой свободной славянской федерации", которая предоставит равные права народам и сохранит своеобразие каждого из них. При этом учитывался опыт революционных организаций: польской Централизации, русской "Земля и Воля" и др. В вводной части устава прямо говорилось: "За границей вновь настаивают на том, чтобы мы организовались подобно тому, как в других странах, и в первую очередь славянских. Подобные организации готовятся к неизбежному в будущем выступлению, причем каждая может начать выступление либо одновременно с другими организациями, либо в иное, подходящее для нее время"¹⁹.

И.В. Фрич поддерживал связи с польскими демократами и после поражения польского восстания. Он состоял в организации

“Славянское коло”, пропагандировавшей идеи славянского единства. В эти годы, когда актуальной оставалась идея создания антиавстрийских легионов, он участвовал в совместных польско-итальянских планах, связанных с ней.

Стремясь использовать австро-прусскую войну (1866 г.) для развертывания антиавстрийской деятельности, чешские демократы снова призывали к солидарности с остальными народами империи Габсбургов. В противовес политике венского двора, проводившего политику натравливания народов друг на друга, авторы вышедшей в Берлине брошюры “Плач чешской короны” А. Котик и Й.В. Фрич звали к соединению усилий чешского народа в борьбе за независимость с иными народами монархии. Союзниками чехов назывались, в частности, венгры и сербы. В брошюре выражалась надежда на то, что час освобождения должен настать и для греков, итальянцев, румын. После того как народы империи завоюют независимость, они войдут в “великую свободную федерацию”, — провозглашалось в брошюре.

Представители польской демократической эмиграции издали на польском языке брошюру “Плач чешской короны”, проявив таким путем солидарность с чешскими радикалами.

Большой отклик в чешских землях в 60-е годы вызывала борьба итальянского народа против австрийского господства. Успехи Гарибальди, по мнению чешских радикалов, могли способствовать активизации освободительного движения в чешских землях, помочь освобождению славянских народов. В Праге работал комитет по координации действий с итальянцами. Одним из членов этого комитета являлся Индржих Подлипский, участвовавший в походах Гарибальди, а также сражавшийся в антиавстрийском венгерском легионе на территории Италии. Другим членом комитета был чешский журналист Эдуард Рюффер, также участвовавший в походах Гарибальди и входивший в состав венгерского гарибальдийского легиона.

В мае 1864 г. в Италию направился Фрич, который встречался с Гарибальди на Капрере (июнь 1864 г.), вел с ним переговоры. Целью переговоров была координация действий революционеров центральноевропейских стран, возможность формирования добровольческих отрядов и их взаимодействие.

Дуалистическая перестройка монархии Габсбургов, означавшая крах федералистских устремлений чешской буржуазии, рассматривалась ее лидерами как угроза усиления пангерманизма. Реорганизация монархии на основе исторического права в этих условиях удовлетворяла как старочехов, так и младочехов. Вместе с тем чешские лидеры стремились продемонстрировать, что против системы дуализма и угрозы пангерманизма они могут опереться на Россию.

Этой политической цели послужила в 1867 г. поездка чешских лидеров во главе с Палацким и Ригером в Москву. В своей тактике сближения с официальной Россией буржуазные чешские лидеры надеялись сыграть на чувствах симпатии, которые испытывали широкие слои чешского общества к идее славянской взаимности, к великому русскому народу.

Результатом поездки в Россию стало заметное оживление русофильских настроений в Чехии. Однако такие представители чешской демократии, как Й. Барак, Я. Неруда, а также находившийся в эмиграции Й.В. Фрич выступили против слепой веры в официальную Россию и надежд на царя. Фрич бил тревогу по поводу солидарности сил прогресса и демократии. На первый план Фрич выдвигал солидарность прогрессивных сил народов, в том числе и неславянских, против реакционных правительств России, Австрии, Турции.

Позиция Фрича была созвучна выступлениям представителей европейской демократии, в первую очередь польской, сербской, венгерской, итальянской эмиграции, которые протестовали против Славянского съезда в Москве и выступали в защиту идеи федерации народов как славянских, так и неславянских.

Общность задач, стоявших перед чешским и польским народами в деле завоевания независимости, отстаивали в это время представители польской демократической эмиграции. Ярослав Домбровский, например, заявлял о готовности защищать права чешского народа, подчеркивая, что их он ставит столь же высоко, как и "польское национальное дело".

По вопросу о возможных союзниках чешского народа в борьбе за свободу большинство представителей чешской демократии отвергали какую-либо помощь со стороны реакционных правителей. Я. Неруда, к примеру, считал позорным полагаться на поддержку со стороны Бисмарка, отстаивал необходимость ориентации на прогрессивные элементы народов Европы. Он критиковал находившегося в эмиграции Фрича, который, участвуя в разработке антиавстрийских планов демократов различных стран, готов был верить в помощь чехам со стороны Бисмарка или Наполеона III.

В период движения таборов (1868—1871 гг.), ставших кульминацией борьбы чешского народа за национальные и социальные права, чешские демократы продолжали ориентироваться на демократические круги других народов, стремясь заручиться их поддержкой.

В эти годы Я. Неруда устанавливает контакты с представителями левых в Венгрии, находившимися в оппозиции к правительству Андраши. В их числе — лидер демократической фракции Даниэль Ирани и редактор газеты "Мадяр уйшаг" Игнаций Хелфи, сторонник Л. Кошута.

Позиция Кошута, выступавшего в период становления дуализма против преследований чешской национальной жизни, была с надеждой и симпатиями встречена в чешских демократических кругах. Я. Неруда и другие демократы в Чехии, Фрич в своем журнале "Бланик", издававшемся в Берлине, стремились донести до чешской общественности позицию тех венгерских деятелей, которые не остались равнодушными, когда австрийские власти с помощью военной силы подавляли выступления чешского народа за свободу.

В "Бланике" Фрич писал о том, что репрессии правительства

против чешского народа, борющегося за свои национальные и социальные права, вызывают возмущение передовой общественности Европы. В журнале значительное внимание уделялось откликам за рубежом на события в Чехии (разгон австрийскими властями народных таборов, введение в Праге чрезвычайного положения). С большой симпатией Фрич писал о выходе в свет брошюры Кошута, содержавшей резкую критику австро-венгерского соглашения 1867 г. "Бланик" знакомил чехов с программами прогрессивных движений других стран — "Манифестом польской демократической эмиграции", программой "Объединенной сербской омладины", уставом украинской организации "Просвита" и др. При этом Фрич приветствовал выраженное в этих программных документах стремление к солидарности между народами.

В ходе движения таборов в чешских землях находили свое проявление и националистические выступления, что объяснялось существованием чешско-немецких противоречий. Однако характерной чертой таборов в Чехии, Моравии и Силезии стало то, что наряду с чехами в манифестациях 1868—1871 гг. участвовали как представители славянского населения (чехи, поляки), так и немцы, были попытки преодолеть чешско-немецкий антагонизм. Совместное участие чехов и немцев в таборах было типичным для областей с преобладанием смешанного населения (Моравия, Силезия, приграничные районы). Резолюции таборов с призывами к чешско-немецкому примирению обычно зачитывались на чешском и немецком языках. Организаторами подобных таборов являлись левые младотехи, предостерегавшие от вражды между чехами и немцами. В "братском союзе" чехов и немцев чешские демократы видели гарантию существования Чешского государства.

Активно участвуя в организации и проведении таборов, чешские и немецкие рабочие приобретали опыт интернациональной солидарности. Так, для подготовки массового собрания, состоявшегося в июне 1870 г. недалеко от Праги, образовали комитет из семи чешских и семи немецких рабочих, а среди выступавших были рабочие различных городов Австро-Венгрии, а также соседней Германии²⁰.

В резолюциях таборов, которые принимались обычно на чешском и немецком языках, наряду с требованиями демократических свобод, всеобщего избирательного права выдвигались требования равноправия чешского и немецкого народов, имели место попытки выработать общую позицию по национальному вопросу.

Во время 30-тысячного рабочего табора на горе Ештед, недалеко от Либереца, участники табора — чехи и немцы — осуждали разжигание национальной розни среди рабочих. Раздавались призывы к интернациональному братству рабочих; выступавшие подчеркивали, что пролетариат различных национальностей лишен гражданских прав и в равной степени испытывает гнет капитала.

В резолюциях, принятых на ештедском таборе (на чешском и немецком языках), отмечалась необходимость согласия чехов и немцев, жизненной важности обеспечения равноправия обоих народов и закрепления его в конституции²¹.

В ходе классовой борьбы пролетариата чешских земель за свои экономические цели, нашедшей выражение в массовом забастовочном движении конца 60 — начала 70-х годов, принимали участие тысячи чешских и немецких рабочих. Рабочие на практике убеждались в значении сплоченности и организованности борьбы, осознавали противоположность своих интересов и интересов капиталистов независимо от национальности.

Важнейшими центрами рабочего движения в чешских землях являлись крупные промышленные города — Прага, Либерец и Брно.

В Праге сосредоточивался по преимуществу пролетариат чешской национальности, социал-демократические идеи здесь распространялись довольно медленно в связи с тем, что большинство пражских рабочих было занято в мелком производстве (типографы, портные и др.). Рабочее движение в Праге и в начале 70-х годов продолжало оставаться составной частью демократического движения, в значительной степени находившегося под влиянием младочехов.

В Либереце большинство пролетариата составляли немцы и рабочие организации с самого начала строились на интернациональной основе. С июня 1869 г. в Либереце действовал Всеобщий рабочий союз, провозгласивший себя сторонником социал-демократических принципов и признавший программу Первого Интернационала²².

В Брно, третьем крупном рабочем центре, благодаря смешанному чешско-немецкому составу рабочего класса существовали необходимые условия для распространения идей пролетарского интернационализма. Брненское Рабочее просветительское общество, объединявшее чехов и немцев, в мае 1869 г. в воззвании, составленном на чешском и немецком языках, призвало к объединению рабочих Моравии независимо от национальности²³.

Выходившая в Брно с 1867 г. социал-демократическая газета "Арбайтер Цайтунг" призывала к братскому сотрудничеству чешских и немецких рабочих.

Важным центром социалистической пропаганды и агитации западной части монархии являлась Вена. В Вене было много рабочих, приехавших из различных городов империи, а также из Германии, Швейцарии, Франции и других стран. На предприятиях Вены бок о бок трудились рабочие различных национальностей, в том числе и чехи.

Чешские рабочие входили в Венский рабочий просветительный союз, действовавший с 1867 г. и провозгласивший себя сторонником идей Интернационала.

Под влиянием Интернационала начинается новый этап в развитии рабочего движения чешских земель — постепенный переход к самостоятельной политической деятельности рабочего класса. В конце 60 — начале 70-х годов вопреки стремлению лидеров либеральной буржуазии удержать рабочий класс в национальных рамках, начинают создаваться предпосылки для проникновения в чешские земли идей научно социализма.

По мере распространения идей научного социализма рабочие организации приобретали все более классовый характер, устанавливали контакты с социал-демократами Вены, с Интернационалом, превращаясь на практике в организации социал-демократической партии.

Социал-демократы Цислейтании, в том числе чешских земель (Брно, Либерец), принимали активное участие в важнейших событиях международного рабочего движения, имели тесные контакты с членами германской и французской секции Международного товарищества рабочих (МТР).

В городе Аш в 1869 г. существовала секция Интернационала. В Аш регулярно поступал орган Первого Интернационала — газета “Дер Форботе”.

В упрочении интернациональных контактов многонациональной Австро-Венгрии важную роль играли общеавстрийские рабочие газеты “Фольксвилле”, “Фольксштимме”, “Глайххайт”. В них систематически печаталась информация о деятельности МТР, решениях его конгрессов, о рабочем движении в крупных промышленных центрах, в том числе и чешских земель. Выходившие в Чехии после 1867 г. рабочие газеты “Дельник”, “Чески дельник”, “Дельнице листы”, “Арбайтер цайтунг”, “Ноппайзен” и др., знакомили рабочих с жизнью пролетариата Англии, Франции, Германии, освещали деятельность Интернационала, подробно информировали о деятельности чешской секции МТР в США. Членами этой секции в США были чехи-эмигранты. Они поддерживали тесные контакты с социалистическим движением на родине, сыграли важную роль в распространении среди рабочих идей социализма и пролетарского интернационализма.

Важным рубежом в распространении идей пролетарского интернационализма в чешских землях стала Парижская Коммуна. На многочисленных рабочих собраниях пролетариат заявил о своей солидарности с коммунарами. Выдающимся пропагандистом идей научного социализма и пролетарского интернационализма являлся Йозеф Болеслав Пецка, рабочий-литейщик, журналист и поэт, один из родоначальников пролетарской публицистики в Чехии.

После поражения Коммуны Й.Б. Пецка опубликовал статью “На пороге будущего” (май 1871 г.), в которой высоко оценил значение Парижской Коммуны для международного пролетариата. Первоочередной задачей чешских социалистов он считал пропаганду идей социализма, пробуждение интернационального сознания рабочих масс²⁴.

Решения Гаагского конгресса Интернационала (1872 г.), встретившего значительный отклик в чешских землях, были поддержаны лидерами чешского рабочего движения. В рабочей прессе помещалась информация о работе конгресса. “Дельнице листы”, ставшие в этот период идейным и организационным центром рабочего движения, сообщали о борьбе, развернувшейся на конгрессе между сторонниками К. Маркса и бакунинского Альянса социалистической демократии, приветствовали победу сторонников Маркса, при-

зывавших к созданию самостоятельных рабочих партий в каждой стране²⁵.

Рабочие газеты помещали информацию о забастовочной борьбе рабочих Германии, Англии и других стран, в развернувшейся полемике с буржуазными органами информации достойно защищали свою революционную и интернационалистскую позицию. Следуя призыву Гаагского конгресса Интернационала, рабочий класс чешских земель начал подготовку к созданию интернациональной социал-демократической партии в Австрии.

В ответ на обращение подготовительного комитета в Граце по созыву общеавстрийского Учредительного съезда "Дельнице листы" опубликовали обращение комитета для Чехии и Моравии по созыву съезда (декабрь 1873 г.). В обращении подчеркивалась необходимость объединения усилий рабочих Австрии в интересах борьбы за общие классовые цели. Для этого единства, отмечалось в обращении, не являются препятствием ни национальная, ни религиозная принадлежность, ни язык²⁵. Таким образом, чешские социал-демократы внесли свой вклад в создание интернациональной социал-демократической партии в Австрии.

Образованная на съезде в Нойдорфле в апреле 1874 г. единая общеавстрийская социал-демократическая партия стала важным этапом в истории австрийского и чешского рабочего движения. В принятой съездом программе были провозглашены основные цели рабочего класса — борьба за свержение капитализма и построение социалистического общества, подчеркивался интернациональный характер создаваемой в Австрии социал-демократической партии, формулировалось важное для многонациональной страны требование права наций на самоопределение.

Главной трибуной социалистов-интернационалистов в чешских землях становится газета "Будущность", издававшаяся в Праге с 1 октября 1874 г. Газета становилась идейным и организационным центром рабочего движения, сыграла значительную роль в пропаганде марксизма, воспитывала пролетариат в духе идей пролетарского интернационализма.

В период после Нойдорфского съезда, когда в руководстве партии, находившемся в Вене, стали брать верх реформисты, вокруг газеты "Будущность" объединились социал-демократы чешских земель, стоявшие на интернационалистских позициях (Йозеф Болеслав Пецка, Ладислав Запотоцкий и др.).

Газета с марксистских позиций освещала вопрос о соотношении национальных и интернациональных задач рабочего класса, знакомила пролетариат чешских земель с положением рабочего класса и его борьбой за свои права не только в Австрии, но и других странах — Англии, Германии, Франции, России.

В публиковавшихся на страницах "Будущности" статьях по национальному вопросу с позиций марксизма велась критика националистической пропаганды печатного органа "Дельнице листы", издатели которого заявляли, что рабочие каждой национальности "должны идти своим путем". Газета "Будущность" резко критиковала

ла тезис о том, что “чешским рабочим не стоит ждать помощи из-за границы”. Она писала: “Было бы недостойно чешских рабочих, если бы они отказались от совместных действий с рабочими другой национальности, испытывающими такие же лишения, как и мы”²⁷. Разъясняя рабочим сущность пролетарского интернационализма, “Будущность” подчеркивала огромное значение и выдающуюся миссию Первого Интернационала по сплочению пролетариата различных стран.

Интернационализм чешских социал-демократов в этот период проявлялся в том, что на протяжении многих лет их лидеры активно участвовали в издании социал-демократической прессы для чешских и немецких рабочих. Так, орган социал-демократов Либереца газета “Арбайтерфройнд”, выходявшая после Нойдорфльского съезда, печаталась в Праге, а среди редакторов и издателей этой газеты были сотрудники редакции пражской газеты “Будущность”, в том числе Л. Запотоцкий. Он же стал редактором выходявшей несколько позже газеты на немецком языке “Социалполитише рундшау”.

Важнейшей задачей издатели рабочей социалистической прессы считали пропаганду идей социализма. Газета “Будущность” одной из первых в чешских землях подробно информировала читателей о жизни и деятельности К. Маркса. В трех номерах (декабрь 1875 — февраль 1876 г.) печаталась статья “Карл Маркс — мыслитель и агитатор”²⁸, автором которой был выдающийся деятель венгерского и международного рабочего движения Лео Франкель (перевод на чешский язык осуществил Л. Запотоцкий).

Наряду с важнейшими вехами жизни К. Маркса статья содержала анализ его основных трудов, в ней подчеркивалось значение вывода Маркса и Энгельса о необходимости завоевания рабочим классом политической власти. В статье отмечалась выдающаяся роль первого Интернационала в формировании классового самосознания пролетариата различных стран.

Чешское рабочее движение стало наследником прогрессивных демократических традиций своего народа.

1 Брошюра вышла за подписью “старый таборит”. По мнению чехословацкого историка Ю. Кржижека, автором ее был Э. Арнольд. См.: *Křížek J. O radikálním demokratu Emanueli Arnoldovi // Historie a vojenství. 1965. N 4.*

2 *Noviny Lipy Slovanské. 1849. 2-5 leden.*

3 *Nejotný V. Italsko-slovanský spolek v Turíně a radikální hnutí v Čechách na jaře roku 1849 // Slovanské historické studie. 1960. T. 3. S. 313-354.*

4 *Šindelář B. K uloze lidových mas v revolučním dění roku 1848 na Moravě a ve Slézsku // Československý časopis historický. 1956. N 2, 3. (Далее: CsCH).*

5 *Nejotný J. Slovanská lipa, 1848-1849. Pr., 1956. Č. 11. S. 4.*

6 *Jílek F. Účast studentu na přípravách revoluce v Čechách roku 1849 // Sb. Národního technického muzea v Praze. 1968. N 5. S. 437.*

7 *Ibid. S. 438.*

8 *Šamberger Z. Květnové spiknutí v Čechách roku 1849 a Michal Bakunin // Slovanský přehled. 1980. N 5. S. 369.*

9 *Arnold E. Sebrané spisy. Pr., 1954. S. 24-25.*

10 *Slovan. 1850. 11.IX.*

- 11 Ibid.
- 12 Hlas. 1862. 18.II.
- 13 Čas. 1861. 26 list.; Dějiny Sovětského svazu a československo-ruských vztahů. Pr., 1960. D. 2. S. 605-606.
- 14 Obrazy života. 1862. 20.VII; Dějiny... S. 607-611.
- 15 Posel z Prahy. Kalendář pro lid na rok 1863; Dějiny... S. 611-614.
- 16 Газета выходила в Женеве под чешско-французским названием: "La voix libre de Bohême". Čech. List volný, otevřený všem tužbám i steskům našim. Подробнее см.: Еремеева Г.И. Чешский радикальный демократ Йозеф Вацлав Фрич. М., 1984. С. 47-52.
- 17 Там же. С. 38.
- 18 Boleslav. 1863. 25.V; Žáček V. Josef Barák. Pr., 1983. S. 117, 118.
- 19 Čeští radikální demokraté: (Výbor politických stouž z roku 1848-1870). Pr., 1953. S. 395-407.
- 20 Přehled československých dějin. Pr., 1960. D. 2. S. 409.
- 21 Dokumenty k počátkům dělnického hnutí v Čechách, 1864-1874. Pr., 1961. S. 179.
- 22 Vrbata J. 100 let bojů českého dělnictva, 1848-1948. Pr., 1979. S. 56.
- 23 Dokumenty... S. 85-87.
- 24 Solle Z. Internacionála a Rakousko. Pr., 1966. S. 87, 88.
- 25 Dělnické listy. 1872. 18.X.
- 26 Ibid. 1873. 19.XII.
- 27 Budoucnost. 1874. 3.XII.
- 28 Ibid. 1875. 15.XII-1876. 16.II.

Е.В. Хромова

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ ВЕНГРИИ конца 60 — начала 70-х годов XIX в.

Развитие экономики Венгрии по капиталистическому пути, промышленный подъем, наступивший после 1867 г., способствовали увеличению численности рабочего класса. Его характерной особенностью являлась многонациональность. На предприятиях крупных промышленных центров, где была сконцентрирована основная масса пролетариата, работали венгры, хорваты, словаки, румыны, сербы и представители других национальностей, проживавших в стране. На заводы Венгрии нанимались и рабочие из австрийской части империи, а также из Германии и других стран. В конце 60-х годов рабочие невенгерской национальности составляли приблизительно 60–65% от общего числа рабочих¹. Совместный труд способствовал укреплению связей между рабочими разных национальностей, развитию идеи пролетарской солидарности.

Положение пролетариата в Венгрии в это время являлось гораздо более тяжелым, чем в развитых европейских странах. Усилившаяся эксплуатация способствовала активизации рабочего класса. Вместе с тем рабочим, подвергавшимся жестокой эксплуатации, было трудно выбрать правильный путь в борьбе за свои права. Промышленный переворот еще не обеспечил преобладания крупной промышленности над мелкой. Процесс формирования рабочего класса, проходивший медленно, еще не был завершен. Основным источником формирования являлась деревенская беднота. Все это создавало благоприятную почву для распространения среди рабочих мелкобуржуазной идеологии и замедляло становление классового самосознания пролетариата.

К моменту создания Первого Интернационала рабочее движение Венгрии еще только делало первые шаги. Введение конституционной формы правления позволяло организовать массовую рабочую организацию, и в 1868 г. в результате усилий наиболее сознательных рабочих возникла всевенгерская рабочая организация — Всеобщий рабочий союз (ВРС). Но уже с середины 60-х годов первые выступления многонационального пролетариата Венгрии привлекли внимание МТР. Поэтому созданные в Венгрии рабочие организации с самого начала оказались в сфере влияния Интернационала.

Связь между МТР и венгерскими землями осуществлялась через секции Интернационала. 18 сентября 1866 г. на заседании Ге-

нерального Совета Интернационала его члену венгру Яношу Храбье, выезжавшему на родину, было поручено действовать там от имени МТР². В 1868 г. под руководством Храбье в Пеште произошло организационное оформление первой в Венгрии секции Интернационала. Всем членам секции вменялось в обязанность регулярно выплачивать членские взносы, выписывать одну из рабочих газет, а также руководствоваться изданным в Лондоне всеобщим уставом и решениями, вынесенными на конгрессах Интернационала³. Храбье удалось установить связь с членами МТР в Австрии, где уже действовали к тому времени две секции Интернационала⁴. Но несмотря на явные организационные успехи пештской секции, на первых порах влияние ее ощущалось слабо⁵.

Деятельность Храбье внесла значительный вклад в развитие рабочего движения Венгрии. Именно ему принадлежала заслуга создания Всеобщего рабочего союза, который возглавил борьбу с буржуазным влиянием на рабочую среду. Союз противостоял Буда-Пештскому обществу рабочих, распространявшему идеи Шульце-Делича. Однако Храбье недолго оставался во главе ВРС. В комитете Всеобщего рабочего союза наметилась оппозиция его политике, так как Храбье, по словам Жигмонда Политнера, одного из членов комитета, в своей деятельности "рабски следовал тактике Лассалля"⁶, не понимая, что рабочие Венгрии уже начали отходить от основных программных установок лассальянства.

Отход Храбье от руководства в ВРС происходил примерно в одно время со сменой руководства пештской секцией. Во главе ее стал лидер рабочих Темешвара Карой Фаркаш, сыгравший большую роль в укреплении связей пролетариата Венгрии с Интернационалом. В 1868 г. под его руководством была создана секция МТР в Темешваре, члены которой вели большую агитационную работу в Южной Венгрии, вовлекали рабочих в ряды Интернационала. В январе 1869 г. Генеральный Совет назначил Фаркаша уполномоченным МТР в Венгрии⁷.

Возглавив в 1869 г. пештскую секцию МТР, Фаркаш, используя свои связи с лидерами международного рабочего движения, налаживал в Венгрии распространение социалистической литературы. Он получал от Генерального Совета из Лондона, от И.Ф. Беккера из Женевы, от А. Бебеля и В. Либкнехта из Лейпцига брошюры, газеты, журналы, выпускавшиеся Первым Интернационалом, и пересылал их в разные части Венгрии, а также в Австрию⁸. В этих изданиях публиковались документы Генерального Совета, протоколы его заседаний, содержалась информация о забастовках, сведения о положении рабочего класса в разных странах. Знакомство с пролетарской литературой помогало рабочим Венгрии преодолеть замкнутость движения, воспитывало революционную классовую солидарность с пролетариями других государств. Это способствовало росту влияния Интернационала в Венгрии. Как отмечалось в отчете министерства внутренних дел, не только в Пеште-Буде, но и в Пожони (нынешняя Братислава), Шопроне, Темешваре, в шахтерских городах Анине и Решице "агитация Интернационала проникала в

сознание рабочих". Повсюду "апостолы Интернационала использовали недовольство рабочих своей жизнью и будоражили умы". Один из видных деятелей венгерского рабочего движения, Геза Шульхоф, писал в это же время: "В ближайшем будущем в Венгрии будет огромное число сторонников Интернационала. Едва научившиеся грамоте рабочие будут читать литературу, издаваемую Интернационалом, и заговорят о преобразованиях, которые перевернут нынешнее общество"¹⁰.

Генеральный Совет Первого Интернационала следил за развитием рабочего движения в Венгрии, постоянно обращая внимание на положение рабочего класса в этой стране. Так, в отчете Совета Базельскому конгрессу МТР 1869 г. шла речь о травле и преследованиях, которым подвергаются рабочие Венгрии. Сообщалось о запрещении проведения собраний и рабочего праздника в Пожони, об угрозе местных властей рабочим, если они будут "вмешиваться в политику", принять против них надлежащие меры. Отмечалась сознательность пожоньского пролетариата, заявившего, что "поскольку государственные дела отражаются на положении рабочих, рабочие, конечно, будут заниматься политикой"¹¹.

На заседании Генерального Совета 17 марта 1868 г. было оглашено письмо из Пешта (по-видимому, от Храбье), в котором сообщалось об образовании рабочей организации, насчитывающей почти 800 членов (речь шла о ВРС). Генеральный Совет признал, что приложенный к письму манифест с изложением платформы организации находится "на уровне документов, выпускаемых рабочими в наиболее развитых в промышленном отношении странах"¹².

Внимание Первого Интернационала к рабочему движению Венгрии усилилось в начале 70-х годов. В мае 1870 г. МТР обратился непосредственно к венгерским рабочим с воззванием, в котором призывал вступать в секции Интернационала, подчеркивая, что он стремится "объединить рабочих всех стран в борьбе за социальное и политическое равенство"¹³. Во время франко-прусской войны, Парижской Коммуны и последовавших за ней репрессий сознательные пролетарии Венгрии продемонстрировали свою зрелость и высокую организованность. В эти годы в состав Генерального Совета входил венгр Лео Франкель, видный деятель международного рабочего движения, министр труда в Коммуне, человек "большого ума и обширных познаний"¹⁴. По словам Ф. Энгельса, жизнь этого человека, "полная мученических страданий и преследований во Франции и Венгрии, была хорошо известна всем старым участникам революционного движения"¹⁵.

Франкель постоянно проявлял интерес к событиям на родине и старался не терять с ней связь. Он информировал членов Генерального Совета об аресте в Пеште за принадлежность к социалистической организации 27 рабочих и о ходе суда над ними, получившего название "процесса о государственной измене". Благодаря информации Франкеля сведения о "разбойничьем набеге" на руководителей ВРС, о настоящем "господстве террора против рабочего класса в Венгрии" попали в отчет Генерального Совета Гаагскому

конгрессу МТР. О мужественном поведении вождей рабочего движения Венгрии узнали все члены Первого Интернационала. В обращении МТР к испанским рабочим в 1872 г. Венгрия наряду с Францией, Германией и Австрией приводилась в пример как страна, где члены Интернационала, "подвергшиеся еще большим правительственным репрессиям, тем не менее не склоняют головы", так как они знают, что нет такой силы в мире, которая могла бы "искоренить постоянно возрождающееся революционное движение современного пролетариата"¹⁶.

Если правда о революционном рабочем классе Венгрии становилась известной рабочим других стран и служила делу интернационального воспитания, то и в самой Венгрии укреплению духа пролетарского интернационализма способствовало распространение информации о жизни и борьбе братьев по классу за рубежом. Франкель постоянно проявлял заботу о доставке в Венгрию социалистической литературы. С 1871 г. в протоколах Генерального Совета уже встречаются официальные данные о количестве экземпляров той или иной брошюры, газеты, направляемой в Венгрию¹⁷. Франкель бил тревогу по поводу запрета ввоза в страну австрийской газеты "Фольксвилле", понимал, как важны для рабочих сведения об освободительном движении в соседних странах, и особенно в Германии, где в это время готовился суд над немецкими революционерами А. Бебелем и В. Либкнехтом¹⁸.

Для осознания и восприятия рабочим движением Венгрии идей интернациональной пролетарской солидарности очень важным являлся и непосредственный контакт с Интернационалом, знакомство с его документами. Важно было и то, что МТР, провозгласив одной из основных целей воспитание чувства братской солидарности между народами, уничтожение национальной вражды, выступило против национального и социального гнета, за свободу угнетенных народов, прежде всего за свободу Польши, Венгрии, Италии¹⁹.

Рабочий класс Венгрии примкнул к борьбе международного пролетариата против эксплуататоров, возглавленной Интернационалом. ВРС с самого начала создавался как организация, призванная защищать интересы всех рабочих Венгрии и готовая "пожать братскую руку всем рабочим союзам Европы, программные установки которых сходны"²⁰. Лидеры ВРС видели перспективу развития рабочего движения Венгрии в объединении пролетариев всех национальностей в борьбе за свои права. Не случайно поэтому первый программный документ союза — воззвание — был обращен к рабочим всех национальностей Венгрии²¹, а устав закрепил название ВРС на трех языках — венгерском, немецком и словацком. В устав союза был включен также пункт о необходимости поддержания товарищеских контактов с рабочими других стран²².

ВРС стремился оказывать помощь рабочим разных национальностей Венгрии в их борьбе, поддерживать связь с филиалами союза, возникшими в разных городах — Пече, Пожони, Темешваре и др.²³ Переписка с ними велась на венгерском, немецком и словацком языках, так как филиалы были, как правило, многонациональ-

ными по составу членов. Известно, например, что в комитет темешварского союза входили венгр, румын, немец и серб. Постоянная взаимосвязь между филиалами сделала возможной организацию совместных выступлений рабочих разных национальностей под руководством ВРС. Первый публичный митинг, на котором присутствовали представители пролетариата национальных районов Венгрии, а также делегаты австрийских рабочих, был организован в Пожони 29 марта 1869 г. На митинге приняли политическую программу ВРС, в которую вошло требование права наций на самоопределение²⁴. Интернационалистская позиция руководства ВРС нашла отражение и в решениях митинга, проходившего 22 августа того же года в Пеште²⁵.

Большое влияние на становление интернационалистского сознания рабочих Венгрии оказали контакты с Австрией, Германией и другими соседними странами, в которых рабочее движение уже находилось на более высокой ступени развития. Руководители австрийского рабочего движения оказывали значительную поддержку венгерским товарищам как в проведении собраний, митингов, так и в организации рабочих обществ. Через Австрию в Венгрию поступала социалистическая литература, выпускаемая Интернационалом. Большое значение для идейного развития рабочего движения Венгрии имело также создание социал-демократической партии Германии. Решения учредительного съезда партии и принятая на нем программа обсуждались на Пожоньской конференции ВРС 14 ноября 1869 г.²⁶

Вместе с тем контакт с рабочим движением Германии и Австрии способствовал распространению лассальянских идей среди пролетариата Венгрии. Правда здесь лассальянство пустило корни не столь глубоко, как в соседних странах. Это было следствием и внутренних причин — нерасположенности венгерского правительства к социальным реформам. Но особенно важную роль в ослаблении позиций лассальянства сыграла та борьба, которую вел против него Первый Интернационал.

После решений Брюссельского конгресса МТР 1868 г. комитет ВРС все решительнее отходил от лассальянского противопоставления политических и экономических задач рабочего класса, от непризнания стачечной борьбы. Во время выборов в парламент 1868—1869 гг. рабочие выступили против попыток руководителей ВРС Храбье и Виолы завоевать депутатские мандаты, прибегая, согласно теории Лассала, к “всем возможным средствам”, включая союз с правящей буржуазно-помещичьей партией. В результате Храбье был вынужден уйти с поста председателя ВРС, и этот пост в новом комитете вскоре занял представитель оппозиции в парламенте Михай Танчич — революционный демократ, участник революции 1848 г. Но и он не смог долго удержаться у руководства организацией. Трагедия Танчича заключалась в том, что, так и оставшись на позициях 1848 г., он не сумел увидеть роли рабочего класса на новом этапе революционной борьбы. Характерно, что рабочие отвергли позицию, которую Танчич занял в национальном

вопросе: он выступал за мадьяризацию невенгерских народов страны в целях создания единой венгерской нации²⁷. Такие взгляды не соответствовали интернациональному характеру ВРС и могли лишь тормозить развитие борьбы многонационального пролетариата Венгрии. Это предопределило отход Танчича от руководства ВРС.

В период пребывания Танчича во главе ВРС произошло снижение популярности этой организации среди рабочих. В это время ведущая роль перешла к другой рабочей организации — Просветительскому обществу рабочих Пешта-Буды (ПРО), которое с начала 1870 г. возглавил К. Фаркаш. Он повел борьбу с буржуазным влиянием в Обществе и добился успеха — в мае 1870 г. ПРО заявило о присоединении к МТР²⁸.

Деятельность ПРО под руководством Фаркаша имела большое значение для рабочего движения Венгрии. Члены Общества вели агитационную работу, вовлекая все большее число рабочих в сферу деятельности Первого Интернационала. ПРО основало Всеобщую рабочую больничную кассу²⁹, которая создала материальную базу для дальнейшей деятельности рабочих организаций. Через членов пештской секции МТР Фаркаш установил контакты с ВРС. Возникла мысль об объединении обеих организаций на идейной платформе Интернационала. К консолидации рабочих Венгрии призывало и созданное в это время печатное издание “Алталанош мункаш уйшаг” (“Всеобщая рабочая газета”).

Сплочению ВРС и ПРО особенно способствовало их совместное выступление по призыву МТР против франко-прусской войны. Целью членов Интернационала стало не допустить раскола в рядах международного пролетариата под влиянием шовинистической пропаганды правящих кругов, объединить в антивоенном движении рабочих разных стран и национальностей. “Соединим наши голоса в один общий крик возмущения против войны! — обратились члены парижской секции МТР в манифесте “К трудящимся всех стран”. — Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии в глазах рабочих может быть только преступным безумием!”³⁰

Антивоенная агитация, которая велась на страницах социал-демократической прессы, интернационалистские обращения и манифесты секций МТР в разных странах Европы, поддержанные на рабочих собраниях, способствовали выработке правильной позиции и у пролетариев Венгрии. На антивоенном митинге 24 июля 1870 г. пештские рабочие высказались против династических войн и потребовали от парламента “не ассигновать ни единого филлера на военные цели”. Прозвучали слова солидарности с французским и немецким пролетариатом³¹.

Однако еще не все члены Интернационала сумели четко отделить интересы пролетариата от интересов буржуазии и противопоставить пролетарский интернационализм буржуазному национализму. Когда после вторжения прусских войск на территорию Франции рухнула Вторая империя, секретарь немецкой секции МТР во Франции венгр Г. Бахрух организовал в Венгрии кампанию

в защиту провозглашенной во Франции республики. В Пеште состоялся митинг солидарности с французским правительством, и в венгерский парламент была направлена петиция с призывом оказать содействие молодой французской республике³².

В этой обстановке четкую классовую позицию заняла редакция рабочей газеты "Тештверишер" ("Братство") во главе с одним из руководителей ВРС — Жигмондом Политцером. На страницах газеты открыто говорилось об антинародном характере французского буржуазного правительства, о возможности столкновения буржуазии с рабочими, которые сумеют повернуть оружие не только против пруссаков, но и против... своей буржуазии³³. 25 февраля комитет ВРС, присоединившись к газете, опубликовал заявление, в котором осудил петицию как составленную "в националистическом духе и противоречащую принципам социал-демократии"³⁴. Интернационалистское направление взяло верх, что свидетельствовало о росте идейного уровня пролетариата Венгрии.

Контакт рабочего движения Венгрии с пролетариатом других стран, Первым Интернационалом был важным фактором такого роста. Этот контакт особенно усилился во время Парижской Коммуны. Генеральный Совет МТР стал центром связи международного рабочего класса с революционным Парижем. В то время, когда международная реакция стремилась изолировать Коммуну, правдивая информация о событиях во Франции приобрела особое значение. В борьбе против клеветы буржуазной прессы МТР использовало связи с секциями в разных странах, местными органами печати. "В письмах различных секретарей секциям на континенте и в Соединенных Штатах рабочим всюду был разъяснен истинный характер этой величественной парижской революции", — писал Марк Лео Франкелю³⁵.

Под влиянием Интернационала ширилось движение солидарности с Коммуной, приобретая все больший размах и организованность. Оно очень скоро охватило практически всю Венгрию. "По-всюду рабочие пришли в движение, — писал Геза Шульхоф, — и с гордостью следят за борьбой своих парижских братьев, придавших социализму новое, великое значение"³⁶. Пиком выступлений рабочих в Венгрии стала политическая демонстрация 8 мая в столице, вызвавшая отклики по всей стране и за рубежом. "Да здравствует социал-демократическая республика!" — приветствовала газета "Тештверишер" французский пролетариат³⁷.

После получения известия о падении Коммуны в Пеште был организован траурный митинг, на который прибыли делегаты из Вены и Праги. Рабочие почтили память жертв Коммуны, потребовали от правительства предоставления убежища эмигрировавшим коммунарам. Состоялось траурное шествие к зданию ВРС, над которым было вывешено черное знамя. На это выступление пролетарской солидарности правительство ответило репрессиями. Организаторов митинга и шествия арестовали и предали суду. Рабочие организации оказались под запретом и стали действовать нелегально.

События Парижской Коммуны и весь опыт международного ра-

бочего движения 60-х — начала 70-х годов подтверждали необходимость организационного сплочения пролетариата, укрепления его идейного единства. Эту задачу должны были выполнить политические партии рабочего класса, вооруженные революционной теорией. Основные положения и принципы пролетарской партийности МТР разработало и приняло на Лондонской конференции в 1871 г. и на Гаагском конгрессе 1872 г.

На Гаагском конгрессе в качестве делегата от двух секций Венгрии присутствовал Карой Фаркаш. Сразу же после возвращения на родину он приступил к работе по подготовке создания рабочей партии. Ведущую роль в этом сыграла газета “Мункаш хети хроника” (“Еженедельная рабочая хроника”), созданная Фаркашем и его соратником А. Ирлингером в январе 1873 г. и выходившая на венгерском и немецком языках.

Большую помощь в организации рабочей партии в Венгрии оказал Лео Франкель, который после Гаагского съезда наладил связь с Фаркашем. В письме к нему он советовал немедленно приступить, следуя линии Маркса и Энгельса, к созданию в Венгрии пролетарской партии, так как лишь таким путем можно одержать победу и достичь цели социальной революции — “уничтожения классового господства”³⁸.

23 марта 1873 г. на собрании пролетариата в столице было провозглашено создание рабочей партии Венгрии, численность которой вскоре достигла 2—3 тыс. человек³⁹. Сразу же после образования партии Фаркаш обратился в Генеральный Совет Интернационала с просьбой считать ее коллективным членом МТР. О том, что авторитет руководителей рабочих Венгрии в Первом Интернационале сильно возрос, свидетельствовала оценка их деятельности в отчете Генерального Совета Женевского конгрессу МТР 1873 г.: “В Венгрии имеется некоторое число очень серьезных и старательных членов партии, которые прилагают большие усилия, чтобы, несмотря на преследования со стороны правительства, продвигать наше дело”⁴⁰.

Развить достижения в деле создания партии рабочим Венгрии не удалось. Буквально через месяц после образования партия была запрещена. Аналогичной явилась судьба и созданной в 1874 г. единой социал-демократической партии Австро-Венгрии, объединившей многонациональный пролетариат всего государства. Партию власти запретили вскоре после учредительного съезда, принявшего программу, которая в целом отвечала принципам первого Интернационала — принципам интернационализма и классовой борьбы пролетариата. Рабочее движение Австро-Венгрии, как и движение международного пролетариата в целом, вступило в тяжелую полосу репрессий и расколов.

Однако и в этих трудных условиях передовые рабочие Венгрии продолжили борьбу за объединение пролетариата. Центром ее стала газета “Мункаш хети хроника”. В своей деятельности рабочие-социалисты могли опереться на опыт, накопленный за годы существования Первого Интернационала. Влияние, которое Международное товарищество рабочих оказало на пролетариат Венгрии, сказа-

лось и на последующих этапах революционной борьбы. В этом отношении символично, что с середины 70-х годов рабочее движение Венгрии возглавил Лео Франкель. В 1876 г. он вернулся на родину, продолжая дело Интернационала, начал работу по созданию социал-демократической партии Венгрии.

- 1 *Lackó M.* Ipari munkásságunk összetételének alakulása (1868-1949). Вр., 1961. 28 old.
- 2 Генеральный Совет Первого Интернационала, 1866-1868: Протоколы. М., 1963. С. 3.
- 3 *A Magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai.* Вр., 1954. 1 k. 198-199 old. (Далее: MMTVD).
- 4 Первый Интернационал, 1864-1870. М., 1964. Ч. 1. С. 505-506.
- 5 *Nemes D.* Az Általános munkásegylet története. Вр., 1952. 85 old.
- 6 MMTVD. 1 k. 52 old.
- 7 *Nemes D.* Op. cit. 85 old.
- 8 MMTVD. 1 k. 158-159 old.; *Nemes D.* Op. cit. 85-86 old.
- 9 MMTVD. 1 k. 200 old.
- 10 *Schulhof G.* A munkásmozgalom kelétkezése Magyarországon. Вр., 1895. 32 old.
- 11 Генеральный Совет Первого Интернационала, 1868-1870: Протоколы. М., 1964. С. 257-258.
- 12 Там же. С. 293.
- 13 MMTVD. 1 k. 172 old.
- 14 Из воспоминаний делегата Гаагского конгресса Т.Ф. Куно // Гаагский конгресс Первого Интернационала: Отчеты и письма. М., 1966. С. 531.
- 15 Там же.
- 16 Генеральный Совет Первого Интернационала, 1871-1872: Протоколы. М., 1965. С. 125, 131, 354, 321.
- 17 Там же. С. 161.
- 18 Там же. С. 69.
- 19 Генеральный Совет Первого Интернационала, 1864-1866: Протоколы. М., 1961. С. 320.
- 20 MMTVD. 1 k. 47 old.
- 21 Ibid. 73 old.
- 22 Ibid.
- 23 Ibid. 195 old.
- 24 Ibid. 129 old.
- 25 *Brügel L.* Geschichte der Österreichischen Sozial-demokratie. Bd. II. W., 1921. S. 208, 221, 245-246, 263.
- 26 MMTVD. 1 k. 104-105 old.
- 27 *Általános munkás ujság.* 1870. 29 marc.
- 28 MMTVD. 1 k. 145 old.
- 29 Ibid. 146-148 old.
- 30 Генеральный Совет Первого Интернационала, 1870-1871. С. 246.
- 31 MMTVD. 1 k. 162 old.
- 32 *Vincze E.* A Párizsi Kommün hatása a magyar munkásmozgalomra // A Párizsi Kommün. Вр., 1973. 109 old.
- 33 *Testvériség.* 1871. 5 febr.
- 34 *Erényi T.* A magyar munkásmozgalom és a I Internacionálé // Az I Internacionálé és Magyarország. Вр., 1964. 324 old.
- 35 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 33. С. 182.
- 36 *Schulhof G.* Op. cit. 32 old.
- 37 *Erényi T.* Op. cit. 326 old.
- 38 MMTVD. 1 k. 238-239 old.
- 39 *Nemes D.* Op. cit. 222 old.
- 40 Первый Интернационал, 1870-1876. М., 1965. Ч. 2. С. 317.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Б.С. Попков</i>	
Карбонарское подполье первой половины 30-х годов XIX в.: новый этап революционного сотрудничества народов.....	5
<i>К.П. Гогина</i>	
Отклики на польское восстание 1830–1831 гг. в Чешских землях и Словакии	27
<i>Т.И. Студеникина</i>	
Революционный интернационализм во взаимных связях польских и немецких демократов 30–40-х годов XIX в.....	41
<i>Л.А. Обушенкова</i>	
Проявления революционной солидарности в Центральной Европе в период революции 1848–1849 гг.....	42
<i>В.И. Фрейгзон</i>	
Чешская демократия и международная революционная солидарность в 1848–1849 гг.....	91
<i>Т.Ф. Федосова</i>	
Юзеф Бем в Венгерской революции 1848–1849 гг.....	106
<i>Г.В. Махарова</i>	
Планы конспираторов Королевства Польского в связи с революционными событиями в Венгрии 1848–1849 гг.....	117
<i>О.П. Морозова</i>	
Передовая польская мысль 30–60-х годов XIX в. о международном революционном сотрудничестве	130
<i>Т.М. Исламов</i>	
Федерализм как способ организации многонационального государства в восточной части Центральной Европы.....	165
<i>С.М. Фалькович</i>	
Антигабсбургские планы польских, итальянских и венгерских революционеров в контексте национальных движений народов Австрийской империи в 50–60-е годы XIX в.....	183
<i>Л.А. Обушенкова</i>	
Солидарность революционных сил народов Европы с польским восстанием 1863–1864 гг.....	217
<i>Г.И. Еремеева</i>	
Идеи международной солидарности в чешском демократическом движении 40–70-х годов XIX в.....	228
<i>Е.В. Хромова</i>	
Международное товарищество рабочих и распространение идей интернационализма в рабочем движении Венгрии конца 60 – начала 70-х годов XIX в.....	246

Научное издание

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ:
сотрудничество и контакты
(30—70-е годы XIX в.)**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства В.П. Терехов
Художественный редактор И.Д. Богачев
Технический редактор И.В. Чудеская
Корректор И.Г. Коваленко

ИБ 47475

Сдано в набор 10.12.90
Подписано к печати 16.10.91
Формат 60 x 90 1/16
Бумага типографская № 1
Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 16,0. Усл. кр. отт. 16,0. Уч.-изд. л. 19,1
Тираж 530 экз. Тип. зак. 3083
Цена 8р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

1-я типография издательства «Наука»
199034 Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

